

ЛАХУТИ

Советской
подруге

©

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА

ОСНОВАНА М. ГОРЬКИМ

Редакционная коллегия

*Ф. Я. Прийма (главный редактор),
И. В. Абашидзе, Н. П. Бажан, А. Н. Болдырев,
А. С. Бушмин, Н. М. Грибачев, А. В. Западов,
К. Ш. Кулиев, Э. Б. Межелайтис, С. С. Наровчатов,
С. А. Рустам, А. А. Сурков*

*Большая серия
Второе издание*

С О В Е Т С К И Й П И С А Т Е Л Ъ

ЛАХУТИ

СТИХОТВОРЕНИЯ И ПОЭМЫ

*Вступительная статья, составление
и примечания*

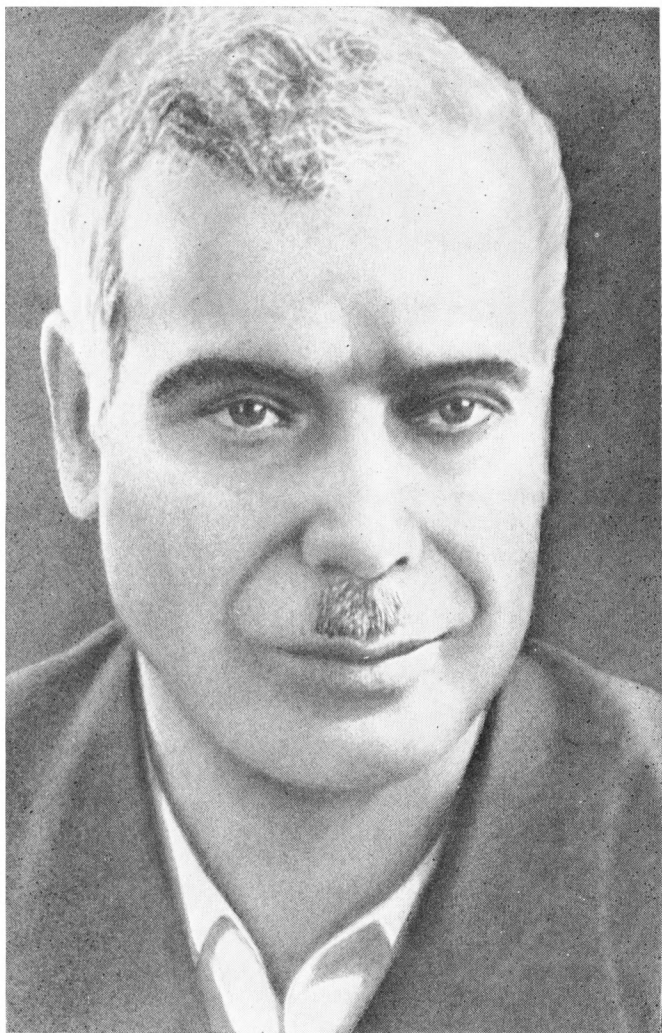
З. Н. Ворожейкиной

ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ • 1981

Абулькасим Лахути (1887—1957) — выдающийся поэт современного Востока, творчество которого художественно синтезировало богато развитую традицию персидско-таджикской поэтической культуры и новаторский поиск в ее творческом развитии.

Литературное наследие Лахути разнообразно по жанровым и стиховым формам, в нем представлены короткие лирические стихи-газели, четверостишия и двустишия (рубайи и фарды), поэтические экспромты и песенные тексты, также притчи, баллады, поэмы, драма в стихах.

Читатель впервые получает столь полное собрание русских переводов стихотворений Лахути. Переводы заново отредактированы, некоторые стихотворения публикуются в новых переводах. Часть литературного наследия Лахути печатается на русском языке впервые.

А. Сулейманович Сахутин

АБУЛЬКАСИМ ЛАХУТИ

1

Первый пролетарский поэт Ирана и активный революционер, основоположник таджикской советской поэзии, вдохновенный певец социалистического строительства в Таджикистане Абулькасим Лахути родился в 1887 году в Керманшахе, крупном городе Западного Ирана. Отец его Ахмед, безземельный крестьянин-батрак, покинув в поисках работы родное селение Серкон, перебрался в Керманшاه, женился на крестьянке из курдского племени Калхони и занялся малоодоходным ремеслом: шил и продавал на базаре самую дешевую тряпичную обувь — гиве. Наделенный значительными способностями и страстной любовью к поэзии, Ахмед овладел в городе грамотой, писал стихи. В короткое время имя этого народного поэта стало популярным среди многочисленной публики городского базара. Эпико-дидактические стихотворения на мотивы мусульманских сказаний и лирические газели принесли Ахмеду почетное литературное прозвание Хаким Ильхами (буквально: Мудрец Вдохновенный).

Большая семья (у родителей Лахути было девять детей, из них в живых остались три сына и две дочери) терпела нужду, временами жила впроголодь. Дети с малых лет знали тяжелый труд. Лахути девятилетним ребенком был отдан в ученики к кузнецу, затем работал в лавках сапожника и ткача — черной полосой остались в его памяти эти годы изнурительной работы, унижений.

Однако именно поре детства придавал Лахути, оглядываясь назад, решающее значение в своем формировании как поэта. «Когда я спрашиваю себя, — пишет Лахути в воспоминаниях, — что привело меня на путь поэзии и вело по нему и дальше, я вспоминаю давно прошедшее, первые жизненные впечатления».

Огромное влияние на развитие поэтического дара у юного Лахути оказал его отец. Ахмед, научив сына письму и чтению, привил ему вкус к поэтической классике и к народным преданиям, которые он знал во множестве. Отец преподавал ему основы стихосложения и

часто брал с собой на еженедельные собрания поэтов в базарной мечети, где происходили состязания стихотворцев, а чтение стихов сопровождалось бурным обсуждением и литературными спорами.

В жизненном укладе трудового населения Керманшаха, даже его неграмотных слоев, как это было и в других городах Ирана, художественная литература занимала важное место. На улицах бродячие чтецы декламировали нараспев отрывки эпической поэмы Фирдоуси «Шах-наме». На плоских крышах домов, поочередно у того или иного соседа, собирались после трудового дня люди, чтобы послушать старого сказителя. Живые сцены этих вечерних чтений Лахути нарисовал впоследствии в своих произведениях «Пери Счастья» и «Кузнец Кова»: он, как и другие дети, боясь шелохнуться, впитывал в себя народные повествования о подвигах богатырей-пахлаванов и их справедливой борьбе с коварными дэвами.

Поэт признается, что именно тогда, наблюдая, с каким воодушевлением люди слушают стихи, он осознал необычайную силу поэтического слова.

С двенадцати лет Лахути начинает сам писать стихи. Первыми его опытами были р а д ж а з ы — навеянные строками «Шах-наме» подражания боевым песням богатырей, вызывающих противника на бой и пророчащих ему поражение. Боевая песня, как в этом убедился Лахути, была таким же оружием в арсенале боя, как и разящий меч. Сочиненные им раджазы не раз помогали Лахути и его товарищам одерживать верх в уличных мальчишеских сражениях.

Лет с четырнадцати Лахути стал пробовать свои силы в лирике. Он сочинял, в подражание отцу, короткие стихотворения в манере популярных среди населения суфийских — религиозно-мистических — газелей и четверостиший: стихи с двойным смыслом, одновременно и любовные признания, и молитвы, с иносказательными призывами к справедливости, человеколюбию, к торжеству истины. В шестнадцать лет Лахути уже завоевал литературное признание среди своих сограждан. Одна из местных организаций (созданная Мальком-ханом, известным просветителем, драматургом, пропагандистом политических преобразований в Иране) выделила деньги, чтобы послать талантливого юношу для учения в Тегеран, в школу, носящую название «Гарбия» («Воспитание»). Так вспоминает поэт этот свой путь в 1904 году в Тегеран:

Пешком

Побрел в Тегеран я, шел босиком,
Без шапки, и вздохи в степной тишине
Да слезы попутчики были мне. . .

(«Пери Счастья», 1947)

Прибыв в Тегеран, Лахути оказался в самой гуще предреволюционных волнений, охвативших страну.

Общественно-политическая жизнь Ирана уже с конца XIX века была отмечена острейшими кризисными явлениями.

Резкие политические и экономические противоречия — между потребностями развивающегося буржуазного общества и традиционно-застойным феодальным укладом жизни, между колонизаторскими посягательствами иностранного империализма и тягой народов Ирана к национальной независимости — создали в Иране революционную ситуацию. Терпя двойной — империалистический и феодальный — гнет, голод, повальные эпидемии, народ, дошедший до крайней степени обнищания, то и дело подымался на стихийные восстания.

В 1905 году в Иране, вслед за русскими революционными событиями, разбудившими всю Азию, началась буржуазно-демократическая революция. «Сотни миллионов забитого, одичавшего в средневековом застое, населения, — писал, характеризуя эти годы, В. И. Ленин, — проснулись к новой жизни и к борьбе за азбучные права человека, за демократию».¹ В иранской революции 1905—1911 годов приняли участие самые широкие слои населения: ремесленники, торговцы, духовенство, рабочие, крестьяне, городская беднота и мелкая буржуазия.

Восемнадцатилетним юношей (осиротевшим к этому времени: в 1903 году умерла мать, в 1905 — отец) Лахути начинает свой путь активного революционера и поэта-борца.

Исключенный из школы «Тарбия» за политическую агитацию, Лахути примыкает к восставшим. Он участвует в манифестациях, выступает на митингах и собраниях, распространяет газеты. Сочиняет и размножает «ш а б - н а м е» («почные письма») — листовки с карикатурами и стихотворным текстом, призывающие народ подняться против шахского единовластия и эксплуатации феодалов.

В начале апреля 1907 года в персидской газете «Хабл ал-Матин» («Крепкие узы»), издававшейся в Калькутте, было опубликовано первое стихотворение Лахути — к а с ы д а «Любовь к родине — от веры» — поздравительное послание депутатам Первого иранского м е д ж л и с а. Редакция представила читателям автора стихотворения следующим образом: «Лахути, уважаемый сын господина Хакима Ильхами Керманшахи». Выступив в печати со своим первым стихотворением под именем Лахути, поэт оставил его своим псевдонимом навсегда. Это почетное литературное прозвание (буквальное значение слова «Лахути» — «Обитатель неба», «Небожитель») дали совсем еще юному поэту несколько лет ранее его земляки-керманшахцы, утверждавшие, что сам бог вкладывает в уста мальчика

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 23, с. 146.

столь искусные стихотворные строки. Подписывая с этого времени все свои произведения именем Лахути, поэт добавлял к нему, по стародавнему иранскому обычаю, н и с б у — имя по происхождению — Керманшахи, т. е. происходящий из Керманшаха.

С 1907 года, когда иранские революционеры вынуждены были уйти в подполье, но продолжали борьбу, Лахути принимает деятельное участие в выпуске нелегальных противоправительственных газет, публикуя в них стихи и песни революционного содержания. Преследуемый властями за антишахские выступления, Лахути в 1909 году бежит в Гилян, в город Решт — один из ведущих центров национально-освободительного движения, вступает там в отряд м у д ж а х и д о в. Большую идеологическую поддержку в становлении их классового сознания оказывали гилианским революционерам закавказские большевики, в частности, непосредственное участие в гилианских событиях 1909—1910 годов принимал Серго Орджоникидзе. За заслуги в борьбе с контрреволюцией Лахути был награжден командованием революционных войск орденом Революции имени Саттар-хана, выдающегося иранского революционера. Спустя двадцать восемь лет, получив в Кремле орден Ленина, Лахути напишет о своей первой награде такие строки:

Помнишь ли тот знак, душе родной?
Накрест обнаженных два клинка,
Посреди — с винтовкою рука,
Выше, там, где стяга алый фон,
Смелый Саттар-хан изображен.

(«Два ордена», 1936)

Войска гилианских революционеров двинулись на Тегеран, захватили столицу и свергли монархическую деспотию Мухаммад-Алишаха. В результате этих побед были учреждены конституционные права и вновь создан меджлис. Однако власть либеральной буржуазии и помещиков, сумевших взять верх, жестоко обманула ожидания народов Ирана. Передовые силы страны не складывают оружия. В Тегеране Лахути сближается с активной революционной группой, во главе которой стояли Хайдар Аму-Оглы и Яр-Мухаммад Керманшахи.

Сражаясь с оружием в руках за победу иранской революции, Лахути в эти годы борьбы сложился в одного из самых крупных поэтов Ирана.

Персидской литературе принадлежала огромная роль в развитии национально-освободительных и антифеодальных настроений в стране. В острой идеологической борьбе в годы иранской революции писатели Ирана выступили как передовая и влиятельная сила. Пе-

риодическая печать, достигшая в начале XX века небывалого для Ирана развития (издавалось до ста пятидесяти названий, некоторые из них ежедневным тиражом в пять — десять тысяч экземпляров), активно формировала общественное мнение. Со страниц десятков газет, литературных листков, журналов звучали призывы литераторов, требующих социальных и культурных реформ. Голос молодого Лахути был в эти годы одним из самых заметных. Стихи его жили среди народа изустной жизнью. Среди песен, которые пел на баррикадах борющийся народ, звучали и песни — революционные марши — Лахути.

Поэт сотрудничал в одном из самых ярких и политически смелых изданий — «Чанте-и пабарахне» («Сумка бедняка»), сатирическом листке, пользующемся огромной популярностью среди крестьян и ремесленников. Здесь были опубликованы такие известные стихотворения Лахути, как «Иран мой разорен!», «О, труженик с черной судьбой!», «Исполненное обещание».

Политические взгляды Лахути обрели за годы борьбы классовую остроту и зрелость. Если в первом своем печатном выступлении в «Хабл-ал-Матин» — касыде, обращенной к депутатам Первого меджлиса, девятнадцатилетний поэт восторженно воспевал как решительную победу иранской революции введение конституции и учреждение меджлиса, а призывая к освобождению от империалистического засилья, не задумываясь о расстановке классовых сил внутри страны, то в стихах 1909 года поэт вскрывает всю несостоятельность таких полумер, как ограничение власти шаха. Рядом с высокопатриотическими стихотворениями, например, тасниф «Клич народа», звучащий как страстная клятва отчизне биться до последнего за освобождение от иноземцев, Лахути создает стихотворения, в которых обнажает социальные противоречия, разрывающие страну и нацию изнутри.

Обличения его имеют точный адрес. В стихотворении «Иран мой разорен!» (1909) поэт обвиняет меджлис в продажности, министров и депутатов — в предательстве интересов родины, в измене народу:

... Слышал не раз я, что меджлис бесстыдно родиной торгует...
... Визирь и богатей-викиль — изменники, скажу открыто.

Стихотворение «Иран мой разорен!» было перепечатано во многих изданиях. Оно принесло Лахути горячее признание в прогрессивно настроенных кругах иранского народа и вызвало возмущение правительства. За публикацию этого стихотворения Лахути был арестован, под нажимом общественного мнения (в частности, и левого крыла меджлиса) его выпустили, учредив над поэтом полицейский надзор.

В мае 1910 года Лахути публикует стихотворение «Что есть человек?» («Я приветствую тебя, трудовой народ!..»). Это короткое стихотворение — гимн человеку труда, человеку-созидателю — можно рассматривать как эпитафию ко всему творчеству Лахути; оно знаменовало зарождение в Иране пролетарской поэзии.

В конце 1911 года иранская революция была подавлена соединенными силами внутренней реакции и иностранного империализма. Это поражение усилило борьбу империалистических государств за сферы влияния в Иране. Годы поражения иранской революции и усиления колонизации Ирана были для поэта временем тяжелых испытаний. Правительство опять арестовывает Лахути. Приговоренный к смерти, он совершает побег, эмигрирует в 1914 году в Багдад и через короткое время снова возвращается в Иран. Поэт так вспоминал об этом времени: «Я решил совершить побег и прибыл в Керманшах. Там я мог служить делу освобождения Ирана. Обстоятельства не позволили мне сделать это. И я вынужден — через Тегеран — отправиться в Мазандаран, оттуда — в Гилян, оттуда в Бичар, из Бичара в Сенендедж, оттуда в Сулейманию (турецкая земля), оттуда в Мосул, из Мосула — в Багдад и оттуда в Керманшах. Три четверти этого маршрута я прошел босым, больным и голодным».

Эти мучительные месяцы скитаний оставили след в творчестве поэта. В Багдаде Лахути пишет лирическое стихотворение в форме газели «Восток» и свою первую поэму-притчу «Свеча и мотылек». Оба произведения звучали как призыв восстать против колонизаторского закабаления Востока и как священный обет борца служить его освобождению:

Увижу ли прекрасный тот рассвет,
Когда взвьется стяг, алей Востока?

Восток — в беде! Отдай, о Лахути,
Всю жизнь во имя светлых дней Востока!

(«Восток», 1914)

Первые впечатления, охватившие поэта при вступлении на родную землю, нашли свое выражение в прекрасном лирическом стихотворении «Опять в плену» (другое название «Возвращение на родину»); стихотворение построено на глубоко эмоциональном образе птицы, тоскующей по далекому родному гнезду, проделавшей опасный путь для возвращения в него и оказавшейся в силке.

По возвращении в Керманшах Лахути снова включается в политическую борьбу.

В годы первой мировой войны Иран превратился в арену вооруженных столкновений воюющих империалистических блоков. Лахути из своих земляков организовал большой отряд, активно противостоящий диктату оккупантов.

Борясь с иноземным засильем, Лахути в числе самых передовых деятелей Ирана выступает одновременно против национализма, бурно расцветшего в эти годы, в частности и в среде иранских писателей. Стихотворение Лахути «Один богам Эллады, Рима служит...» (1916) задумано поэтом как ответ на стихотворение националистически настроенного поэта Пур-и Давуда. Стихотворение Лахути поднимает идеологическое знамя демократического, революционного Ирана — это не знающая соглашательства борьба за раскрепощение трудового народа от социального неравенства и эксплуатации:

Иной, любя Иран слепой любовью,
Покорно шаху, шейхам, ханам служит...
А Лахути спроси — он беззаветно
Всю жизнь рабочим и дехканам служит.

Следует еще один арест поэта; после освобождения Лахути вынужден был покинуть родной город. Он останавливается на некоторое время в одном из пограничных иранских городов — Касре Ширин. Здесь им была написана газель «Когда от верховой езды устанет богаты. . .» (1914), которая завершается энергичным двустушием:

... О, если скажет кто-нибудь, что в небе есть аллах,
Дай тут же в зубы болтуну! Бей кулаком, бей смело!

1917 год Лахути сам выделяет как этапный в формировании своего революционного мировоззрения. Вскоре после февральской революции в России в русских войсках, стоявших во многих городах Ирана, начинается революционное брожение. От русских солдат, находившихся в Керманшахе, Лахути узнает о свержении царизма. Сблизившись с русскими большевиками, подпольно ведущими революционную работу в армии, поэт впервые слышит от них имя великого вождя революции Владимира Ильича Ленина и знакомится с идеями большевизма.

Революционная и литературная деятельность Лахути в 1917 году была особенно активна и плодотворна. Лахути создает в Керманшахе первую рабочую организацию «Фирка-и каргер» («Рабочая партия»). Организация учреждает свой печатный орган — газету «Бисутун»; редактором этой газеты был Лахути. Поэт составляет первое воззвание рабочей партии, собственноручно набирает его и отпечатывает в типографии.

Газета «Бисутун» выступала с конкретными политическими требованиями, активизируя население к борьбе за их осуществление: пресечь хозяйничанье в Иране иностранных империалистов, обеспечить демократические права, улучшить условия труда рабочих. Газета печатала большой литературный материал. Стихи Лахути, которые поэт помещал почти в каждом номере, затрагивали самые актуальные политические проблемы жизни народа. В наглядных и ярких образах он рисовал резкие социальные контрасты иранского общества, обличая его несправедливое устройство. Такова была, например, газель «Дворец богача», построенная на целой цепи образов-противопоставлений. Образы эти отличаются особой зримостью и жизненной конкретностью: вельможа в прохладных покоях — и кузнец у пылающего горна, нежащийся в постели богач — и труп горняка, погибшего в руднике. Сами роскошные дворцы знати, показывает поэт, сложены из кирпичей, слепленных из праха угнетенных труженников. Последний бейт газели афористически формулирует вывод:

Рабочий созидает всё, что дарит людям радость,
Всё — богачам, а сам живет, раздавлен нищетой.

(«Дворец богача», 1917)

Та же идея: народ — творец всего и не владеет ничем — воплощена Лахути в коротком кыта, написанном в мае 1917 года:

Царь ли бьется с царем, иль торгаш с торгашом —
Внакладе народ при исходе любом:
Коль он победит — это прибыль имущим,
Разбит — остается всё тем же рабом.

Стихи Лахути приобретают афористичность, они звучат как лозунги борьбы. Вновь поэт обращается к народу с открытым призывом к революционному наступлению:

Разговоры с богачами — трата времени пустая,
Революция назрела, ведь конца страданьям нет!

(«Ведь ни в каких законах...», 1917)

В Керманшахе, как и в других городах Ирана, политическая борьба в 1917 году приняла форму военных столкновений. Победа Октябрьской революции в России разбила оккупационные армии на два лагеря — революционный и контрреволюционный. Правительство Англии, поддерживаемое белогвардейцами, создало в Керманшахе «Полис-и гарб» («Западную полицию»). Для борьбы с этой реакционной силой большевики, действуя совместно с группой Лахути, орга-

низуют «Комитет связи»; им удается разгромить «Западную полицию» и арестовать ее руководителей.

С начала 1918 года положение иранских революционеров осложняется. Когда советское правительство вывело свои войска, усилился английский гнет в Иране. Силы реакции учиняют суровые расправы. Отряд Лахути был разбит под натиском превосходящих сил. Поэт снова — уходя от ареста — вынужден покинуть пределы своей страны. Через Северный Иран он переправляется в Мосул (Ирак) и от туда в Стамбул.

Трудности этого пути, частью проделанного пешком, голодные дни и развившаяся в дороге болезнь были так изнурительны, что Лахути, едва добравшись до Стамбула, падает в лихорадочном жару на одной из городских улиц. Поэта находит и подбирает группа беспризорных подростков. Дети выходили Лахути, поддерживая его до полного выздоровления. Через четырнадцать лет поэт напишет стихотворение «Сироты войны», с теплой благодарностью вспоминая душевность и бескорыстную доброту этих беспризорных стамбульских сирот.

Лахути прожил в Стамбуле свыше трех лет, полных жестоких лишений. В поисках средств к существованию он работал грузчиком в порту, продавцом газет, рабочим в харчевне, пока не получил место преподавателя в персидской школе Стамбула, открытой при стамбульской организации иранской молодежи, в создании которой Лахути принимал прямое участие.

Годы турецкой эмиграции составили важный этап в творчестве поэта-революционера.

В 1921 году Лахути вместе с другим иранским писателем Хасанханом Мукаддамом, писавшим под псевдонимом Али Навруз (умер в 1926 году), начинает издавать двухнедельный литературно-художественный журнал «Парс» (первый номер вышел 15 апреля). Журнал печатался на двух языках — персидском и французском. В задачи этого журнала, как издатели сформулировали их в первом номере, входило ознакомление Запада с персидской классической и современной литературой и ознакомление иранцев с лучшими произведениями писателей Запада. Всего под непосредственным руководством Лахути вышло семь номеров «Парса». Журнал публиковал живой и интересный литературный материал. Ни один из номеров не выходил без стихотворений Лахути, которые печатались с французским переводом. Свои патриотические, национально-освободительные по духу стихотворения поэт облакал в иносказательную форму газелей (такова, например, газель «Охотник злобный, устыдись...», 1918).

Лахути выступает на страницах журнала и как литературовед, публикуя краткие очерки истории персидской литературы (напри-

мер, «Иран и его литература», № 4), и как прозаик: в номере четвертом был помещен его рассказ «Хикаят» о сыне иранского купца, пренебрегающем культурой своей страны и не знающем родного языка.

Задачи журнала были намеренно заявлены издателями как литературно-эстетические, однако декларация их мнимой аполитичности и эзоповский язык стихотворений не смогли ввести в заблуждение турецкую цензуру, особенно осторожную в условиях развития турецкого национально-освободительного движения. После шестого-седьмого (сдвоенного) номера журнал «Парс» был закрыт.

В годы эмиграции Лахути написал много стихотворений. Его стамбульский цикл насчитывает свыше сорока произведений. В Стамбуле впервые выходят в свет сборники его стихотворений, три сборника с названиями: «Навруз-наме — Иран-наме» («Книга о Новом годе — Книга об Иране»), «Бехария» («Весеннее») и «Лаали-и Лахути» («Жемчужины Лахути»).

Стихотворения Лахути 1918—1921 годов — с их тревогой за судьбу родины и своего страдающего народа, с горечью изгнания и со светлой верой в конечное торжество революции — приобрели широкую известность среди демократических кругов Ирана и Турции.

Одна из главных тем в творчестве Лахути в эти годы — борьба за раскрепощение иранской женщины.

Проблема эмансипации мусульманской женщины, веками отстраненной от общественной жизни, была с начала XX века одной из самых острых социальных проблем на Востоке. В основе мусульманского семейного права, которое до тридцатых годов в Иране регламентировалось исключительно шариатом, лежало безраздельное господство мужа над женой. Шариат давал детальнейшие предписания для жизни женщины: ей надлежало жить во внутренних, закрытых покоях дома, носить на людях специальный костюм: широкие шальвары, сетку на лице и большое покрывало — чадру; накинутое на голову, оно полностью скрывало внешний облик женщины, придавая ей вид движущегося мешка.

В двадцатые годы, под влиянием революционных преобразований в молодом советском государстве, где проводилась успешная работа по освобождению женщин национальных республик Советского Востока от вековых цепей религиозных предрассудков, женское движение на Востоке получает широкий размах. В прессе, в художественной литературе мусульманских стран прочное место занимает тема женского равноправия. За ликвидацию позорного обычая «покрывала» и приобщение женщины к общественной жизни выступали передовые общественные деятели и в Иране. Тема тяжелой женской доли иранской женщины становится одной из ведущих тем в персидской литературе, как в прозе, так и в поэзии.

Вопрос о снятии покрывала, об открытии лица был самым острым в ряду всех проблем женской эмансипации. Если необходимость образования для женщин была уже доказана, а многоженство и свободный для мужчин развод многими осуждались, то за снятие покрывала высказывались лишь единицы. Чадра веками знаменовала на Востоке женскую нравственность, и именно здесь религиозная традиция оказалась наиболее стойкой. Между тем передовые деятели, называвшие обязательное затворничество женщин самым суровым и диким видом рабства, считали, что первым шагом в его ликвидации должно стать именно снятие покрывала.

Переключаясь с демократически настроенными персидскими поэтами, осуждающими и высмеивающими обычай покрывала, Лахути создает целый цикл стихов — «Дочери Ирана», «Не закрывай больше лица этим черным покрывалом...» (1918), «Сними чадру!» (1925) и других, обращенных прямо к женщинам:

...Позорно нежиться в истоме, когда проснулся мир,
Позорно меж свободных женщин лицо скрывать чадрой.

(«Дочери Ирана», 1918)

Вместе с другими передовыми деятелями Ирана Лахути в этом стихотворении утверждает необходимость просвещения для иранской женщины, дабы она могла осуществлять свой благородный долг в жизни общества — быть воспитательницей юношества. Однако в стихах Лахути эта тема обретает высокий социальный смысл: именно женщина, утверждает поэт, призвана воспитать в новых поколениях лучшие качества нации: трудолюбие, бесстрашие в борьбе за справедливость, высокую гуманность:

Умей и дочери и сыну внушить любовь к труду
И научи их, что работа — их долг перед страной,
Что тунеядство — униженье, позорное пятно,
Что труд свободный — дело чести и доблести святой.

Что лучше самому погибнуть, чем угнетать других,
Чем съесть кусок, не заработав его своей рукой.

После закрытия журнала «Парс», потеряв трибуну для своих выступлений, Лахути решает осуществить давно назревшее желание — вернуться в Иран, где с двадцатого года с новой силой развивается национально-освободительное движение.

В августе 1921 года, без всяких средств, как это бывало уже не раз, Лахути пускается в дальний путь. Он пересекает Аравийскую пустыню пешком. Путь по безлюдному бездорожью, в летний зной,

когда идти можно было только ночью, а днем прятаться в вырытые руками норы, был предельно труден. Во время этого передвижения поэтом было написано стихотворение «Я не родшу, хоть жребий мой жесток...».

В октябре 1921 года Лахути переходит — нелегально — турецко-иранскую границу в районе Соудж-Булака, на севере Иранского Азербайджана.

Недолгая служба в жандармских войсках в годы первой иранской революции позволяет Лахути вступить в жандармерию; жандармские части, стоявшие в Иранском Азербайджане, отличались сравнительной демократичностью во всей иранской армии. Лахути получает назначение командовать отрядом в Шарафхане, возле Тавриза; через несколько месяцев его повышают до чина майора.

Восстание в Гиляне было к этому времени уже подавлено. В Азербайджан стекаются остатки повстанческих групп из Гиляна и уцелевшие участники восстания Хиябани, которые в 1920 году установили в Азербайджане республиканскую власть и в течение нескольких месяцев ее удерживали; теперь они дополнили собой ряды местных революционеров.

Лахути с первых дней своего пребывания в Азербайджане ведет внутри жандармской армии политическую пропаганду, стремясь к объединению революционных сил, к подготовке нового революционного выступления. Задачи этого революционного выступления организаторы формулировали уже вполне определенно: уничтожение шахского правительства, изгнание из Ирана иностранных империалистов и установление в стране демократической республики.

Огромную революционизирующую роль в агитационной работе Лахути играли его стихи. Творчество поэта было прямо связано с практической деятельностью революционного борца. Тавризские стихи не только наполнены страстными призывами ниспровергнуть дворцы и освободить рабочий люд. Они формулируют лозунги революционного движения конкретно и четко. Это — солидарность и организованность.

В единстве силу обретем —
Оно — оружие наше лучшее.
Пора железным строем встать
Под знамя алое, летучее!

— писал поэт в стихотворении «Даны нам две руки могучие...» (1921).

Лахути вводит в персидскую поэзию новый символ победоносной борьбы — серп и молот как олицетворение рабоче-крестьянской солидарности

Где молот, и серп, и арена восстанья, друзья?
Дворец сокрушу я, коварство мечети раскрою.

(«Коль серп свой...», 1922)

И еще:

Крестьянин серп возьмет, рабочий — молот,
Весь угнетенный люд спасут из лап тиранов.

(«Дехканин — хлеб, рабочий — мир творит...», 1922)

31 января 1922 года Лахути с отрядом в тысячу человек выступил из Шереф-хане на Тавриз. Это второе тавризское восстание, вошедшее в историю национально-освободительного движения иранского народа как «восстание Лахути-хана», было поддержано демократически настроенным населением Тавриза, полицией и некоторыми частями правительственной армии. Восставшие овладели Тавризом, власть в городе перешла к революционному комитету «Таджагод» («Обновление»).

Революционный комитет потребовал свержения Реза-шаха, установления демократического строя, решения национальных вопросов.

Шахское правительство бросило на подавление восставшего Тавриза крупные военные соединения, намного превосходившие силы революционеров. Используя слабые стороны Тавризского восстания — его локальную ограниченность, недостаточную военную оснащенность — правительственные войска отрезали Тавриз от страны. Одиннадцатого февраля, после десятичасового артиллерийского обстрела, сломив упорное сопротивление восставших, войска шаха овладели Тавризом. Часть восставших скрылась в горах, часть — вместе с Лахути — отошла к границам Азербайджана. Тавризское восстание было последней яркой вспышкой в освободительной борьбе иранского народа в двадцатые годы. Абулькасим Лахути, поэт-патриот, за голову которого шахское правительство назначило крупное вознаграждение, навсегда покинул Иран.

«Мне казалось, что мой жизненный путь на этом обрывается... — написал впоследствии Лахути («О себе самом», 1954), вспоминая свои переживания в дни поражения Тавризского восстания и этот момент перехода советско-иранской границы. — Но нет, в ту ненастную ночь, когда я направил моего коня в воды Аракса, — перед моими глазами заблестал берег надежды. И когда я ступил на этот берег, передо мной открылся новый путь...»

С февраля 1922 года Лахути вступил в новый период своей жизни — жизни гражданина СССР советского поэта.

* * *

Абулькасим Лахути вошел в историю современной персидской литературы как первый и самый крупный представитель пролетарской поэзии Ирана.

Уже первые исследователи демократической поэзии Ирана начала XX века высоко оценили творчество Лахути. Английский иранист Э. Браун включил в свою книгу «Политическая поэзия новой Персии», опубликованную в 1914 году, два стихотворения Лахути Керманшахи, которые он перепечатал из тегеранской газеты «Иран-и нав» («Новый Иран») — его политическую «Колыбельную» и памфлет «Зловещей памяти Рахим-хана». Известный советский иранист К. И. Чайкин, проживший несколько лет в двадцатые годы в Иране, в «Кратком очерке новейшей персидской литературы» посвятил специальный раздел Лахути Керманшахи, занявшему, по его словам, «значительное и совершенно особое место в современной персидской литературе».

Первая четверть XX века — время антиимпериалистической и демократической борьбы иранского народа — была периодом чрезвычайно интенсивного развития персидской литературы. Если вспомнить об общих тенденциях мирового литературного процесса в начале XX столетия — демократизации, обращении к повседневности и общественной проблематике, — то следует отнести Иран к тем странам, где этот процесс протекал особенно бурно.

Персидская поэзия, которая всегда занимала ведущие позиции в персидской литературе, вступила в новую историческую эпоху прочно скованная многовековыми традициями. Средневековые эстетические каноны — метод творческого варьирования, пристрастие к метафорическим трактовкам одних и тех же объектов — «фаворитов», к словесному декорированию — во многом определяли господствующий литературный вкус в Иране начала XX века.

Необходимость обновления персидской литературы, показавшей беспомощность своих традиционных художественных установок перед новыми общественными запросами, живо занимала передовую общественность Ирана, остро дискутировалась в печати. В поисках новых путей литераторы смело, но большею частью неудачно, экспериментировали. В персидской поэзии возникли опыты механического копирования западноевропейских стиховых форм, прямое заимствование фольклорных жанров, возврат к старой, домонгольской, одической поэзии, нарочитое разрушение традиционных основ национального стихосложения — отказ от рифмы, привычной количественной системы и композиционной структуры классического стиха. Ценители персидской поэзии, воспитанные на совершенных образцах литературной классики, сетовали на оскудение национальной словесной культуры.

В блестящей плеяде истинных талантов, совершивших «литературную революцию», «литературное обновление» — эти термины были в ходу в Иране в двадцатые годы, — занял свое место и Абулькасим Лахути. Среди множества литературных имен, появившихся в иранской печати в первые десятилетия XX века, специалисты выделяют

шесть ярких и самобытных поэтов, это — Малик аш-Шуара Бехар, Лахути, Ареф Казвини, Иредж-Мирза, Эшки и Парвин Эттесами. Поэты эти решали проблему «литературной революции» разными путями. Всемерно использовать богатейшие традиции персоязычной литературы, как классической, так и народной, обновив их изнутри и наполнив самым актуальным гражданским содержанием, — вот путь, который избрал в этой сложной литературной борьбе Абулькасим Лахути.

Жанровые формы его гражданской поэзии подвижны и разнообразны. Адресуя свои революционные произведения массам, творя их как боевые марши, как прокламации, Лахути искусно использует жанры изустной песенной поэзии — народных куплетов (такова его политическая «Колыбельная», 1909) и народного городского романа — т а с н и ф а. Героика революционного движения, его пафос находят свое выражение у Лахути в эпических жанрах, тоже чрезвычайно характерных для народного творчества, — в сказаниях и балладах. Уже самая первая из революционных баллад Лахути — «Исполненное обещание» (1909) — была значительным художественным произведением. Следуя пристрастию восточного читателя, его веками воспитанному вкусу к наглядно-поучительным примерам-аллегориям (м а с а л), Лахути вводит в круг своих жанров притчу и басню. Жанр притчи, художественный прием развернутой аллегии, начало которому в своем творчестве он положил стихотворением «Свеча и мотылек», получил широкое развитие в его творчестве в последующие годы.

Однако наибольшее предпочтение в свой первый период творчества Лахути отдал двум классическим жанрам персоязычной поэзии малых форм — газели и четверостишию.

Газель и четверостишие (р у б а и) — жанры, которые пришли в письменную персоязычную литературу из фольклора, — на протяжении многих веков развивались в живом взаимодействии с песенно-поэтическим искусством народа. Классические традиции составления газелей диктовали для этого вида стихотворения — в отличие от тяжеловесно-прециозного стиля панегирических придворных од — касыд — изящную простоту языка, прозрачность версификаторской техники, соотносенную с окружающим миром систему образов, рассчитанных на непосредственное, чувственное восприятие, особое внимание к эвфоническим и композиционным приемам. Газель — монорифмическое стихотворение — чаще всего строилась на редифе — повторе того или иного слова; этот повтор, как ключ, шифровал эмоциональную идею стихотворения. Повторяясь в конце каждого двустишия (б е й т а), редиф сообщал стихотворению завораживающий ритм. Искусство составления газелей требовало особой отработанности за-

вершающего — ударного бейта: он давал неожиданный поворот лирическому повествованию или подводил ему итог.

Суфизм привнес в классическую литературную эстетику еще один канон — смысловую многоплановость лирического высказывания. Религиозно-мистическое учение суфизм, которое стало развиваться в Иране с начала XI века как народное идеологическое движение, оппозиционное ортодоксальному исламу, выражалось — в его персидском варианте — в основном языке поэзии. Поставив Любовь в центре своей философско-теистической системы, суфизм наделил любовную поэзию взаимной спроецированностью реального и мистического планов, особым семантическим и художественным кодом, дающим свободу многоплановому толкованию.

Творя в условиях суровой полицейской цензуры, Лахути искусно использовал для своих гражданских выступлений форму суфийской газели, обладавшую огромным обаянием для иранского читателя. Поэт вырабатывает на основе традиционной газели новый для Ирана литературный жанр газели политической. Блестяще владея мастерством классического газелесложения — этого тонкого инструмента психологического воздействия на читательские массы, — Лахути использовал весь арсенал ее художественных средств — индизнальность, сдвоенность смыслов и многозначность символов, прием повтора, прием вопроса-ответа, литую афористичность бейтов. Персидский читатель легко и глубоко эмоционально воспринимал истинный смысл таких, например, строк:

О, как мне хочется скорей увидеть милую мою,
Увидеть милую мою, ей в руки жизнь отдать свою!

(«О, как мне хочется скорей. . .», 1921)

Или:

Только тот, кто властен сделать, чтобы пламень не палил,
Совершит такое чудо, чтоб я пери разлюбил.

Пусть мне смертью угрожают, ничего я не боюсь.

Чтобы страсть мою умерить, не найти в подлунной сил.

(«Только тот, кто властен. . .», 1920)

Здесь образ возлюбленной означал родину, о которой поэт тоскует вдали и клянется отдать во имя ее блага жизнь. «Охотник злобный», о котором писал Лахути в другой газели, означал хищный империализм, союз пастуха с волком — готовящийся сговор иранской реакции и английского правительства, садовник — родной народ, клетка — эмиграцию:

Вдали от сада я сгорел, я в клетке изнемог,

О ветер, весть о том снеси под сень родного крова!

(«Охотник злобный, устыдись. . .», 1918)

Прибегая к эзопову языку, Абулькасим Лахути вместе с тем успешно разработал и другой тип политического стихотворения — газель ораторскую, публицистическую, насыщенную прямыми, лаконично сформулированными лозунгами борьбы и призывами:

Сплотись, родной народ, и поднимись
На чужеземных палачей Востока!

(«Восток», 1914)

Такими же лозунгами борьбы были и четверостишия Лахути — чеканные, крылатые, рассчитанные на легкое запоминание и живое устное хождение афоризмы.

2

По прибытии в Советский Союз Абулькасим Лахути живет некоторое время в Нахичевани, Тбилиси, Баку. Уже первые его дни на советской земле отмечены появлением нескольких стихотворений: «Рабочая клятва» (1922), «Проснись, эй, рабочий!» (1922), «Красная революция» («Красная революция» была опубликована в нахичеванской газете уже в феврале 1922 года, в первые дни жизни поэта на советской земле).

Примечательно, что стихотворения Лахути сразу обрели в СССР большой круг дружеских, восторженных читателей. С поразительной быстротой они распространились в Средней Азии: для таджикоязычного населения стихи Лахути были понятны в подлиннике. «Рабочая клятва» — короткое стихотворение, с энергичным, мажорным звучанием, с маршевым ритмом — вскоре стало текстом торжественного обещания для пионеров Таджикистана. А «Красная революция» — проникнутое пафосом революционного преобразования (построенное на повторе слова *сурх* — «красный» — стихотворение как бы полыхало огнем) — имело такой огромный успех, что породила среди таджикских поэтов много подражаний и «ответов» — «встречных стихотворений». Садриддин Айни, старейший писатель Таджикистана, опубликовавший в 1926 году «Образцы таджикской литературы», включил в эту первую антологию само это стихотворение и пять произведений, написанных в ответ на «Красную революцию», в том числе и свое стихотворение, написанное в подражание Лахути.

В 1923 году Абулькасим Лахути переезжает в Москву. Он работает в Центральном издательстве народов СССР наборщиком текста на персидском и таджикском языках. Лахути жадно впитывает в себя новые впечатления. Он знакомится с жизнью советской столицы, много читает. Необозримо раздвинулись его творческие гори-

зонты, поэт много и вдохновенно пишет. Тема его стихотворений «Иранскому крестьянину» (1922), «Мы — рабочие» (1923), «Если захочешь — сделаешь» (1923) — борьба трудящихся Востока, утверждение их сокрушительной силы и грядущей победы пролетарской революции.

Лахути создает в эти годы два крупных произведения: балладу «Смерть революционера» (1924), которую он посвятил одному из славных эпизодов гиланской революции, нестигаемому мужеству ее руководителя Хайдар-хана, и поэму «Кремль» (1923), отразившую его первые впечатления о Москве.

Поэма «Кремль» написана в форме «ответа» — «встречного стихотворения» на знаменитую касыду «Развалины Медайна»; эту оду посвятил руинам Ктесифона — столицы Сасанидского государства — один из крупнейших поэтов XII века Хакани Ширвани (1106—1185).

Жанр «ответа» (джаваб) или «подобия» (назире), который Лахути избирает для поэмы «Кремль» и пользуется широко им в дальнейшем, имел давнюю и сильно развитую традицию в персоязычной литературе. Жанр «ответов» и «подобий» принадлежал к высокопрестижным видам литературного творчества.

«Ответ» составлялся как правило на выдающееся произведение признанного литературного авторитета. Сочинение «ответа» преследовало цель продемонстрировать равное и превосходящее мастерство, создав новое произведение при соблюдении всех заданных условий: повторив ту же поэтическую форму — стихотворный метр, рифму и рефрен, — дать дальнейшее развитие предложенной темы, оригинальную трактовку основных образов в русле той же художественной идеи. Практика составления «ответов», при которой каждый из вступивших в соревнование решал задачу не повторить, а превзойти своего предшественника, сыграла огромную положительную роль в совершенствовании персидско-таджикского поэтического искусства.

Абулькасим Лахути, создавая свой «Кремль» как ответ на касыду Хакани, дал этому традиционному жанру новое развитие. Он создал не просто «ответ», но «ответ-противопоставление». Хакани оплакивал руины Ктесифона, блистательного дворца сасанидских правителей и их исчезнувшее могущество, скорбел о бренности всего мирского, — Лахути воспевает возрождение старого Кремля и прославляет торжество исторической справедливости: дворец русских царей, построенный некогда на слезах и крови народа-труженика, теперь яркий символ победившего пролетариата.

«В 1923 году, — рассказывает Абулькасим Лахути об истории создания этой поэмы, — я впервые увидел московский Кремль. Не зная еще ни слова по-русски, я бродил один по его залам, и в моей памяти встали развалины дворца Ануширвана, воспетого Хакани. Меня поразил этот величайший исторический контраст. Два царских

дворца. Оба построены на костях трудящихся. Но первый рухнул, похоронив под собой национальное могущество, а второй возродился, став крепостью интернационализма и коммунизма. Тут же одним взмахом пера я написал поэму «Кремль». Эта вещь вылилась у меня сразу, потом я не мог ни прибавить, ни изменить в ней ни одного слова. . .»

Идея разительного исторического контраста звучит с первых строк стихотворения. Отталкиваясь от начала касыды Хакани («Внимательно смотри, вот для тебя урок: стал прахом город Медаин, — о жалкий рок!»), Лахути начинает «Кремль» словами:

О Нуширвановых что слезы льешь дворцах?
Проникни, сердце, в Кремль, читай в его зубцах.

Поэт слышит, как Кремль голосами минувших поколений рассказывает свою повесть:

Народу, знаешь, что рокошет старый Кремль?
«Ты взял меня, — смотри ж, из рук не выпускай!»
Тут стены говорят, тут кирпичи кричат,
Рабочий, проходя, их голосу внимай!
«Ты — то же, что и мы, мы были то, что ты, —
Мы прахом полегли, ты выиграл тут бой. . .
Трудились мы, но часть одну лишь нам давал,
А девять брал себе хозяин-живоглот.
Роптали мы: цена такая дешева,
Высокий господин, за наш кровавый пот!
Но сердцу каменному в каменной груди
Что слезы бедняков, что стонущий народ?
Богатство в их руках, оружие в их руках,
Они — цари земли, а мы — рабочий скот.
Наука им — раба,
Искусство им — слуга,
Религия им — щит.
Им царский трон — оплот.
Мы падали без сил, и ветер разносил
Над миром вопли вдов и жалобы сирот».

Поэт воспевает великие революционные свершения в судьбе этого дворца бывших российских монархов:

Но дрогнула земля, и утрастилась твердь,
Лишь алый флаг взметнул насилью приговор.
И груз оков упал,

и строй врагов прорвал
Рабочих и крестьян
бушующий напор.
С проклятьем гибнет Гнет,
и с песней Труд встает,
Хозяин сам идет страны держать дозор.
Трудящихся Совет
владычества декрет
Багряно вычертил у входа в древний двор.

* * *

Эй, племя пахарей,
объединись теперь!
Эй, строй ковалей,
тесней ряды сомни!
Всех рас грабители —
единый вражий стан,
Всех стран рабочие —
сыны одной семьи.
Что родина и бог? — Богатых кошельки!
Не верь приманке слов,
беги от западни.
В руках насильников и церковь, и мечеть,
Корану, библии хозяева — они. . .
У пролетария одна отчизна — Труд,
А верит в руки он
могучие свои.

* * *

Рабочий встанет класс,
победы грянет час,
Увижу: целый мир — единая страна,
И молот — властелин,
и серп — эмир один,
И Красною звездой земля озарена.
Царей, попов обман
растает, как туман,
Власть деспота падет, свободой сметена,
Тьма сгинет,
в мир сойдет Познание,
и народ
Забудет имя «бог»
и слово «сатана».

Поэма «Кремль» была в 1923 году издана в Москве на персидском языке, в Баку — на азербайджанском языке, с восторженным предисловием Назыма Хикмета. Оба издания быстро разошлись. Поэма Лахути была высоко оценена литературными и общественными деятелями в нашей стране и на зарубежном Востоке. Назым Хикмет, называя Лахути именем великого поэта XI века, атеиста и ниспровергателя святош и царей — Хайяма, обратил к автору «Кремля» такие строки благословения на творчество:

Нам нужен такой поэт,
который писал бы
кровью и потом нашего класса!
О человек, написавший «Кремль»,
о коммунист Хайям!
Вот ты — поистине персидского народа
большевистский поэт!
Эй, товарищ Лахути,
да не останешься ты один,
да умножишься ты!

Огромное воздействие оказала поэма на читателей Таджикистана, на его общественность. «Кремль» имел широкое революционное звучание по всему Востоку. Индийский ученый Мухаммад Исхак в книге «Современная персидская поэзия», опубликованной в пятидесятых годах, назвал эту поэму — страстное выступление против мирового империализма — вместе с «Красной революцией» поэтическими шедеврами Абулькасима Лахути.

Годы, прожитые в Москве, открыли поэта, определили его творческий взлет. Лахути создает еще ряд замечательных стихотворений — «Единение» (1924), «Ленин жив» (1925). В год смерти Ленина Абулькасим Лахути вступает в Коммунистическую партию. Когда была создана Таджикская Автономная Республика, Лахути просит направить его для работы в Таджикистан.

В середине 1925 года Абулькасим Лахути переезжает в Душанбе. Таджикистан, близкий поэту по языку и культуре, стал для Лахути вновь обретенной родиной, поэт обратил к нему слова благодарности:

Надежда светлая души взволнованной моей —
Таджикистан! О сила рук, о свет моих очей!
Отечество моих трудов, моей любви приют,
Где вдохновенье и весна в груди моей поют!

(«Таджикистану», 1939)

В Таджикистане поэт сразу включается в активную работу. Он руководит только что открывшимся Таджикским государственным

издательством, способствует организации печатного дела в республике, сотрудничает в первых таджикских газетах и журналах — «Голос таджика», «Пробуждение таджика», «Путеводитель знания». Ведет большую партийную работу: заведует отделом пропаганды и агитации при обкоме партии, затем становится заместителем народного комиссара просвещения Таджикистана. В 1926 году избирается членом ЦИК Таджикской ССР.

С огромным воодушевлением поэт занимается вопросами таджикской литературы.

Ведущий представитель таджикской советской литературы и ее руководитель, писатель Садриддин Айни еще до появления Абулькасима Лахути в Таджикистане причислил его к лучшим таджикским поэтам. Стихам Лахути по выходе из печати его первого сборника «Красная литература» (Душанбе, 1925) Садриддин Айни высказал горячее одобрение. «Истории подобает дать Лахути имя Красного литератора, — писал Садриддин Айни о Лахути, — так как он является первым, кто пропел подлинно революционные стихи на персидском языке... Насколько жгуче выявил знаменитый поэт персоязычных Хакани Ширвани свои национальные и монархические чувства в знаменитой касыде о развалинах Медина и дворца Хосрова, настолько же пламенно и жгуче выразил Лахути свои интернациональные и возвеличивающие труженика чувства в касыде „Крсмль“».

Лахути завязывает живые и прочные связи с таджикскими литераторами, много сил — вместе с Садриддином Айни — уделяя воспитанию молодых таджикских писателей. Поэт часто выступает на митингах и собраниях, ездит по городам и кишлакам Средней Азии, встречается с рабочими и дехканами.

Поэтическое творчество Лахути в Таджикистане, столь близком ему по языку и вековым литературно-эстетическим традициям, обрело широкую читательскую аудиторию. В эти годы общего гражданского подъема Лахути создает в Таджикистане своего рода новый литературный жанр — массовую революционную песню. Поэт переводит на таджикский язык «Интернационал». На мотивы самых популярных русских песен — «Белая армия — черный барон», «Смело, товарищи, в ногу!», «Варшавянка» — Лахути пишет таджикские варианты этих песен и революционные марши. Они стали любимыми песнями в двадцатые годы у всего таджикоязычного населения Средней Азии. Отмеченные печатью истинной народности, становятся, положенные на музыку, массовыми песнями и лирические стихи Лахути — его нежные и поэтичные газели.

Чрезвычайной популярностью пользовалась песня Лахути «В нашем кишлаке» (1924), мотив для нее поэт заимствовал из распространенного после революции городского романа «Кирпичики».

Песня «В нашем кишлаке» представляла собой рассказ таджик-

ского крестьянина о беспросветной судьбе его деревни до революции и о том новом, что привнесла в таджикский кишлак советская власть:

Был я сыном дехканина, жили мы
Всей семьей в небольшом кишлаке. . .

Это был не единственный случай, когда песенный текст ложился у поэта на определенную мелодию и обретал свою музыкальную жизнь. Для некоторых своих песен Лахути сочинил мелодии сам, — таким был, например, лирический романс «О сладкая боль. . .», пользовавшийся необычайной любовью среди населения Таджикистана.

Любимыми у народа песнями стали также «Песня о Султанове» (1933), «Песня пионеров» (1933), «Таджичке» (1937), «Дочь рабочего» (1933), «Мост через Вахш» (1935), «Я — герой» (1935), «Дочь революции» (1935) и другие. Песни Лахути были изданы отдельным сборником в 1936 году.

В двадцатые годы было осуществлено несколько изданий поэтических сборников Абулькасима Лахути в подлиннике. В 1929 году был опубликован «Кремль» в русском переводе. В предисловии к этому изданию, обращенном к русскому читателю, роль литературного творчества Лахути за несколько лет его жизни в Советском Союзе характеризуется следующими словами: «Его стихи распеваются молодежью во всех, даже самых отдаленных уголках советского и зарубежного Востока. Нет ни одной семьи трудящегося таджика, которая не имела бы печатного или рукописного сборника стихов поэта Красного Востока. . . И в них, в этих стихах-песнях, красивых и богатых по форме и содержанию, звучит мощный призыв к борьбе за новую жизнь. . .»

Поэма «Мы победим!», которую Лахути написал в 1930 году, по справедливости относится к лучшим произведениям таджикской поэзии тридцатых годов. Появившаяся в печати в начале первой пятилетки, она живо отразила в себе трудовой энтузиазм советского народа, пафос социалистического созидания. Поэма написана в художественном ключе ораторской поэзии, открытого послания, обращенного к трудящимся всех стран.

Четкость противопоставления двух миров — расцвета социализма и обреченности капитализма, — торжественность изложения, твердая уверенность в победе во всех грядущих битвах обеспечили этому произведению Лахути широкий успех. Поэма скоро обрела всесоюзного читателя. Литые, как бы сконцентрировавшие огромную энергию убежденности, строки и строфы этой поэмы цитировались в дни торжественных собраний, на студенческих вечерах, в дни хлопкоуборочной страды, скандировались на демонстрациях; как лозунги и призывы они вошли в повседневный обиход трудящихся Таджики-

союзного съезда советских писателей. Поэт выступил на съезде с докладом о перспективах развития советской таджикской литературы, о творческом освоении литературных классических традиций, о воспитании молодой писательской смены. Съезд избрал Лахути в состав секретариата Союза советских писателей. Лахути лично знакомится с М. Горьким, в течение последующих лет писатели активно переписываются и неоднократно встречаются. Вопросы становления многонациональной советской литературы, живо интересовавшие Максима Горького, нередко являются темой в его общении с Абулькасимом Лахути. Лахути вспоминает: «Когда я в первый раз встретился с А. М. Горьким, то первое его слово было о литературе национальных республик. Он меня сейчас же об этом спросил. Он долго говорил мне о том, что мы должны показать не отдельные литературы отдельных народов нашего Советского Союза, а что мы должны показать советскую литературу единой семьи народов». На Лахути произвела огромное впечатление горячая заинтересованность Горького в литературных судьбах народов Востока и его глубокая эрудиция. Делясь с молодежью в 1936 году своими воспоминаниями о встречах с Горьким, Лахути написал в газете «Молодой ленинец» (19 июня 1936): «При каждой встрече он неизменно возвращался к этой теме, подолгу расспрашивал меня о литературе Советского Востока. Меня поразили богатство и разносторонность его памяти, когда он процитировал однажды в разговоре четверостишие Омара Хайяма, классического иранского поэта». Цецилия Бенциановна Бану, жена Абулькасима Лахути и автор многих его переводов на русский язык, присутствовала на многих встречах Лахути с Горьким. Она вспоминает: «Горький с увлечением говорил о том, как мало еще раскрыта для русского читателя сокровищница классической поэзии Востока и какая благодарная задача работать над восполнением этого пробела».

А. М. Горький высоко ценил активную идейность и страстную революционность Лахути, его лирический талант. На своей книге «Избранных произведений», подаренной Лахути, М. Горький сделал надпись: «М. Горький — Лахути, поэту-революционеру, — 6/X—33».

Лахути посвятил М. Горькому стихотворение «Максиму Горькому» (1930) и поэму-притчу «Три капли». В Музее А. М. Горького хранится книга стихотворений Абулькасима Лахути «Тысяча строк» (1936, на персидском языке) с дарственной надписью поэта — четверостишием, написанным рукой Лахути по-персидски, и с сопровождающим русским переводом:

Песни мои — это капля, о Горький,
Море могучее — песни твои.
Капля мала, но сродни она морю,
Прими ж ее, море, с приветом любви.

В личном архиве Лахути и в архиве М. Горького хранятся письма и другие документы, запечатлевшие знакомство и творческое общение Горького и Лахути.

После Первого съезда советских писателей Лахути в течение ряда лет является ответственным секретарем Союза писателей СССР. В составе делегации советских писателей и деятелей культуры Лахути принимает в 1935 году участие в работе Международного антифашистского конгресса защиты культуры в Париже. В своей речи «Октябрьское возрождение народов» Лахути показывает — на примере Советского Таджикистана — расцвет культуры ранее бесправных и угнетенных народов Средней Азии. «... Вчераше еще неграмотный Таджикистан, — говорил поэт, — сегодня имеет десятки поэтов, произведения которых насыщены жизнью и глубоким содержанием. Они побеждают неграмотность, они учатся и растут день за днем при помощи передовых литератур братских республик, наряду с ними создают свою художественную литературу, национальную по форме, социалистическую по содержанию». Выступление Лахути на парижском конгрессе было напечатано более чем на тридцати языках мира.

Под впечатлением поездки во Францию Абулькасим Лахути пишет большую поэму «В Европе» («Путешествие в Франгистан», 1935). Одно из лучших произведений Лахути, поэма «В Европе» стала примечательным фактом советской литературы тридцатых годов. В яркой форме — взволнованное лирическое повествование, перемежающееся вставными рассказами-притчами, — поэт с огромной убежденностью утверждает социалистическую действительность с ее дальними открытыми горизонтами в противопоставлении с обращенной в прошлое реальностью капитализма.

Еще раз увидев и прочувствовав глубокую пропасть, разделившую два мира, две системы, Лахути вскоре воплощает идею исторической правоты социализма в новогодней балладе-сказке «Родина Радости» (1935).

В 1935 году поэт создает свое второе большое произведение — поэму «Корона и знамя». Лахути пишет ее, так же как и «Кремль», в жанре «ответа-противопоставления», на сей раз это «ответ» на «Шах-наме» Фирдоуси. Лахути посвящает поэму героическим трудовым будням таджикской деревни.

Согласно правилам составления «ответов», Лахути пишет поэму «Корона и знамя» тем же размером, что и «Шах-наме», — одиннадцатисложным м у т а к а р и б о м, то есть стихотворным ритмом, особенно близким сердцу каждого таджика по заученным с детства строкам Фирдоуси, — и в том же стиле эпического сказания. Эпиграфом ставит отрывок из «Шах-наме», в котором рассказывается о битве иранцев с туранцами за утерянную в бою царскую корону.

Отталкивание от эпизода «Шах-наме» использовано Лахути как художественный прием, дабы таджикский читатель смог особенно ошутимо осознать перемены, происшедшие на древней земле. Там, где некогда шли кровопролитные бои за корону (а по преданию эти бои имели место на таджикской земле, в районе Ходжента, ныне Ленинабада), теперь кипит сражение за колхозный урожай, за знамя — высокий знак победы в трудовом соревновании. Замысел этой поэмы родился у Лахути в 1933 году, когда он наблюдал за самоотверженной работой таджикских хлопкоробов колхоза «Коминтерн» Ленинабадской области, между бригадами которого развернулось социалистическое соревнование за выполнение плана по уборке хлопка. «... Наблюдение за этой социалистической борьбой, — писал Лахути, — напомнило мне дастан Фирдоуси о борьбе за корону. Размышления о разнице между причинами и результатами той и этой борьбы, возникшие у меня, привели меня к решению написать эту поэму под названием «Корона и знамя» размером «Шах-наме» Фирдоуси... Ныне, когда даже враги не могут отрицать героизм, самоотверженность и мужество рабочих и колхозников Союза Советов, почему эти рабочие и колхозники не могут иметь и достойных их «Пролетар-наме», подобных „Шах-наме“». Замысел поэта горячо одобрил А. М. Горький. «Однажды, возвратившись из Средней Азии, — вспоминал Абулькасим Лахути, — я рассказал ему поразивший меня эпизод из колхозного строительства в Таджикистане. Горький оживился. «Вы непременно должны написать поэму об этом», — заявил он и с тех пор, встречая меня на собраниях, неизменно спрашивал: „Что же, начали вы свою поэму?“».

Поэма Лахути «Корона и знамя» была первым крупным литературным произведением в Таджикистане, посвященным колхозной жизни. Лахути создал новый жанр героического советского эпоса, продолживший лучшие эпические традиции таджикского народа; поэт воспел новые понятия о долге, чести, трудовой доблести, новую психологию коллективного труда, утвердившиеся с советским строем на берегах Сырдарьи и повсеместно.

Теме прославления героических свершений освобожденного труда посвятил Лахути и другие произведения: «Корреспонденция» (1932), «Об осле и тракторе» (1935), «Праздник урожая» (1937), «Песня о воде» (1936), «Открытие Большого Гиссарского канала» (1942).

В 1936 году Советское правительство отметило заслуги поэта высокой наградой — орденом Ленина. К этому времени литературное творчество Лахути приобрело всесоюзную известность. Его стихи публикуются массовыми тиражами не только в подлиннике, но в художественных переводах на русский и другие национальные языки Советского Союза. Диапазон тем, волнующих поэта, заметно

расширяется. Много произведений Лахути посвящает идее интернациональной солидарности трудящихся мира, дружбе народов СССР. Поэт приветствует советские республики — Азербайджан («Пятнадцатилетие», 1935), Узбекистан; отдельные стихотворения посвящает крупнейшим поэтам — Шота Руставели, Тарасу Шевченко, Косте Хетагурову, советским писателям и поэтам — М. Горькому, Николаю Островскому, Джамбулу, Павлу Тычине, Янке Купале.

Лахути продолжает расширять свой жанровый диапазон.

В тридцатых годах поэт много пишет для детей и подростков. Так, он создал таджикский вариант «Почты» С. Маршака (1939), опубликовал иллюстрированный сборник «Загадок» (1934). Многие детские стихи Абулькасима Лахути стали хрестоматийными. С тридцатых годов они из года в год печатаются в школьных учебниках и книгах для чтения. Хрестоматийным детским чтением стала и написанная Лахути позже притча «Спутники» (1943), в которой Лахути дал новую жизнь старинному восточному преданию об арабе, турке и персе, которые ссорились, не понимая друг друга, пока не уразумели, что они желают одного и того же.

В 1939 году Лахути пишет драму в стихах «Кузнец Кова». Задуманная как либретто, драма стала законченным художественным произведением. Снова отталкиваясь от «Шах-наме» Фирдоуси и используя известные ему с детства народные сказания о доблестном кузнеце Кове, поднявшем всенародное восстание против чужеземного тирана Заххака, Лахути создал пьесу по всем законам сценического искусства. Положенная на музыку композитором А. Баласаняном, драма Лахути зажила яркой театральной жизнью, она была показана в Москве, в дни первой Декады таджикской литературы и искусства в начале 1941 года. За участие в Декаде Лахути был награжден орденом «Знак Почета».

С первого дня Великой Отечественной войны Абулькасим Лахути активно служит делу победы советского народа. С первого дня буквально: 22 июня 1941 года поэт выступает на многолюдном митинге в Центральном парке Душанбе со стихотворением «Муравей и Солнце», пророчащим гибель оголтелому фашизму. Все годы войны Лахути работает много, плодотворно, с большой страстью. Цикл его произведений, посвященных военной теме, как всегда у Лахути, разнообразен по жанрам.

Беззаветному героизму советских людей, их высокому патриотизму Лахути посвящает две замечательные поэмы, запечатлевшие ярчайшие страницы войны, которую вел наш народ против фашизма. Это поэма «Сказание о Мардистане» (1942) — о бессмертном мужестве двадцати восьми гвардейцев-панфиловцев, и поэма «Таня» (или «Победа Тани», 1942) — о подвиге Зои Космодемьянской, самая

смерть которой стала для народа символом грядущей победы. Вот заключительная часть этой поэмы:

Она убита. . .

Но она живет!

Не выдав перед казнью свой народ,
Не дрогнув духом, Таня умерла,
Но в гордом сердце тайну сберегла.
Глумился враг над мертвой дотемна. . .
Но победила всё-таки она!
От ярости, что пленной побежден,
Так приказал своим солдатам он:
«Не смейте предавать ее земле!
Пусть на ветру качается в петле,
Чтоб зрелище такое помогло
Сломить непокоренное село.
Всех жителей захваченной земли
Пусть образумит вид тугой петли! . . .»

Но сердце мертвой Тани в зимней мгле
Светило, как созвездье Сунбуле, —
И, обходя сторонкою посты,
Шли люди к ней из снежной темноты.
Шел каждый к ней. . .

И голову склоня,

Шептал слова ей, полные огня:
«Клянусь сердцами тех, кто пал в бою,
Оберегая родину свою;
Сердцами тех, кто в сумрачной ночи
Стал пеплом в освенцимовской печи;
Ребенком, что рыдает над отцом;
Непогребенным в поле мертвецом;
Родителем, что писем ждет,

клянусь, —

Твоею честью, мой народ, клянусь! —
Что наглым осквернителям-врагам
За кровь моих товарищей воздам,
Что знать не буду отдыха и сна,
Пока не победит

моя страна!»

Пред девушкой с бессмертною судьбой,
Как перед знаменем, зовущим в бой,
Они шептали клятву — и тайком
Сворачивали в лес за большаком.

И, как пароль, в лесу, где троп не счесть,
Одно лишь слово раздавалось:

«Месты!»

...Та клятва, вдохновенна и строга,
Грозой смертельной стала для врага!

Лахути пишет ряд стихотворений в жанре «посланий», столь распространенных в стране в военное время, — послания осажденному Ленинграду (1941), борющемуся украинскому народу (1942), «Послание на фронт с дарами народа» (1943), «Наказ узбекской матери» (1941). Он прославляет дружбу народов СССР, трудовой героизм; таково его стихотворение «Открытие Большого Гиссарского канала» (1942) о вдохновенной совместной работе таджиков и узбеков. Его рассказы-притчи военных лет, обращенные к юношеству, наглядно-поучительны: добрый и мирный «Витязь Мир» («Пахлаван Ошти», 1942), напоминает о самом высоком долге: долге сына защитить мать и двойном долге — защитить родину. К ратному подвигу призывают последние строки этого сказания:

Мать-родина сама зовет сейчас,
Чтоб ты ее от злодеяний спас...
...Будь ей защитой! Верит в сына мать:
Доверья чище в мире не сыскать!

Среди самых популярных песен военных лет, которые пелись в Таджикистане, звучали многие песни Лахути: «Любимая, настало время...», «Вперед, к оружию, друзья!», всенародной стала песня «Братья! Братья!», музыку к которой написал композитор С. Юдаков. Впоследствии на эту мелодию С. Юдакова — торжественную, призывную — Лахути создал еще один стихотворный текст, который стал Гимном Таджикской Советской Социалистической Республики.

В годы войны вышло несколько сборников стихотворений Лахути на таджикском и русском языках, их названия говорят сами за себя: «Вооруженные песни» (1942), «Подарок фронту» (1943).

Взволнованное и искреннее поэтическое слово Лахути всю войну служило делу победы. Борьбе за мир во всем мире отдавал Лахути свои творческие силы и в послевоенные годы, создав ряд известных произведений: «Песню защитников мира», «Слово простых людей», «Подпись под Стокгольмским воззванием»; он переводит на таджикский язык «Песню демократической молодежи мира» (слова Л. Ошанина), «Песню мира» (слова Е. Долматовского) и другие. В первые послевоенные годы таджикский народ избирает Абулькасима Лахути своим депутатом, активное участие принимает поэт во Втором съезде писателей Таджикистана в 1947 году, во Втором Все-

союзном съезде советских писателей в 1954 году — и пером, и общественной деятельностью служа идеям интернационализма и победы коммунизма.

В 1947 году Лахути осуществляет свой давний замысел — создать большое эпическое произведение о победе простого люда в его борьбе за свое счастье на земле, поэму — подобие распространенных среди населения героических сказаний. Горячую любовь народа к такого рода произведениям с их обычными персонажами: богатырями-пахлаванами, дэвами — демонами и чудищами, волшебницами и феями — пери, мудрецами — поэт помнил с раннего детства.

Подчеркивая прямую связь своей поэмы с фольклором, Лахути дает ей название «Пери Счастья», по образцу бесчисленных волшебных повествований о п е р и, которыми так богата сказочная традиция иранцев. Бедняки — представители разных народов, все одинаково угнетенные и обездоленные, хоть каждый со своей особой бедой, — пускаются в путь, чтоб искать исчезнувшее с земли Счастье. От дедов до них дошло предание, что Счастье жило среди народа в образе прекрасной девы — пери. Встретившийся им на пути рабочий Сергей объединяет путников и ведет их к Мудрецу-Счастьеведу. Как ни различны несчастья, выгнавшие их из дома, разъясняет Мудрец, причина страданий у всех одна и Счастье для всех — одно. Прекрасную пери — Народное счастье держит в заточении злое чудище — Дэв Гнет. Но одному его не одолеть, отбить Пери Счастья у Дэва Гнета можно, только соединив усилия. Единение приносит полный успех — Пери Счастья выпущена на свободу.

«Пери Счастья» написана в традициях фольклорного эпического повествования, легким стихом, Лахути показал блестящее владение всем богатейшим арсеналом народно-выразительных средств. Изложение сюжета перемежается лирическими отступлениями — воспоминаниями поэта и размышлениями над судьбами покинутой им в молодые годы родной земли.

По выходе из печати (поэма была опубликована в 1947 году на таджикском языке и в 1948 году в русском переводе) поэма вызвала в литературных кругах горячие споры: насколько правомерно использование в произведениях высокого гражданского звучания приема аллегории? Допустима ли трактовка такой темы, как победа Великой Октябрьской социалистической революции, языком сказочных символов?

Позиция решительного отрицания, которую заняли некоторые критики в этом споре, была научно неоправданной, ибо для многих литератур, и в данном случае для литератур таджиков и иранцев, присм поэтического иносказания имеет многовековые классические традиции в национальном словесном искусстве, характерен для самого художественного мышления народа.

Лахути переработал впоследствии «Пери Счастья», несколько сократив поэму, сделав изложение более динамичным. Романтическая поэма-сказка приобрела широкую популярность среди населения Таджикистана, отдельные ее части стали жить активной изустной жизнью.

Поэтическое творчество Абулькасима Лахути обогатило современную таджикскую поэзию, проходившую в тридцатые — сороковые годы сложный процесс своего становления, разнообразием жанров и яркой многоцветной палитрой художественно-выразительных средств. Стихи Лахути: эпические повествования, запечатлевшие героические события из истории иранского и советского народов; стихи-воспоминания; стихи-речи, исполненные идейной убежденности обращения поэта к своему читателю; стихи — литературные послания; изящные, легкие лирические газели; политические — эмоциональные гражданские стихотворения; афористические рубаи — любовные, сатирические и публицистические; фарды — двустишия, единичные поэтические высказывания; тексты массовых песен; экспромты и шутки; загадки и пионерские марши; драма в стихах, — все, написанное поэтом, — это чудесный сплав богатейшей классической персидско-таджикской литературной традиции, народного поэтического опыта и смелых художественных исканий поэта-новатора.

По образному высказыванию таджикского литературоведа Х. М. Мирзозода, Лахути своим творчеством перекинул мост, соединивший блестящую стихотворную традицию прошлых веков с современностью, с ее живыми, необычайно широкими запросами. Наследуя сокровища поэзии, завещанные классиками: ювелирное мастерство в гранении каждого бейта, виртуозное владение — в монорифмах, редифах, повторах — всеми выразительными возможностями, заложенными в отдельном слове, — всю сложившуюся систему литературно-эстетических ценностей, Лахути творчески преобразил и обновил средневековые литературные формы. Квантитативную систему таджикского стихосложения а р у з поэт дополнил слоговыми размерами, заимствовав их из песенного фольклора; к способам рифмовки, исчерпывающимся в старой поэзии, по существу, двумя — монорифмой и парно рифмующимся двустишием (бейтом), с их немногими сочетаниями, — добавил иные гибкие строфические формы: перекрестную и кольцевую рифмы, терцины, октавы, свободную смену рифм. Сам поэт не раз высказывал в печати свое творческое кредо — новаторство как развитие веками сложившейся национальной поэтической культуры.

Стихи Лахути были отмечены для таджикского читателя печатью особого непреходящего обаяния.

Новое слово сказал Абулькасим Лахути еще в одном виде поэтического творчества: он обогатил таджикскую литературу художе-

ственными переводами произведений классиков мировой литературы. Лахути создал в творческом содружестве с Ц. Б. Бану прекрасные переводы — «Медного всадника», «Моцарта и Сальери», «Евгения Онегина» (в отрывках), стихотворений и сказок А. С. Пушкина; «Горя от ума» Грибоедова (пьеса на таджикском языке вошла в репертуар таджикских театров). По-таджикски звучали романтические революционные гимны Горького «Песня о Соколе» и «Песня о Буревестнике», стихотворение В. Маяковского «Разговор с товарищем Лениным», «Завещание» Тараса Шевченко.

Абулькасим Лахути является первым переводчиком на таджикский язык Шекспира, он ввел в таджикскую литературу бессмертные трагедии «Отелло», «Ромео и Джульетта», «Король Лир». В 1949 году переводы Лахути вышли из печати отдельной книгой.

* * *

Известный советский поэт, передовой деятель новой таджикской культуры, Абулькасим Лахути остался на протяжении всего своего творческого пути и поэтом Ирана. С первых дней пребывания в Советском Союзе и до конца жизни поэт писал об Иране и для Ирана — часть его большой души всегда была отдана иранскому народу.

Бозорг Алави, крупный демократический писатель Ирана, в одной из своих статей о Лахути говорит о поэте следующими словами: «Когда он вспоминает Иран — его глаза наполняются слезами; эта жгучая терзающая боль отражена в его поэзии». «Услышь мой голос издалека» — так начинается стихотворение Лахути «Моему Ирану» (1942), в нем есть строки:

Источник первый вдохновенья и вздох последний мой,
Обитель мудрости нетленной,
поэзии живой,
Воспоминанье и мечтанье,
о мой Иран родной!

Стихотворения, которые Абулькасим Лахути посвятил Ирану, находясь за его пределами (1922—1956), составляют большой, яркий по разнообразию жанров и художественным достоинствам цикл. Это стихи-воспоминания: поэт воссоздает страницы героического революционного прошлого страны — «На смерть Хиджази» (1949), «Листовки доставлены в срок» (1951), «Партизанская атака» (1952), «Друг» (1951), «Страница славы» (1947). Каждый подъем нацио-

нально-освободительного, антишахского движения в Иране отзывался чутким эхом в его стихах — «Пробуждение» (1951), «Я вижу тебя...» (1948), «Десять героев» (1954), «Бесчинствуя, срезают брови...» (1953). Лахути обратил много стихотворных посланий прямо к иранскому народу — «Иранскому крестьянину» (1922), «Иранскому народу» (1950), «Юному певцу иранского народа» (1948), говоря с иранским народом от имени павших в прежних революциях его славных сынов, призывая к мужеству и действительному патриотизму:

Слушайте, зовет трудовой Иран,
Это мать зовет, ослабев от ран.

(«Родина зовет», 1952)

Обращаясь к писателям Ирана и деятелям культуры, Лахути обвиняет их в инертности, в забвении своего долга перед родиной:

Ирана сыны, носители света,
Мыслители, люди науки, поэты!
Где ваше горячее, гневное слово?
Когда ваше «нет» раздастся сурово?

(«Иранской интеллигенции», 1950)

Горячим сочувствием проникнуты его стихи к ограбленному, поработанному народу, к бедствующим детям Ирана («Маленькие ковровщики Ирана», 1952). Как краткий урок политграмоты звучали призывы Лахути к рабочему и крестьянину Ирана осознать наконец свои человеческие права, — в маршевом ритме написано одно из самых удачных стихотворений такого рода «Рабочий и дехкан» (1925):

Я — рабочий, ты — дехкан,
горе мне, беда тебе.
Стелют сеть богач и хан
вечно мне, всегда тебе.

Грабят среди бела дня
и тебя, брат, и меня:
Плач и стон достались мне,
голод и нужда тебе...

...Угнетателей на суд
всенародный призвуют;
Сгинуть им — воспрянуть мне,
ликовать тогда тебе.

Тоска по покинутой родине, стране детства и мятежной революционной молодости, находила выражение в лирических стихах — «Не в Иран ли мчишься, ветерок?» (1924), «Ты, празднующий свадьбу с милой...» (1923). Проникновенно и сильно эти чувства выражены в стихотворении «Отец и дети» (1947). Стихотворение начинается строками:

«Отец наш, чем ты так подавлен?
Куда твой скорбный взгляд направлен?
Что видишь ты вдали?»

— «Иран».

Отец рассказывает детям о мужественной борьбе иранских патриотов против шахского деспотизма, о фашистском терроре и на вопрос:

«Ну, а теперь?.. Скажи, отец,
Неужто их борьбе конец?» —

отец отвечает:

«Нет, дети. Это лишь начало».

Горячая убежденность в неизбежности крушения шахского режима, в скрытой силе народного гнева, в новом победоносном проявлении крепнущей революционной мощи народа звучала лейтмотивом всех стихотворений Лахути об Иране.

Доходили ли эти стихотворения Лахути до иранского читателя?

В период двадцатилетнего правления Реза-шаха Пехлеви (1922—1941) стихотворения Лахути, как антиправительственная литература, находились в Иране под строжайшим запретом.

Однако их печатала антишахская иранская пресса, выходившая за границей. В 1941 году в Тавризе — впервые в Иране — был издан сборник стихотворений Абулькасима Лахути; в самые последние годы, после крушения шахской монархии, диван Лахути был опубликован дважды.

На Первом конгрессе писателей Ирана, состоявшемся в 1946 году, проанализировавшем развитие персидской литературы в XX веке, была неоднократно отмечена роль Лахути Керманшахи как поэта-новатора, основоположника пролетарской и социалистической поэзии в Иране.

В литературоведческих трудах и в прессе сороковых годов в Иране много уделялось внимания творчеству и личности Лахути, подчеркивалось, какое глубокое влияние оказывали на души иранских патриотов стихи поэта-борца. В трудах крупнейших иранских литературоведов и ученых-филологов, в выступлениях литераторов Лахути был причислен к классикам современной персидской литературы.

Абулькасим Лахути скончался 16 марта 1957 года.

Стихи Лахути, опубликованные десятками сборников, переведенные на многие языки мира, продолжают жить в нашей стране и в Иране, известны в Турции, Афганистане и Пакистане, положенные на музыку, стали народными песнями.

«В наше время тот — поэт, кто напишет марш и лозунг», — сказал Маяковский. Лахути был истинным поэтом своего великого времени, человеком новаторского многогранного таланта, высокого долга и яркой, исключительной судьбы.

З. Ворожейкина

I

СТИХОТВОРЕНИЯ

1909—1922

1

Иран мой разорен... Когда он расцветет как сад?
— Не знаю.
Муслим или гяур в беде народа виноват? — Не знаю.
Твердят на разные лады все о любви своей к отчизне,
Но любят или о любви лишь на весь мир кричат?
— Не знаю.
Кто родину мою спасет? Вельмож почтенное собрание
Или безжалостный к врагу отточенный булат? — Не знаю.
На шее бедняка петля дурманящего душу рабства.
Но крест ли на петле, иль там нанизан четок ряд?
— Не знаю.
Крестьянин в нищете живет. А кто к страдальцу
равнодушной:
Мечети ль ревностный слуга? Владелец ли палат?
— Не знаю.
Несчастливая страна! Забыл визирь твой о служеньи
верном,
Иль подло продает тебя бесчестный депутат? — Не знаю.
Слышал не раз я, что меджлис бесстыдно родиной
торгует,
Но правду или ложь уста людские говорят? — Не знаю.
Визирь и богатеи-викиль — изменники, скажу открыто!
Воздаст петлею иль мечом за это мне джаллад?
— Не знаю.
О Лахути! Идешь на смерть. Но что скорей тебя
погубит —
Дар вдохновенья или твой правдолюбивый склад?
— Не знаю.

*Декабрь 1909
Тегеран*

Дом толстосума, как цветник, сияет красотою —
Домишко ветхий бедняка придавлен злой нуждою.

Лишь вспомню я о нищете безрадостного края,
Мгновенно каждый волос мой становится иглою.

Ни щели не оставил мне палач в моей темнице,
Но свет поэзии всегда в ней борется со тьмою.

Узнал ли мой Рустем — народ, что я — слуга народа —
Здесь брошен в яму, как Бижен, безжалостной рукою?

Скалою яму завалив, враг убегают в страхе:
В смятенье привожу его любой своей строкою.

Хоть я закован в кандалы, опутан весь цепями,
Из заточенья вырвусь в мир, воспряну всё равно я!

Пускай и войско у врага, и все орудья смерти,
Его сильнее я стократ — ведь правота со мною.

Декабрь 1909
Тегеран

3. ИСПОЛНЕННОЕ ОБЕЩАНИЕ

Удар повстанцев грянул сверху, снизу,
Осадный корпус быстро отошел.
И сотни арб из самых дальних сел
Подвозят хлеб голодному Тавризу.

С ним жизнь влилась в кровавый этот склеп,
Едят бойцы — растут и крепнут силы...
И женщина вдруг встала у могилы:
Глаза в слезах, сжимают руки хлеб.

Она мне изваяньем скорби мнится.
Безмолвная, глядит на холмик тот
И на него свой скромный хлеб кладет —
Сухова, величава, будто львица.

«Сын! Голод, жизнь твою стремясь отнять,
Соперничал с твоею раной алой.
Ты, верно, думал: я плохая мать,
Коль для тебя я хлеба не достала.

Но совесть видит: нет подвала, где б
Я не искала хлеба, сын мой милый! . .
И я клялась — хоть на бугор могилы,
Но я снесу тебе свой первый хлеб.

Спи, сын мой! Нам в борьбе успех достался,
Вот хлеб тебе, и радостная весть,
И моего благословенья честь —
За то, что жизнь ты отдал, но не сдался».

Декабрь 1909
Тегеран

4. ЧТО ЕСТЬ ЧЕЛОВЕК?

Я приветствую тебя, трудовой народ!
Строил этот мир большой ты из рода в род.

Знай, трудящийся, — была б век пустыня тут,
Если бы не тяжкий твой, неустанный труд.

Если вдруг опустишь ты руки хоть на миг,
Всё тотчас замрет вокруг, жизнь зайдет в тупик.

Лишь к тебе обращены чаянья, мечты.
В полной мере человек — труженик, лишь ты!

1910
Тегеран

5

Когда от верховой езды устанет богачей,
Десяток девушек ему и трут, и холят тело.

Когда же труженик умрет, кормилец богача,
Ему и саван не сошьют — кому какое дело!

Никто убогим сиротам лепешки не подаст,
Работать не наймет вдову, чтобы семья поела.

О, если скажет кто-нибудь, что в небе есть аллах,
Дай тут же в зубы болтуну! Бей кулаком, бей смело!

Июнь 1914
Касри Ширин

6. ВОСТОК

О, свет и ясность летних дней Востока,
Очарованье гор, полей Востока!

Едва глаза сомкну, душа моя
Стремится птицей вдоль путей Востока.

Где краше сад цветет, где соловьи
Нежней поют, чем соловьи Востока?

Востока солнце — ласковая мать,
Но черен путь иных детей Востока!

Торгаш, продавший родину врагу,
Что купишь ты, скажи, ценней Востока?

Сплотись, родной народ, и поднимись
На чужеземных палачей Востока!

Увижу ли прекрасный тот рассвет,
Когда взовьется стяг алей Востока?

Восток — в беде! Отдай, о Лахути,
Всю жизнь во имя светлых дней Востока!

Сентябрь 1914
Багдад

7. СВЕЧА И МОТЫЛЕК

Ночью слушала свеча речи мотылька:
«Неразлучна с сердцем век по тебе тоска.
Света слабого свечи не страшится мгла,
Но сжигаешь ты сердца любящих — дотла.

Опалает мотылек крылья всякий раз,
Возле пламени лица твоего кружась.
Свечи Запада — не жгут, не чадят они,
Свету молнии они, говорят, сродни.
Их объятия — любви, нежности приют,
А твои объятия смерть любящим несут.
Если ты меня к груди пламенной прижмешь,
Я, блаженство испытав, стану пеплом всё ж.
Ты таишь в себе огонь, та, другая, — свет,
Я тобою опален, ею же — согрет».
— «Легковерен ты, — в ответ говорит свеча, —
Чужестранку восхвалять полно сгоряча!
Уж и ласкова она, точно солнца луч,
И верна ее любовь, и огонь не жгуч.
Уж соперницу в пример ставить мне готов,
А не знаешь, что на ней хитрости покров.
Ты коварную ее зря не славословь:
Коль прозрачную фату разорвет любовь —
Та свеча сожжет весь мир из конца в конец,
Посмеется над судьбой гибнущих сердец.
Страстью я опьянена, грудь моя в огне,
Голова моя в огне, всё горит во мне.
Гибнут верные друзья, страсть познав мою,
Это я по ним ручьи слез горячих лью.
Мозг костей моих горит от ужасных мук,
Чадом исхожу, когда умирает друг.
Не пристало мотыльку избегать огня,
Что сжигает грудь мою, любящих меня.
Коль родился мотыльком средь душистых трав,
Твой удел — сгореть в огне, стона не издав!
Если же не хватит сил, чтоб на то пойти,
Научись ступай любви ты у Лахути».

Встрепенулся мотылек, страстью окрылен,
Стал вокруг своей свечи вновь кружиться он,
Говоря: «Я за тебя жизнь отдам стократ,
Пламень лика твоего я изведать рад.
Огненосен твой язык, как и весь твой лик,
Жар твоих речей, поверь, в сердце мне проник.
Жизнь тебе отдавший, раб стана твоего,
Всё ж увидеть я б хотел света торжество.
Хоть мне скромный блеск твой мил, твой
сердечный пыл,
Но у молнии-свечи много больше сил;

Если мощь ее придать жару твоему,
Блеск ее слепящий взять в пару твоему,
То прославится твоя на весь мир краса,
Мотыльком твоим тогда станут небеса».

*Сентябрь 1914
Багдад*

8. ВОЗВРАЩЕНИЕ НА РОДИНУ

Тоска по родному гнезду извела,
Измучило дней непосильное бремя!
О люди, какое печальное время!
Я бед наглotalся, и несть им числа!

Где гордые крылья, где сила орла?
И крылья, и силу чужбина взяла!
Но если родная земля позвала —
Есть когти и клюв, лишь бы вера была!

Дорога к родному гнезду привела...
Вот сад мой цветущий! Душа ожила!
Слеза по горячей щеке потекла...
Но горькая правда мне сердце сожгла:
В гнезде роковая ловушка ждала —
Повсюду таились проклятые сети...
И здесь мне свободы судьба не дала.

*1914
Ханакин*

9

Один богам Эллады, Рима служит,
Другой святым Ерусалима служит,
Кто Мекку чтит, кто ни во что не верит
Иль божеству любому мнимо служит.

Кто целится, коварный, в грудь Востока,
Всю жизнь охоте той извечной служит,
Купцам заморским продает отчизну
И воле их бесчеловечной служит.

Для притесненья трудового люда
Тот лжезаконам, тот корану служит,
Тот, ни о чем другом не помня в мире,
Блестящей лире и туману служит.

Иной, любя Иран слепой любовью,
Покорно шаху, шейхам, ханам служит...
А Лахути спроси — он беззаветно
Всю жизнь рабочим и дехканам служит.

*Январь 1916
Керманшах*

10

Есть закон — под покрывалом прятать глаз сиянье? Нет!
Почему же у красавиц видеть свет желанья нет?

Место есть у всякой вещи, в мире всё чего-то стоит,
Лишь крестьянину — ни места, ни цены в Иране нет!

Шейх — мздоимец, шах — гуляка, воровать горазд
Безобразиям в Иране, видит бог, названья нет!
вельможа,

Разговоры с богачами — трата времени пустая,
Революция назрела, ведь конца страданьям нет!

Бедняку — работа в поле, хану — прибыль и веселье,
Пить вино и развлекаться разве он устанет? Нет!

Лахути, тебя осудят, может быть, за эти речи —
Но они идут от сердца, лгать оно не станет, нет!

1917

11. ДОЧЕРИ ИРАНА

Отныне я вступаю в битву с твоею красотой,
Пусть назовут безумьем люди нежданный вызов мой.

О месяц золотой Ирана, о лал восточных стран,
Сегодня в трепетном молчанье поникни головой,

Доныне я, как раб смиренный, лежал у ног твоих,
И я не мог твою гордыню разжалобить мольбой.

Сегодня строго и правдиво тебе скажу я всё,
Чего не смел сказать я прежде, склоняясь пред тобой.

Меня ты впредь не околдуешь ни родинкой своей,
Ни красоты сияньем дивным, ни стана прямоюй.

На шею мне душистой цепью твой локон не падет,
И взор твой в сердце не вонзится пылающей стрелой.

Доколе кровью обливаться вдали от губ твоих,
Доколе дни и ночи бредить мне черною косой?

Доколе тополю прямому твой стан уподоблять,
Доколе сравнивать в газелях твое лицо с луной?

Лицом ты — как луна, и что же, зачем о том твердить!
Как тополь ты стройна, но песни не о красе одной.

Кто родинкой пленен твоею, поверь, тебе не друг,
Страшись поклонников лукавых, оставь их шумный рой.

Умею я, как все поэты, красавиц воспевать,
Но это всё пустые звуки, мираж в полдневный зной.

Что пользы сравнивать с кинжалом ресницы глаз твоих
Иль полумесяц брови славить высокою хвалою?

Когда красив лишь внешний облик, не стоит он похвал:
Будь за прекрасные деянья прославлена молвой.

Достойно ль в век наш озаренный лишь красотой
блистать,
Не познавать всего, не ведать искусств высокий строй?

Позорно нежиться в истоме, когда проснулся мир,
Позорно меж свободных женщин лицо скрывать чадрой.

Тебе ль, смоковнице прекрасной, цвести, не дав плода,
Тебе ли не сиять для смертных, как месяц над землей?

Чтоб воспитать детей умело, воспитывай себя,
Чтоб матерью им быть достойной, достоинство усвой.

Ты учишь говорить, ты слово влагаешь им в уста,
Тебе ребенок подражает, услышав голос твой.

Умей и дочери и сыну внушить любовь к труду,
И научи их, что работа — их долг перед страной.

Что тунеядство — униженье, позорное пятно,
Что труд свободный — дело чести и доблести святой.

Что лучше самому погибнуть, чем угнетать других,
Чем съесть кусок, не заработав его своей рукой.

Учи детей любить свободу, науку, правду, труд,
В них зажигай прекрасный пламень любви к стране
родной, —

И будешь матерью великой, и счастье принесешь,
Своей отчизны медный жребий сменив на золотой.

*Январь 1918
Стамбул*

12

Взял я душу, сердце, веру, чтоб путем любви пройти.
Сердце, веру я утратил, смог лишь душу унести.

На ристалище, где даже сам Рустем был побежден,
Сердце без щита, безумец, я решился принести.

Милая просила дара — жизнь посмел ей предложить.
Я отвергнут: у красавиц дар подобный не в чести.

Прогоняя, рассмеялась: «Что осталось у тебя?»
Я ответил: «Будет память собеседником в пути».

Усомнившись, попросила доказательства любви —
Я израненное сердце поспешил ей поднести.

Без конца мечом разила — ближе я придвинул грудь,
Чтобы руку беспощадной от усталости спасти.

Року на ее причуды слал я жалобы, глупец, —
Против дочери защиту у отца хотел найти.

Я с ее очами свыкся, ангел смерти — спутник мой.
Бесконечного терпенья ты пример, о Лахути!

Апрель 1918
Стамбул

13

Лишь мотылек, свечой палимый,
всю боль души моей изведаль.
Мою тоску — гнезда лишенный,
пленный соловей изведаль.

Могу ль не плакать от обиды —
меня жалеют и чужие;
Родная гонит, как чужого.
О, сколько мук я с ней изведаль!

Хотел излить печали сердцу —
оно смеется надо мною:
«И ты, безумец, неизбежность
невидимых цепей изведаль!»

Я умираю от сомненья:
ты видишь, как тебя люблю я?
Благословляю даже муку,
что по вине твоей изведаль.

Кудрями черными, как мускус,
сердца влюбленные ты губишь,
Их счел по волоску твой гребень,
всю бездну их страстей изведаль.

Советчик, не толкуй о средствах
для исцеленья от недуга.
В одной любви я все лекарства
от всех моих скорбей изведаль.

Сентябрь 1918
Стамбул

«Слабым я щит, — говоришь ты, — и враг угнетенья».
Слаб я, зачем же мои умножаешь мученья?

Кажутся сном мимолетным цветник мне и роза,
Стерли их в памяти долгие дни заточенья.

Я гиацинта забыл разметенные кудри,
Помню я только царившее в сердце смятенье.

Знай, на базар не отнес меня ловкий охотник
Лишь потому, что я слаб, — он не знал сожаленья.

К самым устам подступила душа: недостойный
Дар преподнес бы я другу, но полон смущенья.

Люди не спят до утра — так я громко стенаю!
Как же любимой мое неизвестно томленье?

О Лахути, пусть хоть тысячу казней ты примешь —
Тведыми вечно пребудут твои убежденья.

Сентябрь 1918
Стамбул

15. СЕРДЦЕ

Своей безжалостной рукой ты кровью обагрила сердце.
Но свято верность сохранив, тебе не изменило сердце.

С пути любви, пока живет, оно вовеки не свернет.
И отступления стыдом себя не омрачило сердце.

Незамутненно и светло ты, как возлюбленной чело.
С людьми не поступая зло, таким всегда ты было, сердце.

В мечеть не ведая дорог, не ходишь в винный погребок.
Шум пира, пост, который строг, — их равно не взлюбило
сердце.

Знай, не из меди и свинца людские сделаны сердца, —
Будь доброй к сердцу до конца, чтоб мука не сгубила
сердце.

Поздно звать рассудок. Где любовь —
Для рассудка там заставка, сердце!

Вечно не в ладу вы. Кто же прав:
Ты ли, Лахути? Иль право сердце?

1918
Стамбул

17

Мой грех — любовь. Людской закон таков.
Недуг, которым я сражен, — таков.
Вокруг меня построились печали,
Я — царь печалей, знай, мой трон таков.

Я — нива бед. Лелею всходы горя.
Мой урожай — обилен он — таков.
От моего дыханья тает камень —
Мой тяжкий вздох, мой жгучий стон таков.

Я — море горя. Кровь моя в волненье.
Покой, что в буре воплощен, таков.
Снег на висках. Конец кромешной ночи,
Что подошла со всех сторон, таков.

И всё ж я жив. Со смертью поединок,
В котором я не побежден, таков.
Возврата нет. Мой путь к заветной цели,
Хоть стрелы мечут мне вдогон, таков.

1918
Стамбул

18

Охотник злобный, устыдись, не мучь полуживого,
Сломай мне крылья, но не жги гнезда, мне дорогого.
Веревкой шею ты обвил и ноги спутал мне, —
Позволь уста раскрыть на миг, дай вымолвить мне слово.

Близ милой розы в ноги мне впивался терний злой, —
Смотри, по цветнику всему пролег мой след багрово.
Вдали от сада я сгорел, я в клетке изнемог.
О ветер, весть о том снеси под сень родного крова.
Один... Кому откроюсь я? Кто сложит для друзей
Рассказ о горестях, меня терзающих сурово?
«Тебя на гибель обрекли», — сказало сердце мне,
Когда в союзе с пастухом узрел я волка злого.
Подобно Лахути, клянусь, я буду предан век
Тому, кто обратит ко мне любимой взоры снова.

1918
Стамбул

19. РУБАИ

Заботы нежных матерей, их неусыпная опека, —
Вот школа первая людей, — то знали мудрые от века.
Первоначальной этой школе из высших высшей
Достойного иначе ты не воспитаешь человека.
быть должно,

1918

20

Красавица, сияньем ты и солнце затмевала!
Но твой окутан лик фатой — оно ж без покрывала!

Я со стыда сгорел, когда соперник мой и недруг
Тебя в невежестве винил, — мне ж слов не доставало.

И что смогу ответить я, коль спрашивать он станет,
Зачем ты с знаньем не в ладах, книг вовсе не читала?

Ты так с невежеством дружна, что в горькой я обиде:
Приветом, милая моя, ты недруга встречала!

Ни географии, ни карт ты отроду не знаешь, —
Погибни край моей души, и то б не распознала!

Уроков счета не брала — откуда ж знать ты можешь
Неизмеримость муки той, что грудь мне истерзала!

Приблизься же к моим очам, взгляни, с каким мученьем
Тоскую по твоим устам... А ночь уж миновала!

Декабрь 1918
Стамбул

21

Отраженье ль милой в чашу, в глубь вина, поэт, упало?
В волны — месяца ль сиянье, чей так сладок свет,
упало?

Знаю: каждый, в плен попавший, избавляется от плена,
Но ведь сердце в кудри милой — мне спасенья нет! —
попало.

Кто постигнет, кроме птахи, разлученной с милой
розой,
Горе сердца, что в тенета неизбывных бед попало!

Для святош вино запретно. Ну а мы другое скажем:
Рвать плоды труда чужого ныне под запрет попало.

Время близится: богатство одному служить не будет!
Надо, чтоб любое дело на людской совет попало.

Прочь, ханжа! Худою славой Лахути страшить не надо.
Имя бунтаря к народу в сердце с юных лет попало.

Май 1919
Стамбул

22

Всю ночь до рассвета и слезы я лью, и тоскую,
Кляню ненавистную долю мою и тоскую.

Влюбленного руку на шее подруги увижу,
Далекую вспомню подругу свою и тоскую.

Гляжу на смеющихся девушек разных народов,
Твержу: «Не добыл ей свободы в бою!» — и тоскую.

Помыслию про нищих дехкан, про помещиков алчных —
И страх за Иран мой в груди затаю и тоскую.

Припомню, что вместе с землей продает земледельца
Владелец жестокий в родимом краю, — и тоскую.

Народа неведенье, шаха злодейства увижу —
У пропасти вместе с отчизной стою и тоскую.

Всё труженик строил, а сам он в отстроенном доме
Не прожил и мига, — про это пою и тоскую.

Октябрь 1919
Стамбул

23

Соловей глядит из клетки, понимает он меня.
Он тоскует, край родимый в нежной памяти храня.

Пусть ему сломали крылья, не о том тоскует он:
Сад любимый он не видит — что ему сиянье дня!

Славен кровь свою отдавший, тот, к которому в бою
Смерть пришла, землей чужбины белый саван заменя.

Смерти день, как день рожденья, надо праздновать
Кто в тот день о милой вспомнит, всё иное отстраня. тому,

Сердце так любимой жаждет, что и в горький смерти час
К ней взывать с надеждой будет, преисполнено огня.

О красе твоей не грезить разве может Лахути?
В нем живет она всечасно, дух и тело полоня.

Октябрь 1919
Стамбул

Поласковой взгляни — душа томится,
Приюта жаждет и к тебе стремится.

Пускай ты взглянешь только по ошибке —
И от ошибки сердце исцелится.

Ты, видно, поклялась ласкать не часто,
А грустью друга вдоволь насладиться.

О, сердце, ты смеялось над страданием —
Так плачь теперя! Мой час настал глумиться.

Как ты сразилось, сердце, с целым войском?
Смертельны стрелы черные — ресницы.

Ноябрь 1919
Стамбул

Книгу мудрости, страницы,
 где высок речений склад,
Я сегодня — будь что будет! —
 отдал за вино в заклад.
Как у всех певцов свободных,
 были ветхие лишь книги
Да пера огрызок бедный
 в этом мире — весь мой клад.
Мне нигде за эти книги
 больше гроша не давали,
Хоть и цвел на их страницах
 истины нетленный сад.
Снес я их виноторговцу —
 тот мои невзгоды понял,
Дал вина, его за это
 я благословил стократ.
Эту искристую влагу —
 всё, чем в мире я владею, —
За весь мир не уступлю я,
 в мире лучших нет услад.

Пей вино, откинь заботы:
 никому еще доньше
Счастья не дарил навеки
 этот мир, Печаль-абад.
Соловья приют укромый
 рок безжалостно сметает
И для сов свивает гнезда,
 поражающие взгляд.
Лахути примеру следуй
 и назло угрюмым шейхам —
Будь что будет! — жизнь за песню
 и вино отдай в заклад!

1919
Стамбул

26

Гонит рок меня за правду. Разве праведное дело
Разбивать живое сердце, не подвластное обману?

Рок на всех скрижалях мира уничтожить хочет имя
Тех, кто дал обет священный: «Правды чтить
 не перестану».

Солончак для гиацинта не приют. Кругом —
 неправда.
И не раз еще злодеи нанесут мне в сердце рану.

Но принять любые муки я готов во имя правды, —
Ведь недаром ненавистен стал я вражескому стану.

Верю в правду. И упорным, и решительным я буду.
И под гнетом злого мира, знаю, слабым я не стану.

1919
Стамбул

27. МОЯ ПЕЧАЛЬ

Моя печаль тебя томит, и, значит, мне вдвойне грустней.
 От состраданья твоего душе становится больней.

Ты, сердце, скрытых чувств тайник, но разговорчив
 мой язык.
 Что делать? Где мне отыскать иных наперсников-друзей?

Глаза не в силах слезы лить, им пламя гнева не смирить,
 А ведь от каждой капли слез гнев милой делался слабей.

«Жди, я приду!» — сказала ты, знай, я на грани маеты,
 Боюсь, что тщетно ожидать придется до скончанья дней.

Где та разящая стрела, чтобы добить меня смогла?
 Она для сердца как бальзам, но жаль тебе
 стрелы своей.

Единый локон-завиток всех в мире взбудоражить смог.
 Что станет с нами, если ты распустишь черный
 шелк кудрей?

Клянусь, страшнее адских мук невыносимый гнет разлук!
 Страдает сердце Лахути без той, что всех ему родней.

1919

Нет такой души на свете, не отыщешь существа,
 Кто б тебе не подчинился, властной силе колдовства.

Я за все богатства мира не отдам к тебе любовь —
 Это высшее блаженство, это истины слова.

Я не пьян, напрасно смотришь с удивленьем на меня,
 От единственного взгляда закружилась голова.

На меня напало войско юной прелести твоей.
 В плен попав, чуть бьется сердце и душа едва жива.

Разве это благородно — мучить пленников своих,
Зло над пленным потешаясь, — неужели ты права?

Если враг решил унижить уважаемый твой род,
Значит, он не знает чести, сам не ведает родства.

На стезю любви вступая, ничего не пожалей,
Жизнью жертвуй ради счастья дорогого существа.

Лахути тебя за муки от души благодарит,
Ты открыла двери рая, истерзав меня сперва.

1919

29

Я влюблен в твой лик прекрасный, — коль не ведаешь,
узнай!
Я сгорел в мечтаньях страстных, — коль не ведаешь,
узнай!

Все преграды, и мытарства, и соперников коварство
Удержат меня не властны, — коль не ведаешь, узнай!

Злых наушников не слушай, верь, я клятву не нарушу,
Жду тебя я ежечасно, — коль не ведаешь, узнай!

Я умру, приди с любовью, наклонись над изголовьем,
И воскресну я, несчастный, — коль не ведаешь, узнай!

Не уйти мне и не скрыться, всюду лик твой
будет сниться,
Шелк кудрей твоих атласных, — коль не ведаешь, узнай!

Поцелуй меня скорее, пусть соперник онемее,
Мрачен он, как день ненастный, — коль не ведаешь,
узнай!

Ты не знаешь сострадания, Лахути, живя в изгнание,
Полюбил твой лик прекрасный, — коль не ведаешь, узнай!

*Август 1920
Стамбул*

30. ОПЯТЬ В ПЛЕНУ

К своим любимым, в отчий край ушли, ушли мои друзья!
С глухой тоской наедине в стране чужой остался я!

Вдали растаял караван, и неба черный ад навис
Над пеплом тлеющих костров среди степного ковыля.

Эй, караван! Счастливый путь! Теперь пустою
стала грудь:
Ты душу с сердцем взял с собой в родные дальние края!

Даст бог, до родины дойдешь! А здесь лютуют зло
и ложь,
Здесь самый воздух нехорош, негоден климат для житья!

Летит к подруге попугай в родимый свой индийский
край,
В тот сад стремится соловей, где ждут и любят
соловья, —

Друзья, вершите ваш полет! Но пусть забыт
не будет тот,
Из чьей тоскующей груди бьет крови горькая струя!

Судьба моя, ты вправду зла! За что меня ты обрекла
Быть собеседником шипов, о розе грусть в груди тая?

Судьба, со мной затеяв спор, ты хочешь видеть
мой позор:
Чтоб на колени я упал, ты множишь беды бытия,

Но мы посмотрим, чья возьмет! Ты первым сдашься,
небосвод,
Моих коленей не согнет вся тяжесть грозная твоя!

Клинок печали в грудь вгони, лук смертоносный
натяни —
Пусть поражают сердце мне отравленные острия!

Смеяться злобно не спеши! Я не отдам своей души,
Ты волк, судьба, но я — не труп, не пища гнусного
зверья,

Охотник я! Я вижу цель! Коль ты лиса — забейся в щель,
А если тигр — иди смелей, к тебе я выйду без ружья!

Меня, судьба, ты не забудешь, ты зря надеешься
и ждешь,
Что я, покорный и немой, подставлю спину для битья!

Я наг — не смей меня стыдить! Меч обнаженным
должен быть;
Я — лев, и, пусть я на цепи, меня рука коснется чья?

Я беден? Нет, талант со мной, бесценный, светлый
жемчуг мой,
Лишь он способен озарить углы убогого жилья!

Я — человек, я призван жить, мне ль пред судьбою
лебезить?
Трудиться, думать и творить — вот доля светлая моя!

1920
Стамбул

31

Я пламя горькое печали узнал с тобой в разлуке,
Я на костре печали жгучей пылал с тобой в разлуке.
Мой взор, твоим клянусь я взором, иной красоты не видел,
Хотя я сотни луноликих встречал с тобой в разлуке.
Меня красавицы прельщали и негой, и лукавством,
Но верь, я одинокой жаждой сгорал с тобой в разлуке.
О, сколько слез и крови сердца, моя луна, я пролил,
О, сколько перлов и рубинов собрал с тобой в разлуке!
Купцы богатые стремились купить мои товары,
Я лишь тебе души богатства вверял с тобой в разлуке.
Меня терзали, но в мученьях любви не предавал я.
Науку верности до гроба познал с тобой в разлуке.

1920
Стамбул

Нет розы со мной... Ну что же!
 Зато из шипов есть ложе
 И кровоточащее сердце
 На алый тюльпан похоже.

Ведь смерти и той не под силу
 Меня оторвать от милой,
 Хоть злая тоска разлуки
 Меня неотвязно гложет.

Но даже погибнув на плахе
 И став придорожным прахом,
 Смогу я летучей пылью
 Взметнуться у милых ножек.

К чему жемчуга, и топазы,
 И царственный блеск алмаза!
 Сверкающий стих дарю я,
 Он всех жемчугов дороже.

Вновь слышу угрозы, посулы,
 От скуки уж сводит скулы,
 Когда же, о шейх, устанешь
 Твердить мне одно и то же!

На что мне твои молитвы,
 Иду я с насильем в битву,
 Товарищи верные рядом,
 И вражья месть не тревожит.

Хвалы Лахути не просит.
 В мечети его поносят —
 Уйдет в погребок оттуда:
 Найти он пристанище сможет.

Вином ему, коли захочет,
 Наполнят и сотню кувшинов.
 Пусть золота нет в карманах —
 В долг верят поэту всё же!

1920
Стамбул

Меня смертельно ранят, боюсь, твои глаза,
Они — как у турчанок, дивлюсь, твои глаза.

Красавица Ширази, что нападаешь? Разве
Вступили с Чингисханом в союз твои глаза?

Злорадствуешь, увидя меня на смертном ложе.
Ах, в сговоре со смертью, страшусь, твои глаза!

Пускай смертельны стрелы, что мечешь в это сердце, —
Не дрогну я, не встречу, как трус, твои глаза.

Влюбленного сгубила, нарушила обеты, —
В том обвинить открыто решусь твои глаза.

Других не замечаю красавиц луноликих,
Навек назвать своими стремлюсь твои глаза.

О Лахути, когда же настанет счастья время
И сбросят груз печали, злой груз твои глаза?

1920
Стамбул

Только тот, кто властен сделать, чтобы пламень
Совершит такое чудо, чтоб я пери разлюбил. не палил,

Пусть мне смертью угрожают, ничего я не боюсь,
Чтобы страсть мою умерить, не найти в подлунной сил.

Кто огонь с водой смешает, может чудо совершить,
Чтоб соперников влюбленных я с терпением выносил.

Приоткрой свой лик волшебный, чтоб его
Ярче утреннего солнца край восточный озарил, лучистый свет

Почему ты смотришь гневно? Разреши, чтоб
 добрый взгляд
Это страждущее сердце, обнадежив, излечил.

Я считал себя бесстрашным, но любимая рука
Нанести удар могла мне, и удар меня убил.

Сердце, ставшее мятежным, что тебя угомонит?
Лахути покой отыщет среди безвременных могил.

1920
Стамбул

35

Я не ропщу, хоть жребий мой жесток
И путь мой полон бедствий и тревог.

С зарей от зноя укрываюсь я —
Ногтями рою пламенный песок. . .

Лишь день в колодец запада падет,
Вновь предо мной дорога без дорог.

Мне буря — опахалом от жары.
Всю ночь иду я. . . Путь еще далек. . .

Всю ночь иду я, молнией ведом,
А мрак густой пустыню обволок. . .

Но вот блеснул восхода алый меч —
Убежища искать приходит срок.

И вновь ногтями рою я нору.
Едва дышу. . . устал я, изнемог. . .

Быть может, сам Кухкан, любя Ширин,
Того, что я свершил, свершить не мог!

Август 1921
Аравийская пустыня

67

Даны нам две руки могучие —
 Оковы разорвем гремучие.
 Доколе розы — господам,
 А нам — одни шипы колючие?

Доколь бесстыдным торгашам
 Сбывать нас, как товар по случаю?
 Уж меркнет свет в очах у нас,
 Доколе слезы лить горячие?

В единстве силу обретем,
 Оно — оружие наше лучшее.
 Пэра железным строем встать
 Под знамя алое, летучее!

Кто нас рассеет, разметет,
 Коль двинемся грозовой тучею?
 Борьба победу нам сулит,
 Врагам — погибель неминуемую.

Пусть угрожает горлу сталь,
 Не охладим сердца кипучие.
 Мы помощи не ждем ничьей —
 Даны нам две руки могучие.

Ноябрь, 1921
Тавриз

37. ШАМСЕ КЕСМАН

На смерть ее сына

Милую розу свою потеряв, ты не плачь, соловей,
 Горькую чашу разлуки смертельной ты молча испей.
 Розы любимой рыданьями не оживишь,
 Не распускай же волос, как безумный дервиш.

Если я с небом сравню человеческий разум, то ты —
 Разве не солнцем сиять будешь в нем с высоты?

Ты, кем прославлен от края до края Иран,
Слух о которой прошел средь народов и стран,
Ты ли не знаешь, что жизнь у цветка —
коротка?

Ноябрь 1921
Тавриз

38

О, как мне хочется скорей увидеть милую мою,
Увидеть милую мою, ей в руки жизнь отдать свою.
Давно я с нею разлучен, и тысячи меж нами верст,
Но аромат ее волос я по ночам блаженно пью.
Охвачен пламенем любви, что сам, безумец, я зажег,
Оставлю пепел свой ветрам, сгорев, один, в чужом краю.

Боюсь, не суждено мне вновь увидеть милый мой
цветник, —
В постылой клетке заточен, я злой недуг в крови таю.
Я в школе бытия постиг свободы и любви язык, —
Иная мудрость мне чужда, иных я песен не пою.

1921
Стамбул

39

С немилостью подруги непреклонной как быть?
Она — душа, с душою уязвленной как быть?

Здесь песнь, вино и кравчий, я же гибну,
С тем локоном душистым разлученный, как быть?

Из жизни скоро с корнем буду вырван,
Кипучих слез потоком унесенный, как быть?

Положим, смерть помилует страдальца,
Но коль поник, стрелой ресниц пронзенный, как быть?

Каприз в державе сердца стал эмиром, —
Разбойник, властью стража облеченный, как быть?

Зачем — спросили — шейх любви враждебен?
Друзья, с душой слепой, непросвещенной как быты!

Когда в саду бесчинствует охотник,
С жестокой долей птицы полоненной как быты!

Под стать Ирану сердце в разоренье,
О горе, с этой кровлей разоренной как быты!

Один, вдали от края дорогого,
Зачахну, злым недугом истомленный, как быты!

Предав отчизну, преуспел бы, знаю,
Да с гласом этой совести бессонной как быты!

Чечь берегущий родины — Зюлейки
Познал судьбу Юсуфа, заточенный, как быты!

Коль проку нет слезами обливаться,
Пора поднять клинок наш закаленный, как быты!

Для Лахути закрыты милой двери —
Ведь недругам ее он враг исконный, — как быты!

1921

40

О ты, чей мимолетный взор поработить живущих мог,
Спроси, как пленник твой живет в юдоли скорби
и тревог.

Тюрчанка гордая, тебя я с полувзгляда полюбив,
Утратил твердость и покой и от бессилья изнемог.

Я так страдаю по тебе, что сердца стук чуть уловим,
Не слезы льют мои глаза, а крови рдеющий поток.

Ведь ты бездумно и легко способна жизнь мою сгубить,
Когда тебя я обниму, познав блаженство и восторг.

Благоразумия не жди! В сетях властительной любви
Не властен буду над собой, безумным став
у стройных ног.

Коль над могилою моей ты затрепещешь, как свеча,
Я под землю воспарю, как легкокрылый мотылек.

Друзья, воистину скажу, что без подруги жизнь пуста,
Судьба зачтет нам только день, в котором
не был одинок.

О рае столько раз твердил нам надоедливый аскет,
Что мы не верим болтуну, а гурий пусть лобзает бог.

Богатый хвастает казной, тщеславный — знатностью
своей,
Горд Лахути, что, словно раб, любимой посетил порог.

1921

41—42. Р У Б А И

1

Я славлю тех, кто не сгибал колен,
Кто пыл свой отдал, славу взяв взамен.
Всем сердцем славлю я того борца,
Кто душу отдал, но не сдался в плен.

1921
Тавриз

2

БРАТУ

В трудах я, в муках дни и вечера,
В жару, в огне с заката до утра.
Твои, мой милый, да продлятся годы, —
Мне встретить смерть в борьбе пришла пора.

1921
Тавриз

Коль серп свой над шахскою ты занесешь головою,
Я первый, пахарь-герой, устремлюсь за тобою.

За дело крестьянское как же мне грудью не встать?
Ведь хлебом живу я, добытым крестьянской сохою.

Могу ли рабочему сердце навек не отдать?
Всё создано в мире рукою его трудовою.

Прекрасен Иран, но гляжу я на скованный Труд,
И сердце мое наполняется гневной тоскою.

Припомню зловонную шахту, усталых рабов, —
И мускус не мил, и на розу гляжу я с враждою.

О шахе и шейхе я истину знаю одну:
С врагами свободы пора нам готовиться к бою.

Где молот и серп и арена восстанья, друзья?
Дворец сокрушу я, коварство мечети раскрою.

*Январь 1922
Тавриз — Шереф-хане*

44. АССАЛО!

О, желанный час, когда алый стяг
Высоко взовьется, и дрогнет враг,
И увидят всюду призывный знак,
И услышат все: ассало!

Все дворцы насилья падут тогда,
Зашумят по-новому города,
Будут все низвергнуты господа,
И в лачугах станет светло.

Без тебя, в трудах закаленный друг,
Без твоих мозолистых, крепких рук
В запустенье всё бы пришло вокруг,
Поле жизни бы не цвело.

Пролетарий! Мира строитель — ты,
Земледелец! Жизни носитель — ты.
Трудовой народ! Избавитель — ты,
Избавленья время пришло.

Что же медлишь? Грозно схватись с врагом,
И восстанья грянет могучий гром!
И услышим: рухнул бесправья дом,
Царство дикости в ночь ушло.

Он наступит, радостный день, когда
Я увижу вас пред лицом суда,
Шах, и шейх, и алчные господа —
Все, творящие в мире зло!

Январь 1922
Тавриз — Шереф-хане

РУБАН

45—59. О, МОЙ ИРАНИ!

1

В короне шах взирает свысока,
Но трон его, богатства и войска,
Всё серебро, всё золото добыты
Трудом рабочих, потом бедняка.

2

Шах кровью войн всё царство запятнал,
Своих дворцов убранство запятнал,
Шейх-проповедник, восхвалив тирана,
Священный сан коварством запятнал.

3

Измучен, в ранах. . . А свобода где же?
Нет правды, угнетатели всё те же.
Не труженик ли строил светлый мир,
А сам ни часа в светлом доме не жил.

4

Всю жизнь у крестьянина хлеб похищал шейх,
И тысячи гурий взамен обещал шейх.
Но как-то крестьянин не смог уплатить в срок —
И кличку безбожника нищему дал шейх.

5

Принес Новруз веселье для живых,
Сынки богатых в платьях дорогих,
Они довольны. А рабочих дети
В лохмотьях смотрят издали на них.

6

Ты на работницу взгляни: запугана, бледна,
Бедняжка жметя в стороне, оборвана она.
Нет украшений у нее, ни платьев, ни румян,
Зато природной красотой она наделена.

7

Купец деньгами одарил сынка,
На сверстников тот смотрит свысока.
Учитель, в школе не ласкай барчонка —
Ведь он похитил хлеб у бедняка.

8

Сорвал крестьянский мальчуган налившуюся гроздь,
Отец и мать его бранят, кричат в испуге: «Брось!
Безумец! Иль не слышал ты, что говорил мулла?
Есть раньше хана! Как бы в ад попасть нам
не пришлось. . .»

Шах за усладами в погоне круглый год,
 Хан грабит без стыда измученный народ,
 Ханжа людскую мысль отравой губит, —
 Мы — рады жизнь отдать за тех, чей льется пот.

О пышном хлебе, что лежал у ханов на столах,
 Шейх говорил: «Его послал за праведность аллах!»
 Дехканин в поле хлеб растил, а ест его эмир,
 Бесстыдный шейх тот хлеб принес с молитвой на устах.

Почитатели гурий — дервиш, мулла и монах,
 Шейх и хан, и все, кто в высоких чинах, —
 Бездельники жадные — сыты по горло. А спросишь:
 Откуда им блага? Ответят: послал-де аллах!

На черные деньги, на штрафы, что взял с крестьян,
 Пирует помещик в саду, где журчит фонтан.
 Добру своему же дивится народ и вслед
 За шейхом твердит: «Щедро взыскан аллахом хан!»

В Иране мне крестьянин клялся в том,
 Что хан велел его избить кнутом
 За то, что съел бедняк кусочек хлеба,
 Добытый изнурительным трудом.

Крестьянский хлеб себе присвоил хан,
 Вор отобрал достаток у крестьян.
 Чиновник-лихоимец, сам я видел,
 Чужие деньги положил в карман.

Мусульманский, христианский и еврейских два врача
 Озабоченно склонились над постелью богача.
 А к рабочим в переулке смерть голодная склонилась —
 И никто не знал, что гаснет скорбной жизни их свеча.

60—74. РАБОЧИХ РУКИ

1

Рабочих руки возвели заводы и дворцы,
 Пшеница зреет на полях — ее сожнут жнецы.
 Нам не господь дарует хлеб и строит города, —
 Крестьянин и рабочий! Вы — всех благ земных творцы!

2

Склонялся Зороастр перед огнем,
 Он проявление бога видел в нем.
 Сегодня электричество нам служит, —
 Его считают люди божеством.

3

Да, электричество — наш бог. Его помощник — знание.
 Труд — наша вера. А станок — священное писанье.
 Ведь революция для нас Днем Воскресенья стала:
 Она народам принесла и мир, и процветанье.

4

Нет, электричество — не бог! Напрасно это слово,
 За то, что я ошибся так, корю себя сурово.
 Ведь электричество в дома провел простой рабочий:
 Он — бог! И он нам возвестил начало жизни новой!

5

Рабочие, вы — вроде докторов,
Вас прославлять без усталы готов.
Вы общество излечите большое
От богачей, лентяев и воров.

6

Мы в мир пришли и помним об одном:
Свой хлеб мы заработаем трудом.
Не всё ль равно — Иран или Европа
Как нас зовут: Асадом иль Петром?

7

Заработай хлеб — иного есть не вздумай,
Хлеба, друг, нетрудового есть не вздумай.
Нет, уж лучше помирай голодной смертью,
Но плоды труда чужого есть не вздумай.

8

Благочестивым некий шейх прослыл:
Сухой лепешкой он доволен был.
А я его считаю дармоедом:
Он землю не пахал, не боронил.

9

Рабочий, ты и вправду золотой,
Ценнее амбры пот твой трудовой.
Мозоли эти на руках рабочих
Красноречивей, чем пророк святой.

10

Рабочий люд страдает под ярмом,
Он угнетен и обделен во всем.
А всё вокруг рабочие создали —
Сам по себе не выстроится дом.

11

Цех фабрики у богача я видел,
 Котлы, бурлящие до края, видел.
 И что в бесчисленных котлах кипит
 Рабочих кровь, — душой страдая, видел.

12

Богач ходил в халате золотом,
 Пил дорогие вина за столом.
 Не замечал он, кубок осушая,
 Что кровь рабочих пьет он с тем вином.

13

Сын торгаша вино хмельное пьет,
 Его работник вытирает пот.
 Как примириться с тем, что сыт бездельник,
 А голодает тот, кто создает?

14

Рабочий скован по рукам и заключен в тюрьму.
 Там крепки стены, низок свод. . . И я сказал ему:
 «Ты строил ханскую тюрьму, кирпич покорно
 клал, —
 Тебе разрушить этот свод придется самому!»

15

Я слышал, люди говорят, что жил такой эмир,
 Который бедных оделял, — его прославил мир.
 Но мы-то знаем: оттого был сказочно богат,
 Что беспощадно угнетал того, кто наг и сир.

1

Вам, человечества сыны, сказать не премину:
Чужие слава и позор ввергают вас в войну.
Вы, подчиняясь воле злой, готовы жизнь отдать
За тех, кто в гибели людей нашел корысть одну.

2

«Рабочим незнакомо слово „честь“!» —
Твердит богач, в шелка одетый весь.
Но честь рабочих, я готов поклясться, —
В том, чтоб голодным детям дать поесть.

3

С тираном, будь он сам господь, сражаться я берусь.
Круша преграды на пути, до неба доберусь.
Того, кто дерзостно решил мне в этом помешать,
Я уничтожу без следа. Да будет так — клянусь!

4

Шах мучил и терзал народ, живя в довольстве сам,
Ему мешало, что народ взывает к небесам.
Властитель шейха пригласил и подкупил его,
Так стал тирану потакать услужливый ислам.

5

Царь ли бьется с царем иль торгаш с торгашом —
В накладе народ при исходе любом:
Коль он победит — это прибыль имущим;
Разбит — остается всё тем же рабом.

Чтоб зверя в поле изловить, охотник скрыл капкан,
 Чтобы людей поработить, иной плетут обман:
 Сплетают хитрые силки, незримые для глаз,
 Не путы, не железо там — корона и коран.

Эти пушки богатых, что горы громят,
 Этих танков ряды, что не знают преград,
 Для чего? . . . Чтобы хлеб, заработанный потом,
 Есть по праву не мог твой трудящийся брат.

Различие в вере, языке, в одежде — всё пустое,
 Договорились бы легко все люди меж собою.
 Но капитал — виновник войн, кровопролитных распрей,
 Когда бы не было его, всё стало бы иное.

Пока науки не постигнем мы —
 Влачить нам бремя вековечной тьмы.
 Восток и Запад дружными не будут,
 А беднякам не скрыться от сумы.

Коль поп с муллою божье имя чтут,
 Зачем друг друга в ярости клянут?
 По их словам, бог создал всё живое, —
 Они живущих смерти предают.

Те, кто живет для славы и наград,
 Обманывать способны всех подряд.
 И если имя честное увидят —
 Они его пятнают и чернят.

«Честь в щедрости, а благородство в том,
 Что мы хвалу за щедрость воздаем», —
 Рек Саади. Но если всё разделим —
 То щедрыми все сразу прослыдем.

Есть люди. . . Впрочем, мы людьми напрасно их зовем,
 У них, похоже, и дела, и мысли об одном.
 Мечеть и церковь, шейх иль поп — не всё ли нам равно?
 Одно им нужно: угождать правителям во всем.

Невежества безмерна глубина,
 Без знаний жизнь бесцельна и бедна.
 И если б угнетателей не стало,
 Лесть подхалимов стала б не нужна.

Пока покорен Западу Восток,
 Индийский край — чужих богатств исток,
 Рабочие в единстве не сплотятся —
 Счастливой жизни не наступит срок.

Я уничтожить золото велю,
 Меж бедняками блага разделю,
 Иль сброшу с угнетателей корону,
 Иль кровь свою в святом бою пролью.

Пока рабочий класс в плену дурмана,
 Пока живуча вера в Ахримана
 И женщина не знает равноправья —
 Вражда и беды изнуряют страны.

Рабочие! Ведь вы равны богам!
Хочу, чтоб всё подвластно было вам.
Вас богачи хулят и презирают,
А вы даете хлеб своим врагам?

Набил помещик золотом мешок,
Ограбил всех, корыстен и жесток,
Теперь, взирая на свое богатство,
Твердит за шейхом: «Всё послал мне бог!»

Шах по миру своих крестьян пустил,
Сам во дворце смеялся и кутил.
Рты подданным, которые роптали,
Подручный шейх иголкой зашил.

Жизнь во дворце беспечна и светла,
Но кровь народа скатерть залила.
Богатые зовут на помощь пушки,
Им шейх поможет в этом и мулла.

Покуда будет золото в цене,
Торг и продажа процветать в стране
И женщина не станет равноправной —
Мир будет гибнуть в распрях и войне.

Нам любовь небесных гурий посулил в раю аскет,
Мол, вкушать вино мы будем, навсегда забыв запрет.
Отчего ж повелевает под чадрую скрыть лицо
Той, кто краше райских гурий, той, которой лучше нет?

Когда носила ты чадру густую, словно дым,
 Я в праздник траур надевал, отчаяньем томим.
 Тот день, когда ты сорвала постылую чадру,
 Благословенный, как Новруз, стал праздником моим.

Ты, девушка Востока, нам сестра,
 Давно настала новая пора.
 И, право, жаль, что ты не понимаешь,
 Как унижает женщину чадра.

Нам мудрецы твердят недаром все,
 Что первая любовь — как медресе.
 Но коль она возвышенной не будет,
 То грубость расцветет во всей красе.

Есть в скромности величье красоты,
 Нет ничего прекрасней простоты.
 А украшенья — побрякушки знати —
 Плоды празднолюбивой суеты.

Будь вся земля нам словно дом родной,
 Когда б мы жили все семьей одной,
 Будь общими доходы и убытки,
 То равноправны стали б муж с женой.

Невежество с кошмарным схоже сном,
 Мы суеверия теперь не признаем,
 Свободные от лживых предрассудков,
 С трудящимися в ногу мы идем!

Мои враги — мулла, и шах, и кровопийца хан,
Не верю я ни в рай, ни в ад, в котором Ахриман.
Я — тот, кто ценит прямоту в поступках и речах,
Я — лев, готовый защищать трудящийся Иран.

Хорошо, если каждый гордится тобой,
Никому не давай тяготиться тобой.
Но когда справедливость велит — не смущайся,
Если даже весь мир возмутится тобой.

1910—1922

СТИХОТВОРЕНИЯ

1922—1956

106. РАБОЧАЯ КЛЯТВА

Я присягаю в том, что сын труда я,
Семья моя — рабочие дружины,
Весь шар земной — страна моя родная,
И труд, могучий труд — мой бог единый.
Пред целым миром я, труда создание,
Клянусь рабочей клятвой огневою:
Пока есть мощь в руках, в груди дыханье,
Сражаться с ненавистною ордою.
Сражаться, чтоб рабочим и дехканам
У богачей свободу вырвать с бою.
Покуда чист от гнета мир не станет
И род людской счастливым не воспрянет —
Не разлучусь со сталью боевою.

*Февраль 1922
Нахичевань*

107. ИРАНСКОМУ КРЕСТЬЯНИНУ

От страданий крестьянская грудь стеснена,
У богатых от золота рвется мошна.

Барским прихотям нет ни числа, ни границ,
Нет батрацкому горю ни края, ни дна.

Круглый год у помещика полон амбар,
А в лачуге у пахаря нет ни зерна.

Хлебом-солью крестьянина жив господин —
За хлеб-соль, поглядишь, голова снесена.

Тот, кто царский венец и престол мастерил,
Ходит бос, неприкрыта его седина.

Верь, товарищ, в рабочие руки свои!
Верь и в песню: в борьбе верный спутник она.

Смелый стих наш тиранов разит, Лахути,
Силой армия с ним ни одна не равна.

1922
Нахичевань

108

От любви к ней погибаю —
как тяжел мой рок, не знает.
Сердце в жгучий пламень ввергнув —
как огонь жесток, не знает.

Прядь, что вьется гиацинтом,
вдруг арканом обернулась, —
Столько хитростей змеиных
ни один силок не знает.

Хоть давно твержу я сердцу:
«Избери тропу иную!» —
Путь любви оно избрало
и других дорог не знает.

Милая моя ночами
в сладкой нежится дремоте,
Что из глаз моих струится
слез кровавый ток, не знает.

Только милой и любовью
Лахути тетради полны,
В них много откровенья
ни один листок не знает.

1922
Нахичевань

است

~~بسیار است~~
 و این مریض را در این حالت
 در دهان او خون می آید
 میوه زرد را در این حالت

آسمان پر خشم را زهره می کشند
 می کشند از خون که در او
 (خون در بوق)

چنانچه که در این حالت
 خون در دهان او می آید
 و در این حالت
 خون در دهان او می آید
 (این وقت ندارد)

Syrup

همگانی دارد که میفرند
 ایشان و خشناک روی میز
 رشتنهای خود را باندند
 ای جنابکار که جنابت
 از تا خون بخلک مانده ای قابل
 دست خون آلودت را بپایان کن
 به زور که بپوشد
 به زور که بپوشد که زور در آن
 در صورتی که به خود گرفته

7

109. КРАСНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Пью за радостные вести залпом красное вино —
Солнце красное восстанья на Востоке зажжено!
Пью за миг, когда от крови исступленных палачей
Будет море бед народных красной пеной вспенено.
Близок час, когда за горло схватит выродка народ,
Час, когда петлею красной будет сдавлено оно.
Кровь раба ты льешь сегодня... Завтра красное копье
Будет над твоей, насильник, головой занесено!
Знать предатели хотели, что их ждет? — Я поднял меч:
Вот каков ответ наш красный всем, кто с ними заодно!
Слезы красные крестьянин, голодая, льет рекой,
Между тем у хана вдоволь красных вин припасено.
Да прольется кровь тиранов, должен мир омыться
в ней —
В красной книге революций так записано давно.

1922
Баку

110

Ханжи, молитвы ни к чему, пусть бог придет сюда,
Всю боль я вымещу на нем, — я мучился года!
Натруженные две руки — вот труженика бог,
Земля — отечество одно для всех людей труда.
Взгляни, изнежена жена злодея богача,
Ее коснется лепесток, и все кричат: «Беда!»
Зато работающий люд просолен до костей,
Рубаха к телу, пропотев, прилипла навсегда.
Она же — саван бедняка, его схоронят в ней, —
Ведь проработавший весь век ограблен без стыда.
Пусть жизнь отравят богачам газели Лахути,
Для тех, кто трудится, мой стих — как средь песков
вода.

1922
Баку

Так слаб я стал, что дуновенья одного
Довольно для исчезновенья моего.

Мне горько... Что сорвать успел я, кроме терний,
В саду надежд, порой цветенья? — Ничего.

Поднес бы жизнь тебе, — давно ее купила,
Ты говоришь, ценою взгляда одного.

Пусть от жестокости твоей изнемогаю,
Всё ж не искал благоволенья ничьего.

Сносил обиды все без жалобы и вздоха,
Не звал, с мольбой о сожаленье, никого.

Кидался в смертный бой бестрепетно, ни разу
Не преступил я повеленья твоего.

Готов одним твоим довольствоваться словом,
Но тщетно жду вознагражденья своего.

Ужели в верности моей не убедилась?
Не прогнала еще сомненья отчего?

1922
Баку

Угнетатель бездушен, — злодейств миллионы видел я;
Что добрей во сто крат даже зверь разъяренный, видел я.

В сотне толстых томов не вместится и краткий перечень,
Сколько черных деяний чалмы и короны видел я.

Под молитвы святош за барыш совершают страшное —
Брата брат убивал, кровь и нож занесенный видел я.

В мире гнета и зла даже жизнь продается походя, —
Как упал человек, из-за денег казненный, видел я.

Как рабочие гибнут, нефть добывая черную,
Как хозяин кейфует, в разврат погруженный, видел я.

Не помогут в беде колокольный звон и «алла акбар», —
Как бессильны молитвы, бессмысленны звоны, видел я.

Лахути, не забудь, где стада охраняет волк-пастух,
Где правитель разбойник, — Иран беззаконный видел я.

1922
Баку

113. В КАЛЬКУТТЕ

«Командир, готовы пушки, пулеметы на местах,
И войска твои готовы выполнить приказ любой!..»
— «Молодец! Сумей как надо с наглой справиться
толпой,

Он тебя повысит в чине, предстоящий этот бой.
Постарайся же сегодня — этих псов повергни в прах!..»
— «Да живет начальник добрый! Ты команду дашь —
огонь! —

И телами тех бандитов вмиг покроется земля.
Скажешь — город мы разрушим. Скажешь — вытопчем
поля!

Есть у нас и честь, и храбрость: мы солдаты короля!..»
— «Браво! — по плечу сержанта крепко хлопнула
ладонь. —

Что в солдатском сердце? — Твердость! Что в солдатских
мыслях? — Долг!»

Но они-то безоружны, не смутится ли солдат?
Нет, солдат приказу верен. «Будем делать, что велят!..»
Офицер стоит в раздумье. Он сомнением объят.
Говорит себе: «Что будет, если возмутится полк?..»
Вдруг на площади дворцовой караульного сигнал.
«Эй, залечь за укрепления!» — офицером дан приказ.
Ждут в волнении солдаты... будет страшный бой
сейчас...

Где ж бандиты? Это дети, женщины идут на нас,
Измощенные, худые... голод их сюда пригнал...
Во дворце живет правитель. Площадь вся людьми полна.
Ни единого среди тысяч сытого вы б не нашли...
«Да живет наш повелитель! Хлеб за труд нам дать вели!
Посмотри — мы умираем!..» Но в ответ команда: «Пли!»
Грянул залп... Через минуту здесь на площади, в пыли —
Только кровь, и стон, и трупы, и — немая тишина...

1923
Москва

Врач, в лицо мое взглянув, ничего не сказал,
Пульс пощупав и вздохнув, ничего не сказал.

Я про то, что о тебе, дочь Ирана, скорбел,
Глаз до света не сомкнув, ничего не сказал.

Дервиш, перед кем рассказ я о радио вел,
Балахон свой запахнув, ничего не сказал.

Обессиленный бедняк, умирая, стонал —
Сытый, глазом не моргнув, ничего не сказал.

Поглядел мастеровой на ковры богача,
Взором сумрачным сверкнув, ничего не сказал.

Речь с хозяином завел о трудящихся я —
Он, из чаши отхлебнув, ничего не сказал.

Я страницы Лахути перед шейхом раскрыл —
Он, в мечеть улепетнув, ничего не сказал.

1923
Москва

Ты, празднующий свадьбу с милой,
разлуки тяжкий гнет поймешь ли?
Ты, встретившийся с верным другом,
тоску, что сердце жжет, поймешь ли?

Как под ярмом живет крестьянин,
как тяжело трудится рабочий,
Ты, толстосум, привыкший к лени,
не знающий забот, поймешь ли?

Ты совесть променял на деньги,
ты счета золоту не знаешь,
Что означает слово *совесть*
ты, праздный живоглот, поймешь ли?

Ты, хан, ссыпавший в амбары
весь урожай дехкан кабальных,

Как дорог хлеб тому, кто беден,
кого нужда грызет, поймешь ли?

Богач, живущий в теплом доме,
закутанный зимою в шубу,
Ты наготу и лютый холод
и тысячи невзгод поймешь ли?

Ты, преданный отцовской вере,
о труженик благочестивый,
Как подло расставляет сети
святош презренный сброд, поймешь ли?

В стадах у шаха не исчислишь
волков на должности овчарок,—
Когда он верен, этот пастырь,
когда он предает, поймешь ли?

Ты, сердцем с Лахути не схожий,
противник мой и соглядатай,
Как беден труженик Ирана,
как страшно он живет, поймешь ли?

1923
Москва

116

Этот холм с повалившимся кедром,
Этот пепел сожженной травы,
Эти трупики птиц среди черной листвы
Под горячим и гнилостным ветром.

Эти горы в сухом и кровавом огне.
Эта линия рыжей реки,
Это небо, упавшее мглой в тростники,
Эти кладбища — памятны мне.

Я спросил: «Кто живет в вашем страшном краю?
Кто разрушил поля и дома?
Кто сады и луга в омертвевшем раю
Разорил, как пожар и чума?»

Из камней и развалин трава не растет,
Базилик на лугах не цветет,
И в угрюмой трясине кровавых болот
Голодающий бродит народ.

Я узнал этот мир — сомневаться нельзя, —
Мне знакомы и луг, и луна,
Мне знаком островок, где на берег, скользя,
Набегают крутая волна.

Я спросил у дорог: «Кто прошел здесь огнем? ..»
У холмов: «Кто вас кровью залил?
Как зовется страна? Как мы воду зовем? ..»
И услышал: «Вода эта — Нил».

Здесь прошли батальоны английских солдат,
Батареи английских полков,
Смертоносные сохи английских бригад
И мотыги английских штыков. . .»

1923

117. СМЕРТЬ РЕВОЛЮЦИОНЕРА

Отряды шахские стоят у Тегерана,
«Национальные» охватывают Решт,
Ведет их Кучик-хан. Одни — войска тирана,
Другие же — оплот помещичьих надежд.
Но в этой армии ревком сложился тайный,
Чтобы рабочему помочь и бедняку.
Начальник черных сил, узнав о том случайно,
Подумал: «Берегись! Быть нужно начеку.

Уж до того дошло, что мне равняться надо
С ослом-дехканином, с ничтожным батраком.
Другого дела нет, как влиться в это стадо,
Стать «пролетарием», не зваться богачом!
Нет, я, как шах, сверкну перед моим народом.
Некоронованный, я их заставлю пасть!
А если сблизиться вот с этим жалким сбродом, —
Где будет мой почет, богатство, роскошь, власть?»
«Брат, трудно нам. Враги становятся сильнее.
Скорее приезжай, и мы составим план,

Как перестроить фронт, чтобы сломить им шею,
И шахских казаков швырнуть за Тегеран...»

Вождь коммунистов взял коварное посланье,
Прочел и запылал, как бы смола в огне,
Собрал товарищей и с восторгом собранья
Помчался говорить с врагом наедине:
«Иран желаешь ты обречь несчастьям лютым,
Ты хочешь, чтоб корабль попал в водоворот,
Чтоб не было конца восстаниям и смутам,
Когда себе всю власть бандитов горсть возьмет!
Чтобы, велениям каких-то нищих внемля,
Любой почтенный род был должен жертвой лечь.
Пусть лучше голова твоя падет на землю», —
Такую черный вождь вел с коммунистом речь.

Но тут же Хайдар-хан ему на то ответил,
Что речь подобная достойна лишь стыда,
Что мир — трудом крестьян, трудом рабочих светел,
Что весь Иран — ничто без этого труда.
«Теперь же против нас стоят отряды шаха,
Не разговаривать, а воевать пора,
Иначе шах возьмет над нами верх с размаха...»
Тянулся этот спор до самого утра.

Был арестован он. В тревоге и смятенье
Его товарищи сплотиться не смогли.
А шахские войска рванулись в наступленье,
Сквозь гробовую ночь со всех сторон пошли.
Был холод, мрак и вихрь. В тюрьме душа Хайдара
Всем бедам вторила, всему, что мчала степь,
Скорбь о товарищах в крови кипела яро,
Но руки связаны, но шею сжала цепь.

И в темноте ночной в тюрьму отряд ворвался,
Свет скудный фонаря глазам нанес удар,
За палачами сам начальник показался...
Недолго думали: расстрелян был Хайдар.
Когда он жертвой пал предательской расправы,
Не боль горела в нем — к рабочему любовь,
И взор его померк, ловя лишь цвет кровавый;
Всё — небо, горы, лес, земля, пустыня — кровь.

Он думал, чуть дыша и закрывая веки,
Что пролетариат сумеет свет достать,

От суеверия избавится навеки,
В тюрьме, под пытками, не станет изнывать...
Организуется на битву с богачами,
Визирь падет, и шах от пешки примет мат...
И будет власть взята рабочими руками...
И по коронам серп и молот загремят...

Но иссякала кровь, смерть встала наготове,
Сквозь визг и грохот сфер он видел над собой:
Широко развернув знамена цвета крови,
Полки рабочие единой шли стеной...
Пути просторные открыв иным эпохам,
Мир гнета рушился: дворцы валились в ночь...
Меж этих образов слетел с последним вздохом
Его последний крик: «Да здрав... ствует...
рабоч...»

1924
Москва

118. ЕДИНЕНИЕ

По знойной дороге идет он пешком,
Измучен, нестрижен, небрит;
Обмотаны ноги тряпьем,
Лохмотьями жалкими еле прикрыт,
Рубашка истлела на нем.
К садам Тегерана дорога бежит,
За пленником едут солдаты верхом.

Но кто ж он, идущий пешком в Тегеран?
Босой, полуголый, в цепях,
А крепок, как видно, закал!
Ему незнакомы усталость и страх,
Он холод и голод знавал,
Не ждал, что помилуют шейх или шах,
Боролся за счастье рабочих, крестьян.

«Эй, милый, открой преступленья свои,
Когда провинился и в чем?» —
Окликнул его верховой
И тронул без злобы легонько хлыстом.
Он гневно тряхнул головой

И молвил: «Мое преступленье лишь в том,
Что я из рабочей семьи.

Вскормленный, вспоенный рукой трудовой,
Спросил я: доколе страдать?
Трудом создается мир,
Но в нем тунеядцам одним благодать.
Нам — труд, а богатому — пир.
Мы сеем, но жатву не можем собрать...
Иной я не знаю вины за собой».

Конвойный другой отвечает ему:
«Но ты, говорят, бунтовщик,
Безбожник, погрязший во лжи,
Поносит законы страны твой язык.
Не путай и прямо скажи:
Иль ты от свободы настолько отвык,
Что любишь изгнание, побои, тюрьму?..»

«И ты предпочтешь их, коль правду поймешь, —
Так вымолвил узник в ответ, —
Закон ваш — трудящихся враг.
В шелка даже пес во дворце разодет,
А труженик голоден, наг.
У знатных людей справедливости нет,
Их добрые речи — приманка и ложь,

Слова в позолоте! И кто их поймет,
Тот многое в мире поймет.
Законы господ — нам беда,
Трудящимся рабство закон ваш дает,
Свободы не даст никогда.
Трудящихся лишь единенье спасет,
Низвергнет навеки насилье и гнет!..»

1924
Москва

Я не из робких! Пусть судьба
мне будет злейший враг —
Я твердо знаю: ей меня
не одолеть никак.

Пускай не хвалится своим
 всевластьем небосвод —
Он рухнет, стоит мне поднять
 восстанья алый стяг.

И милости не надо мне —
 я собственной рукой
Добуду счастье, путь к нему
 держа сквозь глушь и мрак.

С моей дороги я смету,
 и мулл, и богачей —
Я дал обет вести борьбу
 за тех, кто сир и наг.

Я рока мощь не признаю,
 не верю в силу звезд,
Мне одинаково смешны
 и звездочет, и маг.

Пускай в небесный рай закрыт
 мне доступ — рай земной
Стократ милее мне. К нему
 свой направляю шаг.

1924

120

Скажите всем, чье ремесло — разбой,
Чтобы они прощались с матерями:
Уже рабочий поднял молот свой
Над ханскими пустыми головами.

Уж время хищникам и богачам
Со слугами своими поравняться:
Доколе им по сгорбленным плечам
На шею бедных без стыда взбираться?

Доколе будет голод пожирать
Истаявшее тело молодежи?
Доколе дочерями одарять
Помещичье крестьяне будут ложе?

Доколе будут кровь рабочих ран
Эмиры лить в чеканные стаканы?
Доколе шахи, на гроши крестьян,
Лелеять будут нежных гурий станы?

Доколе царедворцы будут в прах
Затапывать трудящихся в неволе?
Доколе труженики в городах
И в селах будут их кормить? Доколе?

Эй, труд! Железной хваткою своей
Сожми гортаи́ господ и богачей!

Эй, славный серп крестьянина, свергни
И головы нечестные сожни!

Эй, молот тех, чьим предком был Кова,
Сшибай венцы, выковывай права!

Эй, знамя алое, объедини
Всю бедноту в твоей живой тени!

Эй, красная звезда, сияй, сияй
И озари Восток из края в край!

1924
Москва

121

Я не только владеющий словом поэт, —
Воин, видевший много потерь и побед.
Против пушки стоять, самолета умел,
С наковальней и молотом дружбу имел.

На пиру — соловей, свой поющий дастан,
А в сражение — Ростем, создающий дастан.
В битве — словно перо мой разящий клинок,
А поэта перо — настоящий клинок.

Жизнью сходен с мечом, в этом странного нет,
Меч в руках у дехкан и рабочих — поэт.
Устрашает, как рык, справедливый мой гнев,
Ибо я против рабства — сам яростный лев.

Мои кости крепки, длань исполнена сил,
Я, подобно Каве, цепь Заххока дробил.
Только матери грудь от меня отнялась,
В мои руки клинок жизнь вложила тотчас.

Как политик я чист, не запятнана честь,
Справедливость одна в моих помыслах есть.
Прямота, и бесстрашие, и правда во мне —
Мой свидетель — вся жизнь и события в стране.

Тегерана события главные — я.
И Тавриза восстание славное — я,
Керманшаха деянья и мужество — я,
Доблесть Кума, Кашана содружество — я.

... То бывшие дела, то бывшие черты,
Ныне с партией новой достиг высоты.
Но гордыни меж тем не имеет певец,
Ибо не себялюбец, не жалкий глупец.

Ибо знает увидевший знания свет,
Что нуждается в больших познаниях поэт.
И недаром стесняется завистью грудь,
У завистников, мой наблюдающих путь.

1924

122

Цели желанной без друга добиться трудно.
Жить без тебя, моих мыслей царица, трудно.

Можно и льва разъяренного встретить бесстрашно,
Только с очами-нарциссами биться трудно.

Миг с тунеядцем не думай пробыть без ущерба, —
С волком, людей пожирающим, сжиться трудно.

«Крови рабочих не лей!» — богачу закричал я.
Он же: «Без этого мне обходиться трудно».

Шейх одноцветен снаружи, внутри же он пестрый,
С этим ханжой лицемерным водиться трудно.

Тот, в чьей крови заструилась отравою вера, —
Мертв, а известно: от смерти лечиться трудно.

Если ты тверд, Лахути, станет трудное легким.
Лишь недостойный вопит, что трудиться трудно.

1924
Москва

123

Стал чужим я для любимой, и судьба моя жалка,
Мельче праха той дороги, где она прошла, легка.

К ней приблизиться не смею ни на малый волосок, —
Горе мне! Неужто впрямь я неприметней волоска?

Не позорь меня отказом, красотой опали, —
Удостой меня мгновенной, легкой смерти мотылька!

Разрешите мне прикоснуться к дивным локонам твоим.
О жестокая, неужто я ничтожней гребешка?

Либо я добьюсь свиданья, либо кровью обольюсь.
Если так прикажет сердце, будет крепкою рука.

К твоему спешат порогу все влюбленные толпой,
Справедливой будь и сжался над судьбою бедняка!

1924

124

Мой труд — наставник мой. В труде, в борьбе успел
я закалиться.
Сверженье гнета — мой девиз, обет мой — вольности
добиться.

Крепка, верна моя рука, вся сила только в ней одной,
Лишь это осознав, сумел от рабства я освободиться.

Я не один. В одном строю со мною весь рабочий класс —
Сурово сжаты кулаки, решительны и строги лица.

В моих руках перо — как меч, приставленный к груди
врага,
Как поле битвы для меня стихов взволнованных
страницы.
Я слышал, муфтий дал фатву — меня неверным объявил,
Я рад: неверием своим я вправе издавна гордиться.
День занялся, пора к станку; замолкни на сегодня, стих.
Пусть в созиданье новых дней войдет мой вклад, моя
частица.

Друзья, душой спокоен я, свободен, независим я,
Мой труд — моя опора, честь; мое призвание — трудиться.
Когда меня не станет, знай — прорвавшийся из-под земли
Столб негасимого огня укажет, где моя гробница.

1924

125

Не встретил бы красавицы таджикской —
Душа к беде не подошла б так близко.

Огонь любви не охватил бы сердце,
Когда б те очи не метнули искры.

Арканом кос поймала, полонила,
А я искать спасенья не помыслил.

До тонкости урок постигло сердце,
В кудрях твоих участь безумству, риску.

Я жалоб на тебя таил немало,
Но промолчал — услышать мог завистник!

Востока свет померк от суеверий,
И на века был скован край таджикский.

Не обнищай народ в тисках эмиров —
Пред Ферганой померк бы край бельгийский.

Жизнь Лахути свою народу отдал,
Коль чествуют поэта — не дивись ты!

1924

По всем дорогам, что вели к столице,
Из деревень
Шагали дети, женщины, мужчины —
Всю ночь, весь день —
А в этот день стоял жестокий холод, —
И скорби тень
Легла за землю и людские лица.

Не описать народного смятенья...
Потрясены
Все горестною вестью — и слезами
Глаза полны.
Не в силах примириться с этой смертью
Душа страны.
Боль глубока. Безмерно возмущенье.

Народной скорбью о великом друге
Дышала тьма.
От поступи рабочих, ты сказал бы,
Дрожат дома.
Так скорбно и сурово шли колонны,
Что смерть сама,
Увидев их, отпрянула б в испуге.

Никто в тот день не оставался дома.
И лишь один
Дремал старик, давно не замечавший
Своих седин.
Пустым увидя дом, он вышел в страхе,
Его причин
Не ведая, тревогою ведомый...

Сев у дверей, не всё он понял сразу,
Но увидал,
Что в мире небывалое случилось.
Народный вал
Внезапно замер, хор гудков раздался, —
И старец встал,
Послушен сердца тайному приказу.

На пять минут мир преклонил колени...
Но вот затих

Хор голосов фабричных. У прохожих
Спросил старик:
«Скажите, что случилось? ..» И услышал
Он в тот же миг:
«Как, ты еще не знаешь? Умер Ленин!»

Старик заплакал и упал на землю,
Едва дыша.
От страшной боля, помутившей разум,
Рвалась душа.
Но, видя, что равняют строй партийцы,
Чеканя шаг, —
Воспрянул духом, поступи их внемя.

Гремел оркестр. Бойцы побатальонно,
Плечо к плечу,
Вливаясь в фабрику стройные колонны,
Шли к Ильичу,
Все, движимые волей непреклонной,
Шли к Ильичу —
И колыхались красные знамена.

Увидя буквы РКП на стяге,
Совсем седой
Старик расправил согнутые плечи,
Как молодой.
Услышал он «Интернационала»
Напев родной, —
Забилось сердце, полное отваги! ..

Он видел молодое поколение —
Отчизны цвет.
Он видел, старый труженик, надежду
Грядущих лет.
Народ единым и сплоченным видя,
Он крикнул: «Нет!
Ильич не умер. . . Жив великий Ленин!»

1925

Шейх сказал: «Две истины борются в небе».
 Шейх сказал: «К чему нам заботы о хлебе?»
 Бедность нужна для мира, богатство нужно для мира —
 Будем ждать, какой нам выпадет жребий.
 Слава завоевателям, кровью залившим мир,
 Слава и вам, рабы, вскормившие мир!»
 — «Лживый, хитрый старик! — отвечал я шейху —
 Вырвать бы твой язык! — отвечал я шейху. —
 Всё, что есть на земле, — дело крестьян и рабочих,
 Славный их подвиг велик! — отвечал я шейху. —
 Труженик нужен для мира; стяжатель не нужен,
 Правда — одна, другой нам правды не надо.
 Если б не мы, никогда бы никто не увидел
 Лондона, Басры, Парижа, Багдада.
 Мы говорим: работа наша полезна,
 Если служит она народному делу.
 Труд не всякий может трудом называться, —
 Трудится разве палач, кромсающий тело?
 Этот скверный мир — мастерская гнета,
 Кузница рабства, бурдюк злобы и жира —
 Должен пасть под грозную песнь пулемета
 В твердой руке батраков и рабочих мира.
 Время пришло. Рука класса окрепла.
 Новый мир — без классов — взойдет из пепла.
 Я, Лахути, полон неслыханной страсти!
 Что мне, шейх, посулы рая и ада?
 Страсть к борьбе с врагом жжет мое сердце,
 Жжет сильнее, чем любовь сердце Фархада».

1925

Москва

128. ЧЕГО ЖЕ ЛУЧШЕ!

Шейх сказал: «Увы, нет больше веры!»
 Я в ответ: «Чего же лучше!»
 Шейх сказал: «Народ бунтует серый».
 Я в ответ: «Чего же лучше!»

Шейх спросил: «Победу кто одержит?»
 Я в ответ: «Рабочих миллионы!»

Шейх сказал: «Падут теперь короны!»
Я в ответ: «Чего же лучше!»

Шейх спросил: «Что будет в ханском замке?»
Я в ответ: «Там будет дом Совета».
Шейх сказал: «Мне горше смерти это!»
Я в ответ: «Чего же лучше!»

Шейх спросил: «Кто сделал мир прекрасным?»
Я в ответ: «Коль не рабочий, кто же?»
Шейх сказал: «Тебя забыли, боже!»
Я в ответ: «Чего же лучше!»

Шейх спросил: «Что даст поэт отчизне?»
Я в ответ: «Отдать ей душу рад он».
Шейх сказал: «Не Лахути, Фархад он!»
Я в ответ: «Чего же лучше!»

1925

129

Сними чадру! Доколе длить
изгнанье Красоты?
Пускай увидит целый мир
блистанье красоты.
Цепей и пут не признают
в республике любви,
Пою кудрей коротких власть,
восстанье Красоты.
К чему коса, тугой аркан!
И без него к себе
Сердца плененные влечет
сверканье Красоты.
Я книгу верности листал
и, лишь твое везде
Встречая имя, постигал
призванье Красоты.
В совете сердца моего
на месте первом был
Твой образ несравненный в день
избранья Красоты.

105

Меч революции крушит
 все званья, всех владык,
Но не владычицу Любовь,
 не званье Красоты.
На тысячу вопросов даст
 нам логика ответ,
Но где уста, что отразят
 воззвание Красоты!
Всем счастье дарит Красота,
 один лишь Лахути,
Гонимый роком, испытал
 терзанья Красоты.

*1925
Москва*

130

По сводам трещины раскинули узоры,
И паутины сеть свисает по стене,
Тут пауки живут, и змеи роют норы
В глухой, и сумрачной, и сонной тишине.

Устои разошлись, и ослабели скрепы,
И башня, вниз осев, дала тяжелый крен;
Колонн торжественных и плит великолепных
Обломки давние валяются у стен.

На каждом цоколе, на каждой капители
Блистая надписей тут золотая вязь,
Но изреченья те от дыма потемнели,
И мудрость древнюю покрыли пыль и грязь.

Вот книга ветхая. Заплесневел пергамент.
Сажусь ее листать, в раздумье погружен.
Знакомый вижу я пленительный орнамент,
Стиха певучего ловлю знакомый звон. . .

Культура древняя, таджикская — вот имя
Огня, что этот дом веками освещал.
Очаг разрушен был. . . Но мы его поднимем.
Той дивной силою, что Ленин завещал.

*1925
Душанбе*

131. ПЕСНЯ

Пойми, дорогая, изныло сердце мое,
Покой навсегда позабыло сердце мое.
Вдали от тебя, расцветающий вешний бутон,
Как поздняя осень, уныло сердце мое.

Ах, если б на эти муки глянула ты,
На скорбную жертву разлуки глянула ты;
Ах, если б однажды на влажные эти глаза,
На эти дрожащие руки глянула ты!

Не ты ли насквозь пронзила душу мою,
Горящие стрелы пустила в душу мою?
Зачем же сегодня угаснуть пожару велишь?
Не ты ли воспламенила душу мою?

Что локон твой — сумрак ночей, моя ли вина?
Что держит он крепче сетей, моя ли вина?
Что сделал тебе я, за что убиваешь меня?
Любовь к ненаглядной моей — моя ли вина?

О, эта истома очей, и лукавая бровь,
И взор, что, сверкнув, за ресницами прячется вновь!
Коль сердце твое не тронут моленья мои,
На совесть твою, дорогая, падет моя кровь.

1925

132

Шейх-трезвенник, твои обеты
 за ковш вина неожиданно проданы;
Везде твердил их — как же это
 они так сразу, рьяно проданы?
Я ж не успел и оглянуться,
 как сердцем безрассудным сгублен,
И разум мой, и все познания
 за взгляд один желанный проданы.
Оклеветал меня соперник.
 и вот я милою отвергнут,
Врагу — о горе! — сердце друга
 безпошлинно, безданно продано.

А если в сердце оставались
последние две капли крови,
И те за нежную улыбку
пери Таджикистана проданы.
Настанет час — за край родимый,
не дрогнув, Лахути погибнет,
Ведь дни его ценою крови
родной земле — Ирану — проданы.

1925
Душанбе

133. РАБОЧИЙ И ДЕХКАН

Я — рабочий, ты — дехкан,
горе мне, беда тебе.
Стелют сеть богач и хан
вечно мне, всегда тебе.

Грабят среди бела дня
и тебя, брат, и меня:
Плач и стон достались мне,
голод и нужда тебе.

Шах и шейх для бедняков —
только тяжкий груз оков,
Зла от них немало мне,
муки и вреда — тебе.

Если их мы не сметем,
кровь сосущих день за днем, —
Не стереть обиды мне,
не избыть стыда тебе.

Если не сплотимся мы,
с горем не сразимся мы,
Счастье не слетит ко мне,
не блеснет звезда тебе.

Знай, трудами наших рук
всё сотворено вокруг,
Всё возьмем: заводы — мне,
поле и вода — тебе.

Угнетателей на суд
всенародный призовут;
Сгинуть им — воспрянуть мне,
ликовать тогда тебе.

Быть свидетелями там
нашим трудовым рукам,
Воспевать, о Лахути,
грозный день суда тебе.

1925

134. ПРАВДУ ПОЗНАЛИ

Мы, изнывавшие в путах нужды и печали, —
радостны стали.
В сумраке ночи блуждавшие, свет увидали,
правду познали.

Мы задохались в эмировых цепких когтях,
в шейховых крепких сетях;
Ныне свободу в отчизне свободной снискали,
правду познали.

Так истомились в неволе, что старости мгла
на душу тяжело легла.
Грянул Октябрь, и сердца молодые взыграли,
правду познали.

Жили в молчанье, немые, слепые рабы,
жертвы жестокой судьбы,
Речь обрели мы, увидели ясные дали,
правду познали.

Долго мертвил нас невежества тяжкий недуг,
много мы вынесли мук.
Знанья родник обрели, исцеленье сыскали,
правду познали.

Баям, святошам не смели мы вымолвить «нет»
столько мучительных лет, —
Править странюю, судьбой своей право стяжали,
правду познали.

Дружно, сыны трудового народа, идем
Ленинским славным путем.
Жизнь перестроить по-новому клятву мы дали,
правду познали.

1925

135. ТАДЖИКСКОЙ ДЕВУШКЕ

Осветился край таджикский — ты с лица сняла покров,
Ясный месяц так выходит из-за темных облаков.
Слава той руке могучей, что разрушила тюрьму!
Как сиянию такому робко прятаться во тьму!
Нет, подстриженные кудри не в ущерб красе твоей:
Привязать к себе навеки ты сумеешь без цепей.
Больше траурной завесы меж тобой и миром нет,
Ты в полях стяжала славу, почерпнула в книгах свет.
Помнишь, у врагов заклятых изнывала ты в плену?
Не дремли ж, от вражьих козней береги свою страну!
Как не петь об этой новой, ослепительной судьбе?
Сколько сил ты к жизни вызвал, — жить и цвeсть,
Октябрь, тебе!

1925

136

О сердце, стой, угомонись, не то я мигом проучу,
Я вздохом пламенным одним тебя расплавлю, как свечу.
Коль мне, судьба, изменишь ты, — служеньем кравчего
я в битве сокрушу тебя, мне дело это по плечу.
И если правду скроешь ты, язык мой, — дружбою клянусь,
Тебя врагом своим сочту, тебя в неправде уличу.
Скорей, о сердце, отзовись на клич израненных сердец,
Возглавь их праведный мятеж, тебя, как меч, я отточу.
Пускай в святой войне за жизнь, о дочь Ирана,
Любой ценою от чадры тебя освободить хочу.

И если сбросишь ты ее с лица движением одним —
Главой прекрасных назову, в стан избранных тебя
включу.

Я, Лахути, перед тобой познавья книгу разверну,
Коварство шейха распознать тебя, клянусь, я научу.

1925

137. ГОРЯНКА-КРАСОТА

(Песня)

Горянка-красота,
Поласковой смотри,
Ах, приоткрой уста,
Улыбку подари!

Пери Таджикистана
С волшеббно-гибким станом!
Твержу я непрестанно:
«Когда же ночь устанет,
Когда дождусь зари!»
Меня терзать не надо,
О, будь моей отрадой,
О, приоткрой уста,
Улыбку подари,
Горянка-красота.

По кудрям проводишь гребнем, чуть потупя взгляд.
Кудри черные потоком по плечам скользят.
Я люблюсь, я не в силах отвести глаза.
Где ты, сердце, где мой разум? Их не взять назад!

Пери Таджикистана...

и т. д.

Высока, стройна, как тополь, — что смутилась ты?
Колдовству такому где же научилась ты?
Ну, а если не колдунья — дай тогда ответ:
Как в моем стесненном сердце поместилась ты?

Пери Таджикистана...

и т. д.

Ясный месяц ты затмила красотой живой.
От любви исчах, стал тонок, словно волос твой, —
Я готов, клянусь сияньем этих звезд-очей,
Жизнь отдать — узнать бы только,
что любим тобой,

Пери Таджикистана...

и т. д.

1925
Душанбе

138

Скажи мне, божество мое, скажи, моя луна,
Ну чем я рассердил тебя, чем ты огорчена?

Когда бы мне печаль твою! Любимая, скажи,
Хочу узнать, что сделал я и в чем моя вина?

Иль жизнь мою тебе отдать? Скажи — и я отдам.
Мне чашу с ядом поднесешь — я осушу до дна.

Перед могуществом моим склонялись небеса,
Но пред тобой душа моя бессильем сражена.

Когда хочу я говорить, язык зовет тебя,
Другие он забыл слова, другие имена.

Извел я стопами людей. Укроюсь где-нибудь!
Что делать! Видно, доля мне такая суждена!

1925
Москва

139

Спроси, что чувствую, сражен внезапною грозой?
Мой ум, красавица, смущен, мой взор блестит слезой.

От ночи дня не отличу, коль нет тебя, — клянусь
Твоим сияющим лицом и черною косой.

Зачем ты мучаешь меня? Поверь — нет больше сил!
Я не из камня: как и все, я с сердцем и душой.

Ужель не знаешь, что горю в огне любви к тебе?
Любимая, как можно быть безжалостной такой?!

В разлуке злой я изнемог, — приди, чтоб капли слез
К твоим ногам я бросить мог, как жемчуг рассыпной.

Пусть кружит вихрь, огонь палит, но верности обет
Я не нарушу ни на миг, послушный пленник твой.

1925

140. В САМОЛЕТЕ

Всплывает богатырь небес над широтой полей.
В просторах воздуха к тебе стремлюсь
мечтой мосей.

Вверху на голубом лугу наш быстрый самолет
Стремительно несется вдаль, как лань
травой степей,

Нагроможденья облаков пронизывает он, —
Так сквозь отару рвется волк, ее седой злодей.

И встречный воздух на пути полетом так пронзен,
Как сердце бедное мое двойной стрелой очей.

Лежит меж небом и землей привольная страна, —
Дано лишь храброму назвать ее страной своей!

Все мысли о тебе одной, любимая моя!

Царишь единственно и здесь ты над душой моей!

Сроднился с мощной птицей я, — пусть эти два крыла
Домчат меня в твой край родной, в твой дом

родной скорей!

Я в сердце воздуха, — мое трепещет сердце в нем,
Лишь вспомню губы-лепестки, росы степной свежей!
За нежность милой, Лахути, душою платишь ты,
Она ж не купит и за грош тебя с тоской твоей!

1925

Душанбе — Каган

Ты, красавица Ходжента, дух мой в цепи заковала.
Гибнет сердце, но ни разу ты его не врачевала.

Ты прекрасна. Но я знаю: ты терзала всех влюбленных,
Ты мила, но всё же верных ты мученьям предавала.

Я любви просил, тебе же страсть моя казалась чуждой,
Всё о верности молил я, но ее ты не знавала.

Затворила ты все двери, чтоб тебя не мог я видеть.
Каждый путь, к тебе ведущий, предо мной ты закрывала.

Говорил я: «Изменяешь». — Ты обиженной казалась,
Говорил я, плача: «Злая». — Речь ты смехом прерывала.

Все ростки любви горячей, что в своем растил я сердце,
Ты с жестокостью поспешной с корнем тотчас вырывала.

О, красавица Ходжента, между всех красавиц мира
Столь жестокой и холодной, ты поверь мне, не бывало.

1926
Ташкент

О, пожалей, спасенье мое в тебе одной.
Я изнемог: как хочешь, так поступи со мной.
Я только гость нежданный, неведомый пришелец,
А ты б меня прославить могла в стране родной.
Явись глазам, как чудо, укрась глухую долю
И освети улыбкой сегодня мир земной.
Мою любовь и верность подвергни испытанью,
Узнаешь: сохранить их готов любой ценой.
Даруй мне радость встречи! Я плачу, я тоскую,
А ты глядишь беспечно, проходишь стороной.
Пускай я стар, но юность верни мне поцелуем,
Зажги восторгом сердце и озари весной.

1927

Мне сердце мотылек тоской сжигает — и улетает.
Горения науку постигает — и улетает.

Когда приснится красота другая — мысль о твоей,
Стрелой примчавшись, мне глаза смыкает — и улетает.

Средь ночи о тебе воспоминанье из глаз моих
Несметный клад жемчужин исторгает — и улетает.

С зарею на мою садится кровлю певец любви,
Для розы петь искусство постигает — и улетает.

Мне Лахути о верности любимой приносит весть,
Надеждою мне сердце исцеляет — и окрыляет.

1928

144. НА СМЕРТЬ ХЕДЖАЗИ

О нынешний бездомный раб — рабочий!
Когда свободу завоеешь ты,
И тяжкий молот твой с серпом крестьянским
Разрушит зданье зла и нищеты,
И ты, под сенью мира и науки,
Заветные осуществишь мечты, —
Тогда с волненьем и любовью вспомни
Погибшего товарища черты,
Того, кто палачам на растерзанье
Был кинут в глубь тюремной темноты,
Кто голову в застенке тегеранском
Сложил во имя счастья бедноты,
Не уронив свободы стяг высокий!

И ты, нуждой забитый земледелец!
Когда ярмо с усталых плеч сорвешь,
И мглу рассеешь ночи непроглядной,
И под веселым солнцем заживешь,
И для себя, не для чужой корысти,
Плоды труда обильные пожнешь,
И с жесткого лица завесу снимешь,
Когда из жизни вырвешь с корнем ложь, —

Тогда и ты горячим словом вспомни
Того, кто палачей повергнул в дрожь,
За твой сражаясь день в ночи глубокой! . .

Да, каждый, кто живет, сойдет в могилу,
Но пасть готов не каждый за народ.
Даст, как зерно победы, этот подвиг —
Клянусь твоею кровью! — пышный всход!
Твоя отвага пламенная, знаю,
Борцов рабочих поведет вперед.
И матери твоей падет проклятье,
Как с неба гром, на головы господ;
Их призовет за кровь твою к ответу
Знамен темно-багряных грозный взлет.
Придет желанный час — и рухнет крепость
Насилия! Народ наш вознесет
Чертог свободы, светлый и широкий!

1929

145

Нет, не позорны кандалы, цепей не страшен звон,
Тому, кто борется, как лев, кто в битвах закален.

Мой друг работал на господ, трудился день за днем,
В награду он за честный труд к тюрьме приговорен.

Своими он посмел назвать плоды своих трудов,
За эту малую вину в зиндан он заключен.

Зато хозяин вдоволь ест другим возвращенный хлеб,
Мой друг по горло сыт бедой, усталостью согбен.

Я думой уношусь туда, где низок темный свод,
Где узник в каменном мешке навеки погребен.

Там участь женщины страшна, там душит произвол,
Перо не в силах передать народа скорбный стон.

Но дух народа не сломить, народ непобедим,
Придет пора — разящий меч он вырвет из ножен.

116

И мы услышим гром шагов, — карая палачей,
Восстанет угнетенный люд, в борьбе объединен.

Тот вечно молод, кто идет за труд свободный в бой!
Пушкой седеет Лахути. Не постареет он.

1929

146

В рабстве жить, чтобы продлилась жизни нить, не надо.
Нет, ценой позорной рабства, право, жить не надо!
Как бы тяжело ни давила вражеская злоба, —
Сердце, твердым оставайся, гнет сносить не надо.

Если небо станет жемчуг сыпать, унижая, —
Небу крикни: «Этот ливень дольше лить не надо!»
Поднесут все блага мира за твою покорность, —
Прочь отбрось такие блага, их копить не надо.
Скажут: «В ноги упади — тем голову спасешь ты», —
Смерть прими, но головы пред злом клонить не надо.
Тот живет лишь, кто свободен. Бейся ж за свободу!
В рабстве жить, чтобы продлилась жизни нить, не надо!

1930
Москва

147. ВЕНОК НА МОГИЛУ ЛЕНИНА

Скончался Ленин. . . Горькой боли след
Из сердца не изгладят сотни лет.
Обычай стар, но лучшего ведь нет, —
И возлагают, что ни год, букет
Друзья на гроб учителя-борца.

Он труженикам свет надежды нес,
Он вел нас, мудрый кормчий, в шуме гроз,
Он нас учил, — и нам не стыдно слез. . .
А если на букет не хватит роз,
Мы отдадим горящие сердца.

Меня услышат Запад и Восток;
Любой колхоз, пусть мал он и далек,

Возьмет из урожая колосок,
Чтобы сплести сияющий венок
Тому, кто ближе друга и отца.

А ленту для венка прокатный стан
Из жаркой стали алой, как тюльпан,
Создаст. Девиз рабочих и крестьян:
«В четыре года пятилетний план» —
На ней напишут руки кузнеца.

Наш дар прекрасен будет и богат:
Пришлет свой первый трактор Сталинград.
Знамена расцветут, как алый сад,
И люди выйдут, словно на парад,
Густой толпой, без края, без конца. . .

Напротив Мавзолея став в ряды,
Мы скажем с чувством гордой правоты:
«Взгляни, доверьем партии горды,
Мы продолжаем то, что начал ты,
И не боимся стали и свинца.

В борьбе за счастье став к плечу плечом,
Мы всё гнилое, злое отсечем.
Мы старый мир на гибель обречем
И победим: пред вражеским мечом
Не дрогнет сердце ленинца-бойца.

А ты — ты жив! Остыло сердце — всё ж
Признает даже враг, что ты живешь
И будешь вечен. Речь о смерти — ложь!
Ты, Партию создавший, не умрешь, —
Творенье обессмертило творца!»

1930

148. МАКСИМУ ГОРЬКОМУ

1

Ребенком на базаре Керманшаха
Я видел вожака со львом
Средь шумной толпы.
Кругом
Толпа зевак теснилася без страха.

Но ты не ослабляй своей железной хватки,
Тебе не привыкать к тревоге боевой.
Иди вперед,
 как шел,
 с поднятой головой,
Ряды врагов сметая в беспорядке.
Своих атак на них
 не прекращай.
Пусть потрясает слух их злобный визг и лай, —
Ведь зрители,
 будь друг то или враг,
Прекрасно видят льва —
 за сворою собак.

1930
Москва

149. ИСАИ, РАЗНОСЧИК ХВОРОСТА

Один дехканин людям говорил:
«Вот так живу я, радости не зная.
Посею горе, горе и пожну,
И жатва мне неведома иная.
Ни поля, ни коровы у меня,
Весь век тружусь я рук не покладая,
А прибыль получает только хан,
Мои гроши бесстыдно отнимая.
И мир, лежащий на моих плечах,
Гнетет меня, как ноша вековая».

Всё это молча слушал Исаи
И так промолвил, горестно вздыхая:
«А как же мне не лить кровавых слез?
Он жалуется — доля, мол, плохая,
Для хана гнет он спину. Ну, а я
Гну спину для него, не отдыхая.
Ему корову дай, а у меня —
Одна рубаха, да и та худая.
До крови стер я ноги, для него
Колючий хворост день за днем собирая.
Пусть целый мир ему на плечи лег, —
Сам — на моих плечах: беда двойная!
Смотрите, люди, он весь мир несет,
А я несу его, изнемогаю».

1930

150. ОСЕЛ И СЕДЛО

У бедного был престарелый ишак,
Упрется — не сдвинешь его ни на шаг.
И лавочник жирный, сосед бедняка,
Всегда поносил и срамил ишака:
«Ну ребра! А хвост-то! Облез он совсем!
А ну, побеги на забаву нам всем!
Скелет! Я не то чтоб тебе ячменя,
Соломы бы нэ дал — спросили б меня!»
Но вот про осла слышит старый богач,
Что тих он, спокоен, не кинется вскачь.
Ударишь покрепче — и то не лягнет,
Не часто ревет и в арык не свернет.
Всё в старом осле старику подошло.
И куплен осел, и надето седло.
Атласной попоной покрыта спина,
Узда золотая, как жар стремена.
И лавочник мчится в восторге к ослу
И серому громко возносит хвалу.
Кричит он: «От сглаза тебя бы укрыть!
Вот юность! Вот сила! Вот блеск-то! Вот прыть!
Таких и коней не бывало!» А там
Добавил: «Тобой бы гордился Рустам!»
Тут прежний хозяин осла торгашу
Сказал: «Не ослеп ты, тебя я спрошу?
Иль ты во хмелю? Что тебя потрясло?
Тут прежний осел, лишь другое седло».

1930

151. МЫ ПОБЕДИМ!

Разве Ленина могилу палачам мы отдадим?
Трудовую нашу силу чужакам мы отдадим?
Ползерна с колхозных пашен кулакам мы отдадим?
Или стружку стали нашей богачам мы отдадим?
Прочь, войны зачинщик наглый, здесь тебе
поживы нет!
От затей твоих кровавых — для себя дождешься бед!

Мы теперь не скот яремный, не рабыни, не рабы;
Сами твердо взяли в руки колесо своей судьбы;

Угнетателей сломили в час неслыханной борьбы, —
Что ж, врага мы в доме стерпим? Разве робки мы,
слабы?

Нет! Земли чужой ни пяди, ни вершка не надо нам,
А своей земли ни пяди не уступим мы врагам!

Погляди вокруг, как пышно наша родина цветет,
В ней хозяин полновластный — весь трудящийся народ.
И везде про нашу силу слава громкая идет,
И к себе Советов светоч взоры всех племен влечет.
Кто умел сражаться храбро в годы рабства и нужды,
Сбросив цепи, разве дрогнет перед натиском вражды!

Он стоит непоколебимо, край наш, юный исполин;
Вкруг себя сплотил народы друг народов — славянин.
Русский, вольный сын Памира, украинец и грузин...
Много нас, союз наш братский вечно крепок и един!
И когда поднять оружие враг осмелится на нас,
Помыслы народов мира будут с нами в грозный час.

Налетит стервятник черный — грозно схватимся
с врагом,

Небывалый над землею загремит военный гром.
Враг покроется позором, мы победу обретем!
Он пойдет на мир войною — мы на бой с войной пойдем.
Как разит советский воин, всем покажет этот бой;
Рук лишится — так зубами загрызет врага любой.

Эй, товарищи, готовы будем к битве не одной:
Не на поле брани только разгорится жаркий бой, —
Фронт еще один пред нами — фронт кипучий, трудовой,
Нам и здесь победу надо сильной выковать рукой.
Так везде работать будем на военный строгий лад,
Не забудем в каждый угол большевистский бросить
взгляд.

Смерть фашизму — каждый новый, нами созданный
завод,

Каждый молот наш тяжелый по врагу с размаху бьет.
В жатве каждого колхоза вражью пасть отрава ждет,
В каждой новой глыбе угля гибель недруга живет.
Будем слугами победы все и всюду и всегда,
Выше знамя боевого, вдохновенного труда!

Рождены для дел великих, дышат силой молодой
Наше доблестное войско, наш народ, народ-герой!

Всем непрошеным пришельцам на полях страны родной
Места мы не пожалеем, приютим... в земле сырой.
Для врагов Страны Советской места лучше не найти:
Кто сюда придет с оружием, не найдет назад пути!

1930

152. ЭПИТАФИЯ

Пусть сжег огонь беспомощное тело,
Любви моей осталось в мире дело.
Остынет мир, но не погаснет слово,
Что на устах поэта пламенело.
Лишь путь борьбы трудящихся познавшим
Понятной станет жизнь моя всецело.
С тех пор как только был от груди отнят,
Нетрудового я не знал удела.
Меча, огня и крови — мое время,
В сраженьях, схватках жизнь моя летела.
Всё отдал за трудящихся, недаром
Душой моей друзья клянутся смело.
Ничто — могила, коль приютом вечным
Сердец всех чистых стали мне пределы.
Сгорел без жалоб, и одно уж это
Всеиспытанья силу возымело.
Из этих слов, о Лахути, любое
Стрелой в сердцах врагов твоих засело.
А для друзей — уроками победы
Повествованье жизни прогремело.
Я жив, как живо слово, что народу
Душа сладкоязычному пропела.

1930

Москва

153

Смотри, как гордо мотылек крылатый душу отдает,
Ликует он, когда, огнем объятый, душу отдает.

Блажен, кто в пламени любви встречает свой
последний час, —
Он за любимую свою с отрадой душу отдает.

Избранницы священный дом — обитель счастья и
надежд,
Бессмертен тот, кто у его ограды душу отдает.

Достоин славы соловей, который в розу так влюблен,
Что он зимой, не улетев из сада, душу отдает.

Навеки тленья избежит, кто, крови не щадя своей,
Любимой предан глубоко и свято, — душу отдает.

1930
Москва

154. СИРОТЫ ВОЙНЫ

Беззаботны вы были, добры и приветливы,
Временами лукавы, наивны порой;
Головенки всклокочены, лица обветрены...
Как живые, стоите вы передо мной.

От зари до зари непрестанные шалости,
Беготня и борьба, звонкий посвист и смех.
И поодаль, подобранный вами из жалости,
Я свидетель безмолвный шумливых потех.

Чуть прохожий к убежищу вашему сунется,
Замолчите вы тотчас, улыбки согнав.
Этот громко заплачет, а тот пригорюнится...
Ни одной не забыл я из ваших забав.

Вы во всех закоулках имели приятелей,
Был несчетен в Стамбуле голодный ваш рой.
Шла война... Разбухали карманы стяжателей,
Толпы детские множились на мостовой...

Целый месяц больной, распростертый на улице,
Для подачек у вас я приманкою был.
Всё же век ваша ласка душой не забудется,
Не погаснет в груди благодарности пыл.

Не забыть мне той банки консервной, заржавленной,
Из нее вы поили меня молоком,
Не изгладится след, в этом сердце оставленный
Вашей нежной заботой и милым смешком...

Вижу вновь пред собой, как, недугом источенный,
Ваш товарищ в предсмертном бреду изнывал,
А другой, над беднягой склонясь, озабоченный,
Тщетно в рот ему хлеба кусочки совал.

Я подолгу смотрел, как серьезно-старательный,
Гриша голову брил Мухетдину стеклом,
И, любуясь любовью такой замечательной,
Думал я: «Их отцам рассказать бы о том!

Тем отцам, что на фронте, в чаду, ослепленные,
По приказу стреляют в собратьев своих,
Гибнут сами, и в долгие ночи бессонные
Горько жены и матери плачут о них.

Тем отцам бы в свободном труде созидателей
Всюду плечи с плечами по-братски сомкнуть,
А они, для наживы своих угнетателей,
Поражают безвинных товарищей в грудь...»

Эти мысли неслись в полумраке мерцающем,
Я метался, и лоб мой сильнее пылал,
Но являлся порой мне виденьем сверкающим
Стяг багряный коммуны, и жар мой стихал.

И свершился, стал явью мой сон ослепительный,
С той поры прошумело четырнадцать лет.
На шестой части света стал труд победителем,
И правителем стал всенародный Совет.

Стерт рабочей рукой след былого уродливый,
Вольно дышит страна без господ и царя.
Всех сирот здесь призреет хозяин заботливый —
Не бывать беспризорным в стране Октября!

О, когда б из Стамбула на крыльях мгновения,
В том же возрасте, перенеслись вы сюда!
Пионерами были б вы полными рвения,
Расцвели бы под стягом победным труда.

1931
Москва

155. НАЛЕТ БАСМАЧЕЙ НА ГАРМ

Враг на советскую землю опять налетел,
В шкуре овечьей шакал промышлять налетел,
Новые сети дехканам он стлать налетел,
Злобой дыша, на рабочую рать налетел.
Вперед, товарищ, рази врага,
Коль наша отчизна тебе дорога!

Воры отнять у рабочих свободу идут,
Выврать у пахарей землю и воду идут,
Мстить разорвавшему цепи народу идут,
Кровь проливать, кровопийцам в угоду, идут.
Когда не сомнешь их — сам будешь ты смят,
Не ты разгромишь — так тебя разгромят!

Этих насильников племя видал уж бедняк,
Гнета их тяжкое бремя видал уж бедняк,
Горем убитые семьи видал уж бедняк,
«Доброе старое время» видал уж бедняк.
На страже Советов стоим мы все,
В убежище львов не вползти лисе!

Всех комсомолец, верю, в бою превзойдет,
Свору врагов опрокинет, с пути сметет.
Только одну он дорогу знает — вперед!
С ним комсомолка рядом на подвиг пойдет.
Здесь другу отвагой подруга равна,
«У льва и у львицы хватка одна!»

Нет, не победа, не слава — удел басмачей,
Наш урожай не поглотят лари богачей.
Юношей кровь не прольется у ног палачей.
Больше дехкан не согнется под плетью ничьей!
Свободы слышал он отраднй клич,
Кем был и кем стал он — успел постичь.

Разве страдальцев стон леденящий забыт,
Разве кровавый тот список несчастий забыт,
Разве мучитель с плетью свистящей забыт,
Разве злодея облик мертвящий забыт, —
Злодея, чей завидев кинжал,
Грудной младенец и тот дрожал!

Им — над землей Бухары и Памира власть?
Вновь над собою терпеть нам эмира власть,
Бека-насильника, бая-вампира власть?
Старого мира, постылого мира власть?
Погиб тот мир, не воскреснуть ему,
Свободные, не покоримся яру!

1931

156. ШАХТЕРАМ ДОНБАССА

В те дни, как я в Иране жил,
Друг у меня любимый был.
Мы были с ним — орех двойной,
Укрытый в скорлупе одной.
Он страха не имел в груди
И в битву мчался впереди.
За революцию в бою
Он славно кончил жизнь свою.
Он, уходя навеки в ночь,
Оставил маленькую дочь.
Бездомной, жалкой сиротой
Она боролась с нищетой.
Но дочь погибшего бойца
Была достойною отца.
Ее встречая иногда,
Я забываю про года,
И радуюсь ее словам,
Ее сверкающим глазам.
Она приходит второпях
Из вуза, с книжкою в руках. . .
О революции тотчас
Речь начинается у нас
И о тебе, Иран родной, —
Когда же сон прервется твой
И солнце вольности народ
К победам твердо поведет?
Зачем рабочие у нас
Нищают каждый день и час?
Когда над массаами мечеть
Не будет больше тяготеть?
Когда иранка сбросит гнет?
И власть рабочий класс возьмет? . .

У нас одни слова всегда:
«Доколе», «почему», «когда».
От этих слов я как в огне,
Дух загорается во мне.
И молодой землячки пыл
Мне вдвое прибавляет сил!
Ее я месяц не видал.
Вчера случайно повстречал,
Народ толпой сновал вокруг.
Она, меня заметив вдруг,
Людей толкая сгоряча,
Протискалась ко мне, крича:
«Читал?» —

В руках ее белел
Газетный лист. Я обомлел.
Дух занялся, подумал я:
«Восстала родина моя!»
Но нет! . . . Статьи на этот раз
Все говорили про Донбасс.
Она вскричала: «Эту весть
Ты оцени, сумеи учесть:
Мы строим средь враждебных стран,
И воплощенный в дело план —
Рычаг победы мировой.
Вот почему горю душой,
Узнав, что славный наш Донбасс
План вдвое выполнил сейчас».
Как эта речь зажгла мне кровь!
Ее слова мне дали вновь
Увериться (в который раз!),
Что, независимо от рас,
Рабочие всех в мире стран
Глядят на пятилетний план;
Что каждый наш успех и взлет
Своей победою сочтет,
Смыкаясь с нами в тесный ряд,
Всемирный пролетариат!

1931
Москва

Любимая мне письмо, свой дар золотой прислала.
 Бальзам для души моей, целебный настой прислала.

Прославить хотелось ей невятное миру имя, —
 Чтоб стал знаменитым я, безвестный, простой, —
прислала.

Иссякла моя душа, как будто пустая чаша, —
 Хмельного вина она для чаши пустой прислала.

Чтоб славил я лунный лик, меня вдохновить сумела, —
 Слова любви, озарив своей красотой, прислала.

1932

Кисловодск

Пой, свирель, — издалека я любимой пенье слышу.
 Смолкни, притаись, душа, — голос в отдаленье слышу.

Пусть же сердце, как дитя, неизменно веселится.
 Мысль о ней меня живит, голос вдохновенья слышу.

Успокойся, добрый врач, я избавлен от недуга:
 Радостную весть о ней в страстном упоенье слышу.

Ранний ветер, принеси нежное ее дыханье:
 Аромат ее волос в тихом дуновенье слышу.

Полно, сердце, унывать и печалиться в разлуке —
 От нее несут письмо, — затая волненье, слышу...

1932

Кисловодск

159. РУБАИ

Тебя вскормившей я целую нежно руки,
Что нас соединят для счастья — не для муки.
Пушкой моя любовь твоим убранством станет!
О, до последних дней не знать бы нам разлуки!

1932

160

«Кто создал себе кумир, прекрасный лицом, как я?»
— «Безумец, — сказал я, — в мир пришедший певцом,
как я».
— «Что клада любви моей хранилищем может стать?»
Послышался сердца вздох: «Разрушенный дом, как я».
— «Кто выдержит пламень мой, какой мотылек
ночной?»
Метнулась душа: «Такой, что к свету влеком, как я».
— «К горящему лбу уста, — спросил я, — приложит
кто?»
Сказала: «Мой бедный, та, что схожа с цветком, как я».

1932

161

Не в Иран ли мчишься, ветерок?
Ты шепни там девушке Ирана:
Вкруг меня ковром цветущим лег
Солнечный простор Узбекистана.
Труд людской тут волен и высок,
Тут не знают гнета и дурмана.
Видел я: покров с румяных щек
Пал, как черная стена зиндана.
Ясным утром радостный цветок
Душную сорвал чадру тумана.
Всех в тот день веселья вихрь увлек,
Лишь моя больней заныла рана.
Вспомнил я, что есть иной Восток,
Что сестра моя в плену обмана.
Сжалось горло, хлынул слез поток...
Больно, горько мне за дочь Ирана!..

1932

162. КОРРЕСПОНДЕНЦИЯ

1

Москва.

«Правда».

Культотдел.

Копии

спешно в ЦК дойти.

Товарищи, вниманье.

Вниманья предел!

Важное имеет сообщенье Лахути.

Люди, что жили

среди мрака и бед,

Чья рабская доля

вошла в пословицу, —

Теперь,

под сенью октябрьских побед,

Живут по-иному,

иными становятся.

Жила Халима,

лишь увидит — гроза

И молнии в небе

лиловые и сини,

Заткнувши уши,

зажмурив глаза,

Трясется, бывало,

как лист на осине.

Теперь Халима —

Халима уж не та,

Природа ей стала

служанкой покорной,

Она вот антенной своей занята,

Сама ее ставит

рукою проворной.

Лишь выгнал трактор

с полей навсегда

Турсуна соху — омач деревянный,

И мозг у Турсуна,

дремавший года,

Проснулся
и заработал рьяней.
Видал он, бывало, в мечтах своих
Ослов и верблюдов одних караваны.
Сегодня проносятся там, как вихрь,
Авто,
 паровозы,
 аэропланы.

Где длинных речений
 цветистый узор?
Где шаг черепаший,
 где сон восточный?
Быстрее движенья,
 решительный взор,
И речи
 по-новому кратки и точны.

Не диво!
 Турсун когда-то пахал,
Едва открывая
 взгляд полусонный,
Тащились волы,
 скрипела соха,
И брел он вослед
 под напев монотонный.

Сегодня трактор,
 полей властелин,
Его разбудил
 повелительным шумом.
И ожил Турсун
 под гуденье машин,
И ожили речи,
 и песни, и думы.

Влюбленного муки,
 соблазны вина, —
О них разливаться
 наскучило песням.
С работою в лад
 зазвенела струна
О знамени красном,
 о веке чудесном.

Мальчонку знавал я:
 бездомный, босой,
Одной худобой
 он был примечателен.
Теперь он — мастер
 пера молодой,
Кипучий борец
 большевицкой печати.

2

В колхозе Ленина я гостил.
Пришли коминтерновцы, наши соседи.
С дехканами мысли я долго делил
В приятельской, задушевной беседе.

Оба колхоза эти давно
Гордостью стали и славой Ходжента;
Школу построили, курсы, кино,
Выполнив план на сто тридцать процентов.

Правдивую повесть рассказывал я
О капитализме, об угнетенье.
Со всех сторон показывал я
Для социализма хлопка значенье.

Я толковал, отчего с пахтой
Зависеть не будем от стран капитала.
И сеять пахту по причине какой
Для наших мест делом чести стало.

Примеры я к речи своей подбирал,
Но тут, очутившись со мною рядом,
Мои рассужденья внезапно прервал
Старик, подвижной, с проницательным взглядом:

«Друзья, городская речь нелегка.
Дозвольте, я всё растолкую снова.
Рафик Лахути, прости старика,
Хочу я сказать землякам два слова,

Иди-ка сюда, ака-Шарифджан».
Колхозник другой тут шагнул из круга.
И, став рядом с ним на виду у дехкан,
Старик, юный сердцем, так молвил другу:

«Когда для хозяина, годы назад,
Велели нам хлопок сеять впервые,
При выборе поля, ты помнишь, брат,
Какие кипели тут споры живые?

Ты сам на этом же месте вот,
Как нынче, стоя со мною рядом,
Показывал мне участок вон тот. . .
„Там хлопок, — твердил ты, — посеять надо“.

Меня убеждал ты, что пышно взойдет
На поле том хлопок любого сорта,
Но даром тяжелый наш труд пропадет
На этой земле, каменистой и твердой».

«Ох, мне ли те горькие годы забыть?
За плату какую мы жизнь отдавали!
Чтоб баям потуже карманы набить,
За корку сухую мы жизнь отдавали!»

«Но баев прогнали мы навсегда,
В колхозе нынче работаем дружно.
А все же ту старую мудрость труда
Держать нам крепко в памяти нужно:

Любой посев лишь тогда цветет,
Коль почву и влагу по нем подбирают.
Дехкан неграмотный, даже и тот
Нехитрую эту науку знает.

Для нас, товарищи, стала теперь
Вся родина наша колхозом целым.
Давайте ж в колхозе своем — в СССР
Посевы свои по участкам разделим.

Здесь хлопок и рис, там свекла и лен,
На землях других посеем пшеницу,
И станет Союз наш богат и силен,
И жатва наша удесятится.

Мы были рабы одного кишлака —
Владеем мы света шестою частью.
Хвала же и слава большевикам,
Что дали нам силу, и знанья, и счастье!»

В ответ загремели, как ураган,
Колхозниц, колхозников рукоплесканья.
Быстрее и лучше выполнить план
Единогогласно решило собрание.

Я эту речь от себя не сказал,
И выдумки нет здесь ни слова, право.
Я лишь записал всё то, что слышал,
Да рифмою речь по привычке оправил.

Товарищ «Правда»! На этот народ
Невольню любуюсь, в немом восхищенье,
Сказал я себе: вот он, пышный плод
Большого ленинского ученья!

Дехканин неграмотный, немолодой,
Еще не забывший тягости плена,
Как смело идет по дороге прямой,
Тобою указанной, партия Ленина!

И мысль пронеслась в голове моей,
Что эти колхозники в самом деле
Иных пустословов куда ясней
Социализма суть разглядели.

1932
Ходжент

163. ЗА ГРАМОТУ

ПО СЛУЧАЮ ВЫХОДА В ХОДЖЕНТЕ
ГАЗЕТЫ «ЗА ГРАМОТНОСТЬ»

При шахах и при эмирах — кому,
Кроме богатых сынков,
Свой открывала надменный лик
Прекрасная пери — грамота?
Наложницей баев она и мулл
Была в течение веков,
Но неприступной считать привык
Ты, бедный дехканин, грамоту.

Сделал из грамоты хитрый лук
Хищный правящий класс,
В стрелу отравленную превратил
Он каждую букву грамоты.
От грамоты капитализм-паук
Стал тысячерук и стоглав,
Но слепотою своею платил
Народ за господскую грамоту.

Грамота — садом роскошным была,
Полным райских плодов;
Но не для всех наливала плоды
Медом познания грамота:
Их смаковали купец и мулла,
А для бедняцких ртов
Невежество горечью лебеды
Цвело за оградой грамоты.

Но, ленинский в жизнь воплощая завет,
Снесла советская власть
Ограду, которой был окружен
Сад буржуазной грамоты.
Так слушайте, что говорит вам поэт:
Теперь насыщайтесь всласть
Дарами, которых бедняк был лишен, —
Плодами советской грамоты.

Грамота, что украшала собой
Богатые только дома
И на пирах, как заезжий певец,
Лишь избранных тешила, — грамота
Ныне в бедняцкой лачуге любой
Каждого просит сама,
Чтобы усвоили все наконец
Сладкие песни грамоты.

Веками ее укрывал под замком,
Тугими узлами стянув,
Класс паразитов, чтоб бедноте
Она не служила — грамота.
Но грохнул Октябрь своим кулаком,
И, все сундуки тряхнув,
Сразу узлы развязал он те, —
И стала доступной грамота.

Тростник просверли — получишь свирель,
Тростник заостри — перо.
Два чуда великих таит тростник:
Звонкую песню и грамоту.
Таджикия! Благоухан твой апрель!
Несметно твое добро!
Да будет пропитан твой воздух, таджик,
Бодрящею музыкой грамоты!

Колхозы, заводы и рудники!
Как знамя труда и побед,
Вы на невиданную высоту
Теперь вознесите грамоту.
Она вам откроет наук тайники
И жизни упрямый хребет,
Она оседлает для вас на лету
И счастье взнуздает вам — грамота.

Слышал о таком ли сокровище ты,
Которое, сколько ни трать,
Ущерба не зная, все больше росло б?
Такое сокровище — грамота!
Но перелистай всей науки листы,
И станешь тогда понимать,
Что целится стрелами класса в лоб
Каждая буква грамоты.

Ходжентским товарищам — слава и честь!
Как истые большевики,
Они на весах трудящихся масс
Взвесили ценность грамоты.
Твоей заслуги, Ходжент, не учесть!
Ты перья берешь, как штыки,
Ты первой ударной бригадой сейчас
Выходишь на штурм грамоты.

В могучем Союзе советских стран,
Который семиедин,
Твой жребий, Таджикия, будет высок
На доблестном поприще грамоты.
А кто усомнится, что Таджикистан —
Седьмой советский сын —
Омолодит одряхлевший Восток
Своим элексиром грамоты?

Веками владел ею класс-паразит,
И гнет охраняла грамота.
Отныне твой меч, пролетарий, и щит
В боях с капиталом — грамота.

1932

164. ПЕСНЯ О СУЛТАНОВЕ

На коня вскочил герой,
Наш Султанов удалой,
Сокрушил врага Советов
Богатырскою рукой!

На коня — да по горам,
Двое братьев по бокам.
В руки славным этим львам
Волк попался не простой.

От колхозного колья,
Партизанского ружья
Злая стая воронья
Полегла в степи пустой.

Новый мир несокрушим,
Красный стяг непобедим,
Враг народа Ибрагим
Кончил век бесславный свой.

Дети солнечной страны,
Мира нового сыны —
Мы свободны и сильны,
Мы горды своей судьбой.

Краснопалочник-герой,
Наш Султанов дорогой,
Сокрушил врага Советов
Богатырскою рукой!

1933

О мое сердце и разум укравшая,
 О мой покой и свободу отнявшая,
 О мою грудь сотней мук истерзавшая,
 О моих стонов причиной ставшая!

Всех на земле ты милей и желаннее,
 Ты лишь одно у меня упование,
 Ты лишь одна моя жизнь и дыхание,
 Ты лишь одна моя страсть и мечтание!

Сердцем предался тебе беззаветно я,
 Жизнь отдавал я за слово приветное,
 Крал я к ногам твоим клады заветные,
 Верности вечной богатства несметные.

Мне же лишь камни коварно бросала ты,
 Сердце мое неустанно терзала ты,
 Ранила душу больнее кинжала ты,
 Раны — бальзама лукаво лишала ты.

Полно, жестокая, неумолимая!
 Мести и злобе нет места в груди моей.
 Грозные стрелы хоть в очи метни мои,
 Не отстранюсь и не дрогну, любимая!

Взор хоть и часто слезою туманится,
 Сердце к тебе лишь по-прежнему тянется,
 Сердце в надежде своей не обманется, —
 Милая с сердцем вовек не расстанется.

Алым тюльпаном будь, вешнюю радугой!
 Ясное счастье тебе будь наградою!
 Другу будь верной и нежной отрадою!
 Светом души будь и сердца усладою!

1933
 Душанбе

166. ПИСЬМО С ДОРОГИ

Почтительный поклон, восторженный привет
От тела-странника душе, живущей дома!
Когда-то верили, что тело — домосед,
В миры далекие одна душа влекома.

Той притче вопреки, ты, милая душа,
В родной Москве, а я, блуждающее тело,
Живя одной тобой, одной тобой дыша,
Всё странствую в дали от милого предела.

В груди моей, поверь, нет места для иной,
Дом этот — лишь одной владычицы владенье.
Ты в существе моем — как речи смысл прямой,
Ты в глубине его — как символа значенье.

Тебя не вспомянув, назвать меня грешно:
Твой образ век со мной — и в радости, и в муке.
Я стал тобой, ты — мной, и оба мы — одно
Повсюду: здесь и там, и вместе, и в разлуке.

1933
Ташкент

167. ТАРАСУ ШЕВЧЕНКО В ОТВЕТ НА «ЗАВЕЩАНИЕ»

Встань, Украине милой
Сердце отдавший певец!
Стал твой Днипро любимый
Светом очей и сердец.

Встань и взгляни, как ожил
Край ненаглядный твой,
Как обернулась темница
Вольной и гордой страной.

Львица сбросила цепи,
«Малой России» нет.
Имя Украины великой
Славит сегодня свет.

Сгинула панская нечисть,
Думы твои сбылись:
Русского и украинца
Руки по-братски сплелись.

Встань и в раздолье синем
Вольным орлом пари!
Видишь гнездо родное
В алых лучах зари?

Видишь, какое племя
С кличем твоим встает,
Видишь конец неправды,
Радости мощный полет!

Мать узнаешь родную,
Старую неньку свою?
Ныне она украшает
Юных республик семью.

Не у порогов панских
Льется батрацкий пот, —
Днепр, одолев пороги,
Вольно и плавно течет.

Вдаль, сквозь арки победы,
Ясная мчится вода,
Вся расцвела Украина
Садом весенним труда.

Ты и один не боялся
Грудью за родину встать.
Видишь, теперь ей защитой
Братьев могучая рать.

Голос живой и призывный,
Ты не замолк для нас.
Имя твое и слово
Мы не забудем, Тарас!

Сердце Ирана сегодня
Вороны хищно клюют...
Пусть мне отчизна свободы
Братски дала приют, —

Нет мне покоя!.. Снятся,
Снятся во мраке ночном
Тысячи рук в оковах,
Тысячи шей под ярмом.

Но за кошмаром черным
Вижу сияющий день
И над Ираном вижу
Знамени алую сень.

Вижу, Шираз прекрасный
Всех кровопийц изгнал.
И над Карун-рекою
Брат Днепрогэса встал.

Дал Украине свободу
Свет ленинизма живой,
Будет и старый Иран мой
Юной и вольной страной!

Там, торжествуя победу,
Сбросив навеки гнет,
Друга, певца свободы
Вспомнит свободный народ.

1933

168

Обидчица безжалостно глумится,
То глянет ланью, то глазами львицы.
Не колдовством — так чем назвал бы это?
Как может лань у львицы вдруг родиться?
Что мускус — кудри, коль проходит садом —
От розы новый аромат струится.
Любовью к ней в огонь я брошен, сердце ж,
Как саламандра, в том огне резвится.
Она — что пламя, и дивлюсь не меньше:
Сгораю, стоит с пламенем проститься.
Ее уста моей любовью рдеют —
Румянец так на богачей ложится.
Я — что младенец, матери лишенный,
Так без нее вся жизнь моя влачится.

142

В руках ее беспомощное сердце,
Что горлица в когтях у ловчей птицы.
Но жаловаться — грех, поверьте, ибо
Обид всех сладость с медом не сравнится.
Хотя бы обезглавить вдруг явилась, —
Я так люблю, — и коли так случится,
Я кинусь к ней навстречу и воскликну:
Милее жизни мне твои ресницы!
Вот голова, руби ее, коль хочешь,
Душа готова с телом разлучиться.

1933

169. ОРДЕН ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ

Я знамени труда всю жизнь мою служил.
Труд орден Знамени на грудь мне возложил.
Рабочей партии и ленинскому стягу
Железную мою вновь приношу присягу.

Покуда кровь моя, горячий сок труда,
В моих артериях останется — всегда
Тому же знамени сужить я так же буду,
Чтоб гнета след оно смело повсюду.

1933

170

Горе хотел я залить — ни слез, ни вина не осталось,
В горле вздохи избыть, да сил — чья вина? — не осталось.
Бросилась кровь мне в лицо: злосчастное, глупое сердце!
Лица на мне нет от стыда, рассудка — зерна не осталось.
Милая всё унесла: спокойствие, разум и силу.
А душу про сердце спроси — ответит она: не осталось...
Ни строчки в тетради моей, одно только имя любимой,
И в памяти место лишь ей — она там одна и осталась.
Душистый весенний цветок! Вдали от тебя стал я нищим:

143

Исчез для меня аромат, цветов, о весна, не осталось!
Не мучай же сердце мое! С тех пор как тебя я увидел,
Красавиц иных для меня на все времена не осталось.
Я жалобы сердцу излил, мечтая о встрече с тобою,
А встретил — и всё позабыл, — ни яви, ни сна
не осталось.

1934

171

Если бы этот простор,
 сколько охватит глаз,
В сердце одно обратить
 и поднести любимой!
Если бы душу иметь
 новую каждый час,
Тысячу душ — и ей
 жертвовать всеми ими!

Если б из милых рук
 сердце-добычу украсть:
Сокол ее очей
 пусть бы охотился снова!
Если б не славной любви
 победоносная власть,
Горя свирепый набег
 сердце б оставил без крова.

Храбро как смотрит оно
 в очи любимой моей!
Лев бы и тот отступил
 перед волшебной их силой.
Сердце от грусти бежит
 в темную чашу кудрей,
Где бы спасалось оно,
 если бы не было милой?

Верным слугой назвала,
 вспомнив о сердце моем, —
С долей великих теперь
 жребий его одинаков.

В пору разлуки с тобой
слезы, пролившись дождем,
Грудь обращали мою
в поле алеющих маков.

1935
Душанбе — Арал

172. МОСТ ЧЕРЕЗ ВАХШ

Здравствуй, Вахш, угрюмый Вахш,
Здравствуй, Дикая река!
Дай словечко мне сказать,
Не сердись на земляка.

Смело я гляжу теперь,
Больше не дрожу теперь,
Не спросясь у волн твоих,
Над тобой хожу теперь.

Помнишь, летом ты вола
У меня волной унес?
С тем волом ты, дерзкий вор,
От меня покой унес.

Но пришли большевики,
Поглядели на тебя —
Как вола, в ярмо впрягли,
Мост надели на тебя.

Уж теперь мое добро
Не умчат в полон тебе,
На пути моем не встать,
Не прогнать мой сон тебе.

Смирным осликом беги
С тяжким вьюком на спине!
Опоясанный мостом,
Верным будь слугою мне!

А взбунтуешься, дикарь,
В землю я вгоню тебя,

Натяну сильней узду,
Вновь угомону тебя.

Долго проклинал я Вахш,
Наконец поймал я Вахш,
Накрепко связал я Вахш,
Сталью оседлал я Вахш.

Побежден волшебник злой,
Хищник приручен степной.
Не смирился б лютый Вахш,
Если б не советский строй.

Смело я гляжу теперь,
Больше не дрожу теперь,
Не спросясь у волн твоих,
Над тобой хожу теперь.

*1935
Душанбе*

173

Чела коснись ладонью, изнемог я.
Любовный жар томит, им сердце сжег я.

Гони или уйми тревогу сердца!
Переступить мечтаю твой порог я.

Меня терзаешь, отчего ж ликую?
Ах, разгадать себя и сам не смог я.

Твой образ неотступно предо мною,
А именем украсил звучный слог я.

Из рук молящих край твоей одежды
Не выпущу, сердечный пыл сберег я.

Не отойти мне от заветной двери,
За ней оставил жизнь свою в залог я.

146

Горжусь любовью, правдой и свободой,
Без них бы стал отвержен и убог я.

Средь верных Лахути прозвали первым.
Вернее сам себя бы не нарек я.

1935

174. ЯНКЕ КУПАЛЕ

НА СТИХОТВОРЕНИЕ, НАПИСАННОЕ ИМ О СЕБЕ

Витязь могучий — смелое око
Чести и мудрости свет излучало —
Поступью твердой пришел издалёка
В край позабытый Янки Купалы.

«Кто эту землю радовал песней?
Чье к ней сердце любовью пылало?
Кто с ней страдал и боролся вместе?»
Голос ответный: «Янка Купала!

Янка пленен этим садом прекрасным,
И если бы даже казнь угрожала,
Пусть! Это я певец его страстный,
Я пред тобою, сам Янка Купала».

Витязь промолвил: «Октябрь мне имя.
Землю твою, что в беде увядала,
К жизни верну я руками своими,
Чтобы стал радостен Янка Купала.

Так высоко тебя подниму я,
Чтоб всё живое тебя увидало,
Чтобы показывал каждый, ликуя:
„Вот он, смотрите, Янка Купала!“»

С песней порхнул соловей на волю,
Сила в сердце его заиграла,
Больше не знает муки и боли,
Больше не плачет Янка Купала.

Песня его не жалобой льется,
Песня греметь по-вешнему стала,
Ожил цветник, расцветает, смеется...
Что за счастливец Янка Купала!

1935

175. ОТВЕТ НА ПИСЬМО

Милый товарищ! Который уж год
Дружба сердечная наша живет.
Мысль о тебе — мой бальзам от невзгод.
Сотни похвал тебе шлю я в полет.

С радостью в руки письмо твое взял я,
К влажным глазам его крепко прижал я,
Вестнику в ноги едва не упал я,
Душу в награду ему даровал я.

Но не того от письма твоего
Ждал я. Читать мне его какво!
Несправедливо писал ты его,
Ах, написал ты его для чего!

Я ль преступил старой дружбы заветы,
Я ль позабыл молодые обеты?
Верю в близкую встречу согретый,
Я ль не твердил: друг мой, где же ты, где ты?

Долгой разлукой с тобой удрученный,
К дальней сторонке твоей обращенный,
Ждал я — дохнет ветерок благовонный,
Добрый приветом твоим напоенный.

Вспомни: к тебе я не раз издалёка,
Не разбирая дороги и срока,
С Севера снежного к зною Востока
Мчался, бывало, стремительней тока.

Но хоть однажды меня утешал ты?
В город мой разве хоть раз поспешал ты?
Улицей разве моей проезжал ты?
А проезжал — значит, знать не давал ты.

Сердце мое ты пускай разбиваешь,
Узы старинные пусть разрываешь,
Всё же ты в сердце моем пребываешь,
Дверь в это сердце другим закрываешь.

Хочешь ли, дружбою верной влеком,
Видеть, что в сердце творится моим?
Это посланье немим языком
Всю тебе правду расскажет о том.

Впредь отчуждение, милый, откинь,
Давнюю эту немилость отринь,
Друга, смотри, одного не покинь,
Годы твои да продлятся. Амины!

1935
Москва

176. ПЯТНАДЦАТИЛЕТИЕ

1

На земле — из вражьих тел покров,
Звезды — за покровом облаков.
Я Ислама храброго спросил:
«Сколько наших отступило сил?
Все ли вышли раненые в путь?
Не забыт ли спящим кто-нибудь?»
Отвечал мне на ухо Ислам:
«Все давно уж скачут по полям.
Полон город войск и казачья,
Наших здесь осталось: ты да я».
Вижу сам, стеною там и тут
Подкрепленья шахские идут.
Вот уж от дыханья вражьих масс
Шевелятся волосы у нас.
Ближе, ближе... Хлынул войск прибор,
Нас, как щепки, унося с собой.
В гуще вражьей, средь глубокой тьмы
Разлучились, затерялись мы.
Не пришло и в голову врагам,
Что один я очутился там.
А заметь меня казачий глаз —
Распростился с жизнью б я тотчас.

Ноги сжали конские бока,
Натянула повода рука.
На судьбу без страха положась,
Поскакал я. Как пантера, мчась,
Как из лука тонкая стрела,
Лошадь в темноте меня несла.
Ты б сказал — с собой колдунья-ночь
Под чадрой меня влачила прочь.
Словно труп немой, спала земля,
Снег, как саван, падал на поля.
Вспомнив павших и прощанья час,
Реки пролил я из скорбных глаз.
Впереди — истерзанный отряд,
Сзади — кони сытые солдат...
Видеть спины армии своей —
В мире горя не было больней.
И всю ночь, без сна, в седле своем
Неотступно думал я о том,
Где приют найти бы нам: в горах,
Средь лесов ли, в море ль на судах?..

2

В колыбели утра, юн и ал,
Солнца лик улыбкой засиял.
Под лучом оружием блестя,
Перед нами богатырь-дитя.
Указал дорогу он рукой,
Мы — туда, и загремел он: «Стой!» —
Вражья рать отпрянула тотчас.
Сабли, занесенные на нас,
Опустились. Властный слыша крик,
Каждый злобно головой поник.
Словно смерти встретив грозный взгляд,
Злая свора кинулась назад.
Ждали нас радушье и привет,
Был отряд мой ласкою согрет.
Под защитой мощною такой
Обрели мы бодрость и покой.
Показал нам богатырь того,
Чья рука вперед вела его.
Руку ту с любовью я пожал,
Ленинский в ней, сталинский был жар.

Мудрый, и бесстрашный, и большой,
Он врагам Советов был грозой.
Прост и ласков, бодр, неутомим,
Он рабочим братом был родным.
Величавый, ясный образ тот
Вместе с сердцем лишь во мне умрет!
Как учитель, богатырь-дитя
Вел со мною речи не шутя.
Слушал я, безмолвен, изумлен.
Тайну битвы мне поведал он,
Сердце он мое к себе привлек,
Пил я жадно мудрости урок.
Ученик в расцвете зрелых сил
Пред младенцем голову склонил.
И по новой я пошел тропе,
Силы чуя новые в себе.
Стал я кузнецом людской судьбы,
Мастером и песен, и борьбы.
Стал моею армиею класс,
Стал победой пораженья час.

3

Как молчать о светлом этом дне?
Радости весна бурлит во мне.
Богатырь вступает в свой расцвет,
Празднует свои пятнадцать лет.
Годовалым он меня тогда
Спас для новой жизни и труда,
А теперь, могуч и молод, он
Над землей высоко вознесен,
И Востока трудовой народ
От его руки спасенья ждет.
И на путь борьбы, не одинок,
Поведет он за собой Восток, —
С гор Кавказа и с реки Аму
Братья руки подадут ему.
Молод он, и радостен, и смел,
Много он свершил великих дел,
Доблестью он славен среди стран. . .
Назову его:

Азербайджан.

1935

Верное одно сердце мне дано
 И одна краса, в чьих руках оно.
 С ней утихнет боль, с ней легка беда...
 Лань моя, цветок, ясная звезда!
 С милой рядом я, радостный, живу,
 Неразлучен с ней в снах и наяву.
 И когда один я пускаюсь в путь,
 Мне тиски тоски не сжимают грудь.
 Хоть вокруг себя, сколько ни гляжу,
 Милую нигде я не нахожу,
 Но и в шуме дня, и в тиши ночной
 Голос дорогой говорит со мной.
 Вслушаюсь, взглянусь — колдовство пойму:
 Хорошо вдвоем сердцу моему!
 На земле, друзья, чей удел светлей?
 Неразлучен я с милою моей.
 Где бы ни был я, ты со мной всегда,
 Лань моя, цветок, ясная звезда!

1935

178. ОБ ОСЛЕ И ТРАКТОРЕ

1

Когда-то в моем Керманшахе родном
 Готовили к пиру помещичий дом.

Пшеницу отборную, жирных ягнят,
 Румяные сливы, айву, виноград
 В деревне на спины покорных крестьян
 Взвалил управитель, угодлив и рьян.

Ту ношу крестьяне к жилью понесли
 И слугам вручили, склонясь до земли.
 За это, расщедрясь вконец, богатеи
 Велел отдохнуть им в конюшне своей.

Ушел приглашенных встречать господин...
 Из нищих крестьян горемыка один,
 Вокруг оглядевшись, увидел осла —
 И вдруг лихорадка его затрясла.

Поднявшись с земли, где валялся без сил,
Он с воплями шею осла обхватил:
«Кого я тут вижу! Бесценный ты мой,
Кормилец мой, друг незабвенный ты мой!..»

В ответ заревел безутешно осел
И вовсе до слез горемыку довел.
Злосчастный рыдает, а серый ревет,
На шум отовсюду сбежался народ.

«Мой ослик любимый! Средь белого дня
Чиновник его отобрал у меня.
С тех пор изнываю под бременем бед,
С тех пор ниоткуда мне помощи нет.
Семь дней и ночь поминает его,
Слезами седло поливает его...»

Помещика гость — похититель осла —
Беднягу за ворот хватает со зла:
«Смотри ты мне, плут, негодяй, бунтовщик!
Я шахский слуга, придержи-ка язык.

Все речи твои — клевета и обман,
Бесстыдство и хитрость — в природе крестьян,
Иди и с седлом возвращайся тотчас,
Чтоб я опровергнул твой лживый рассказ.
А если ослу то седло подойдет,
Осла уведешь ты — свидетель народ...»

Пустился крестьянин домой во всю мочь,
С седлом возвратился, не глядя, что ночь,
Не чуя, как ноша его тяжела,
В конюшню вбежал он, почистил осла,
Седло привязал и узду подхватил,
Но грубо чиновник его оттащил.

«Осел этот мой! А седло — для осла,
Поплатишься, вор, за дурные дела!..»
Мигнул он ретивым подручным своим —
Избитый крестьянин упал недвижим...»

Из горных селений приехал таджик.
Глядит: город Ленина, горд и велик,

Раскинулся морем домов перед ним.
Таджика зовут — сын Джалила, Салим.

Его с колыбели растила нужда,
Батрацкого вдоволь изведал труда,
Когда-то и корке был высохшей рад...
А ныне встречает его Ленинград.

Прославленный город гостям показал
Диковины светлых проспектов и зал...
Теперь на прощанье огромный завод
Салима с друзьями радушно зовет.

Рабочие лаской встречают гостей,
За пышным столом угощают гостей;
Веселые песни затеяли петь...
Завод знаменитый ведут осмотреть.

Кругом огляделся — и видит Салим
Новехонький трактор стоит перед ним.
Как будто сама потянулась рука —
Погладить колеса ему и бока.

Салим улыбается: «Здравствуй, дружок,
Мой верный товарищ, мой быстрый конек!»
И молвят хозяева, шутку любя:
«Постой! Коли вправду он знает тебя,
Попробуй за повод его потянуть,
Садись да вели, чтобы тронулся в путь...»

Салим оживился, на трактор взошел —
На гордой громадине горный орел.
И все уже видят сноровку орла —
Гора задрожала, рванулась, пошла.
Салиму рабочие «браво» кричат,
Приветствия, рукоплесканья звучат.

Сияя, Салим отвечает друзьям:
«Когда-то я вычным верблюдом был сам.

Хлестали меня господа по спине
И всё, что хотели, возили на мне.

Господ схоронила советская власть,
Теперь на себя я работаю всласть.
И сила, и знание теперь у меня,
И гнать я умею такого коня».
— «Ура!» — загремело Салиму в ответ,
И тут же рабочие держат совет.

Недолго судили, рядили они,
И трактор друзьям подарили они.
Подарок на славу Салим наш привез
От Балтики дальней в таджикский колхоз.

1935

179

На сердце, милая, взгляни, —
Оно к тебе одной идет!
Не раз упав и снова встав,
Стремглав тропой прямой идет.

Дорога так тесна была,
И вся в камнях она была,
Пред ним врагов стена была...
Прорвавши вражий строй, идет.
На сердце, милая, взгляни, —
Оно к тебе одной идет!

Безумным сердце назови,
Оно изранено, в крови, —
Лекарство есть же от любви!
С надеждой и с мольбой идет.
На сердце, милая, взгляни, —
Оно к тебе одной идет!

Певцов, о кравчий, пропусти!
Ковер поярче бы найти:
Творец газелей, Лахути,

Со звонкою строфой идет.
На сердце, милая, взгляни, —
Оно к тебе одной идет!

1936
Москва

180. СЛОВО О РУКАХ

На всех путях земного бытия
Мне солнцем светит молодость моя.
Сквозь годы бурь я до седых волос
Отвагу пылкой юности пронес.
Я гордых силачей встречал не раз,
В борьбе их руки я сгибал не раз.
Я видел руки раненных в боях,
Красавиц руки видел на пирах,
Не дрогнув, много видел рук людских,
Немало слышал и читал о них. . .

Но вот в Москве, войдя в шумящий зал,
Героя славных битв я увидал,
И он мне подал руку. В этот миг
Невольный трепет в сердце мне проник:
Ведь на запястьях рук его был след,
Открывший мне события дальних лет.
Чтобы оковы снять с рабочих рук,
Ни смерти не страшился он, ни мук.
В темницу был он брошен, как злодей,
Предсмертный слышал стон своих детей.
И вот печать кровавых тех годов:
Глубокий красный шрам от кандалов.
Борец опять среди друзей, в строю,
Он видит во плоти мечту свою —
Отчизну-сад, где ныне он обрел
Других детей — отважный комсомол.

Цени же старых львов! Их славный путь
Ты, юноша советский, не забудь.
Познай величье битвы прошлых лет,
Готовь упорно руки для побед,
Всё новое пытливо изучай;

Как юный лев, отчизну защищай —
Страну, где нет ни горя, ни оков,
Где счастье — дело рук большевиков.

1936

181. ОТВЕТ РОМЕНУ РОЛЛАНУ

В письме своем мою отчизну
страной свободно назвал ты,
И горьких слез не удержал я,
услышав дальний голос твой.
Борцу Ирана — что осталось
мне от покинутой отчизны:
Я помню пулю, да веревку,
да палачей презренных вой.
Когда я думаю о гнете,
в котором мой народ томится,
Печаль мое стесняет сердце
и скорбь овладевает мной.
Мне, как мираж в пустыне знойной,
Иран является далекий,
Хоть мой приют — на вольном берегу,
где плещет ключ воды живой.
И хоть нашел в гнезде Симурга
я мирный кров на время бури,
Всё так же горе надо мною
кричит полуночной совой.
Твое письмо, предвестник счастья,
дало моим желаньям крылья,
В его дыханье я почувал
свободы ветер огневой.
Твой голос прозвучал трубою,
провозгласившей день восстанья,
Чтоб революции дружины
бесстрашно устремились в бой.
Твоим разбужены посланьем,
мои стихи неудержимо
На эту чистую страницу
широкой излились рекой.
Так соловей, всю ночь пропевший,
в усердье новом сыплет трели,
Когда заря нам возвещает,
что солнце всходит над землей.

1936

182. НА БЕРЕГУ ДНЕПРА

Против славной могилы Тараса Шевченко
Величавое солнце встает за рекою.
Яркий утренний луч до гробницы поэта
Через волны дорогою лег золотою.
Мир не видел доньше, чтоб ясных два солнца
Были связаны близкой дорогой такою.

1936
Канев

183. ПЕСНЯ О ВОДЕ

Как застава великанов — гор могучая гряда,
Там в журчанье неустанном льется праздная вода.

А у нас в большой округе нет колодца, чтоб напиться,
Без воды земля томится, и бесплодна и тверда.

Истомлен народ мой жаждой, сушит рты проклятый
зной...
Здесь у нас мечтает каждый о глотке воды всегда.

Я верну лугам их свойство — расцветать и зеленеть,
Тополей седое войско зашумит листвою тогда.

Пусть взовьется над садами яблонь розовое пламя,
В речке вместе с облаками отразятся пусть стада.

Я на радостях надену белоснежную чалму,
Для гостей амударьинских будет славная еда.
А пока пора проститься, я иду за воду биться,
Не желаю я хвалиться, но она придет сюда!

1936

184. БАДАХШАН

Строителям Большого Памирского тракта

Бадахшан — хрустальный над землей навес,
Бадахшан немало затаил чудес.
Красотой Хорога славен Бадахшан,
Новою дорогой славен Бадахшан.

Для луны высокой пьедестал — Памир,
Всех хребтов подлунных выше встал Памир.
Даже мысли острой долгие века
В грудь свою проникнуть не давал Памир.

Средь искавших алый бадахшанский лал
Не один в уплату душу оставлял.
В грудь Памира смело врезали мы путь,
И Памир нам в сердце место даровал.

Не одни рубины мы добыли там,
Что всего любимей мы добыли там:
Славы возрожденье мы добыли там,
Родины цветенье мы добыли там.

Бадахшан — хрустальный над землей навес,
Бадахшан немало затаил чудес.
Красотой Хорога славен Бадахшан,
Новою дорогой славен Бадахшан.

1936

185

Я сердце бедное свое безумьем опалил...
Вот и всю повесть я тебе любви моей излил.

Никто жилища своего не жжет, одной тебе
Угодно, чтобы грудь мою пожар испепелил.

Но пусть! Пока я жив, меня сжигай, а не других, —
Огонь свечи для мотылька и гибелен, и мил.

Не отречется от любви, хоть камень в сердце брось!
Ах, этого безумца нрав давно я изучил.

Трепещет птицею, тебя в отчаянье зовет...
Возьми беднягу, приюти, не то падет без сил.

Тебе я душу отдаю, но что гордиться тем:
Кто, любящий, всего себя любимой не дарил?

1936
Москва

186. ДЖАМБУЛУ

Взлетай, ликуй, свободный соловей,
Над розою счастливою своей!
Рассыпь на землю серебристый гром,
Мелодию навстречу солнцу лей!
Пусть мир услышит, что родной твой сад
Еще прекрасней стал, еще пышней.
Любуйся нежным пурпуром цветов
И плодоносной тяжестью ветвей.
Пой тополю: свободно ввысь расти!
Тюльпану пой: красуйся, пламеней!
Запой — и всюду смолкнут соловьи —
Певцы иных садов, иных полей, —
С восторгом песню слушая твою,
Акын Джамбул, казахский соловей!

1936

187

О сладкая боль, отрада моя!
О ласковый взор, награда моя!
Ты — свет моих дней, услада моя,
Как чаша вином, я полон тобой,
Блаженной мечты не знаю иной.

Люблю и любовь не в силах я скрыть,
Обет мой тебе не мыслю забыть,
Не мыслю другой объятья раскрыть,
Для милой не жаль мне жизни самой,
Вели — разлучусь без стона с душой.

Навек я, пойми, тобой занемог,
Очей твоих луч мне сердце зажег,

Речей твоих звук — мне жизни залог.
Ты мне суждена, я суженый твой,
Я жду не дождусь дня встречи с тобой.

Приди, милый друг, приди, поспеши,
Горячий мой лоб рукой освежи,
Устами глаза мои осуши,
К ногам твоим дай припасть головой,
О друг дорогой, о друг дорогой! . .

1936
Москва

188

Расстались мы, но образ твой в глазах моих влюбленных
Как тонкий стан и смех живой в глазах моих влюбленных,
Клинки изогнутых бровей, ресниц стыдливых стрелы
Как после схватки боевой в глазах моих влюбленных.
Твой гибкий стан сосну смутит. О милая, ты лучше
Всех дев, прославленных молвой, — в глазах моих
влюбленных.

Своим безумьем счастлив я в оковах кос душистых,
Они и взор твой огневой — в глазах моих влюбленных.
И мнится, снова мы с тобой, смеемся, бродим, шутим. . .
Расстались мы, но образ твой в глазах моих влюбленных.

1937

189

Я, стяг любви вздымая над собой,
Всегда готов сразиться был с судьбой.

Воистину я мощью льва владею,
Раз выдержал со взором милой бой.

Слез жемчугами твой подол наполнил
От радости, что встретился с тобой.

Я в сердце зерна верности посеял —
Свиданья плод мне рок сулил скупой.

161

Я стражем глаз своих поставил сердце,
Чтоб не пойти неверности тропой.

Не будь тебя, как жил бы я? Что толку
Бесплодной заниматься ворожкой!

Без жалоб пасть, суметь не выдать тайны —
Вот что ценнее доблести любой.

Забуть себя, слить волю с волей друга —
Таков обычай верности слепой.

Речь о любви. Причем мои заслуги?
Не к месту занялся я похвальбой.

1937
Москва

190

Сердце влюбленного — милой подруги жилье,
Взор его — зеркало солнечноликой, ее.
Лучший ценитель — любовь, только ей уступлю я
Сердца алмазы, души золотое литье.
Вкруг меня горести стан свой раскинули черный,
Очи возлюбленной — вот подкрепление мое.
Точно Карун, я несметным богатством владею;
Слово — тот клад, что украсил мое бытие.
Знайте, борьба с вдохновеньем моим неразлучна.
Меч стихотворца победный — стиха острие.
Имя возлюбленной — соль моих песен, — повсюду
Вкрапил я в строчки то имя, и больше ничье.
Сердца тетрадь, как умру, передайте любимой,
Ей лишь хранить завещаю наследье свое.

1937

191. ПРАЗДНИК УРОЖАЯ

В поле сборщицы рука пляшет
И проворна, и легка, пляшет.
Вновь колхозы урожаем множат,
Пряжа на груди станка пляшет.

Вот красавица в цветном шелке —
Подхватив родной напев, пляшет;
На извив тугой косы гляньте:
Не змея ли, опьянев, пляшет?

Речка горная, гремя, пенясь,
Низвергается с высот, пляшет,
Испила живой воды старость —
Влившись в юный хоровод, пляшет.

В лад запел и соловей с нами,
Роза, ирис — весь цветник пляшет;
И от радости в груди сердце —
Неуемный озорник — пляшет.

1937

192. ТАДЖИЧКА

Божий страх томил ее,
Тяжкий гнет давил ее,
Муж тиранил, бил ее,
Сын родной не чтил ее.
Ах, на горькую неволю взгляни,
На безрадостную долю взгляни!

Шелком шит наряд ее,
Из парчи халат ее,
Водит трактор брат ее,
Каждый видеть рад ее.
Ах, на вольную таджичку взгляни,
На таджичку-большевичку взгляни!

Срок окончен мук ее —
Горы хлопка вокруг нее,
И в кругу подруг ее
Радостен досуг ее.
Ах, на бывшую рабыню взгляни,
Ах, на нашу героиню взгляни!

Хвалит весь народ ее,
Славен будет род ее,

Слава в Кремль ведет ее.
Сталин в зале ждет ее.
Ах, на прежнее страданье взгляни,
На сегодняшнее ликование взгляни!

1937

193

Сердце бьется песне в лад.
Ты мне в душу загляни.
Горе мы послали в ад,
Ты мне в душу загляни.

Встав у милой на виду,
Я ее веленья жду.
В сердце — пламень, ум — во льду, —
Ты мне в душу загляни.

Сердце стукнет и замрет,
То взлетит, то упадет, —
С чувством бой оно ведет, —
Ты мне в душу загляни.

Страсть — дурманный аромат.
Кто был ею не объят,
На того не брошу взгляд.
Ты мне в душу загляни.

В сердце пламенном моем
Мы с любимой вдвоем,
Клятву верности даем —
Ты мне в душу загляни!

1937

194

За что я с милой разлучен?
Что я сказал, что сделал худо?
Не слышал даже пересуда
Вины, в которой осужден.

Что сердцу!.. хорошо ему —
Оно с любимой осталось.
О, если б к ней заря помчалась
Сказать, как горько одному.

Слезами залил целый свет.
Я в море той печали — кормчий.
Я без тебя — а руль испорчен,
Я болен — а бальзама нет.

Один, без сна, что вздох — то стон,
Тоска — нет спутника иного.
Уста рождают вновь и снова:
«За что я с милой разлучен?»

1937

195. ПАВЛУ ТЫЧИНЕ

*Депутату Верховного Совета УССР
от Каневского избирательного округа*

Жизнь певучая, живая песня,
Ты, в ком дух Тараса огневой!
Если б жил я в Каневе чудесном,
Отдал бы тебе я голос свой.

Разумом ты смел и сердцем чист,
Дышит стих твой звонкий, легкокрылый,
Как природа Украины милой,
Ласкою и силой.

Соловья ирпеньского нежней,
Пел не ты ли в ясный вечер летний,
Помнишь: «Не дивися так привітно,
Яблуневоцвітно. . .»

Песнь твоя — клинок в руках Советов,
Грозен блеск, и звон ее, и взлет
В час, когда народ с тобой поет:
«Партия ведет!»

Жизнь певучая, живая песня,
Ты, в ком дух Тараса огневой!
Если б жил я в Каневе чудесном,
Отдал бы тебе я голос свой.

1937

196

Вином любви наполнил я фиал бездонный сердца,
Украсил образом твоим дом потаенный сердца.

Как воду с глиной, сочетал я с верностью любовь
И в новом блеске возродил храм разоренный сердца.

Любимая меня зовет — оно летит на зов...
Благословляю этот жар непревзойденный сердца!

И мотылек ночной, и лев спешат перенимать
Самозабвенную любовь, дух непреклонный сердца.

В пучину бурную не раз без страха я нырял, —
И вот навеки ты со мной, перл обретенный сердца!

На зависть розам цветника пленительно цветет
Лицо красавицы моей, сад благовонный сердца.

Среди полей, в тени садов — везде поют о том,
Как пал безумец Лахути в костер зажженный сердца.

1937
Москва

197

К возлюбленной сегодня в дом я шел.
Забыв на свете обо всем, я шел.

К ней — солнцу чести, солнцу чистоты —
С высоко поднятым челом я шел.

166

Как буйный за погонщиком верблюд,
Любовью за кольцо влеком, ~~я~~ шел.

Пусть день осенний неприветлив был,
Казалось мне — весенним днем я шел.

Любимая — луна меж ярких звезд,
Заворожен ее лучом, я шел.

Подруга так приветлива была,
Что сам не свой домой потом я шел.

От радости не мог я спать всю ночь —
К возлюбленной сегодня в дом я шел!

1937
Москва

198

Твой светлый лик запечатлело сердце,
Не знает радостям предела сердце.

Ты в нем живешь, ему даруешь счастье —
Блаженством вечным овладело сердце.

Твое лицо увидел я — и розу,
Как соловей в ночи, воспело сердце.

Не устает твердить любимой имя,
Горит, любя, — не оскудело сердце.

Тобой живет, а без тебя остаться
Не знает горестней удела сердце.

О, говори! Но если б смолкли речи,
Тогда б в тоске осиротело сердце.

Твое лицо сияет ясным солнцем,
И на него бы всё глядело сердце.

Любовь — мое единственное благо.
До прочих благ тебе нет дела, сердце!

1937

Ты с душой своею верной, о прекрасная, прославлена,
И любовь моя благая и всевластная прославлена.

Только родинку увидел — и в тенета кос попался.
Эта родинка — приманка, столь опасная, — прославлена.

Ты мне сердце наполнишь кровью. На пиру любви сижу я
С чашей — сердцем. Эта чаша ярко-красная прославлена.

Сердце — преданности школа, школа стойкости и чести.
Эта школа, вероломству непричастная, прославлена.

Страсть моя, своим восторгом зажигающая души,
Часто с доводом рассудка несогласная, прославлена.

Говорят о ней в селеньях, в городах твердят о ней же.
Лахути любовь повсюду, пылко-страстная, прославлена.

1937
Москва

200. СТРАНЕ СОВЕТОВ

Над вешней долиной прозрачен и чист небосвод,
Красавица роза спокойно и гордо цветет.

Кто к розе протянет преступную черную руку —
Тот гибель найдет, но цветка никогда не сорвет.

Кто злобно хрипит, уничтожить мой край призывая, —
Навек замолчит, под могучим ударом падет!

Отчизна моя, кто на счастье твое посягает —
С петлею на шее из жизни бесславно уйдет,

А голову ту, что придумает планы вторженья, —
Народ возмущенный мечом справедливым снесет!

Ждет саван того, кто рукою кровавой и жадной
К пречистым одеждам твоим прикоснуться дерзнет,

Пусть проклято будет разбойника черное имя —
Его человечество в книге имен зачеркнет!

Во мраке зажглась ты надежды свечой негасимой —
И мрак отступает, рассвет над землю всаает,

Земля перестанет ходить ходуном под ногами —
Ты — мира залог, ты — свободы и счастья оплот!

Кто вытоптать хочет твои благородные нивы —
Тот к бездне могилы прямою дорогой идет!

Сова упадет под ударами сокола смерти —
Она размечталась, что сад воронье расклюет, —

Здесь разум и знание великими стали вожжами,
Разбойничью шайку развеет советский народ.

Пусть мирное солнце светить никогда не устанет,
Пусть войны не множат безвременных вдов и сирот.

Твой враг обречен, и в последнем бою справедливым
Мой меч негодующий недруга сердце найдет!

1937

201

О, возвратись, без тебя
Пуст и печален мой дом.
Солнце мое, покажись!
Холодно в доме моем.

Ты мне явилась, и ввысь, будто на крыльях, я взмыл,
Милой своею назвал, мир для тебя позабыл,
Сердца заветную дверь я пред тобой раскрыл.

Вот отчего без тебя
Пуст и печален мой дом.
Солнце мое, покажись!
Холодно в доме моем.

Я изнемог от любви, ты — исцеленье мое,
Пламень мой ввек не угаснет, ты — обновленье мое,
Ты — моя вера и сила, ты — вдохновенье мое.

Долго ли будет еще
Пуст и печален мой дом!
Солнце мое, покажись,
Холодно в доме моем!

Верь, до последнего вздоха сердце другой не отдам,
Ах, за весь мир и улыбки нежной такой не отдам,
Душу отдам, но тебя, друг дорогой, не отдам.

О, возвратись, без тебя
Пуст и печален мой дом.
Солнце мое, покажись!
Холодно в доме моем. . .

1938
Душанбе

202. ПЕСНЯ

Ночь настала, в небе звезд с луною нет,
Той, что светит мне во мгле, со мною нет.
Вздох от сердца не поднимется к устам,
Силы справиться с такой тоскою нет.

Хоть давно печалью тяжелой я томлюсь,
Умереть в разлуке с милой я боюсь.
Смерть, уйди! Ты мной не сможешь овладеть:
Ведь, «любимая» сказав, я исцелюсь.

Не придет — пойду бродить по свету я,
В небе вспыхнет — превращусь в планету я.
В море канет — рыбой стану в тот же миг, —
Отыщу везде беглянку эту я.

Отыщу, куда б ни спряталась она,
И скажу: «Моя любовь, моя луна!
Если хочешь, чтобы умер, — здесь убей:
Ведь разлука больше смерти мне страшна!»

1938
Москва

Прощались мы, и ты лила печали слезы.
Как звездный дождь струясь, свет излучали слезы.

Сталь сердца твоего я растопил мольбами —
Сердечную печаль обозначали слезы.

В далекий путь меня ты проводила взглядом,
Я вздрогнул, зарыдал, ручьем журчали слезы.

Махнула ты рукой, слова не долетали,
Но, кровью заалев, им отвечали слезы.

1938
Москва

204. НЕЗРЯЧЕМУ ПОЭТУ

В кругу друзей поведал мотылек
О том, как жребий любящих жесток.

Сказал: «Я, в мир придя, свече любимой
Дал верности обет неколебимый.

Дал клятву до своих последних дней
Одной служить избраннице моей.

Весь мир забыв, к ее сиянью рваться,
В огонь ее бестрепетно бросаться,

И клятву свято я держать готов,
Я каждый миг ей жизнь отдать готов.

Огонь, скажи, устами пью монми —
Столь часто я твержу родное имя.

Пред милою с почтением сажусь,
Над ней с благоговением кружусь.

Ах, взоры манит красотой своею,
Но душу ранит слепотой своею!

Не видит, как восторженно парю,
Как в пламени без жалобы горю,

Моих не видит крыльев опаленных,
И слез горючих, и ночей бессонных.

А я хочу, чтоб видела свеча,
Как я томлюсь, пылая, трепеща,

Чтоб различать могли глаза подруги
И радости влюбленного, и муки».

Ответил некто мудрый мотыльку:
«О, кто бы не постиг твою тоску!

Свеча твоя незряча, правда это,
Но зрячему она — источник света.

Пусть глаз у ненаглядной этой нет,
С ней много тысяч глаз увидят свет.

Останется всегда твоя подруга
Светильником для дружеского круга».

Мой друг, по вдохновенью мой собрат,
Чьи песни столько радости дарят!

И ты, я знаю, как свеча незряч,
Но свой удел не проклинай, не плачь.

Есть низкие, кому глаза даны,
Да слепотой сердца поражены.

Со зрячим сердцем ты — свеча, тебя
Все чтут, язык твой пламенный любя.

Ты — светоч, горы милые — твой дом,
И земляки что мотыльки кругом.

Ты смотришь тысячью очей, поэт,
И взору твоему преграды нет.

Свети, подобно месяцу в горах,
Чтоб цель ясней видали на тропях,

И братьев ты без усталы зови
На путь надежный дружбы и любви!

1938

205. ТАДЖИКИСТАНУ

Надежда светлая души взволнованной моей —
Таджикистан! О сила рук, о свет моих очей!
Отечество моих трудов, моей любви приют,
Где вдохновенье и весна в груди моей поют!
Кто летопись минувших дней читал хотя бы раз —
Пред славой древнею твоей склоняется, дивясь.
Ты прогремел средь мастеров, средь мудрецов земли,
Тысячелетия с тех пор над миром протекли...
Но тучи собрались, и стал твой день угрюм и сер,
Хоть ни Заххок тебя сломить не мог, ни Искандер.
Ты не сдавался, чашу мук ты стойко пил до дна,
И долгие века была судьба твоя черна.
Вдруг пламя алое вдали, на Севере, зажглось,
И до твоей земли оно победно донеслось.
То пламя молвило: «Я — стяг спасенья твоего,
Я — революции заря, я — правды торжество!»
Под стягом тем, в бою, в труде, теплом друзей согрет,
О доблести ты вспомнил вновь, о славе прежних лет.
Ту славу Ленин возродил! Нет больше стен тюрьмы,
Таджикский светоч засиял средь вековечной тьмы.
Дивится не один Восток теперь твоей судьбе,—
Нет, полнится весь белый свет молвою о тебе!
Для всей земли сияешь ты лучистою звездой!
Я душу за тебя отдам, за блеск и пламень твой,
Надежда светлая души взволнованной моей —
Таджикистан! О, сила рук, о, свет моих очей!

1939

Душанбе

Я горю... Дышу, подруга, я в огне едва-едва.
Кравчий здесь, но гасит пламень он во мне едва-едва.

Лишь глаза твои увидел — в тот же миг в безумье впал
И могу найти забвенья я в вине едва-едва.

Не сердись, что отвечаю я невнятно: трепещу
И своей владею речью не вполне, едва-едва.

Не гони! С тобою рядом дай мгновенно умереть,
Жизнь влачу не по твоей ли я вине едва-едва?

Стынет сердце... Ах, певунья! Всё за голос твой отдам.
Вот рубаб! Так пой, бряцая по струне едва-едва.

1939
Душанбе

Иль, кроме страсти, в мире иного нет,
Иль в моем сердце сладостней зова нет?

Иль уж терпенье хочет мое отцвесть,
Иль уж надежд моих сада густого нет?

Иль мне неведом к счастью потайный ход,
Иль к замку счастья хода такого нет?

Иль человеку встретить тебя не дано,
Иль, чтоб схватить тебя, сети готовой нет?

Иль не поймать мне воли твоей полу,
Иль для молений, вздохов и слова нет?

Иль ты стрелою метишь в сердце тайком,
Иль для защиты сердцу и крова нет?

Раз, меня заметив в чаще близ гнезда,
 Стаями слетелись соловьи сюда.
 Тишина, молчанье, не шел жнет лист, —
 Слышу щебетанье, щелканье и свист;
 Слышу, распевают, славя кривоцветник,
 Рокот соловьиный в сердце мне проник.
 Расплескались трели по садам, лесам,
 Вслед за соловьями я запел и сам.
 Пел я: слава саду, что так сердцу мил,
 Слава садоводу, что его растил!
 До сих пор ту песню я в душе храню,
 И печаль из сердца я всегда гоню.
 Звонче гроз весенних, говора струи
 Вечно заливайтесь в чаще, соловьи!

1939
 Москва

210. УЗБЕКИСТАН

Узбекистан, твоих героев отважный род пою,
 Величье славных дел твоих из года в год пою.

Страной искусства и науки ты, возрожденный, стал,
 Ты роцей звонких соловьев, освобожденный, стал.
 Благоуханным и цветущим, как сад зеленый, стал.

Твои богатые сады, твой цвет и плод пою, —
 Узбекистан, твоих героев отважный род пою.

Вливает молодость в меня твой воздух золотой,
 Твой чанг мою волнует кровь задорною игрой,
 И пляшет радостно душа, заслышав голос твой.

Напевы пестрых птиц твоих, журчанье вод
 пою, —

Узбекистан, твоих героев отважный род пою.

Немало стран чудесных есть, — тебе подобных нет,
 В моей признательной груди неизгладим твой след.
 К тебе душа моя летит, как мотылек на свет.

Твой златоструйный Зеравшан, твой небосвод
 пою, —

Узбекистан, твоих героев отважный род пою.

Подобны львицам молодым все девушки страны,
 Отвагой юноши кипят, земли твоей сыны,
 И жены, и мужи твои для славы рождены.

Я поколение наших дней, его полет пою, —
Узбекистан, твоих героев отважный род пою.
Ты сердца верная любовь для всех, в чьем сердце свет,
Но кто возлюбит, как таджик, весенний твой расцвет, —
Как твой единокровный брат, товарищ детских лет?
Я ныне молодежь твою, я твой оплот пою, —
Узбекистан, твоих героев отважный род пою.

1939
Москва

211

Когда ж, когда ж твой светлый лик я вновь увижу?
У дома твоего цветник я вновь увижу?

О, грусть! Недвижно тополя встают вокруг, —
Твой плавный шаг когда ж на миг я вновь увижу?

Я плачу кровью. . . Где мечи очей твоих?
Когда ж изгиб бровей крутых я вновь увижу?

Мой верный и прекрасный друг, взгляни, утешь —
И блеск нарциссов колдовских я вновь увижу!

Прерву я жалобы, лишь смех заслышу твой.
Улыбку алых уст твоих я вновь увижу!

А без тебя в глазах моих тускнеет мир.
Когда ж, когда ж твой светлый лик я вновь увижу?

1939
Душанбе

212

В милой недруга любви — вот так клад! — нашел.
Заиграет — я пляшу: пляски лад нашел.

Жизни аромат вдохнул из прекрасных уст,
Лучшую из всех земных злых услад нашел.

Мудрено ль, что не могу отвести очей?
Чары, что меня влекут и грозят, нашел.

К шее нежной прикоснусь — жалит завиток:
Кольца вьющую змею — сам не рад! — нашел.

Жизнь, сто жизней отдаю за любовь мою!
Всё бы отдал, чтоб меня милый взгляд нашел.

Песни пылкие мои страстью зажжены,
Я для песен, говорят, звонкий склад нашел.

Милой смех вплеся в газель, слез моих струя —
Вдохновений я в любви пышный сад нашел.

1940

213

Слово с этих уст сердце молодит, дарит счастье.
Сердце не отдать милой, рассуди, в чьей же власти?
Лишь она пройдет, обернется вдруг — видно станет:
Нет стройней вокруг, тоньше всех подруг гибким станом.
Сердце всё в крови! Сердца нет верней! Верь поэту.
Но не верит, нет! И молчит в ответ... Что же это?
Лихорадкой бьет, жжет меня любовь. Славлю злую.
Пыль ее следов, звук забытых слов я целую.
В ночь мою пришел, месяцем взошел лик любимой,
О, рассвета дочь! Стала эта ночь с днем сравнима!
Смех ее звенит, злая говорит: «Не люблю я».
Шутит или нет? Правда или бред? Верно, сплю я.
О, любви пожар! Щедрой жизни дар. Дар бесценный!
Бережно храни чувство, что сродни ей, нетленной.

1940

Москва

214. ПЕСНЯ

Разлука — словно ветер для огня.
Играть нам в прятки долго ли, скажи?
Жалеет вся вселенная меня,
Терпеть нападки долго ли, скажи?

Играть нам в прятки долго ли, скажи?
Терпеть нападки долго ли, скажи?
Встречать рогатки долго ли, скажи?
Когда мне весело, то ты грустна,
Зато печаль моя тебе смешна.
Приду к тебе — ты хочешь быть одна, —
Вникать в загадки долго ли, скажи?
Играть нам в прятки долго ли, скажи?
Терпеть нападки, долго ли, скажи?
Встречать рогатки долго ли, скажи?
Не в хну ты ногти окунаешь — в кровь,
Всегда во всем винишь мою любовь, —
Весь мир ресницы заслонили вновь —
Жить без оглядки долго ли, скажи?
Играть нам в прятки долго ли, скажи?
Терпеть нападки долго ли, скажи?
Встречать рогатки долго ли, скажи?
Постиг любви науку Лахути,
Мне без тебя закрыты все пути,
Не лучше ли из мира мне уйти?
Длить век свой краткий долго ли, скажи?
Играть нам в прятки долго ли, скажи?
Терпеть нападки долго ли, скажи?
Встречать рогатки долго ли, скажи?

1940
Москва

215. ТАДЖИКСКИМ МУЗЫКАНТАМ

В душу проникают звуки чанга твоего,
Лишь твои коснутся руки чанга твоего,
Сердце в трепете! Иль сердце впрямь ты привязал
К струнам звончатым, к излуке чанга твоего?

Душу дам за упоенье тара твоего,
За усладу, за томленье тара твоего!
Я на крыльях соколиных полететь хочу —
Прилечу послушать пенье тара твоего.

Завоеван мир струнами саза твоего,
Околдован голосами саза твоего.
Вкруг тебя сердца людские пляшут и поют,
Стали мы звончее сами саза твоего!

Как запел средь аромата твой дутар!
Кольхнул цветы граната твой дутар.
Две струны ему не нужно: и одной
Сердце отнял без возврата твой дутар.

1940

216

Терпенья моего запас — куда ты унесла?
Покой души и дрему глаз — куда ты унесла?

Ты отвернулась, ты ушла — мир почернел в очах...
Мое светило, мой алмаз — куда ты унесла?

Припомнит сердце смоль косы — и плачет, как дитя;
Ту цепь душистую от нас — куда ты унесла?

Был час свиданья, через край наполнилась душа.
Восторг мой в незабвенный час — куда ты унесла?

Могу огнем моей любви хоть целый город сжечь.
Пожар, который не угас, — куда ты унесла?

Почтил я именем твоим скрижаль моей души.
Но где скрижаль? И стих, и сказ — куда ты унесла?

Машину дымную спрошу, везущую тебя:
Покой души, по рельсам мчась, — куда ты унесла?

Грешно мне сетовать чужим, я милую спрошу:
Терпенья моего запас — куда ты унесла?

1940
Москва

217. ВЕТЕР УТРА

Горе, гнет и страх истомили нас,
В яростных когтях задушили нас.
Но прогнал теперь злобы черной тень,
Дав свободу нам, наступивший день!

На жаркий бой со злом
Пойдем вдвоем, подруга,
Повеял ветерок в лугах,
Развеселись, родная!
Свободный воздух пьем
Мы жадным ртом, подруга,
Вся наша родина в цветах.
О, улыбнись, родная!

Розы красотой восхищаю взгляд,
Росы на траве каплями блестят,
Песни соловья наполняют сад,
Маки тут и там пламенем горят!

Мир новым стал!
Нас ослепляет свет, подруга,
Повеял ветерок в лугах,
Развеселись, родная!
Ведь день настал
Дерзаний и побед, подруга,
Вся наша родина в цветах.
О, улыбнись, родная!

1940

218. ПЛЯСКА

Все выходите
Дружно на луг!
Бубна и тара
Сладостен звук.
Шире раздвиньте
Праздничный круг!
Вышла плясать
Роза моя.
Дружно в ладоши
Бейте, друзья!
Словно газель,
Трепещет она,

Будто крылами
Плещет она,
Ярче павлина
Блещет она.

Вышла плясать
Роза моя,
Дружно в ладоши
Бейте, друзья!

Взором то нежит,
То пепелит,
То истерзает,
То исцелит.
Кто же ей сердца
Не подарит?

Вышла плясать
Роза моя,
Дружно в ладоши
Бейте, друзья!

1940
Москва

219. ПЕСНЯ

Очи газели, уста что цветы,
Косы в аркан ароматный свиты. . .
Взявшая сердце в полон красоты,
Сто обещаний нарушила ты!

С другом лукавишь, усмешку тая,
Ах ты притворщица, лгунья моя!

Мучить — забавою стало твоей:
Щечку приблизила — розы нежней, —
Лишь потянулся устами я к ней,
Пальцем грозя, восклицаешь: «Не смей!»

«Видно, не любишь ты, — думаю я,—
Ах ты притворщица, лгунья моя!»

Что ж, покорюсь: убивай, не щади!
С влагой в глазах и с пожаром в груди

Бегством спасаюсь, но вдруг позади
Слышится тихое: «Не уходи».

Снова я ожил, колдунья моя...
Ах ты притворщица, лгунья моя!

1940
Москва

220. КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Люди, звери, птицы спят,
Спят в полях цветы,
Мир огромный сном объят, —
Спи, сынок, и ты.
Спать не время лишь ручью,
Длит он песенку свою,
Чтобы ты уснул скорей,
Баюшки-баю.

Пусть спокойный снится сон
Сыну в тишине,
Пусть игрушки видит он,
Кущи роз во сне.
А из грустного сквозь мрак
Пусть увидит только мак,
Сердце чье сожгла тоска,
Свой оставив знак.

Только луч прогонит тьму —
Сына подымать,
Гладить волосы ему
Нежно станет мать.
Скажет: «Смелым вырастай,
Береги родимый край», —
А пока сомкни глаза,
Баю, баю, бай...

1940

Ужели беда страшнее
разлуки с любимой есть?
И душу больней другая
палит огневица? — Нет.

1941
Ташкент

223. ДАРЫ ЗОЛОТЫЕ

В ДНИ ПОДГОТОВКИ К ДЕКАДЕ
ТАДЖИКСКОГО ИСКУССТВА В МОСКВЕ

Ночь на исходе, забрезжил рассвет,
А тишины и покоя всё нет.
Как дописать живописцу портрет?
Гомон со всех раздаётся сторон.
Зол живописец на всех, раздражен,
Шум проклиняет, соседей, весь свет:
«Что ж это? Вовсе покинул их сон!»
Всех беспокойнее верхний сосед, —
Мучить художника дал он обет.

Встал живописец, не выдержал мук,
Выронив кисть и палитру из рук,
Кинулся вверх по ступеням. И вдруг,
Видит — танцует Офтоб на ковре,
Солнцу подобна, румяной заре, —
К смотрю готовится с группой подруг,
Хоть уж края облаков в серебре.
Солнце, что плавно обходит свой круг,
Как упрекнешь? Спать ему недосуг.
Мысль отвлекает веселый напев. . .
Снова художник вскочил, не стерпев,
Бросился вниз по ступеням, как лев.
В первую дверь заглянул наугад,
Там сюзане вышивают, спешат.
Встал живописец в дверях, онемев, —
Не сюзане, а тюльпановый сад
Вышит искусными пальцами дев!
Чудо! И сразу рассеялся гнев.

Мчится обратно. Вдруг — горестный вздох,
Видно, поэта застал он врасплах,

Что на ходу над редифом иссох.
Юноша брови насупил, страшась,
Чтобы, как серна от волка, сейчас
Робкая муза его за порог,
Встречей напугана, не унеслась...
Ввергнутый в творческий переполох,
Не улыбнуться художник не мог.

Всюду готовятся — самый разгар.
В мире искусства объявлен «хашар»,
Всех охватил вдохновенья пожар:
Лучшим из лучшего надо блеснуть!
Все в долгожданный торопятся путь,
Радостный час предвкушают, угар
В мыслях у каждого, каждую грудь
Воспламеняет волнения жар...
Как там, в столице, оценят их дар?

Скоро уж страдное время пройдет,
Солнце искусств ярким светом блеснет,
Нива усилий плоды принесет.
С кликами гордости и торжества,
С радостным возгласом «Сталин, Москва!»
Хлынет рекою к вокзалу народ,
На площадях уместаясь едва.
Слава избранников ждет и почет.
Их провожая, народ запоет:

«Гей, друзья,
Счастливой вам дороги!
Честь такая
Выпала немногим:

Вы в столице,
Чье священо имя,
Будете гостями
Дорогими».

«Разве мы в Москве
Гостями будем? —
Как в отцовском доме
Там мы будем.

Кто же назовет
Пришельцем брата,

Что приносит брату
Дар богатый?»

«Честь Таджикистана
Поддержите!
Что везете вы с собой,
Скажите?»

«Мы труды везем
И дарованье.
Мы восторг везем
И ликованье.

Мастерство,
И многолетний навык,
И сердца свои
Везем вдобавок!»

«Наш привет,
Почтение столице,
Низко ей
Мы просим поклониться,

И делам ее большим,
И людям!
Все стремиться
К ней, скажите, будем!»

Радость бушует, в груди не вместясь,
Наша мечта вековая сбылась:
Прежний батрак стал Каруном сейчас.
Русский народ, наш учитель и друг,
Принял подарки из дружеских рук,
Наши сокровища — всем напоказ.
Это Октябрь нас избавил от мук, —
Это Октябрь в знаменательный час
Светлый открыл храм искусства для нас!

Начало 1941

224. ПАМИРСКИЙ ДЕТСКИЙ АНСАМБЛЬ

Лица их так и лучатся, губы румяны, любуйся.
Ярким цветеньем тюльпанов, маков Рушана любуйся.

Зрелищем пляшущих лалов, звонко поющих
жемчужин —
Этим невиданным чудом гор Бадахшана любуйся.

Весь их смеющийся облик сердце бодрит, окрыляет.
Свежестью этой, красою благоуханной любуйся.

Видел ли кто-нибудь прежде плотью не скрытые души?
Всё в них прелестно, не сыщешь в них ни изъяна,
любуйся.

Детство их радостно, ясно, их ослепительна юность.
Гордостью, славой, надеждой Таджикистана любуйся.

Начало 1941

225. НЕУГАСИМОЕ ПЛАМЯ

К ОТЪЕЗДУ ИЗ МОСКВЫ УЧАСТНИКОВ ДЕКАДЫ
ТАДЖИКСКОГО ИСКУССТВА

Дехкане встарь огонь зажгли,
Но злые недруги пришли
И, черной тучей встав кругом,
Его засыпали песком.
Убить огонь не удалось, —
Он угли прокалил насквозь,
И, погребенный, но живой,
Бездымно-жаркой стал рудой.
И так он сотни лет лежал,
Но ветер бурный набежал
И землю взрыл; и все вокруг
Живой огонь узрели вдруг,
И наш народ, той бури брат,
Возликовал, узнав свой клад, —
Был возрожденный Октябрем
Святой огонь искусства в нем.

Пленяет мир герой живой,
Кто умер, тот забыт молвой,
Но ты, о Ленин, — нет, о жизни!

Твой незабвенен свет, о жизни!
Ты вел Октябрь, и вихрь его
Принес победы торжество.
Ты всем народам братство дал,
Им вольности богатство дал,
Таджикистану счастье дал,
Его дехканам счастье дал,
И песнь устам его вернул,
В нас душу юную вдохнул,
Наш саз чудесный возродил
И крылья пляске возвратил,
И я, на празднике искусств,
Неизъяснимых полный чувств,
Благодарю тебя, отец,
Благодарю от всех сердец,
От всех таджиков, ибо ты
Нас вызвал в жизнь из темноты.

Спасибо за щедроты вам,
За ласку и заботы вам,
Мы помним всё, что вам должны,
Мы будем вечно вам верны.
Мы, разъезжаясь по домам,
В сердцах уносим дружбу к вам
И солнца вашего лучи, —
До скорой встречи, москвичи!

Начало 1941

226. МУРАВЕЙ И СОЛНЦЕ

Разжиревший хищный муравей
Слабым всем букашкам был злодей.

На земле живых существ немало
Под его пятой изнемогало.

Жил, душил он бедных жертв, и вот
Разума лишился хищник тот.

Крикнул он: «Творец, нужны мне крылья!
Ввысь перенести хочу усилья.

Предо мною существа земли
Все склонились, крылья мне пошли!

Высоко под небеса взлечу я,
Солнце в небе покорить хочу я!»

Вымолвил — и крылья за спиной.
Пыжась, он полет направил свой

Прямо к солнцу. Из-за темной тучи
Сокол вдруг над ним взвился могучий.

Грозный ветер соколиных крыл
Злую тварь с лица вселенной смыл.

Всех избавил от неволи горькой.
С тех времен осталось поговоркой:

Если вздумал муравей летать,
Муравьиной смерти надо ждать. . .

На соседей, алчен и неистов,
Двинул Гитлер полчища фашистов.

Легкостью триумфов ослеплен,
На Советы покусился он.

Лезет ввысь, где реет сокол смелый, —
Без сомненья, смерть его приспела.

На борьбу, решительна, грозна
Встала вся великая страна.

В бой идет бесстрашно, неуклонно
За колонной новая колонна.

В мире мы отвагой прогремим,
Недругов напавших разгромим

И с народов, жертв уroda злого,
Сбросим ненавистные оковы!

22 июня 1941

227. РУБАИ

Тебе лишь мужество поможет — час настал!
Опасность мужество умножит — час настал!
Яви же верность! Приготовься жизнь отдать
За жизнь возлюбленной, быть может, час настал!

1941

228

Любимая, настало время, я в ратный строй иду,
Я, защищая, всё, что мило, на смертный бой иду.

Я красотой твоей пленился, едва узрел твой взор,
Я, красоте твоей покорный, забыл покой с тех пор.
Я заключил с тобой до гроба на верность договор,
Тебя беречь принес я клятву, давать беде отпор.
Теперь обет исполнить время, — я в путь святой иду,
Я, защищая всё, что мило, на смертный бой иду.

Чтобы враги не попирали твоей родной земли,
Чтобы враги твоей одежды коснуться не могли,
Чтоб розы щек твоих прекрасных в снегах не отцвели,
Чтоб кровопийцы мукам смертным тебя не обрекли, —
Я в бой великий, на защиту земли родной иду,
Я, защищая всё, что мило, на смертный бой иду.

Вдохновлены мы правым делом и мужества полны,
Мы будем биться до победы за честь родной страны.
Громады гор мы сдвинем с места, мы верою сильны,
Какие на земле народы нам доблестью равны?
Я за победою и славой, забыв покой, иду,
Я, защищая всё, что мило, на смертный бой иду.

О, верь и жди, твой светлый образ в часы невзгод
со мной,
Булатный меч, и дух бесстрашный, и мой народ со мной.
Ученье Ленина — наш светоч и наш оплот — со мной.
Я, защищая всё, что мило, на смертный бой иду.

1941

Вперед, к оружию, друзья!
 Коварный враг войной пришел,
 Как дьявол, как голодный зверь,
 Терзать наш край родной пришел.
 Пришел убить наш плод и цвет,
 Разрушить счастье долгих лет,
 Отнять у нас и хлеб, и свет,
 И ввергнуть в мрак ночной пришел.

Самодержавным палачом,
 Он с виселицей и мечом,
 С готовым для рабов бичом
 Глумиться над страной пришел.
 Сплотимся, разобьем его,
 Погоним, в плен возьмем его,
 С лица земли сотрем его,
 Того, кто к нам чумой пришел.

Заветам Ленина верна,
 Единством дружеским сильна,
 На битву встала вся страна,
 Как будто смерч морской пришел.
 И лишь когда свершится месть,
 Воскликнет тот, в ком сердце есть,
 В ком не угасла дедов честь:
 «Я в дом свой на покой пришел!»

1941

230. ПЕСНЯ

Покидая вдали дорогую,
 Пью в цветке аромат кудрей.
 Днем и ночью в душе берегу я
 Образ милой, мечту о ней.

Крепни, сила моя молодая,
 Неустанно служи стране!
 Пусть несется, к родной долетая,
 Слава добрая обо мне.

Доблесть любит она боевую,
Не отстанет сама в бою.
Неспроста ненаглядной зову я,
Крепче жизни своей люблю.

Дышит верностью неколебимой,
Силы, радости вся полна.
Вспомню песни далекой, любимой —
Расцветает в груди весна.

Словом ласковым, друг долгожданный,
Друга ты окрыли опять.
Сердцу хочется, свет мой желанный,
Мотыльком вокруг тебя летать.

Снова свидимся, вновь перед милой
Путь усыплю цветами я.
Дай мне руку, умножь мои силы,
Счастье, гордость, любовь моя!

1941

231. НАКАЗ УЗБЕКСКОЙ МАТЕРИ

Иди, мой сын, без слова «враг разбит»
не возвращайся.
Пока злодея меч твой не сразит,
не возвращайся.
Дерзнет ворваться — пулей меткой ты
Скажи безумцу: «Здесь лежи, убит! . .
Не возвращайся!»
До часа торжества родной страны
Рази, преследуй! С полпути, джигит,
не возвращайся.
Седин моих не опозорь. Ко мне,
Тебя вскормившей, славой не покрыт
не возвращайся.
Я жду тебя. . . Но без победы к нам,
Узбекистана верный сын и щит,
не возвращайся!

1941
Ташкент

232. ЛЮБОВЬ БЕЗ МЕРЫ, БЕЗ ЧИСЛА

Посвящается Х. Б.

С пером и счетами всегда сидит он среди книг,
С просчетами не устает сражаться ни на миг.

В ряды партийцев не зачтен, но сердцем коммунист,
Постиг, что коммунизм — учет, мой друг экономист.

И посвятил учету он немалые труды,
И цифр послушных строит он несчетные ряды.

И знает он минутам счет, и знает счет словам,
Товарищи теряют счет благим его делам.

Природа, взявшись за него, в ударе, зная, была:
Как соразмерно разочла, как мудро создала!

А час настал идти в поход — и с недругами в бой
Под красным знаменем в строю пошел товарищ мой.

В те дни без страха на врагов бросался наш боец
И в доблести везде являл высокий образец.

С друзьями добр, заботлив был, с врагом неумолим,
И каждый день свой отмечал он подвигом другим.

И разглядел тут каждый в нем, чья счетом жизнь была,
К народу, к родине любовь без меры, без числа.

1941

233. ГОРОДУ ЛЕНИНА

Орел могучий, славный Ленинград,
Тебя ли заключет воронья стая?
Сыны твои на страже; не войдет
В дом светлый Ильича орда чужая.
В гробу Суворов пробудился, взор
К бойцам твоим с надеждой обращая.
Покоен Ленин: «Племя Октября
Спасет мой гордый город — славу края!»

Любой вершок святой земли твоей
Огнем взметнется, хищников сжигая.
Пошли морских гигантов, пусть врага
Пасть Балтики поглотит огневая!
Стальных бесстрашных соколов пошли,
Скорей пусть гибнет саранча стальная!
На помощь мы готовы поспешить,
Веленья твоего лишь ожидая.
Стремительно туркменский прыгнет лев,
И волк фашистский взвояет, издыхая.
Как встарь Кова, с драконом в бой пойдет
Таджикская дружина удалая.
Узбеки вспомнят подвиги отцов
И превзойдут их, мужество являя.
Отважно в битву кинется киргиз,
Тебя могучей грудью заграждая.
На вихревых конях помчатся в бой
Джамбул седой, семья его степная.
Народы грозно встанут как один,
Своей свободы крепость окружая,
Фашистскую орду навеки сокрушат, —
И будет жить века великий Ленинград!

1941

234. ПАХЛАВАН ОШТИ

Один силач жил в городе у нас.
О нем молва широко разнеслась:
Бывало, кедр он с корнем вырывал,
Он кулаком и тигра убивал.
Плечом наляжет — рушится стена,
Будь из железа кована она.
Но сам он был — сплошная доброта,
Как стеклышко, душа была чиста.
И козней, и кровопролитья враг —
Не выносил могучий свар и драк.

Всех тише был он, но и всех сильней, —
И зародилась зависть у людей:
Старались досадить, исподтишка
Насмешками травили добряка.
А то отвагой хвастались при нем,

Вступить грозились в бой с богатырем!
С улыбкой он глядел на хвастунов
И мимо дерзких проходил без слов.
За то, что он стремился мир блюсти,
Его прозвали «пахлаван Ошти».

Однажды шел он позднею порой,
С ним женщина, закрытая чадрой.
Как вдруг ватага пьяных в темноте
Путь преградила скрытой красоте.
Разбилась тут терпенья пиала,
Рука Ошти меч гнева занесла.
Поток бурливый — пахлаван Ошти,
А те — что щепки на его пути.
Один лишь лев сравниться мог бы с ним,
А тех — со стаей волчьей мы сравним.
Вокруг себя он головы сечет,
Рекою крови улица течет.
Сброд негодяев вскоре побежден,
Вновь для прохожих путь освобожден,
И горожане славят силача —
Как разошелся, как рубил сплеча!

Тогда в восторге друг богатыря
Нагнал его поспешно, говоря:
«Что делает любовь! Как много сил
Дает она! Ты и скалу б разбил!
Ты был что снег, не таящий и днем, —
От близости любимой стал огнем.
Вдвойне могуч и грозен, кто влюблен, —
Ведь сам себя позабывает он!»

Едва хотел ответить другу друг,
С нее чадру откинул ветер вдруг —
И увидел толпящийся народ
Седые волосы, беззубый рот.
Ошти в ответ на дружескую речь
Завесу с тайны поспешил совлечь:
«Ты прав: для той, которую люблю,
Себя, сказал, огню уподоблю.
Но ежели сейчас мой меч в крови,
Причина вовсе не в мужской любви.

Сегодня гостью матери моей
Я провожал, я стражем был при ней.

Сказала мать: «Мой свет, дитя мое,
Никто чтоб пальцем не задел ее!
Спокойно пусть дойдет к себе она —
Тень спутника ее хранить должна!
Уж если гостью я вверяю льву,
Так пусть я льва недаром львом зову!»
Что приказала мать, то свято нам,
Для матери всего себя отдам.
Мать доверяет сыну: разве есть
Для сыновей возвышеннее чести?
Пусть я в бою хоть голову сложу —
Не головой, но честью дорожу.
В моих глазах стояла мать моя —
И полчища врагов разбил бы я!»

Ты, Лениным воспитанный птенец,
В сражениях испытанный боец,
Ты мысль мою, наверно, угадал,
Свое лицо ты в притче увидал.
Носитель чести, мира, правоты,
Приказу сердца ныне внемлешь ты.
Приказ гласит: «Меч на врага взнеси,
Свою страну от гибели спаси!»
Теперь не то, что в притче про Ошты:
Хранил он гостью матери в пути.
Мать-родина сама зовет сейчас,
Чтоб ты ее от злодеяний спас.

Но если у нее подобный сын —
Бояться ль ей за честь своих седин?
Откуда б ни грозила ей беда,
От всех убийц, повсюду и всегда,
Будь ей защитой. Верит в сына мать:
Доверья чище в мире не сыскать!
Пусть матери лицо стоит в глазах!
Мчись львом на строй коричневых рубах,
Гадюкам хищным головы руби,
Насильников, захватчиков губи,
Чтоб мощь врага раз навсегда сломать,
Чтобы тебя благодарила мать!

1942

235. ЖИВОПИСЕЦ И ПОЭТ

- Певца революции как воплощать должно?
- Среди огненной бури булат начертать должно.
- А как мне поэта перо показать взорам?
- Стрелой, что пронзает броню, показать должно.
- Ты многое видел: минувшие дни вспомни.
- Лишь кровь да оковы одни вспоминать должно.
- Кто дал избавление? — Ленин; его доблесть
Нельзя описать, только сердцем понять должно.
- Твое вдохновенье каким назову? — Юным.
- А волосы? — Жаль, но седыми признать должно.
- Не дрогнув, пойдешь ли сражаться за край милый?
- Памирским утесам скорей задрожать должно.
- О славе Советов начни, Лахути, повесть.
- Готов, но ее без конца продолжать должно.

1942
Душанбе

236. МОЕМУ ИРАНУ — ИРАНУ ТРУДЯЩИХСЯ

Услышь мой голос издалёка, о край мой дорогой,
Земля, что мне очей дороже, милей души самой.
Источник первый вдохновенья и вздох последний мой,
Обитель мудрости нетленной, поэзии живой,
Воспоминанье и мечтанье, о мой Иран родной!

Мечтаю, чтобы, сбросив иго, свободно ты вздохнул,
Чтобы в горнило древней славы ты новый жар вдохнул,
Чтобы труда и мира знамя ты высоко взметнул,
Чтобы с друзьями рядом смело ты в новый мир шагнул...
О, берегись, чтоб враг заклятый тебя не обманул!

Узнать хочу, что ты коварству и злобе не внимаешь,
Хитросплетенья хищной своры бесстрашно разрушаешь,
Поток нечистый и тлетворный к себе не подпускаешь,

Чумы чураться — на гибель себя не обрекаешь
И клевету на русских братьев с презрением отвергаешь.

Знай, русская земля — свободы и радости страна.
Там не корысти — дружелюбья душа людей полна.
Великим ленинским ученьем там жизнь озарена.
С любовью на Страну Советов взирают племена —
Защита угнетенных мира, опора им она.

Скажи, не с башни ли кремлевской блеснул надежды
свет,
Не там ли стерт рукою смелой нужды и гнета след,
Не там ли брат наш, край таджикский, родился вновь
на свет,

Не там ли Фирдуси великий прославлен и воспет,
Не там ли сброшен гнет Заххока и стяг Ковы воздет?
Пойми меня, недаром русским в дар сердце приношу я,
И братской верности навеки обет произношу я.
За нашу общую победу и голову сложу я.
Ведь за победу пав, Иран мой от бед освобожу я,
От рабства всех народов мира спасенью послужу я.

Ты не сильнее, чем десятки держав Европы гордой:
Смотри, как затопили кровью их гитлеровцев орды,
Взгляни на эту злую долю, на рабство и позор ты!
Не поддержал бы друг великий тебя рукою твердой —
И ты лежал бы ныне так же, во прахе распростертый.

Запомни, всем народам мира фашист — лютейший враг,
Куда бы ни ступил он, кровью его отмечен шаг,
Позор тому, кто малодушно приемлет гнет и мрак!
Фашизм исторгнуть надо с корнем, как ядовитый злак,
Стереть навек огнем и сталью его зловещий знак!

Решайся — и вперед стремиться ты без преграды
станешь.
В строй вольных стран и ты как равный с богатым
вкладом станешь.
В познаниях, технике, культуре с эпохой рядом встанешь,
Свободным, сильным, защищенным от всех нападок
станешь,
Ты больше прежнего, отчизна, моей отрадой станешь!

1942

237. ОТКРЫТИЕ БОЛЬШОГО ГИССАРСКОГО КАНАЛА

Братья узбеки, *хуш келибсиз!*
В радостный день мы сюда собрались.
Ну-ка обнимемся, милые гости.
В добром ли здравии? Милости просим!
Наша столица и села — для вас,
Звон этой песни веселой — для вас.
Бед пусть не ведают ваши колхозы,
Множатся пусть ваши овцы и козы!
«Гости» — сказал я? Ошибся любя.
Здесь вы не гости, вы здесь у себя.
Нам ли считаться: таджики, узбеки...
Право же, слиты в одно мы навеки!
Наши дружили отцы меж собой,
Деды тянулись друг к другу душой...
Но при эмире безводье изводит,
К распрям кровавым безводье приводит!
Кровь — не вода здесь ручьями лилась.
Козни кровавые строила власть —
Власть амалдара и жадного бая,
Власть, трудовому народу чужая...
Вспомнить о ней на мгновение нам
Жутко! Проклятие тем временам!
С Лениным, тяжкие сбросив оковы,
В мир мы вступили свободный и новый.
Кто наша власть? Не народа ли друг?
Мы их сравним с дружной парюю рук.
С сердцем и телом их также сравним,
Крепок союз их и нерасторжим.
Правая левой руке ль помешает?
Сердце ли телу беды пожелает?
Помощь руке своей любо нести,
Сердца законы отраднo блюсти.
Вот она, тайна великого чуда,
Вот оно, счастье народов откуда.
Служим мы родине, — родина к нам
Ласкова. Слава таким временам!
Нам ли не славить великие годы:
Зажили в дружбе и братстве народы.
Нам наша дружба — и крепость, и щит,
Наших врагов эта дружба страшит.
Горше она им смертельного яда,
Гибельней пули, штыка и снаряда.

Нам наша дружба — победы залог,
Доброе солнце веселых дорог.
Нам наше братство — краса и богатство,
Недругу верная смерть — наше братство!
С русскими братьями рядом пойдем,
Вместе фашистов орду разобьем.
Слава отчизне советской, свободной,
Братству народному, дружбе народной!
Ближе, теснее садитесь, друзья,
Песню споем в честь великого дня.

Кто видел, текучие воды чтоб крепкими узами стали?
Кто видел, чтоб теплые волны стальными клинками
взлетали?
Река где струится такая, что жизнь каждой каплей
дарует?
Где море такое, что, пламя порой извергая, бушует?
Ручей кто видал, что, привыкнув быть мирным,
и светлым, и нежным,
Вдруг может иным становиться—воинственным, грозным,
безбрежным.
Такая вода — в нашем новом канале, прорытом со славой,
Для нас она — жизни напиток, для недругов — чаша
с отравой!
Скрепила, как рукопожатье, она меж народами дружбу,
А в битве с врагами сослужит клинка смертоносного
службу.
Бывало, вода между нами глухою стеною вставала,
И крови в неистовых распрях за воду мы лили немало.
Теперь она песней струится, прекрасною песней свободы,
Теперь, словно кровь свою, крепко мы любим колхозные
воды!
Средь гор и полей двух республик вода молодая несется,
Ты скажешь: два брата — и в жилах у них кровь единая
льется.
Взволнована общей любовью к отчизне единой, великой
И праведной жаждой возмездья орде кровожадной
и дикой.
Мы дружных трудов не жалели, чтоб этот канал
заструился,
Чтоб в мощном потоке усилий он также к победе
стремился.

Чтоб жажду полей утолила его животворная влага —
Гроза чужакам ненавистным, отважным бойцам
нашим — благо.
Таджикский каланд опускался в лад с мощным кетменем
узбека.
Роднее и ближе, чем наши, сердец не бывало от века.
Покуда сердца наши бьются и кровь наша в теле
клокочет,
Враг нашей земли не увидит, водой нашей губ
не омочит!

1942
Душанбе

238. С НАМИ ЛЕНИНА ИМЯ

Внуки предков великих,
Молодые таджики,
Мы — булат смертоносный
В сердце хищников диких.

Разобьем их, поборем,
Будет враг опозорен,
Здесь найдет он могилу, —
Жребий хищников черен!

И Кова-победитель,
И Восе — грозный мститель
Говорят нам: «Потомки,
Доблесть древних явите!»

Братья, рвенье умножим!
Мы сумеем, мы сможем —
Озверелые орды
Сокрушим, уничтожим!

Расквитаемся с ними
Мы в пожаре и дыме.
С нами партии знамя!
С нами Ленина имя!

1942

Бежит, гонима бурей гнева, чудовищная стая,
 Под натиском советских армий как лед весенний тая.
 Вот отчего душа ликует, услышав о героях,
 Вот отчего декабрь холодный сияет ярче мая.
 Не ослабеет меч разящий, отчизны не уступит,
 Его для мщенья заносит народа мощь святая.
 Уже мы слышим клич военный замученной Европы, —
 Она встает, в победах наших надежду обретая.
 Безумцы лишь могли помыслить, что наш Союз
погибнет,

Но мы предвидели победу отеческого края.
 Народ наш, разума носитель, низвергнет мир насилья,
 Где правят ненависть и злоба, кровавых жертв алкая.
 Мы вражье логово разрушим, мы Гитлера настигнем,
 И мы поднимем знамя правды, преступников карая.

1942

Таджикский воин, размахнись могучей, твердою рукой,
 Срази, повергни в прах врага, верни стране своей покой.

Дряхлеет сказ о кузнеце, что встарь Заххока одолел, —
 Ты обнови его, вступи с чудовищем фашистским в бой.

Враг жаждет разорить страну, всю вытоптать из края
в край,
 Цветник в кладбище превратить он замысел лелеет злой.

Карай, преследуй, наступай, прочь лиходеев изгони!
 Не для фашистских диких орд преобразил ты край
родной.

Певунья-ласточка и та гнездо от вора бережет...
 О сокол, коршуна рази, за кров родимый грудью стой!

Приди с победой, — на тебя с надеждой милая глядит.
 Наполни гордостью тот взор, что затуманен был слезой.

1943
 Душанбе

241. ПОСЛАНИЕ ФРОНТУ С ДАРАМИ НАРОДА

Вперед!

Страна тебя зовет, о свет моих очей!
Сотри врага с лица земли и прах его развей,
Исполни всё, что наказал тебе старик отец,
Пусть кровью черной изойдет насильник и злодей.
Не дай

ему позорить дочь, жену, сестру свою,
Родную защити семью от вражеских когтей.
Мы ждем, когда напишешь ты, что метко бьешь врага,
Отличьем службы боевой обрадуешь друзей.
Испей вина,

вкуси плодов, — тебе их шлет колхоз,
Надень джурабы, кровь свою пред битвою согрей.
Пусть, как осина на ветру, трепещет лютый враг.
Ударь врага еще сильнее,
ударь еще грозней.

Винном, плодами угости товарищей своих,
В их жилы животворный сок рукой радушной влей.
Отчизне

верным сыном будь, бесстрашно кровь отдай,
Тем легче станет трудный путь, чем будешь ты смелей.
Отчизны честь

не предавай, страшась утратить жизнь,
Бессмертье воина купи отвагою своей.
С корнями выкорчуй врага, избавь от мук народ
И праздновать
победы час вернись к семье своей.

1943

Душанбе

242. СПУТНИКИ

Рассказ про «энаб», «ангур» и «узум»
Народ повторяет с древнейших лет, —
Рассказ, наводящий на много дум...
Сегодня его перескажет поэт,
И отрезвится, кто опьянен,
И сонная мысль отряхнет свой сон.

Однажды сошлись на одном пути
Три спутника, рядом по зною шли.

Подъемы да спуски... Невмочь идти,
Томятся ноги в горячей пыли.
Пот катится градом, и сели в тени.
Изнемогали от жажды они.

«Узум!» — А голос у турка слаб.
«Ангур!» — И перс уже сам не свой.
«Энаб! Энаб!..» — простонал араб, —
Что скажет один, не поймет другой.
Как вдруг разбойник приметил их,
В тоске и слезах увидал троих.

И думает вор: «Измучил их зной,
А всё же их трое... Верней всего,
Что, если мы вступим в неравный бой,
Они одолеют меня одного.
Но если я в них вражду разожгу,
И сам я троих одолеть смогу».

И вор, зайдя под тенистый граб,
Сказал: «Сейчас я в кишлак спущусь —
Найду там «ангур», иль «узум», иль «энаб»,
Куплю и сейчас же сюда возвращусь.
Всех трех усладить мне вас не сумею:
Один будет есть, а двое терпеть!»

«Энаб! Энаб!» — араб закричал,
А перс — «ангур», а турок — «узум»!
Их пуще разбойник разгорячал,
И подняли спутники ругань, шум,
Полезли в драку, не то что в спор!
Меж тем их пожитки похитил вор.

Все трое уже выбивались из сил,
Тут некий мудрец показался вдали,
Потом подошел, поглядел и спросил,
С чего у них лица в крови и пыли.
В ответ «узум!», «ангур!», «энаб!»
Воскликнули турок, перс и араб.

Просветлел мудреца внимательный взгляд:
«Я понял... Я всем насладиться дам!»
Полез в хурджин, достал виноград —
И что же? — сразу конец слезам,

Приободрился, кто был понур,
Ликуют: «знаб!», «узум!», «ангур!»

И стало ясно для всех троих:
Не мог понять одного другой,
А вор из расчета стравливал их,
Друзей, томимых жаждой одной, —
И с благодарностью их сердца,
Прозревши, славили мудреца.

Народов наших более ста,
Врозь горевали, страдали врозь.
И всех томила одна нищета,
И сердце всех к одному рвалось.
Лекарства ждали от тяжких бед,
Все порознь ждали — займется ль свет?

Им деспоты лгали из века в век,
Один народ с другим враждовал,
Подозревал туркмена узбек,
Таджик еврея подозревал,
И думал тюрк, введенный в обман:
Воспрянет он, разгромив армян.

Но Ленина партия — сеятель благ —
Народам правду раскрыла — и вот
Постигли, что общий у всех есть враг,
Что дружба — всем племенам оплот.
Народы, речь сохранив свою,
Сплотились в одну трудовую семью.

Сломив преграды, каждый народ
Смысл жизни понял, — в саду своем
Вкушает единства счастливый плод
За общим дружественным столом.
Забыт былых заблуждений путь —
И тесной связи не разомкнуть.

И если против фашистских сил
Десятки народов стоят как один —
Понятен их героический пыл:
Единой родины каждый сын.
Их счастье — плод совместных побед,
И вместе его отстоят от бед.

1943

Моя судьба в твоих очах теперь,
 Я словно воск в твоих руках теперь;
 Тебя не зная, пленником я был, —
 Свободным стал в твоих силках теперь.

Не на словах я жизнь отдать готов —
 Меня ты можешь испытать. Готов
 Я за тебя погибнуть много раз
 И смерть принять как благодать готов!

Не дам руки твоей врагу — поверь,
 Принять бесчестье не могу — поверь.
 Пусть голова моя падет, с твоей
 Не дам упасть и волоску — поверь!

1943

Идет победно сквозь года отчизна наша,
 Ты — знамя правды и труда, отчизна наша.

Мы возвеличены тобой, страна родная,
 Сынами славными горда отчизна наша.

Счастливой юности родник, оплот свободы,
 Ты будешь вечно молода, отчизна наша.

Ты жизнь и счастье нам дала, с тобой мы слиты;
 В сердцах народа ты всегда, отчизна наша.

Ты от фашизма мир спасла в борьбе суровой,
 Несокрушима и тверда, отчизна наша.

1944

245. НЕДУГ СЕРДЦА

Мой врач усердный!.. Как добра она,
 Приветливости ласковой полна!
 Когда, спален огнем, мечусь бессонный
 И в тишину мои несутся стоны,

Она к постели подойдет, волос
Запутанных коснется, и вопрос
Заботливый я слышу: «Что ты стонешь,
Зачем свой бледный лоб к подушке клонишь?»
Ей говорю: «Целительница мук,
Я сердцем болен — в этом мой недуг!»
И вот уже нагнулся врач прелестный
И, чтоб узнать недуг ей неизвестный,
К груди моей торопится прильнуть, —
А сердце прочь стремится упорхнуть!
Летит к другой, с другою ждет свиданья,
Чтоб кос иных вдохнуть благоуханье!
Миг — и затихло. В душной темноте,
Встречая взор не тот, черты не те,
Перестает в груди кипеть волною
И бьется ровно, затаясь в покое,
Как будто незнакома, далека
Ему любви палящая тоска.
Точь-в-точь малыш: когда не мать, а няня
Несет еду, он сыт уже заране,
Молчит в ответ, не тянется к питью —
Он взором сердца видит мать свою.
А няня говорит тогда с досадой,
Что вовсе молока ему не надо.
Вот так мой врач, подобно няне той,
В моем молчанье видела покой.
Ее уста приветливо сказали:
«Ошибся ты. Здоров ты, нет печали!
Таким спокойным, сколько ни живу,
Другого сердца я не назову.
Ни огорчения в нем нет, ни боли —
Таких сердец нам видеть бы поболее!»
С улыбкой удаляется она, —
И вновь в груди взметается волна.
В тоске по светлому лицу любимой
Вскипает сердце, пламенем палимо.
И льются слезы горькие дождем.
Друзья,

о, как мне быть с моим врачом?
Как ей внушить, в которой вижу друга,
Сколь тяжко мне
от нежного недуга!

246. ЛАТЫШСКОМУ НАРОДУ

В селеньях древней родины моей
Так исстари ведется среди людей:
Коль празднество в семье, так из соседних
Домов, богатых, бедных или средних,
Несут на стол какую-либо снедь,
Чтоб долю в этом празднестве иметь.
И рад хозяин хлебцу бедной хаты
Не меньше, чем дарам, что шлют палаты.
Как верно в знаменитом «Маснави»
Сказал поэт Востока Маулави:
«Что суть дары, гостинцы, подношенья? —
Знак моего к тебе расположенья!»

Пойми волненье сердца моего!
В семье латвийской нынче торжество:
Ей жизнь вернуло Ленина ученье,
Ей русский брат победу дал в сраженье.
Бой латышей был небывалый бой —
Бой света и добра со злом и тьмой,
Свободы бой с насильников ордою,
Бой радости с угрюмою бедою,
Лачплесиса бой с рыцарем ночным,
Бой человека с чудищем лесным,
Бой разума с невежеством позорным,
Людей советских бой с фашизмом черным!
И славная победа в битве той
Бесценной крови куплена ценой.
Идут на пир — полны гостинцев руки —
Сыны труда, искусства и науки.
И я, храня отчизны милой честь,
Хочу вам, братья, тоже дар принести.
Но я в искусствах и науках — нищий,
Позвольте ж эти несколько двустеший,
Как бедный хлеб, на стол ваш положить,
Чтоб долю в это празднество вложить.

Мне радостно, что в час такой великий
Попал я в этот край прекрасноликий!
Ведь я влюблен в свободу с давних дней, —
Как не делить мне радость латышей?
Я рад, что ночь их в утро обратилась,
Что правды сталь злодею в грудь вонзилась.

Живи и здравствуй, Латвии народ!
Свободно процветай из рода в род!
Могучим, мудрым, смелым оставайся,
Коварному врагу не поддавайся,
Чтоб впредь бесчестной своре чужаков
Не отнимать невест у женихов,
Глумясь, не принуждать плясать под плетью...
Конец слезам, обидам, лихолетью!

Тебя достойной песни мне не спеть,
Прими же бедняка простую снесь:
Ведь «что дары, гостинцы, подношенья? —
Знак моего к тебе расположенья!»

1945
Рига

247. ОТЕЦ И ДЕТИ

«Отец наш, чем ты так подавлен?
Куда твой скорбный взгляд направлен?
Что видишь ты вдали?» —

— «Иран.

О нем я думою отравлен.
Я вижу, будто сквозь туман,
Борцов — рабочих и крестьян —
В цепях, страдающих от ран,
Но с поднятою головою.
Вон схвачен смелый партизан,
Приставлен к горлу меч. Толпою
«Винись! Винись!» — кричат герою.
«Виниться? В чем? Я не стыжусь.
Свой путь я выбрал, им горжусь».
— «Так расставайся с головою!»
— «Рубите. Смерти не страшусь».
Вот слово мужества простое!..

Смотрите! Мать, чей сын убит,
Упав на грудь его, лежит,
Лицо ногтями раздирая...
Вот отшвырнул ее палач,
И сразу смолк надрывный плач.

Сурово кулаки сжимая,
Вся гнев и месть, она встает
И палачу в лицо плюет.
А там густого дыма клубы,
Дома пылают, школы, клубы...
В смятенье жители бегут.
Что вижу? Догоняют, быют...
И грабят заодно... Без слова
Всё тащат, с трупа и с живого,
Рубаху-рвань — и ту берут...
Вон старику скрутили руки,
Избитого, ведут на муки...»
— «Отец, за что же, объясни,
За что им кандалы и плети?
В чем виноваты люди эти?
И те, что судят, кто они?»
— «Фашистам палачи сродни:
Творят не суд, насилье злое!
В цепях народные герои,
Ирана лучшие сыны.
Они, в огне борьбы суровой,
Хотят добиться жизни новой,
Иной за ними нет вины.
Хотят, чтобы разбил оковы
Народ и мирный светлый дом
Обрел навек в краю своем,
Чтоб счастья песнь вокруг звучала...»
— «Ну, а теперь?.. Скажи, отец,
Неужто их борьбе конец?»
— «Нет, дети. Это лишь начало».

1947

248

В Иране торжествует зло, жесток фашистский гнет,
Но знаем мы, что близок час, когда фашизм падет.

Народ Ирана жизнь свою не пощадит в борьбе,
На поле боя кровь борцов, как алый стяг, цветет.

В бессильной злобе черный дэв готовит кандалы, —
Народ Ростемовой рукой те цепи разобьет!

211

Недолговечен на земле тиранов произвол,
И рухнет, в щебень обратясь, темниц нависший свод.

О, верь, народ! Ты победишь в своей святой борьбе, —
Кто духом смел, кто сердцем чист, тот счастье обретет.

Я твой певец. И в грозный час ты призовешь меня, —
Мое дыханье, песнь моя всегда с тобой, народ!

1947

249

Иран истерзанный, мы верим, оживет,
Сынов и дочерей к отпору призовет.
Своим мучителям народ не покорится,
Он с корнем вырвет прочь их ненавистный род.

Кто в дом родной чужих угодливо впускает,
Тех молот кузнеца настигнет, в прах сотрет.
Их грозный ждет удар от каждого мужчины,
От каждой женщины пощечина их ждет.
Единым будь, народ, могучим будь! Ты видишь,
Единство для тебя — единственный оплот.
Дракон фашизма жив. Останешься бессильным —
Он выпьет кровь твою, он силы наберет.
Отчизна-мать велит, и Лахути, ей верный,
Одной рукой — перо, другою — меч возьмет.

1947

250. СЛОВО ДЕПУТАТА

С тех пор как я себя на свете помню,
Тебе я всей душой служил, народ.
И если депутат — слуга, народ,
Твоим я депутатом был, народ.
Сыновнего, священнейшего долга
Я никогда бы не забыл, народ.
Но, облечен теперь твоим доверьем,
Обрел я пару мощных крыл, народ.

Своим назвав сегодня депутатом,
В меня вдохнул ты новый пыл, народ!
Клянусь, покуда в сердце трепет жизни,
Всегда служить народу и отчизне.

1947

251. ПЕСНЯ

Не будь жестокой к другу твоему.
 Терзать причудами к чему?
Твоих обидных взглядов не пойму.
 Терзать причудами к чему?
Тебя не видя, истомился весь,
 Но вновь, любимая, ты здесь, —
Не делай больно сердцу моему.
 Терзать причудами к чему?
О верности моей идет молва,
 Ты в подозреньях не права.
Сомненьем не ввергай меня во тьму.
 Терзать причудами к чему?
Нежнее сердца, чем у Лахути,
 Верь, в целом свете не найти.
Так будь же справедливою к нему.
 Терзать причудами к чему?

1947

252

Ты ушла — и разлука лишила покоя сердце!
Возвратись, исцели, и тебе я открою сердце:
Ведь оно без тебя — соловей, разлученный с розой;
Стала клеткою грудь, где исходит тоскою сердце.

Мотыльком легкокрылым оно над тобой кружилось,
Ты огонь унесла — не пленится другою сердце.
Одинок, сиротлив проживу без тебя весь век свой,
Ведь другую — пойми — не признает родною сердце.

Не считай меня слабым — исполнясь могучей страсти,
Сотней ярких костров всполыхнет над землей сердце.
Оживу я, вдохнув аромат твоего дыхания,
Ты ушла — и разлука лишила покоя сердце!

1947

253. ПАМЯТИ АЛИШЕРА НАВОИ

Сердце, от мук изнывавшее, к счастью влеклось,
Кровью облившись, из клетки на волю рвалось, —
что не сбывалось — сбылось.
Видел народ истомленный в мечтах свою землю
Поймой реки благодатной, долиною роз, —
что не сбывалось — сбылось.
Небо дрожало от стога замученных злобой,
Верили: кончится время страданий и слез, —
что не сбывалось — сбылось.
Много ударов сносила душа, чтоб растаял
Мрак вековой, чтобы знания солнце зажглось, —
что не сбывалось — сбылось.
В поисках радости, милого сердцу приюта
Ноги изранить в скитаньях, друзья, привелось, —
что не сбывалось — сбылось.

1947

Ташкент

254. ГОРОД ГОРОДОВ

Я был в столице Франции когда-то,
В Париже гордом, блещущем богато,
На Эйфелеву башню как-то раз
Я поднялся с друзьями в ранний час.
И над огромным городом высоко
Один товарищ из страны Востока
Вскричал в восторге: «Ну и городок!
Десяток наших он вместить бы мог...»
Француз шутливо кинул мяч ответа:
«У нас и поговорка есть про это, —

Два «чтобы» только нужно, и Париж
В одно яйцо куриное вместишь:
Чтоб, разом ставши крохотной, столица
Смогла в яйце курином приютиться,
Иль чтобы, став безмерно велико,
Яйцо смогло вместить ее легко! . . .»
Взрыв смеха. Я один молчал меж всеми,
Душою далеко я был в то время. . .
И вдруг очнулся при таких словах:
«Где плаваешь ты, друг? В каких волнах?»
— «В волнах, — я молвил, — города иного,
Прославленного, многовекового.
Он даже и на вид не меньше, нет, —
А города светлей не знает свет!
К его просторам я стремлюсь душою,
И в сердце я ношу его с собою».

О, диво, город необъятный тот
Весь целиком в груди одной живет.
Одно лишь нужно «чтобы», и вместится
Вся без остатка в сердце та столица:
Чтоб сердце было чисто, как родник,
Единоголиким было каждый миг,
А не делилось на два разных цвета
Под стать яйцу французской шутки этой.

О, город славный, город городов!
Людскую мысль он вырвал из оков.
Он — город мощи, подвигов, порыва,
Он — город жизни, юности счастливой.
Надежда угнетенных им жива.
Москва — тот светоч всей земли, Москва!
Москва — как песнь о русском человеке,
Живет века и молода навеки.

1947

255. ИРАНСКИМ УЗНИКАМ

Воины отважные народа,
От всего народа вам привет!
На исходе, братья, злые годы,
Долгожданный близится рассвет.

Смелые рабочие, крестьяне!
И в тюрьме врагов страшите вы.
Схвачены, истерзаны, в капкане,
Вы всё те же доблестные львы.

Вы в кольце шакалов разъяренных
Мужество храните и покой.
Пусть узнают: к жизни пробужденных
Не сломить им пыткой никакой.

Не согнуть ни ложью, ни террором
Ваших гордо выпрямленных плеч.
Не сломить вас смертным приговором —
Честь народа вам дано сберечь.

Мысли, взоры к вам мы обращаем,
Силе духа вашего дивясь.
Ночь разлуки пролетит, мы знаем,
В день победы мы обнимем вас.

1947

256. СТАРИКИ ЛЕНИНАБАДЦЫ

Седовласы, белобровы, с молодым сияньем глаз...
Мне отрадно с вами, старцы, проводить за часом час.

Я, счастливый собеседник, думы вам свои открыл,
Слушал ваш неторопливый, полный мудрости рассказ.

Кровь Камола в ваших жилах, песнопевца славен род.
Старики, вы всё познали, жизнь видали без прикрас.

Славлю труд ваш неустанный, славлю опыт долгих лет,
Тем горжусь, что удостоен чести быть в гостях у вас.

Прославляю я умельцев, что трудились на полях,
Собирая хлопок снежный, хлопок нежный, как атлас.

Труд и мудрость здесь едины — мне увидеть довелось,
Как приходят молодые старцев выслушать наказ.

Изнывал Ходжент под гнетом, ханы мучили народ.
Имя Ленина согрело, озарило светом нас.

Да живет Страна Советов, где свободен человек,
Где почетом окружают тех, кто прожил жизнь трудясь!

1947
Ленинабад

257

Я вижу тебя,
я вижу тебя,
В оковах, в тюрьму под конвоем идешь,
За помощь народу гоненья терпя,
Друг, с поднятой ты головою идешь.
Я вижу тебя, я вижу тебя, —
Как смелый борец,
как воин идешь!

Избрал ты достойный
и праведный путь,
Ты смерти в глаза не страшился взглянуть,
Враги не заставят тебя повернуть,
Ты тучей на них грозовою идешь.
Я вижу тебя, я вижу тебя, —
Как смелый борец,
как воин идешь!

Тебя не сломила, не смяла беда,
Твой дух неприступен и воля горда.
Уверен в своей правоте, как всегда,
Ты с чистой душой, спокоен идешь.
Я вижу тебя, я вижу тебя, —
Как смелый борец,
как воин идешь!

С несогнутым станом
я вижу тебя,
Отважным и рьяным я вижу тебя,
Борцом-великаном я вижу тебя,
Спокоен, как юноша строен, идешь.
Я вижу тебя, я вижу тебя, —

217

Как смелый борец,
как воин идешь!

Я вижу в порыве,
в движенье тебя,
В грядущем я вижу сраженья тебя,
Я вижу в родном окруженья тебя,
С победой ты, славы достоин, идешь!
Я вижу тебя, я вижу тебя, —
Как смелый борец,
как воин идешь!

1948
Москва

258. ЮНОМУ ПЕВЦУ ФРАНКСКОГО НАРОДА

В час, когда легли, край небес задев,
На твои поля первые лучи,
Дрогнули, в комок сжались палачи,
Зная, чем грозит им народный гнев.

Твой прозрачный луч среди других лучей
Озарил тогда бледный небосвод,
Был он ярче всех, чище, горячей, —
Радостно смотрел я на твой восход.

Но пришел опять бедствиям черед,
Затянули даль черных туч пласты.
Снова палачи ввергли твой народ
В бездну тьмы и слез, горькой маеты.
Друг мой, что с тобой? Где томишься ты?

Стоек будь, чтоб жар в сердце не потух.
Где бы ни был ты, будь к борьбе готов.
В непроглядной тьме обостри свой слух.
Друг, услышь трубы отдаленный зов.

Придавил тебе плечи тяжкий гнет,
Тлест под золой чудный дар певца.
С новой силой он вспыхнет, час придет,
Жгучей песней вновь обожжет сердца.

1948
Москва

259. ИРАНСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Ирана сыны, носители света,
Мыслители, люди науки, поэты!
Где ваше горячее, гневное слово?
Когда ваше «нет» раздастся сурово?
Черные висят над страной облака,
Родина истерзанная к гибели близка,
Всюду беда полыхает кострами.
Доллары-дрова поддерживают пламя.
Иль вы из камня, что молча глядите?
Вокруг вас огонь, а вы не кипите!
Если вы — львы, где рык ваш грозящий?
Если — мечи, где взлет ваш разящий?
Кто гасит сегодня сердечный пыл,
Кто уши зажал и глаза закрыл,
Тот жалок, тот из породы овец
Иль враг он отчизне, наживы ловец.
Вас волк уносит поодиночке,
А стадо пасется себе на лужочке. . .

Задам вам вопрос, поищите ответа
И, если я прав, не сердитесь на это.
Когда, покончив с работой дневной,
Пойдете вы — сыты ли, нет ли — домой,
Что скажете вы своим матерям,
Что скажете вы сынам, дочерям?
Как женам своим в глаза поглядите?
Мужчины вы? Что ж по углам сидите?
Кто с честью знаком и со стыдом,
Чужих не впустит в родной свой дом.
И женщины гордые — те, что, бывало,
Во дни восстаний свои покрывала
Бросали в лицо депутатам продажным,
Как львицы в меджлис ворвавшись отважно,
Крича: «Это вам пристала чадра!
Вам с нами местами меняться пора!»
Что с ними теперь? Где мужество их?
С народом где содружество их?

К вам слово мое, носители света,
Мыслители, люди науки, поэты!
Доколе жить по чужим законам,
Доколь предаваться жалобам, стонам,

Кланяться, покоряться — кому?
Хоть раз почему б не спросить: «Почему?»
Считаете неуточным, стыдитесь?
Иль просто боитесь?.. Чего же боитесь?
Чтоб не лишились своих должностей,
Не канули в массу простых людей,
Покоя и кейфа не утратили,
Не рассердили «благ даятелей»,
Неблагодарными не показались,
От «доброе имени» не отказались...
О, жалкая должность — рабами жить,
Чужим подчиняться, врагам служить!..
Остаться без хлеба — вас вот что пугает,
А хлеба добытчик пусть погибает?
Дрожите, не впал бы в разруху край,
А тот, кто украсил край, — помирай?
Рабочих дело — убранство страны,
Людей насыщает крестьянство страны.
Вы вот кому благодарны будьте,
Об этих даятелях благ не забудьте.
И доброе имя — среди них бы сберечь его,
О прочих, право, заботиться нечего.

Враги народа — на воле, в силе,
Друзей народа враги схватили.
В пустыне, где изнемог бы и слон,
Где лист ни единый землей не взращен,
Где перья орел в полете роняет,
Где сила живучей змее изменяет,
В безжалостном, в изнурительном зное
Томятся сегодня народа герои.
При жизни (хоть доблестью только грешны)
На адскую пытку они отданы.
Поверьте, страх они знали тоже,
Герои те были не чужды дрожи:
Страшились, чести не уронить бы,
Противно совести не поступить бы,
Врагу не простить бы народных бед,
Не сделать бы шагу отчизне во вред.
Боялись, как бы не сдать боязни,
Дрожали, как бы не дрогнуть при казни.
За волю сражаясь за всех людей,
Они не щадили воли своей.

Таков он, ленинца дух орлиный.
Такой лишь страх достоин мужчины!

Сыны Ирана, носители света,
Мыслители, люди науки, поэты!
Народа борцы — и в застенке львы,
И там не клонят они головы.
А вы на свободе смолкли в бессилье,
Вы даже шепотом не спросили,
За что загнали их в этот ад,
Виновны в чем и чего хотят?
Не спрашивали, не узнали ответа,
Сочли, что спокойней молчать про это.
Но время пришло сказать напрямик,
Пусть знает об этом и мал, и велик:
С рабочими дружба — вся их вина,
О счастье народном их дума одна.
Но думает о другом ашраф,
Ашрафу что до народных прав!
Он алчен, иной не знает кручины,
Теперь ему доллар — владыка единый.
Он родом из тех, кем во все времена
Отчизна бывала врагу отдана.
Заххока впустив, Искандера призвали,
Арабам, Чингису ее продавали.
Пусть будет растерзана и расколота,
Звенело б только в карманах золото!
И ныне домашние эти воры
Чужим открыли отчизны затворы —
Заххокам, что за океаном живут,
Чингисам, что к нам с островов плывут.
Прислужники новых чингисов кровавых
Во имя долларов — призов кровавых —
Сегодня держат в зловонных ямах
Сынов народа, отважных самых,
Чтоб войско труда разлучить с головой,
Внести замешательство в строй боевой.
Напрасно! Пусть эти запомнят слова:
Прозревший народ — сам себе голова.

Братья и сестры, чей светел разум,
Против насилья восстаньте разом!

Ключ победы в единстве ищите —
Нуждается родина в вашей защите.

Все ополчитесь, мужчины и женщины,
Против разгула террора, военщины!

Гневный голос свой подымите —
Нуждаются узники в вашей защите.

Под знамя мира встав, из страны
Гоните факельщиков войны!

Не дайте отечество разорить,
Кровью безвинных людей обагрить.

Не дайте оттуда полчищам диким
Ринуться злобно к Советам великим —

К стране, что, владея мощью, богатством,
Свой путь озарила дружбой и братством.

Сплетенные руки мощью славятся,
Всем черным силам с ними не справиться.

Победа конечная за народом,
Не век лютовать вельможным уродам.

Сметет их народного гнева шквал,
И те устыдятся, кто с поля бежал.

К вам слово мое, носители света,
Мыслители, люди науки, поэты!

1950

260. ИРАНСКОМУ НАРОДУ

Слушай, народ благородный Ирана,
Дети Ковы, кузнеца-великана,
Славное племя — скажу без обмана
(Древние годы — свидетель словам).

С этой твоей многолетнею славой,
С этой душою твоей величавой,

С совестью этой, и чистой, и правой,
Ты ль покоришься презренным врагам?

Лгут тебе нагло империалисты,
Алчность одна лишь в душе их нечистой.
Их, как заклятых врагов, берегись ты,
Правда чужда этим черным сердцам.

Не дорожат они жизнью твоею,
Жалить готовы тебя, не жалея,
Их собачонка и та им милее,
Не доверяйся коварным речам!

Драться ни с кем ты не хочешь на свете,
Миру тобой не расставлены сети,
Мирной работы хотят твои дети,
Кровью твоим ли багриться полям?

Кровью тогда поливай свое поле,
Если сражаться идешь ты за волю,
Биться за новую, светлую долю,
Путь преградить чужеземцам-врагам.

Если ты в доме хозяин, то янки
Мчится туда на какие приманки?
Зваться достоин ли сыном иранки
Край свой делящий с врагом пополам?

Братья, довольно смиренья, вставайте,
Против чужого вторженья вставайте,
Ради отчизны спасенья вставайте,
Время открыться и вашим глазам.

Чти Саади незабвенное слово:
«Смерти не бойся средь битвы суровой!
Жизнь пожалеешь для края родного —
Гибель найдешь». Слава этим словам!

Битва за мир — вот геройства арена.
Вам ли склонять перед силой колена?
Против войны, разрушенья и тлена
Смело примкните к народам-борцам!

1950

261. ИРАНСКОЙ ПЕВИЦЕ

Поет соловей в тоске по ветке родной, о роза!
И с ним сравниться дано тебе лишь одной, о роза!
Веселье душе дарит, из глаз исторгает слезы
Пленительный голос твой, владеющий мной, о роза!
Под снегом загдох цветник, но только рассыплешь
трели —
Опять в цветнике моем повеет весной, о роза!
Лишь встретил твой ясный взгляд и сладкую речь
услышал,
Стал раем и цветником мой дом под луной, о роза!
Пленяется молодежь твоим чародейным пеньем, —
Но стал молодым и я: тому ты виной, о роза!
Горю, вдохновлен тобой, твоим покорен искусством,
Пой, нежная, звонче пой, цветок мой земной, о роза!

1950
Москва

262. НАЗЫМ ХИКМЕТ БУДЕТ СВОБОДЕМ!

Встретясь в городе славы и чести,
Ленинизму учились мы вместе.
Воля мужа и юности жар,
Светлый нрав, щедрый песенный дар —
Всё в нем было, его мы любили,
Нас влекло к этой радостной силе.
Речь идет о народе при нем —
Весь он вмиг запыляет огнем.
Он оттачивал строки, как стрелы,
Метко бил по врагам озверелым,
Речь его искрометно лилась,
Мы о нем говорили не раз:
«Да, Хикмет он, — под стать это слово.
Впрямь он — мудрость народа родного».

А теперь в заточенье поэт,
Смелый друг наш Назым, наш Хикмет.
Весть позорная! Как примириться?
Держат мудрость народа в темнице.
Не жалка, не презренна ли власть,
Что могла на Хикмета напасть,

Власть, что родины честь и свободу
Топчет алчному янки в угоду?
Но в тюрьму через сотни преград
Голоса отовсюду летят:
«Ты не сломлен, ты с нами, Хикмет!
Ты — свободы знамя, Хикмет!»

Поднял голос наш вольный народ,
Вольнолюбцы всех стран и широт,
И гремит, и несется по свету:
«Свободу Назыму Хикмету!»

1950

263. ПОДПИСЬ ПОД СТОКГОЛЬМСКИМ ВОЗЗВАНИЕМ

Мы, осиянные знаменем Ленина,
Нашей отчизны могучей народы,
В битвах у стен Сталинграда, овеянных
Славой нетленной, в грозном походе,
Стражей железной у города Ленина
Стоя в морозы сурового года,
Странам ли братским, стенавшим под бременем,
Знамя вручая желанной свободы
Иль оттесняя от города к городу
Хищные орды фашистского сброда, —
Мы и в те дни, в обезумевшем мире,
Кровью писали воззвание о Мире!

Вспомнив о зове том, мира сторонники,
Смело подпишем и это воззвание!
Подпись любого — живое свидетельство
Воли народа, его упования.
Мир весь следил за борьбой героической
Наших бойцов, затаивши дыханье,
Ныне он с нами готов у чудовища
Вырвать оружие в едином дерзанье.
К миру призыв наш — отпор сокрушительный
Извергам, вновь нам сулящим страданье.
Но не избегнет расплаты суровой,
Кто не расслышит народного зова!

Будет за Миром победа? — Бесспорная!
Мира ждут люди, как в темени света.

Гидру войны истребят? — Без сомнения!
Нет для достойных дороже завета.
Сгинут зачинщики? — Все до единого!
Каждый живущий мечтает об этом.
Быть ли войне? — Не бывает! Это каждому
Ясно, в ком правдою сердце согрето.
Мир нужен старцу и юноше пылкому
Ради их радости, ради расцвета,
Нужен и нашей советской отчизне.
Мир победит — то веление жизни!

1950

264. ВЕСТИ С ВОСТОКА

Как-то прибежал домой, веселый,
Сын десятилетний мой из школы
С книжкою зачитанной в руке.
«Сказки», — я прочел на корешке.
«Слушай, — закричал он, — вот смешная
Небылица про царей Китая!»

Некогда (с тех пор прошли века)
Царствовал в Китае Ли Оа.
Во дворце наследном богдыхана,
В зелени садов благоуханных,
За стенами многих крепостей
Жил он, скрыт от глаз простых людей.

Богдыхан однажды в тронном зале
Гостя принимал. Вокруг сверкали
Стены сплошь в алмазах, серебре.
Ливень лил в ту пору на дворе.
Гостю из державы отдаленной
Ли Оа с улыбкой благосклонной
Молвил: «Ты в раздумье? Что с тобой?»
Смело мысли тайные открой».
Гость в ответ: «Под сводом горделивым,
Царь, тебя не беспокоит ливень.
А меж тем народа твоего
Треть, быть может более того,

Даже шляпой не могла разжиться,
Чтоб от ливней зимних защититься».

Отвечает Ли Оа: «Ты прав».
Тотчас он, большой совет собрав,
Повелел: «Лишенные убора
Головы рубить все без разбора!
Пусть отныне видит целый свет,
Что людей без шляп в Китае нет!»
Мандарины, похвалив решенье,
Огласили царское веленье.

Сказочку китайскую прочтя,
Посмеялись мы. . . Но год спустя
Слышим мы о богдыханах новых,
Ли Оа примером взять готовых.

В Турции учитель молодой
(Звать Махмудом) в повести простой
Прикоснулся к обнаженной ране —
Показал, как бедствуют крестьяне,
Описал их подневольный труд,
Рассказал, что впроголодь живут.
У него в селе, к примеру, меду
В жизни видеть не пришлось народу.
Что там мед! По месяцу порой
Пахарь хлеба не поест с семьей.
В хижине убогой ходит ветер,
От лишений тяжких гаснут дети.
В редком лишь селенье лекарь есть,
А недугов злых не перечеть.

Ясно показал рассказ Махмуда,
Что турецким труженикам худо,
Что под тяжким гнетом черных сил
Горемыкам белый свет не мил.

Тут же весть из Турции другая
Донеслась, народы возмущая, —
Весть о том, что к колесу войны
Привязав судьбу своей страны,
Рады честью торговать своею,
Шлют войска правители в Корею,
Шлют, служба заморским господам,

Мира, человечества врагам.
Слушая взволнованное слово
Сельского учителя простого
И узнав про грязный тот поход,
Я припомнил старый анекдот...

Ты, с ружьем стоящий иль у пушки
Пахарь из турецкой деревушки,
В чем ты провинился, бедный брат,
Исковерканный муштрой солдат,
Что тебя послали, не жался,
В бой с героями, чья мать — Корея?
Надо думать, потрясен нуждой
Деревень родных, правитель твой
Выход отыскал: послать под пули
Тех, что в жизни меду не глотнули.
Пусть, мол, видит после целый свет:
В Турции не евших меду нет.

Знаю, век народ молчать не может,
Головы под нож он не положит.
Множество других летит вестей,
Брат мой турок, из страны твоей.
Весть о том, что жив твой дух отважный,
Жив, не сломлен кликою продажной;
Что хранишь ты честь родной страны,
Дружбы стойкий друг и враг войны.
Знаю, полон мужества и веры
В силы мира, скажешь ты аскеру:
«Слушай, брат. С Кореей воевать —
Край родной позором покрывать.
Нас война от горя не избавит,
Лишь сильнее плечи нам придавит.
Для чего жене твоей вдоветь?
Для кого костям твоим истлеть?
Для заморского миллионера?
Эй, открой глаза! Коль дух аскера,
Доблесть мужа хочешь ты явить —
Есть куда отвагу приложить.
Встань и в ногу с борющимся светом
Против войн борись! Отвага — в этом».

1950

265. СКАЗКА О ТЕТУШКЕ САКИНЕ,
О МУДРОМ СОСЕДЕ И ДЭВЕ-КОЛДУНЕ

У Сакине — ни гроша за душой,
Шесть малышей, в колыбели меньшей.
В хижине вечная гостя — нужда.
Тутовый хлеб да гнилая вода...
Хитростью вытянул дэв из нее
Всё достоянье. Худое житье!
Жил с нею рядом ученый мудрец,
Щедрый и ласковый, словно отец.
Видел он, как надрывалась вдова,
И помогал ей не раз и не два.
Дэв постучался к ней ночью во двор,
С нею недобрый завел разговор:
Стал клеветою чернить мудреца —
Хитрость находит дорогу в сердца!
«Гибель твою замышляет сосед,
Из-за него натерпелась ты бед.
Я бы наслал на него ураган, —
Жалко, помехою мне океан.
Место поближе бы надобно мне,
Вместе мы будем сильней, Сакине!»
Речью коварной оплел ее дэв,
В сердце вонзились обида и гнев.
В хижину — всё, чем владела она, —
Дэва впустила — война так война!
С неба холодного хлынула тьма,
Мчатся к ученому град и чума,
Но отступают один за другим —
С мужем ученым не справиться им.
Мудрость жилище его сберегла
От урагана и прочего зла.
Но потеряла детей Сакине,
Шесть малышей, по своей же вине!

Смысл этой сказки читай между строк,
В ней легковерным полезный урок.
Вдумайся каждый, введенный в обман,
Зорче поглядывай за океан!
Если тебя подстрекают к войне,
Вспомни о сказочке про Сакине.

1950

266. ДВЕ СЛАВЫ

Читал я и слышал преданий немало
О праведной жизни Хатема из Тая.
И каждое щедрость его прославляло.

Добро он свое раздавал не считая,
К нему заходил каждый нищий в округе,
И хлебом сума наполнялась пустая.

Хатема, любимого всеми, заслуги
Соседу его не давали покоя.
Прославиться тоже он делал потуги.

Тщеславный, снедаемый завистью злою,
Не шел, как Хатем, он путем благостыни,
А черное дело задумал такое:

Был в том халифате колодец (понеже
Жива еще память в народе об этом),
Столетия подряд он считался святыней.

Чтоб удалю злою блеснуть перед светом,
Дикарь осквернил тот колодец священный,
Хранимый века пережившим заветом.

Добился и вправду он славы мгновенной:
О выходке гнусной твердили повсюду,
Но сам был народом растерзан, презренный.

Дал крылья Октябрь угнетенному люду.
Пески зацвели, бьют в пустынях фонтаны,
За чудом у нас совершается чудо.

Спешат соглядатаи вражьего стана:
Помешкал чуть-чуть — уж старо донесенье,
Так жизнь улучшается здесь непрестанно.

Повсюду, как буйной порою весенней,
Меняется облик счастливого края.
Всё шире размах, всё пышнее цветенье!

И вести об этом идут, нарастая,
О крае чудесном всё ширится слава,
Ввергая в смятенье стервятников стаю.

Предчувствуя гибель всей клики кровавой,
Ярятся всех больше, вон лезут из кожи
Правители заокеанской державы.

Решились они, барыши подытожив,
На дело бесчестное, грязное, чтобы
Хоть славой худой, но прославиться тоже.

Избрали убийцы Корею для пробы,
На мирный народ, сговорившись, напали.
Исполнены страха и дьявольской злобы.

Обрушили тонны свинца и напалма
На женщин, детей беззащитных злодеи.
Тень черная виселниц на землю пала.

Обуглены, взорваны клубы, музеп,
Ни школ, ни больниц не осталось в помине.
Мир видит плоды кровожадной затей:

Поля и сады превратились в пустыни,
Меняется облик несчастного края.
Кровь в жилах от страшного зрелища стынет...

Насильники, совесть и честь попирая,
Несчастными трупами нивы усеяв,
Так мыслят весь мир покорить, устрашая.

Но грязно* войны не собрать им трофеев,
Хоть славу худую оставят на годы:
Час близок, народы сметут лиходеев!

Сплотились под знаменем мира народы!

1950

267. МЕХРГАН

1

Источник пропитанья бедняков,
Труд почитаем был в среде народной
В Иране древнем испокон веков.

Дары собирая почвы плодородной,
Справляли там в честь солнца и труда
Мехран, народный праздник ежегодный.

Людей томила горькая нужда,
И всё ж для обездоленных Ирана
Желанным этот праздник был всегда.

Не так терзали ноющие раны,
И всё, что за год претерпел народ,
Он отгонял в тот день назло тирану.

И выходил достойнейший вперед,
И, опытом житейским умудренный,
Обозревал с друзьями прошлый год:

Кто как трудился, чтобы без урона
Снять жатву, кто на трудовом пути
Боролся с неудачей неуклонно.

И все старались душу отвести,
Встречая дружно праздник урожая,
И легче было бремя бед нести.

Надеждою полна, толпа людская
Протягивала руки к небесам
И обращалась к солнцу, восклицая:

«Вселенная — твой озаренный храм,
Ты плодородьем землю наделило,
Сияние свое даруешь нам.

Не будь тебя, о ясное светило,
Не расцветали б на лугах цветы,
И радость в наше сердце не сходила.

Свети нам, солнце, будь нам другом ты!»
Так, позабыв про жребий свой суровый,
Народ плясал и пел до темноты,

Чтобы с утра за труд приняться снова.
Но пал Иран под шквалом вражьих сил,
И, в цепи чужеземцами закован,

Народ наш тот обычай позабыл. . .
Еще одной жемчужины не стало
В его сокровищнице. Всѣ ж свой пыл

Дарить нам солнце не переставало.

2

Беда в Иране и поныне длится.
Об этом как расскажешь? Из пера
Кровь, кровь густая капнет на страницу.

Вот миновала страдная пора —
Полным-полны помещичьи амбары
Крестьянами добытого добра.

А у крестьян в запасе ни динара,
В ларях ни черствой корки, ни зерна,
Согнулись с горя молодой и старей.

Дорога для ограбленных одна —
Они бросают землю и жилище
И в города идут. Озарена

Дорога та надеждой — будет пища.
Работа будет. Но встречают их
На улицах таких же толпы нищих.

Бездомные, чей жребий так же лих,
Они таскают ноги еле-еле,
Как много их, измученных, больных!

Вот дети расprostерлись на панели,
Лохмотьями прикрыты. Богачи
Лишили их угла и колыбели.

Чтоб вырвать от сокровищниц ключи,
Паук заморский ткёт иранцам сети,
Их кровь сосут народы-палачи.

Но близятся к концу страданья эти.
Для дружбы угнетенных нет препон —
Живет дехкан с нефтяником в совете.

Народной партией объединен,
Согрет лучами ленинского света,
Забитый люд встает со всех сторон,

Готов призвать насильников к ответу.

8

И снова люди празднуют Мехрган.
Со славною совпал он годовщиной
Рожденья партии. Для горожан

И для крестьян вдвойне он дорог ныне.
В борьбе суровой прибавляет сил,
Живит их души праздник двусединый.

Чем прошлый год ознаменован был,
Как партия боролась это время
И что народ с ней вместе совершил,

О том отчет дается перед всеми.
И каждый достиженьям общим рад,
И легче несть заботы общей бремя.

И люди, обратив на Север взгляд,
В тот день поют всё громче год от года,
Всё мужественней песни их звучат!

«О солнце негасимое свободы,
Прими от сердца теплый наш привет,
Ты, что надежды возвращаешь всходы.

Пожары войн твой ясный гасит свет,
Светильник дружбы всюду зажигаю;
Твоих лучей живительнее нет.

Тебе привет, страна, душа родная,
Трудящихся отряд передовой!
Об общем благе, устали не зная,

Печешься ты. Под стяг мы встанем твой,
О знаменосец мира! Станем грудью
За мир семьей единой, трудовой!

Погибших кровь свидетельствует: труден,
Суров удел народного борца,
Но всё же победят простые люди,

Мы выстоять клянемся до конца».

1950

268. ПРОБУЖДЕНИЕ

Богатырь смуглолицый он,
Богатырь с сединой густой.
Старый мастер, он в труд влюблен,
Он — ровесник земли седой,
Древней мудростью наделен,
Песней славится молодой.

Он попался во сне врагам,
Скован был по рукам, ногам.

Он глаза открывал порой,
Он пытался оковы рвать.
А порой он вставал горой,
Но валился навзничь опять.
Даль еще не цвела зарей,
Тучей вражья стояла рать.

Беззащитен он был, один,
Не щадили его седин.

Тяжек был мудреца удел,
Жизнь плененного тлела чуть,
Прах веков на челе осел,
Стеснена была мукой грудь.
Ветер с севера налетел
Жизнь в закованного вдохнуть,
Силы пленника освежил,
Душу новую в грудь вложил.

Не страшит его вражий бич:
Сквозь разрывы зловещих туч
Он увидел свободы луч,
Он услышал свободы клич!

Знай, он цепи стряхнет, могуч,
Сможет он торжества достичь.

В справедливой, святой борьбе
Он судьбу подчинит себе.

Мир проснулся. Со всех концов
Слышны зовы простых людей.
С ними слил мой народ свой зов
Против вражеских злых затей,
За свободу, за хлеб, за кров,
За счастливую жизнь детей.

За содружество всех племен
Встал он, братьями вдохновен!

В дело мира тот лепту внес,
Кто восстал, чтобы сбросить гнет.
Море целое жгучих слез
Разве мир от войны спасет?
Лишь единство решит вопрос,
Поджигателей с ног собьет,

Лишь разбуженных сил напор
Может войн погасить костер.

Светлый путь мой народ избрал.
Мудрый, мира желает он.
Войн, раздоров пройдет пора,
Будет стан палачей сметен.
Ныне встал богатырь с одра,
Клич его — как набата звон.

За единство людей всех стран
Голос поднял седой Иран!

1951

269. ДРУГ

1

Под красное знамя, с полвека назад,
В Иране вставал за отрядом отряд.
Я был во главе одного из отрядов,
Мы слали в противника тучи зарядов.

И хоть далеко отошла та пора,
Мне кажется, всё это было вчера.
По вольной степи, по бескрайним дорогам
Скакал я тогда на коне быстрого.
Умел отличать он друзей от врагов,
Меня узнавал он по звуку шагов,
И, на удивленье и малым, и старым,
Как пес, шел за мной по дворам и базарам.
А если, ослабив в бою удила,
Я, сшибленный, падал, как мертвый, с седла,
Вдруг землю копытом взрывал он столбами,
Тянул меня нежно за ворот зубами.
Когда ж удавалось мне на ноги встать,
Он ржал, чтобы радость свою передать.
Негаданно шахское войско, бывало,
Скрываясь во мраке ночном, подползало, —
Конь мордой толкал меня, тихо будил:
«Вставай, мол, враги пробираются в тыл!»
Дышал на меня горячо, как из печки,
И, вытянув чуткие уши, как свечки,
Подтягивался, точно лев, для прыжка.
Он чуял — опасность была велика.
Меня извещал он ликующим ржаньем,
Что, доблестно справившись с трудным заданьем,
Бойцы возвращаются гордые в стан.
Любимец суровой семьи партизан,
Он смел был и чуток, горяч и понятлив,
Второго такого я встречу навряд ли. . .
Не раз я испытывал дружбу его,
И Другом назвал я за службу его.

2

Под натиском вражеских подразделений
Пришлось нам однажды начать отступление.
Я с группой повстанцев его прикрывал.
Был страшен огня ураганного шквал.
Сказал бы ты: смерть-старуха из сита
Просеивала смертоносное жито.
Меня невредимым неся сквозь огонь,
В передние ноги был ранен мой конь.
Расщеплены были они, как лучины,
И рухнул мой друг посреди луговины.
Был взгляд его умный ко мне обращен,

Как будто от друга ждал помощи он:
«Избавь от мучений, от тягостной доли,
Живым разорвут меня хищники в поле!»

3

Мне сердце тогда истерзала печаль,
До боли мне было товарища жаль.
А враг всё палил, от успеха зверея.
Проститься с конем надо было скорее.
Я обнял за шею дружка своего,
Прижался щекою я к морде его.
Уж больше ему по степи не гоняться!
Он сделал усилие, хотел приподняться
И уши опять, как бывало, напряг:
«Пора, мол, не медли, приблизился враг».
Я встал и, команду отдав, отвернулся.
Тот залп по сердцам, точно вихрь, прометнулся.
Бойцы повернули обратно коней,
Сомкнули ряды свои, тучи грозней,
И дрогнула осатаневшая свора,
Не выдержав яростного напора.

1951

270. ВЕСЕННИЙ ПОТОК

Они идут в одном большом порыве,
В одном стремленьи движутся вперед —
Людской поток, кипучий, торопливый,
Порой весенней растопивший лед.

И юноши, и старики, и дети,
И женщины в поток вовлечены.
И радостно смотреть, как лица эти
Единой волею озарены.

Их воля такова: настали сроки —
Пусть мир от войн избавится навек!
Чтобы на западе и на востоке
Спокойно мог трудиться человек.

Нельзя терпеть, чтоб меч войны кровавой
Разил детей, чтоб юных жизней строй

Косила смерть своей косою ржавой,
Безжалостной, бессмысленной косою!

Чтоб труд их рук, чтоб мыслей их созданья,
В сокровищницу мира новый дар,
Сожгло войны мертвящее дыханье,
Ее всепожирающий пожар.

Толпа идет вперед нетерпеливо,
И песня мира ширится, полна
Их чаяний, надежд, мечты счастливой!..
Но резко вдруг оборвалась она.

Смятенье, крики... В воздухе — кинжалы!
Их злая сталь вонзается в тела...
И кровь людей невинных побежала,
Желавших мира, не желавших зла.

О, сколько жертв, задавленных, убитых,
Оборвалась сколь многих жизней нить!
Капитализма подлые наймиты
Пытались песню мира задушить!..

Кинжал пронзил грудь девушек прелестных
За то, что правду видел ясный взор...
Навеки вас, изменников бесчестных,
Покроет несмываемый позор!

Оставшихся в живых добьют тираны,
Их уведут в застенки на допрос...
Наемникам же злых врагов Ирана —
Фонтанов плеск, благоуханье роз!

Но жалок тот, кто, словно раб презренный,
Перед врагом во прахе ползать рад.
Страна родная не простит измены —
Врага прямого хуже он стократ!

О солнце родины, живым сияньем
Ты вероломных псов не согревай!
И ты своим ласкающим дыханьем,
О ветер утра, их не обвевай!

Ни капли свежей влаги с небосклона
Ты, тучка, им, презренным, не дари,

И ты, земля, в свое святое лоно
Продавших край родимый не бери!

И вы, Ирана матери и девы,
Врагов увидя родины своей,
Взгляд, полный возмущения и гнева,
От них спешите отворотить скорей!

Пусть тайна имена их не сокроет!
Они от грозной кары не уйдут,
Обличье их — и жалкое, и злое —
Разоблачит народа правый суд!

А именам борцов за мир священный
В сердцах живых — и слава, и почет,
Их на страницы лучшие нетленно
История народов занесет!

1951

271. ПЕСНЯ БОРЦОВ ЗА МИР

Долго ли войне
Землю пепелить,
Жечь людей в огне,
Кровь младенцев лить!
Встанем как один,
Братья и друзья,
Люди разных стран,
Все, кто хочет жить.

Отстоять сумеем наши города,
Армий всех сильнее армия труда.
Мы, простые люди, мир земле добудем,
Смолкнет рев орудий, смолкнет навсегда.

Факел дружбы нам
Освещает путь.
Нас не разлучить,
Нас не обмануть.
Жадным торгашам,
Злобным палачам

Мы пожар войны
Не дадим раздуть.

Отстоять сумеем наши города...
и т. д.

Сон детей храни,
Друг, в любой стране.
Всё суровой дни,
Сток будь вдвойне!
Выше мира стяг,
Шире мира шаг!
Сгинет мира враг,
Не бывать войне!

Отстоять сумеем наши города...
и т. д.

1951

272. ЖИЗНЬ ПОБЕДИТ

Судов военных караван опять идет куда-то,
Руками смерти нагружен, товар его — солдаты.
Недаром под покровом тьмы идет он воровато —
Идет во имя грабежа, для прибыли богатой,
Идет топтать свободу, честь и всё что в мире свято.

Палач народов шлет его, враг моего Ирана,
Коварный враг, что встал меж ним и волею желанной.

А вот суда, что жизнь везут, их жадно ждут народы,
Китов железных сосчитай, что плавно режут воды.
Взгляни на соколов стальных, на караван свободы.
Пилот в Иран летит поля спасти от злой невзгоды,
А в Индию спешит моряк с пшеницею для брата.

Они из славной той страны, что в грудь влила мне силы,
И вывела на светлый путь, и песнь в уста вложила.
Кто те, что помощь братьям шлют, — умельцы, удальцы?
Кто эти, юные душой, седые мудрецы?
Кто эти розы без чадры — подруги и борцы?

Кто эти зодчие, врачи, ученые, певцы?
Народ советский — вот кто те свободные творцы!
В мир коммунизма он идет, герой стальной, крылатый.

Цвети и радуй сердце нам, любимая держава!
Ты — светоч мира и труда, земли краса и слава.

Кому та помощь? Беднякам, что под землей живут,
Полунаги, полумертвы, вседневно смерти ждут.
Чужие множит барыши их непосильный труд,
Для них же — радости цветы на миг не зацветут.
А если голос за свои права поднять дерзнут,
Жандарм идет их заточить в тюрьму, как виноватых.

Сыны Ирана эту жизнь влачат, иной не зная.
Как камень на груди моей — их мука вековая.

Но не они ли, страх презрев, встречают строй врагов?
О чем, скажи, грохочет шаг их сомкнутых рядов?
О том, что люди не хотят сносить судьбу рабов,
То против смерти грозный клич, то новой жизни зов.
Кто заградит народу путь, когда, един, суров,
Идет он, жаждою одной, одной мечтой объятый!

Горжусь Ирана дочерьми, горжусь его сынами,
Ничто не сломит их теперь, поднявших мира знамя.

Мой пробудившийся народ, смотри на край великий,
На братство русских, латышей, украинцев, таджиков.
Как сплочены они в труде, в борьбе с войною дикой!
Учись дружнее отражать удары вражьей клики.
Не покоряйся тьме, рассвет увидишь ясноликий.
Мир ныне к новым дням идет, и нет назад возврата.

Враг мира — твой заклятый враг, он должен быть разбит,
Народы жить хотят, и жизнь повсюду победит!

1951

273. РОДИНА ЗОВЕТ

Слушайте, друзья, слушайте меня:
В тишине ночной и сквозь грохот дня.
Чей там слышен вздох, кто зовет стена?
Закипает кровь, сердце мне тесня:

Слушайте, зовет трудовой Иран,
Это мать зовет, ослабев от ран.

До небес встает тот призыв ее,
Поспешим, пока пламень жив ее,
Оттесним врага с тучных нив ее,
Вековую боль утолив ее.

Матери одной каждый верный сын —
Стонут курд и фарс, тюрок, армянин.
Всех равно гнетут шах и чуженин.
Встанем же, друзья, встанем как один.

Слушайте, зовет трудовой Иран,
Это мать зовет, ослабев от ран.

Колыбель борьбы — наш родной Тавриз,
Ныне там ручьи крови пролились.
Он взывает: «Друг, не мирись, борись!»
Громкий клич его вширь летит и ввысь.

Пламенный Кова — богатырь, кузнец,
Лев — Яр-Мухаммед, Амуглы — храбрец.
Сотни голосов, доблестных сердец
Нас зовут, — народ извелся вконец!

Слушайте, зовет трудовой Иран,
Это мать зовет, ослабев от ран.

Говорит Саттар: «Родины сыны,
Выносить доколь нам позор страны?
За нее мы все грудью встать должны,
Павшие должны быть отомщены».

Эй, рабочий люд, эй, крестьянский люд,
Вам доколь сносить подневольный труд?
Эрани, кого так в Иране чтут,
И друзья его на борьбу зовут.

Слушайте, зовет трудовой Иран,
Это мать зовет, ослабев от ран.

Обратим, друзья, мы на Север взгляд,
Там народ сплочен, мощен и богат;
Сбросил цепи он много лет назад,
Светом дружбы там все сердца горят.

Знамя дружбы пусть широко плеснет,
За свободу, мир начался поход,
Рухнет навсегда палачей оплот,
Собирайтесь все, родина зовет.

Слушайте, зовет трудовой Иран,
Это мать зовет, ослабев от ран.

1952

274. МАЛЕНЬКИЕ КОВРОВЩИКИ ИРАНА

Слушай, о ты, восхищенный этим волшебным ковром,
Голос ткача о том, как ткался ковер для хором.
День шестилетних ткачей заполнен тяжким трудом,
Чтобы ковер красивый украсил богатого дом.

Детство наше увяло, в дуги согнулись спины,
На кончиках пальцев наших крови сверкают рубины.

Алые краски ковра — кровь наших жил, прохожий;
Желтые пятна ковра — цвет нашей блеклой кожи;
В синий узор ковра ужас побоев вложен;
Цвет за цветом — и все на наши страдания похожи.

Топчут этот ковер сытых хозяев ноги,
Шагают они по нему, как по доле нашей убогой.

«Черная нитка — шесть! Красная нитка — четыре!» —
Нет для нас песни другой в этом жестоком мире,
Харкая кровью, сидим мы, усталые ноги — как гири.
Путь нам один — в могилу, она светлее и шире.

Сытости чувство, улыбки, игры на солнце, трава —
Это для нас, прохожий, только пустые слова.

Старится год, ему
 новый идет на смену,
Но молода любовь
 к партии неизменно.

1953
Москва

276

Бежало сердце от меня
 к тебе. Ты приняла его?
Смеялось, пело по пути, —
 услышав, позвала его?
Пылает, верное, огнем.
 Молю, не забывай о нем, —
Из всех сердец влюбленных ты
 сама же предпочла его.
Недаром гордости полно
 и радостью озарено —
За преданность вознаградив,
 ты к счастью повела его.
«Приди», — сказала лишь, и вот
 оно пускается в полет,
Лишь улыбнулась — и тотчас
 раскрылись два крыла его.
Разлуки ад! Оттуда вмиг
 ты сердце вызволить смогла,
Одним дыханьем к небесам,
 колдуя, вознесла его.
Знай, Лахути остался жив,
 о милой память сохранив
От милой вдалеке, — она
 от зла уберегла его.

1953
Москва

277

Темноволосая моя, ты у меня одна.
Не разлучаться бы с тобой, да жизнь ведь не длинна.
Но вечно буду жить в стихах, тебя превозносящих.

Их повторяй, но ты рыдать над гробом не должна.
Жизнь торжествует, за нее мы боремся отважно
И встретим смерть лицом к лицу, — она нам не страшна.
И даже полчища скорбей не овладеют нами,
Хотя б вплотную подошли, как темная стена.
Порой к ногам твоим клонюсь покорной головою,
Но и тогда душа моя достоинства полна.
Чтоб свой услышать аромат, приходи к моей могиле:
Из праха лилия взойдет, тобой опьянена.
И если собственной красой ты хочешь насладиться,
Знай — в зеркале моей души она отражена.
Когда умру, придут друзья, завяжется беседа,
И памятью моей любви согреется она.
И если спросят: «На земле была ль любовь сильнее?» —
Ответишь: «Не было с тех пор, как рождена луна!»

1953
Москва

278. ОТВЕТ ПРОВОКАТОРАМ

В конце 1953 года иранские реакционеры распространяли антисоветскую книжонку-фальшивку, приписав ее авторство Абулькасиму Лахути, якобы бежавшему из СССР. Ряд иранских газет пытался использовать выпуск этой фальшивки для разжигания враждебных Советскому Союзу настроений.

Из газет

С почтенным повстречался стариком
Зловредный плут, глядевший простаком.
Воскликнул он, изобразив испуг:
«Ты ль это иль твой призрак только, друг?
Я слышал, унесла тебя чума,
Могильная твой прах сокрыла тьма».
Старик в ответ: «Как видишь, всё я жив,
Дышу, хожу, — тот слух несправедлив».
— «Позволь, — ему мошеник говорит, —
Обманчивым бывает часто вид.
Сомненья нет, уснул ты вечным сном,
Поведал верный человек о том».

Старик: «О жизни речь идет *моей*, —
Ужель свидетель есть меня верней?»
А плут: «Не мог тот человек солгать,
Сама он добродетель, благодать.
Слова его — что золото, старик!
Всеведущ он, правдив его язык».
Но старому наскучил этот спор,
И наглецу так молвил он в упор:
«И всё же я, всем чаяньям твоим
Наперекор, — и жив и невредим!»

Иранских злопыхателей наветы
Напоминают мне беседу эту.
В Москве нашел я дом, в родной столице,
Где любо жить и радостно трудиться.
Но обо мне кричат теперь писаки,
Что я — не я. Коль их послушать враки,
Так из советского бежал я края,
О нем за ложью ложь нагромождая.
Ты, что в холопстве лезешь вон из кожи!
Скажи, зачем бежать мне, от кого же?
Бежать пришлось мне встарь от своры злобной,
Во всем тебе, предателю, подобной.
Мне ль бросить край, что взял меня в объятия,
Что дал мне двести миллионов братьев?
Мне ль клеветать, решиться на измену?
Своим наветам сам ты знаешь цену.
Ведь ложь, состряпанная по приказу,
Впрямь — золото, по доллару за фразу.
Но тщетно ты иранцам год от году
Вражду внушал к советскому народу.
Народам нашим вечно быть друзьями!
Они сжимают крепко дружбы знамя.
Твоим не сбыться планам! Ты же сам,
Посеяв зло, пожнешь великий срам.

1954
Москва

279. ДЕСЯТЬ ГЕРОЕВ

Руками врагов отчизны,
рабов добровольных злата,
Убиты десять героев.
Пусть память их чтится свято!
Земля, где лежат останки
бесстрашных сынов народа,
Для всех, кто не продал чести, —
священной могилы брата!
И не было и не будет
воеки дождя бесценней,
Чем капли горячей крови —
багряной, как сок граната.
В глаза обреченных смертью
дохнули зрачки винтовок —
И в памяти встали разом
жена, старики, ребята...
Но в каждом любовь к народу
была во сто крат сильнее
Всего, что так волновало
и радовало когда-то.
Призыв «За отчизну!» слился
с коротким, трусливым залпом,
А пар от пролитой крови —
с ветрами в лучах заката...
Никто сыновей погибших
сиротами звать не смеет:
Отныне народ — отец их!
Была тяжела утрата,
Но вырастет древо счастья
из крови, ушедшей в землю,
Чтоб родина разогнулась,
плодами его богата.
Пусть буквами золотыми
на тяжелых гранитных глыбах
Над местом их славной смерти
начертаны будут дата
И надпись: «Склонитесь, люди,
пред этим священным прахом!
Кровавая гибель храбрых —
за счастье живущих плата.

В чем вина моя, друг милый? — говорю. Ответа нет.
— Без вины б меня простила! — говорю. Ответа нет.

— Изошло слезами сердце... Чтоб тоску его унять,
Хоть бы слово проронила! — говорю. Ответа нет.

— Это сердце — чья обитель? Тихо слышится:
— Моя.

— Что ж ее ты разорила! — говорю. Ответа нет.

— Этой родинкой-приманкой сколько жертв поймала
в сеть,
Сколько душ ты загубила? — говорю. Ответа нет.

— Страсть моя, твоя жестокость притчей сделалась
давно.
Где терпенья взять и силы? — говорю. Ответа нет.

— Видно, веришь ты наветам злых соперников моих,
Откровенно б говорила! — говорю. Ответа нет.

— Ты обидой — убиваешь, взглядом — жизнь даришь
мне вновь...
Так с другим бы поступила? — говорю. Ответ: — О нет!

1954
Москва

Как воинственно эта красавица —
вот досада! — уносит сердце.
Смотрит гордо, ступает твердо,
как награду, уносит сердце.
Если спрячешь ты сердце в птицу,
если в рыбу оно обратится,
Сети — волосы, стрелы — ресницы...
Нет преграды! — уносит сердце.
Подойди и взгляни, как милы
те глаза, чья веселая сила

Взглядом издали, только взглядом
из ограды уносит сердце.
Пусть уносит! На всякий случай
сам отдай, свою гордость не мучай,
А иначе сам же заплачешь:
шутки ради уносит сердце.
Не скрывала лица чадрую,
так к победе идет свободно!
Ведь не жалкая побирушка,
пряча взгляды, уносит сердце!
Я у милой давно в неволе,
нет вернее раба в целом свете.
Так зачем то у тех, то у этих —
нет с ней сладу! — уносит сердце!

1954
Москва

283

Краса афганок, отзовись,
ты слышишь этот стон?
Разлуки горькою бедой,
узнай, исторгнут он.
В незабываемую ночь
я лик увидел твой,
С того мгновенья мой удел
был солнцем озарен.
Лишь знак подай, что сердце ты
задумала пленить, —
Своей охотою оно
пойдет к тебе в полон.
Молю, ты дерзким не сочти
признание в любви:
Поверь, мой целомудрен стих
и чистотой рожден.
Хоть снег белеет на висках —
не гаснет в сердце жар,
Старейшиною молодых
недаром наречен.

1954
Москва

Ах, в чаще локонов густых еще темней стало,
 И сердцу бедному в груди еще тесней стало.
 Шатер волос твоих не раз давал приют сердцу,
 Но пленником оно сейчас твоих кудрей стало.
 Лишь венчик окружит луну — тускнеет лик лунный,
 Но в рамке черных кос лицо еще светлей стало.
 Пусть вдохновение мое слагало стих робкий,
 Тебя увидев, звонко петь, как соловей, стало.
 Навстречу сердцу моему ты шлешь стрелу метко,
 И сердце птицею шальной стремиться к ней стало.
 Ты, в путь отправившись, с собой мою взяла радость,
 Теперь печально и темно в моей душе стало.
 Цветок афганский, где же ты? Вокруг меня пусто,
 А сердцу, полному тобой, еще больней стало!

1954

Москва

285. ЖЕЛАНИЯ

Желаний много в жизни я питал,
 О многом в детстве, в юности мечтал.
 Подобно мне, ребенок нищий каждый
 Нередко засыпал, томимый жаждой, —
 О, жаждой многого! Но в те года
 Так одиноки были мы всегда...
 И каждый мог лишь грезить одиноко
 О радости, манившей издалека.
 Открыв глаза, я видел пред собой
 Жизнь, гнавшую желанья на убой.

Пришел Октябрь в его красе и славе
 И дал нам детства сны увидеть въяве.
 Текли года невиданной борьбы
 В честь новой человеческой судьбы.
 И после стольких схваток и скитаний
 Опять надежд я полон и мечтаний!
 Того, за что народы все стоят,
 Хочу и я! Желаньем тем объят,
 Какое с детства мы в груди носили:

Чтобы, сметая злобу и насилье,
На свете утвердился дружбы век;
Чтоб жил, как людям должно, человек;
Чтоб мог любой народ расправить спину,
Ярмо корыстных чужеземцев скинув;
Чтобы, сплотясь, народы от земли
Кровавую угрозу отвели!

Сливаются ручьи — река рождается,
Сбегаются дома — встает столица.
Кто в одиночку маялся давно —
Уж не один: сегодня мы — одно!
Увидим во плоти надежду нашу!
А недругу — испить позора чашу!

Мир ныне в целом мире множит рать,
Напасть на целый мир —
безумцам лишь под стать!

1955

286

Радуйся, о сердце! Семена терпенья
принесли плоды,
Ныне примирилась милая с тобою,
минул час беды.

Хорошо, что жемчуг верности сумела
в тайниках сберечь:
Стала при нехватке этого товара
всех богаче ты.

Выше правды нету доблести на свете, —
превознес ее
В песнях не однажды Лахути. На правду
не надеть узды!

Век перед врагами в страхе не склонялся
он друзьям во вред,
И ушел, оставив на земле горенья
своего следы.

254

Цветок, в чьем аромате — верность, увидишь на своем
пути, —
Вглядишься в него: меж лепестками мой взор живой тебе
сверкнет.

Любовью к дорогому краю всё существо мое полно,
С расцветом родины бессмертной мой дух бессмертье
обретет.

Певец отчизны я, не диво, что людям громко говорю:
Я — Лахути из Керманшаха, пусть каждый так меня
зовет.

1956

РУБАИ

288—295. ЖИВИ СВОБОДНО!

1

Дочь, внимай! Из плена рабства поскорей освободись.
Проповедников не слушай — в их словах одна корысть.
Сбрось чадру! Живи свободно, выбирай сама пути.
Стань хозяйкой равноправной, и работай, и учись!

2

О девушка, мы ждем тебя, в колхоз скорей вступай.
Жизнь перестрой на новый лад, трудись и созидай.
Ты по незнанию своему стояла в стороне,
Не медли, в школу приходи, науки постигай!

3

О девушка, теперь живи свободно,
В поступках добрых и в любви свободна.
Своей судьбой сама распоряжайся,
Все дарованья прояви свободно!

4

Счастливец тот, кому любовь решила ты отдать,
Твоим, красавица моя, он мужем должен стать.
Сама супруга избирай — не слушай никого:
Подскажет сердце выбор твой, а не старуха маты!

5

О девушка, честь девичью блюди —
Себя в обман позорный не введи.
Будь осторожна. Презирай богатство —
За дармоеда замуж не иди!

6

Как электричество твой взгляд, такая сила в нем.
Черты прелестного лица желанней с каждым днем.
Твои глаза зовут вперед и вдохновляют нас,
Ведь большевистским, боевым они горят огнем.

7

С работы в школу надо мне спешить,
Мечтаю пару крыльев раздобыть:
Сидит моя красавица за партой —
Ее домой мне надо проводить.

8

Черноглазая, сияет нам заря освобожденья,
Вторит нам, не умолкая, соловьев счастливых пенье.
В цветнике весной раскрылись удивительные розы,
Словно ты, они свободны в торжествующем цветенье.

1925
Душанбе

1

Заживи на свободе в колхозе у нас,
 Осуши свои горькие слезы у нас.
 Не увянешь, забытая, в душной тюрьме,
 Оживешь, расцветешь, словно роза, у нас.

2

Будем первыми в поле сегодня опять,
 У земли отвоюем не норму, а пять.
 А когда одарят за отвагу тебя,
 Первым буду я радостно рукоплескать.

3

Я твой гость, винограду дала бы ты мне,
 Хоть улыбкой отраду дала бы ты мне.
 От колхоза имеешь ты десять наград, —
 Взгляд единый в награду дала бы ты мне!

4

Если б видеться каждое утро с тобой,
 Если б в поле ходить нам дорогой одной,
 Если б вечером в клубе нам рядом сидеть,
 Уносясь далеко за звучащей волной!

5

Мне твоим бы соседом, любимая, стать,
 Стать бы посохом деда — тебя провожать,
 Или облаком — в поле от знойных лучей
 Благодатную тенью тебя укрывать,

Рвется сердце, не зная преграды, к тебе,
 Я прикован, подобно Фархаду, к тебе.
 Перед кем бы открыться, кому бы шепнуть,
 Что попасть я задумал в бригаду к тебе?

1937

302—305. **ГЕРОЙ НЕСГИБАЕМ...**

1

Герой несгибаем, когда он народом рожден,
 Предсмертные муки не вырвут из губ его стон.
 Ведь лев-человек сильнее царя зверей,
 Подачки и пытки не сломят такого, как он!

2

Слуга реакции — всегда предатель злобный,
 Приспешник темных сил, палач звероподобный.
 На заточение в тюрьме не сетуй, друг,
 Верь: это доблести и чести камень пробный.

3

Каждая вспышка огня твоего вдохновляет нас,
 Каждое слово твое мы припомним еще не раз.
 Видя конец — не слезами, а кровью залей огонь,
 Чтобы в дыму задохнулись злодеи в твой смертный час!

4

Правду видящие глаза у дочерей Ирана,
 В сердце ненависти гроза у дочерей Ирана,
 В нежном теле железный дух. Палач, напрасны пытки:
 Как ни терзай, не сверкнет слеза у дочерей Ирана!

1948

1

Рабочий, друг! Создатель благ земных,
Тебе я посвящаю этот стих.
Орудия труда в руках ты держишь, —
Не ты ль важнее всех людей других?

2

Кто не работал никогда, не сеял и не жал,
Кто, презирая честный труд, на ложе возлежал,
Лентяй, который хлеб жует, не заслужив его, —
Украл его, а этот хлеб другим принадлежал.

3

С мужчиной женщина в правах сравнится,
И будет в мире всем дано трудиться.
От слова «безработный», как от брани,
Любой вспылит, за честь спеша вступиться.

4

Те, кто тебя рабыней нарекли,
Жить под чадрой тюремной обрекли, —
Не над тобой одною надругались —
Меч надо всем народом занесли.

5

Все блага мира создает рабочий люд,
Свободу для людей кует рабочий люд.
Познанья, коими столь горд ученый муж,
И те твоих усилий плод, рабочий люд.

6

Рабочий я. Мой труд народом чтим.
 Мы создаем, мыслим и творим.
 Какой калым отдать мне за невесту?
 Она сказала: «С классом будь моим!»

7

Пока во тьме и нищете рабочие живут,
 Пока и церковь, и мечеть паучьи сети ткут,
 Пока законным будут звать свирепый произвол —
 Свободы звезды над страной не вспыхнут, не взойдут.

8

Учению шейхов нанесен урон,
 Обманный их секрет разоблачен:
 Мы сбросили, как тяжкие оковы,
 Придуманный богатыми закон.

9

Устали мы влачить мечети гнет,
 Мы вырвались из тягостных тенет.
 Избавленный от шейхов и от ханов,
 Освобожденье празднует народ!

10

Эмир рабочих разорил вконец,
 С ним заодно и ханы, и купец.
 Рабочие богатства создавали,
 А царствует пройдоха и подлец.

11

Черноокая, видишь, повсюду цветы,
 Зрелым соком плоды на ветвях налиты.
 Революция радость труда подарила.
 Мир стал нашим, в нем будешь хозяйкою ты.

СКАЗАНИЕ О СЕРДЦЕ

317—323. ВЕСНА СЕРДЦА

1

Пришла, чтобы меня поработить,
Поработив, насмешкою смутить?
Все чары ты в себе соединила,
Чтобы по ветру жизнь мою пустить.

2

Что с тобой случилось, сердце, я сомнением томим,
Отчего ко мне вернулось и безумным, и чужим!
Где ты долго пропадало, что вдали ты увидало?
Отчего ты, сердце, стало очарованным таким?

3

Не сердись! Молю пощады сердцу моему!
Без тебя не знать отрады сердцу моему.
Где вина? Сказал я только: резвый локон твой
Плен готовит из засады сердцу моему.

4

Пред змеем в страхе сердце не смутится,
Враг не заставит дерзкое склониться.
Оно притихнуть может разве только,
Когда вонзишь в него свои ресницы.

5

Мне кудри черные твои — цепей тюремных звенья,
А брови — тонкие мечи, как ждуть от них спасенья?
Ресницы длинные — тростник, зрачки в них притаились,
Два беспощадных этих льва сразят без сожаленья,

Доброй ночи каждый вечер мне любимая желает,
 И печаль в моем сознание, словно искра угасает.
 Утром вновь придет с любовью, чтобы стать у
 И вода живого взора темный жар мой исцеляет. изголовья,

Твою любовь я в песнях воспевал,
 Я перлы слов и мыслей рассыпал,
 В твоих глазах ярились тигры гнева.
 Я приручил их, тигр смиренным стал.

324—330. ПЛАМЯ СЕРДЦА

Огонь и слезы — глаз и сердца груз,
 И глаз своих, и сердца я боюсь,
 Любви легко и сжечь, и утопить, —
 Ах, глаз и сердца гибелен союз!

Войско очей сражалось в сердце моем,
 Горе, мольба — всё смешалось в сердце моем.
 Пламя тобой разжигалось в сердце моем,
 Чтоб никого не осталось в сердце моем.

Мне сердце верное мое вдруг изменило,
 Покинув грудь, оно ушло к порогу милой.
 Не надо спрашивать меня, что с ним случилось, —
 Не властен больше я над ним, как прежде было.

4

Ты сердце крепко оплела кудрей арканом,
Подстерегаю я твой взгляд, как лев джейрана.
Напрасно спрашивать меня, что случилось с сердцем, —
Оно не стоит волоска кудрей желанной.

5

Любовь мне разум помутить грозит,
Весь мир от взора заслонить грозит.
Приют нашла ты в этом сердце — бойся,
Пожар его испепелить грозит!

6

В это сердце ты владычицей вошла,
Но сама свои владенья ты сожгла.
Промолчу я, скрою все твои дела,
Лишь одно скажу — с ума меня свела!

7

Настала ночь. И, удаляясь, уносит сон моя луна,
Печалью, тело пепелящей, я знаю, будет ночь полна.
А утром милая вернется, вернется погасить слезами
Огонь, в котором до рассвета сгорал я, не вкушая сна.

331—356. СЕРДЦЕ УЯЗВЛЕННОЕ

1

Я — певец, ежеминутно воспевающий тебя,
Постоянно восхищенно созерцающий тебя.
В сердце — ты! О, для чего же мечешь стрелы
в грудь мою,
В этот замок неприступный, ограждающий тебя?

2

О, если б ты, взмахнув мечом, сто раз пронзила сердце!
 Но ты презрением своим мое сразила сердце.
 Случилось сердце обмануть красавице коварной:
 Обманом острым, словно меч, она казнила сердце.

3

В груди нет сердца. Кровь бурлит, красна,
 Безумьем разум вытеснен сполна.
 Я был Симургом. Но в силках любовных
 Стал голубем. Мне клетка не тесна.

4

Увидел я твое лицо и замер, не дыша,
 Вмиг стала пленницей любви смятенная душа.
 Но мой соперник на тебя один лишь бросил взгляд,
 Ты позабыла обо всем, на зов его спеша.

5

Обида мучила меня безмерностью страданья,
 И я от горя и тоски дошел до смертной грани.
 Когда пределы перешла жестокая обида,
 То униженье выносить я стал не в состоянье.

6

Беспомощный, лишенный сил, так стал рыдать я,
 Что сердце ни унять не смог, ни удержать я.
 Оно рванулось из груди по бездорожью.
 Кто сердце повстречал мое, ответьте, братья?

7

Луноликая сгубила, — как же это, сердце, сердце?
 Вздоха грудь мою лишила, — как же это, сердце, сердце?
 Уходи с дороги, сердце, неизведанного счастья.
 Горе видело от милой, — как же это, сердце, сердце?

Оставь меня! Прочь из груди, о сердце, сердце!
 На горький мой удел гляди, о сердце, сердце!
 В моих глазах не стало слез, в них пламень жгучий...
 Чтоб не обжечься — отойди, о сердце, сердце.

Какою силою, скажи, ты мир заколдовала?
 Был ясный день и вдруг погас, и сразу ночь настала!
 Ты душу предала огню, теперь я прочь тебя гоню,
 Чтоб в одиночестве гореть ты мне не помешала.

Ты не тлеешь, не пылаешь, — сердце, что с тобой?
 Слабо бьешься, замираешь, — сердце, что с тобой?
 На великом торге страсти ты теперь гроша не стоишь —
 Ничего ты не желаешь... Сердце, что с тобой?

Как могу я быть спокоен, если ты разбито, сердце?
 Но, поверь, не я виновен, не меня суди ты, сердце!
 Если хочешь, чтобы алой кровь твоя, как прежде,
 стала, —
 Вспомни губ ее кораллы и ее ланиты, сердце!

О сердце моем ты спросила — изволь:
 Оно — бесконечных страданий юдоль!
 На цвет моих глаз погляди, дорогая:
 Такая же в сердце кровавая боль!

Узду до звона натянув, замедлил я биенье сердца,
 От любопытных глаз твоих упрятал я стремленья сердца,
 Я оборвал его мотив, живые струны закусив, —
 Я сбросил сеть твоих кудрей, настал конец плененью
 сердца.

Коль сердце, печалясь, уста немотою сковало,
 На душу набросило тени ночной покрывало —
 Замри, не вздыхай, не тревожь огорченного сердца, —
 Случалось, весь мир раздраженное сердце сжигало!

Если сердце боль терзает — виновата в этом ты!
 Щеки бледность покрывает — виновата в этом ты!
 И хотя из глаз порою льются огненные слезы —
 Лед в груди моей не тает — виновата в этом ты!

Дыханье кончилось в груди, и замолчало сердце,
 К моей возлюбленной в силки навек попало сердце.
 Она натешилась им всласть и, бросив, позабыла...
 О сердце бедное мое! Как ты устало, сердце!

Люблю тебя! Одну тебя, и в том сомненья нет.
 Я столько вынес, что в душе уже терпенья нет.
 Меня сумел приворожить розоподобный лик,
 И оттого в глазах людей меня презренной нет.

Люди жалостью томимы, от моих устав рыданий,
 Ночью спать никто не может, изойдя от состраданья.
 Доктора вокруг собрались, силясь вылечить больного...
 Но ведь ты меня не любишь — и напрасны их старанья!

Вновь злую славишь неустанно, сердце,
 Довольно, вырвись из капкана, сердце!
 Ты — словно придорожный прах для милой,
 Безумно ты иль страстью пьяно, сердце?

Что на тебя напало, сердце, сердце,
 Иль биться ты устало, сердце, сердце?
 Сгораешь ты и счастье видишь в этом, —
 Иль мотыльком ты стало, сердце, сердце?

Зачем ты сердце у меня потребовала вдруг?
 Ведь жизнь покинула меня, в груди прервался стук.
 Не стало сердца у меня. Дыханье прервалось —
 Неразделенная любовь страшнее смертных мук!

Ты алой кровью изошло, о сердце, сердце.
 Меня ты в горе ввергло зло, о сердце, сердце.
 Ты близ возлюбленной вчера весь вечер билось,
 Зачем ты от нее ушло, о сердце, сердце?

Нет здесь друга дорогого для тебя, о сердце, сердце,
 Нет приюта никакого для тебя, о сердце, сердце.
 Там, на улице любимой, ты счастливо обитало,
 Нет прибежища иного для тебя, о сердце, сердце.

Ты для меня источник мук, о сердце, сердце,
 Вместило грусть моих разлук, о сердце, сердце.
 Угомонись, сменил рассвет ночную темень,
 Дай мне уснуть, прерви свой стук, о сердце, сердце.

С тобою рядом грудь мою сжигает пламя,
 В разлуке я лишаюсь чувств, теряю память.
 Я человек, а ты со мной бесчеловечна.
 За что ты мучаешь меня? Что будет с нами?

Лишь подумаю я о безвинных терзаниях сердца,
 Лишь подумаю я о кровавых рыданиях сердца,
 Рвется вздох из груди, у небес я прошу: пожалейте,
 Приберите его, гибнет в горьких страданиях сердце!

357—362. *МОЛБЫ СЕРДЦА*

1

Вновь сердце, с болью и тоской, тебя повсюду ищет,
 Скитаясь, потеряв покой, тебя повсюду ищет.
 Как розу бедный соловей, стеная безутешно,
 Холодной, ветреной весной тебя повсюду ищет.

2

Чаша боли переполнилась давно,
 Сострадание любимой не дано.
 Не кори же, сердце бедное не мучь,
 Ведь с ума оно тобою сведено.

3

Сердцу верность нерушимая сродни,
 Назови его своим, нежней взгляни.
 Ну, а если провинится невзначай, —
 Что ж, убей его, но только не гони!

4

Не нужен милой я моей, о сердце, сердце,
Мне сострада, слезы лей, о сердце, сердце!
Ты без возлюбленной в груди как груз досадный,
Не мучай душу, пожалей, о сердце, сердце!

5

Со мной ты ссоры пожелало, что ли?
Ах, это сердце камнем стало, что ли?
Куда бежишь, в груди моей для милой,
В приюте верном, места мало, что ли?

6

Свяжи ты это сердце узелком,
Раз им уже владеешь целиком.
А если всё ж решишь меня покинуть,
Его с собою унеси тайком.

363—371. *ТОРЖЕСТВО СЕРДЦА*

1

Вслед за тобою из груди ушла моя душа.
Вдруг появилась ты опять, как утро дня свежа.
Клянусь, когда моя душа увидела тебя,
Она вернулась, прошептав: «Жизнь снова хороша!»

2

Сегодня я, как голубь, легкокрыл,
Сегодня, словно сокол, я парил,
Твое лицо в глазах моих сияло,
И я в глазах людей всех лучше был.

3

Где, кто ведает, сердце мое?
 С кем беседует сердце мое?
 Ты — прекраснейший ловчий на свете,
 Там где следует сердце мое!

4

Любовь зовет тебя куда? О сердце!
 Как высока твоя звезда, о сердце!
 Такого счастья как добилось ты?
 Кто за тебя просил всегда, о сердце?

5

Твой стон возлюбленной достиг, о сердце, сердце,
 Ты победило в тот же миг, о сердце, сердце.
 Не отпускай теперь ее ни на мгновенье
 До окончания дней своих, о сердце, сердце.

6

Стал рабом я черноокой, похищающей сердца,
 Я — безропотная жертва дивных черт ее лица.
 Жизни я не пожалею, чтоб услышать звонкий смех,
 Сердце, отданное милой, будет биться до конца.

7

Черноокая, цепями приковала сердце ты,
 Захватила безраздельно и надежды, и мечты.
 Долго я бродил по свету, я объездил полпланеты,
 Ты — единственная в мире, воплощенье красоты.

8

Ночь ушла, тоску и муку унеся с собою, сердце!
 Наполняйся новой кровью, о мое живое сердце!
 Торопись на светлый праздник, будет счастье, будет
 радость, —
 Будет хмель от ласк любимой, будет пир горою, сердце!

О сердце мое, позабудем вчерашние муки,
 О сердце мое, воспоем окончанье разлуки!
 Ты с сердцем любимой сегодня слилось и ликуешь.
 «Победа, победа!» — мне слышится в радостном стуке.

372—392. *СЕРДЦЕ В РАЗЛУКЕ*

1

Вчера сидел я возле звездоокой,
 Брожу во мгле сегодня, одинокий.
 Как милостив ко мне был прошлый вечер!
 Как утро обошлось со мной жестоко!

2

Всё те же в чаше яркие цветы,
 Всё так же не шелохнутся листы.
 Но где вчерашней радости сиянье?
 Ты не пришла... Так радость — это ты!

3

Ах, разве нет влюбленным оправданья?
 Ах, разве неминуемы страданья?
 Состарился я за день... Видно, году
 Равняется минута ожиданья!

4

Я дни и минуты считал без тебя,
 Взгляни, сколько мук испытал без тебя:
 Измучено сердце, померкли глаза,
 Был молод — столетним я стал без тебя.

5

Тоска по милой, истерзав меня,
Поит настоем горьких трав меня.
Брожу как тень. И смерть, за мной охотясь,
Проходит мимо, не узнав меня.

6

Разлука с ней мои невзгоды множит,
Мой вздох туманы в непогоду множит.
Брожу один по берегам пустынным,
И слез поток морские воды множит.

7

Ты знаешь, во что обошлась мне разлука с тобой?
День черен, лицо мое желто, а волос седой.
Ушла ты. . . И на меня в наступленье
Рванулись за болью боль, беда за бедой.

8

Жизнь без любимой моей ненужною станет,
Мир без нее мне чужд, пустотою странен.
Сердце в разлуке с нею — пленная птица,
Птица, которую жжет о гнезде мечтанье.

9

Не надо мне крова и сна без тебя,
Не надо воды и зерна без тебя.
Безумцем прослыл я в саду соловьев,
И трель моя муки полна без тебя.

10

Придешь ли, чтобы мне тебя увидеть?
Усну ли, чтоб во сне тебя увидеть?

Иль землю морем слез мне затопить —
Хоть рыбкою в волне тебя увидеть!

11

Спит весь мир, не засыпая, жду зарю я,
О минувшем вспоминаю и горюю.
Где лицо твое, где пламенный мой светоч?
Далеко. И оттого всю ночь горю я.

12

О черноглазая моя, к тебе душа стремится,
Пути не зная, наугад, тобой дыша, стремится,
Меня, ликуя и скорбя, с собою увлекает,
Увидеть милое лицо твое, спеша, стремится.

13

Пусть встанет крепость вокруг тебя; к ней путь
Пусть будет тесен, как влюбленных грудь,
Что стеснена страданьем, — всё равно
Приду, приду на милую взглянуть!

14

Мой бог, разбилось ты на части, сердце.
Виновно ты в моем несчастье, сердце.
Рванулось из груди моей, куда — не знаю.
Растерян я, беде подвластен, сердце.

15

Ах, зачем, спрошу у милой, ты покинула меня!
Сердцу радость приносила и покинула меня!
Угадав, что тяжелой кровью сердце полнится мое,
Боль мою не утолила, ты покинула меня.

16

Восходит день — печаль терзает сердце,
Нисходит ночь — в тоске рыдает сердце!

1

Влюблен я, бросил старое жильё,
 Я возле милой свил гнездо свое.
 Завороженный, рассыпаю трели
 И песней славлю розы щек ее.

2

Что за очи у любимой, у родной!
 В них и сумрак, и сиянье, тень и зной.
 Для себя живут иные на земле —
 Это сердце для тебя живет одной!

3

Вчера сидеть мне привелось у милой,
 Сияние с лица лилось у милой.
 Меня спалило солнце красоты —
 Укрылся я в тени волос у милой.

4

Мое ты сердце залучила в плен,
 Оно во власти странных перемен:
 Твой милый образ вижу я повсюду,
 Как будто он в глазах запечатлен.

5

Ты — гурия-дитя, что впоена луною.
 Ты — тополек. Я — тень. С тобой дружу давно я.
 Ты — маленькая лань, в моем ютишься сердце,
 Ты — мак. Травинка — я, у ног твоих, весною.

О милая, чьи так светлы черты,
 Ты — месяц, выплывший из темноты.
 Ты — золотой источник вдохновенья,
 Любимая! Мой стих высокий — ты,

В моей груди бессменно ты одна,
 Мой светоч во вселенной — ты одна.
 Зачем искать лекарства от недуга?
 Бальзамов всех замена — ты одна.

Той шеи, серебром сверкающей, страшись,
 Тех губ, всю сладость расточающих, страшись.
 Как кудри кольцами на лоб ее спадают!
 Красы, в кольчуге нападающей, страшись!

Твое лицо как лунный диск в сиянье вечном,
 В блистанье млечном, в свете человеческом.
 Тюльпан навеки нем, а губы говорят,
 Они горят не как тюльпан — огнем сердечным.

Тюльпан, лицо моей любимой алей тебя,
 Бутоны, уста моей желанной милей тебя.
 Когда б ты улыбнулась нежно, луна небес,
 Сравнить бы смог я с ненаглядной моей тебя.

Все помыслы с тобой! Во сне тебя я вижу.
 Заглянет ли луна — в окно тебя я вижу.
 Смеется ли родимый сад в сверканье утра —
 В любом цветке, в его весне тебя я вижу!

Сердце, если покинешь ты грудь навсегда,
 Потеряешь в пустыне свой путь навсегда.
 Не страшись ничего! Но, утратив подругу,
 Одиноким страдальцем пребудь навсегда!

Ты — тот месяц, что ущерба навсегда избег,
 Ты — царица, чьим владеньям не грозит набег.
 Оставайся в этом сердце и спокойно правь, —
 В нем один престол. Другому не бывать вовек.

Слезы те, что лил в разлуке, переполнить могут реки,
 Без тебя в мечтах бессонных я смежал ночами веки,
 Наконец сегодня ночью ты пришла в мои объятия,
 Мне в глаза сверкнуло солнце, озарив меня навеки.

Я мечтаю стать тропинкой, чтобы ты прошла по ней,
 Стать хочу безвинной жертвой глаз, которых нет черней.
 Обнажи кинжал разящий, грудь влюбленного пронзи,
 Присягну: ты невиновна в лютой гибели моей!

Вчера любимая пришла с улыбкой на устах,
 Огнем любви меня сожгла и скрылась второпях,
 Сегодня появилась вновь до утренней зари,
 Чтобы невольника любви развеять скорбный прах.

Любимой ручка столь она нежна,
 Что даже роза вянет, смущена.
 Но отчего же мерзнет эта ручка,
 Когда душа моя раскалена?

На мое плечо слетели в час полночный соловьи,
И, стихам моим внимая, песни в лад поют они.
Мотылек желает всюду слепо следовать за мной
И сгореть самозабвенно в чистом пламени любви.

Судьба, меня обереги от глаз и сердца,
Забыть скорее помоги глаза и сердце.
Дай от укравших мой покой освобожденье,
Со мной жестокие враги — глаза и сердце.

По воле сердца я бежал, по воле крови,
Оставя дом, я близ нее обрел гнездовье.
Как опьяненный соловей, поведал миру
О юной розе, что нарек своей любовью.

Я могу среди всех птиц отличать соловья,
Новым песням берусь обучать соловья,
Видно, роза моя услышала об этом,
Повелев мне учителем стать соловья.

Ты прошла, и теперь я тревогой томим.
Душу в плен захватила ты взглядом одним.
Ты не раз называла меня соловьем, —
А теперь приказала, чтоб стал я немым.

Если б сердце покинуло грудь, лишь тогда
Не сжималось, узнав, что с любимой беда.
Как остался я жив, услышав ее стоны?
Показалось, мой разум померк навсегда!

Ты для возлюбленной товар, о сердце, сердце,
 Кто купит твой высокий жар, о сердце, сердце?
 Само отправься на базар, о сердце, сердце,
 Покой души оставь мне в дар, о сердце, сердце.

Тобой похищенное сердце твоей бедой теперь полно.
 Всё то, что людям неприметно, ему постигнуть суждено.
 Как будто сердце есть у сердца. Там, в самой глубине.
 Оно сжимается, слепое, и сострадать ему дано. грудь,

Ресницы-стрелы сердце мне пронзить готовы.
 Я в кольцах мускусных кудрей бьюсь, как в оковах.
 Как ты смогла меня пленить, не понимаю:
 Ты — беззащитная газель, я — лев суровый.

Покой мой унесли сейчас глаза и сердце,
 Вам сдался я на этот раз, глаза и сердце.
 Я на ристалище любви был льву подобен,
 Но стал добычею для вас, глаза и сердце.

Я вас сумею обуздать, глаза и сердце.
 Весь мир желаю вам отдать, глаза и сердце.
 Из льда и пламени для вас дворцы воздвигнув,
 Повсюду стану прославлять глаза и сердце.

О, позволь мне, я луки бровей поцелую,
 Я аркан шелковистых кудрей поцелую,
 Поцелую ресницы — разящие стрелы,
 И уста, что рубинов красней, поцелую.

Соловей я, зачем мне подрезали крылья?
 Я — олень, только ноги мои перебили.
 Разреши — поцелую и лук твой, и стрелы, —
 Пощади, дорогая, уйти я не в силе.

Гиацинты волос рассыпая волной,
 С соловьем роза мая играет весной.
 Мне в розариях мира бывать приходилось,
 Розы, равной моей, не видал ни одной.

Я по тебе жестоко тосковал,
 Но что тоска! Мне душу бес ломал.
 Он, черный, был всегда со мною рядом,
 Его я, помню, горем называл. . .

Красоте неповторимой настужь дверь открыло сердце!
 Похитительнице милой ты судьбу вручило, сердце!
 Стала грудь безбрежным морем, и жемчужною луною
 Волны радости и счастья щедро озарило сердце!

Гаснет жизнь, душа мертвеет, если сердца нет в груди,
 Свет полуденный тускнеет, если сердца нет в груди.
 Взгляд красавицы бесплоден, он страданья не рождает,
 Красота ее не греет, если сердца нет в груди.

Текли без тебя беспросветные годы,
 Без признаков счастья, без тени свободы,
 Ты смелою радостью вдруг озарила
 Безрадостный мрак моего небосвода.

Огня горячее сердце мое,
 Хлопка нежнее сердце мое!
 Милая ранит — сердце смеется, —
 Бей, не жалея, сердце мое!

О сердце, тебе я безумья желаю,
 Печаль и страдания тебе завещаю!
 Потоками слез ты меня погубило, —
 Живи, если можешь, а я — умираю.

Ты в краску меня постоянно вгоняешь, о сердце!
 Безжалостной солью мне грудь разъедаешь, о сердце!
 Сейчас же лети, поспеши помириться с любимой,
 А нет — уходи и скитайся где знаешь, о сердце!

О, почему ты сердца не щадишь,
 За что весь век страдать ему велишь?
 Оно в плену у горя изболелось,
 Когда же ты его освободишь?

Душа моя в трауре — сердце скончалось!
 Глазам лишь оплакивать сердце осталось,
 Угрюмый наследник в груди поселился:
 Обитель покойного горю досталась. . .

Я шел по свету, прославляя сердце,
 Я восхвалял, не уставая, сердце,
 Вдруг понял я — оно черно и лживо,
 Теперь я гневно проклиная сердце!

На поприще любви лишилось крови сердце,
 Безумье слышу я в тревожном зове сердца.
 Упрямое, ты шло своей дорогой,
 И в горестях твоих я невиновен, сердце!

Решила ты слепящий лик открыть,
 Мой бедный взор от мира отвратить.
 Теперь уйди — пожар в груди пылает,
 Тебя в огне боюсь я погубить.

Сердце ссорится с душою — тяжело мне от их разлада,
 Если милая наскучит — сердца вовсе мне не надо!
 Заложил я душу с сердцем, получить любовь надеясь,
 Но рассыпалась надежда, и не жалко мне заклада,

Душа, душа, не расставайся с сердцем,
 Коль хочешь жить — так уживайся с сердцем.
 Открытой будь, не заводи секретов,
 В любви без спора соглашайся с сердцем!

Сердце занято любовью — дел других не знает сердце.
 «Что в нем толку, — ты сказала, — время зря теряет
 сердце!»
 Но взгляни на это тело, что пылает и трепещет:
 Так в груди трепещет сердце, так в груди пылает
 сердце!

Любовь — моя битва, я страха не знаю, о сердце!
 В печали сгораю и вновь воскресаю, о сердце!
 Коль станешь холодным, любить и гореть
 перестанешь —
 Швырну на дорогу, тебе обещаю, о сердце!

Ты крепко спишь? — Проснись скорее, сердце,
 Ты во хмелю? — Так стань трезвее, сердце!
 Коль о тебе любимая не знает —
 С тобою дел я не имею, сердце!

Чем пахнет нежная волна твоих волос, дружок?
 «То мускус», — отвечала ты на мой вопрос,
 дружок...
 Волос коснулся гребнем я — и тут же влажным
 гребень стал
 От крови сердца моего и горьких слез, дружок!

Искрою сердца очаг мирозданья зажжен,
 Пусть же не будет он яростью сердца сметен!
 Не наноси незаслуженных сердцу обид —
 Гнев его страшен, порою губителен он!

В толпе красавиц где любовь моя?
 Гляжу вокруг, досады не тая:
 Средь лиц чужих родного нет лица...
 О боже мой, глаза закрыл бы я...

В сердце верность к тебе я равняю с кремнем,
 В сердце песня любви всё слышней с каждым днем.
 Отчего, словно бубен, стучит мое сердце?
 Оттого ли, что руки ты держишь на нем?

Недаром славлюсь я, воспевший розу прекрасного лица:
 И верностью, и страстью превзошел я пернатого певца.
 Я в жизни лишь одно свершил с искусством, достойным
 мудреца:
 Когда влюбился в милую, свой разум утратив до конца.
 Весь до конца!

1922—1956

ФАРДЫ

446—487

1

Увы, любимой рядом нет, печалью я томим, —
 Она покинула наш край, и горе дням моим.

2

Пускай соперники грозят, — в борьбе не отступлю,
 Я никогда не откажусь от той, кого люблю.

3

Гуляка — я, кокетка — ты, но ты любима мной,
 Будь милосердна и любовь не посчитай виной.

4

И в гневе сердцу ты мила и всех дороже мне,
Но улыбнись, тогда, поверь, прелестней ты вдвойне.

5

Я — твой пленник. Я несчастен. Горько плачу от любви...
«Что с тобой?» — спроси с участием, милосердые прояви,

6

Чем больше крови тратил я и слезы расточал,
Тем больше красоты ее несметный капитал,

7

Не мучай, роза, соловья — страдалец истомлен.
Несчастный этот соловей в тебя одну влюблен,

8

Делят деньги поп с муллою, стародавний спор ведут.
Нет различья между ними — каждый вор и каждый плут,

9

От единственного взгляда сердце замерло, дрожа,
Значит, правду говорили, что глаза страшней ножа,

10

Говорит народ поэту: «Торопись, поэт, пиши!»
Он твой друг, а просьба друга — это заповедь души.

11

Вслед соперник неотступно тенью следует ночной,
Он, должно быть, догадался, что любимая — со мной.

Ты обижена? Признайся! Ах, не хмурь, молю, бровей...
Ты меня сражаешь гневом, улыбнись-ка поскорей!

Трутни золотом владеют, всё прибрав к своим рукам.
От такого «превосходства» тяжело живется нам.

В час, когда в саду пирует ароматная весна,
Ты во здравие любимой выпей алого вина.

Если б не было рабочих, трудовых, простых людей,
То земля бы оскудела, прекратилась жизнь на ней.

Если б жил в единстве дружном весь трудящийся народ,
Никогда б мы не знавали ига шахов и господ.

Ты, сладчайшая, как сахар, мед уста таят твои,
Знала б ты, какую горечь выпил я из-за любви!

Потрясли мои рыдания купол неба голубой,
Оттого что ты жестоко обошлась с моей судьбой.

Шелк кудрей обвил мне руки, я бессилен и пленен, —
Красотой ее лучистой, словно солнцем, опален.

Сгинь, печаль! Пусть рок низвергнет мне на голову
 грома.
 Верю, светлый день настанет, ты придешь ко мне сама.

Дочь Луна нам подарила, как ее нам называть?
 Наречем ее Звездой, пусть сияет, словно мать.

Запалив огонь страданья, сжечь меня решило сердце.
 Непомерно испытанье — тело мне спалило сердце.

Вызвал враг, что у любимой засиделся я в гостях.
 Тем значительней отныне стану в собственных глазах. !

Появился мой соперник, им подруга увлеклась.
 Я пришел в такую ярость, что соперник втопан
 в грязь.

Что дурного смог я сделать? Осужденья ты полна.
 Отчего твоя немилость мне отныне суждена?

Осуждающий Меджнуна, лик Лейли увидя вдруг,
 Скажет: «Был Меджнун разумен, а безумцы — все
 вокруг!»

Ты своим лицом прекрасным ввергла жизнь
 Видишь, в пламени сгораю? Ах, зачем суров твой ^{в крошечный ад,}
 взгляд!

Видишь, роза, как страдаю и стенаю горько я!
 Понапрасну, злая роза, обижаешь соловья!

В ночь разлуки я мечтаю хоть на миг забыться сном.
 Не до сна нам будет, знаю, если будем мы вдвоем.

Думал: яхонты рождает Бадахшан у нас один.
 Но уста твои увидел — вот где истинный рубин!

Сладость ласковой улыбки — это отдых для души.
 Успокой больное сердце, ясный лик свой покажи!

Если ты мне улыбнешься — и легко, и сладко мне.
 Улыбнись, твоею жертвой стану я тогда вполне.

В том глаза твои порукой — не свожу с тебя я глаз.
 Жизни собственной дорожке для меня ты в много раз.

И стан ее, и алый рот, и черный шелк кудрей —
 Вооруженье красоты, чтоб поражать — верней.

О любимая! Клянусь я — как жестока ты была;
Сердце целое разбила — мне осколки отдала.

Сколько раз просил я сердце: «На красоту не смотри!»
Ты советам не внимало. Так теперь в огне гори!

В разлуке ждал я сна, мечтал о нем...
Не стала б только наша встреча сном!

Тебе принес я розу, ее не отвергай,
Искусство быть прекрасной бедняжке преподай!

Я жалуясь: с тобой в разлуке я в горе погружен,
А ты не слушаешь: со скуки ты погрузилась в сон.

Оставь немую эту розу, соловей!
Я научу тебя о розе петь моей!

Лишь дом родной влечет с такою силой —
Всех благ земных милей беседа с милой.

Коль ты человек, вопрошай себя каждую ночь:
Что сделал сегодня? Чем людям успел я помочь?

1922—1956

ЗАГАДКИ

488—495

1

Соловьи в саду живут,
Места всем хватает тут:
Каждый выбрал ветку розы —
Все качаются, поют!
Лишь одна без места птица —
Не найдет, куда садиться!
Птичка мечется моя,
Потеснитесь-ка, друзья,
Пусть на каждой красной розе
Будет по два соловья!
Но тогда один цветок
Станет, бедный, одинок. . .
Отвечайте на вопрос:
Сколько птиц и сколько роз?

О т в е т

Птиц — четыре, не секрет,
Веток — три, сомненья нет.
Соловьи по веткам сели,
Подсказали нам ответ:
Вот без ветки соловей,
Просит он своих друзей:
«Надо по двое садиться,
Не хватает всем ветвей!»
Сели по двое: беда!
Ветка лишняя тогда!
Чтоб загадку отгадать,
Надо думать и считать,
Был вопрос вполне понятен —
Наш ответ ему под стать!

На свете жили сто ветвей,
 Росли от разных ста корней,
 Какой же корень их связал,
 Для битвы силой напитал?

О т в е т

Когда народы не дружны —
 Они слабы, они бедны,
 Ветвям без корня жизни нет,
 Единство — корень всех побед!

Пришла пора ветвям расцвести —
 У них могучий корень есть,
 Им светит солнце — всем одно,
 Как называется оно?

О т в е т

Семья народов велика,
 Их воля мирная крепка,
 Им светит солнце Октября,
 Коммуны алая заря!

Черной мглою ледяной
 Был задавлен край родной.
 Встало солнце, в небе звезды
 Все сияют до одной!

О т в е т

Нас эмир во тьме душил,
 Паранджой невест слепил,
 Нынче день в краю таджикском —
 Нас Октябрь освободил!

Тучки по небу блуждали,
Капли горькие роняли. . .
Капли слить в поток могучий —
Дождь пройдет, исчезнут тучи.

О т в е т

Кто по-старому живет —
Горьким потом изойдет,
А в колхозе — есть машины,
С песней трудится народ!

Сам — железный, в сердце — пламя,
Он привык трудиться с нами,
Землю дождиком польет —
Завтра золото взойдет.

О т в е т

Это сеятель железный —
Трактор, труженик полезный,
Бак горючим наполняй,
Будет славный урожай!

Тюки погрузили на тысячу спин,
На каждой спине поместился один.
Тут семьдесят спин неживых подошли —
Семь тысяч тюков на себе увезли!

О т в е т

Грузили верблюдов: на каждого — тюк,
Увез караван только тысячу штук,
Вагоны по рельсам помчал паровоз —
Семь тысяч тюков без натуги повез!

Никто триумфальную арку не сдвинет:
Пять мощных колонн подпирают твердыню,
Вдруг стала короче одна из колонн —
Не будет ли арке ущерб нанесен?

О т в е т

Пятилетки — пять колонн,
План досрочно завершен.
Арка-Родина окрепла,
А завистник — посрамлен!

МИНИАТЮРЫ, ШУТКИ, ЭКСПРОМТЫ, ФРАГМЕНТЫ РАЗНЫХ ЛЕТ

496. ФОТОСЛУЧАЙ

В руке сжимая крепко свой фотоаппарат,
Как мусульманин в Мекку, в тебя вперил я взгляд.
Усердно облик милый ловлю сквозь объектив,
Все прилагаю силы, чтоб снимок был красив.
И что ж? Гляжу в смятенье: не вышел твой портрет!
Туманной даже тени на негативе нет.
Тут сердце подоспело, чтоб выручить меня,
И сразу стало дело для всех яснее дня.
Куда бы снимку деться? — У негатива он
Моим похищен сердцем! И там запечатлен!

1924

497—500. Р У Б А И

1

С тех пор как повстречался с тобою по весне,
Любовь меня сжигает на медленном огне.
Тебе принес покорно я преданное сердце.
Взяла. И поглядела. И возвратила мне.

2

Разгадана загадка, повержены мечты,
Я понял всю жестокость холодной красоты:
Ведь если дар заветный вернула равнодушно —
Так, значит, сердце друга не распознала ты.

Еще никто доньше не отвергал меня,
Лишь ты не оценила души моей огня.
Но посмотри — тобою непонятое сердце
Живет, сердца иные чаруя и маня.

Жемчужины дороже певучая строка,
Красавица увянет, пройдет по ней тоска.
Любви моей сегодня ты светоч угасила,
Но будет жить преданье о ней еще века.

1927

501. СОВЕТСКИМ СКРИПАЧАМ — ПОБЕДИТЕЛЯМ МЕЖДУНАРОДНОГО КОНКУРСА

Чтоб край чужой завоевать,
наживы рыцарям нужны,
Тяжелый танк, и бомбовоз,
и крови океан безбрежный.
Но люди мирного труда,
свободы верные сыны,
Весь мир умеют покорить
одним напевом скрипки нежной.

1936

502. ОГОНЬ И ЛЕЗВИЕ

Мне за столом, юна, мила,
Соседка нож передала.
«Он туп!» — сказал я. Но ответ
В ее уста вложил поэт:
«Когда ребенка бережешь,
Не дашь ребенку острый нож».
— «Возможно ль? — я ответил ей. —
Так жалость есть в душе твоей?
И ты боишься не шутя,

Что я порежусь, как дитя?
Зачем же сердце мне зажег
Румянец нежный этих щек?
И черных глаз лучистый взор
Зачем усилил тот костер?
Ты думаешь, огонь палит,
Слабей, чем лезвие разит?»

1936

503

Очам лучистым, кудрям душистым,
Той, чья улыбка дарит весну,
Бровям волшебным, речам целебным,
Моей отраде, моей Бану.

1936

504

В Таджикистане будешь в наши дни,
По-новому на новое взгляни.
Ворота коммунизма хочешь видеть —
В колхоз ленинабадский заверни.

1938

505. СЛУЧАЙ С ПАЛКОЙ ДРУГА

С. Я. Маршаку

Я встретил музу поэта,
Металась она вздыхая.
«Что ищешь? — спросил я у музы, —
Скажи мне, краса дорогая!»
— «Поэта любимую палку, —
Сказала, руки ломая. —
Чтоб не захромать вдохновенью,
Найти эту палку должна я».

Я кинулся в поиски тоже,
Долг дружбы увидя в этом.
Нашел я заветную палку
И музе вручил с приветом.
Вот так-то, с помощью палки
Вернул я музу поэту.
Вновь сыплются песни, как жемчуг,
На радость и мне, и свету.

1939

506. ОЖИДАНИЕ

Сто раз, нетерпеньем сгорая, бежал я
Тебе навстречу, родная, бежал я.
Всё больше приход запаздывал твой,
Всё чаще к дверям, замирая, бежал я.
Чуть шорох — летел, но напрасно. И вновь
К порогу, счастья пытая, бежал я.

Забыв о еде и покое, пока
Тьма пала на землю густая, бежал я.
Минула и ночь. . . Солнца нет моего!
Напрасно, томясь, изнывая, бежал я.
По счастью, не видела ты, как один,
Тоскуя, изнемогая, бежал я.
Не освежая сохнувших уст
И глаз не осушая, бежал я.
Пришла. . . И следа утомленья нет!
Да разве, моя дорогая, бежал я?

1939

507. ВСТРЕЧА С АРТИСТАМИ АЗЕРБАЙДЖАНА

Я из уст азербайджанских роз
Соловьев в ночной тиши услышал:
Как сантур, как бубен их и най,
Как их сазы хороши — услышал.
Как звенели мне былые сны:
«Забывать нас не спешн. . .» — услышал,
Как хвалили все певучий звон,

Я едва — как бы в глуши — услышал...
В эту ночь, глаза полузакрыв,
Я напев своей души услышал!

1941
Ташкент

508. А. Н. БОЛДЫРЕВУ

Немало у меня чужих сокровищ побывало,
Судьбе ни разу не пенял, не зарился нимало.
Устода Болдырева вдруг диваном Рудаки
Потешили через меня, — и я в тисках тоски.
Ему бы копией меня не грех потешить также
За то, что мужество явил
и не содеял кражи.

2 июня 1945

509. ПАВЛУ ТЫЧИНЕ К ЕГО ШЕСТИДЕСЯТИЛЕТИЮ

Как услышал я тех струн перебор,
Словно весну я вдохнул среди гор.
И в упоенье, в волненье с тех пор
Часто стихи я читаю Тычины.

Лет от рожденья ему шестьдесят,
Сорок уж лет его песни звучат,
Но тридцать три только года назад
Жизнь началась молодая Тычины.

Сталь и цветок — вдохновенье его,
Жить будут вечно творенья его,
Славны дела поколенья его,
Слава Тычине и краю Тычины!

1951

به بانوی عزیزم

من ساخته توام ، چه خواهی دیگر؟
بگذاخته توام ، چه خواهی دیگر؟
گفتی به قمار از تو گرو خواهم برد ،
... من باختت توام ، چه خواهی دیگر؟

نور کویه 6 ماه نوامبر 1934

بانو جانم در بازی از من بزد ، گرو ما
سعر بود ، اینک قرض خود را قسیمآدا

کردم
ملا

گرهون من بنفش و مثل سرمه
من رفتم از این خانه
ای لعلت در آنه بیاید
ای در جهان بیاید
پایه و کویه

510. ДЕВУШКЕ, ОСТРИГШЕЙ КОСЫ

В косах твоих душистых
Сердце гнездо свило,
Только недолго птица
Знала приют и тепло.
Что же ты с садом сделала,
Столь ароматным, густым?
Что ты, скажи, луноликая,
Сделала с сердцем моим?

511

Тебе от сердца и души
принести я должен поздравленья,
Но мое сердце — у тебя.
Как быть? Душа моя в смятенье.
Нельзя ли милость оказать
и сердцу мой наказ доставить,
Чтоб от меня и от души
ему тебя сто раз поздравить!

512. НАГРАЖДЕННОМУ ДРУГУ

Сегодня сердце радуется гордо
Твоей награде славной и судьбе,
И за перо рука моя берется,
Чтоб написать приветствие тебе.
Но так ликует и смеется сердце,
Так пляшет — будто награжден я сам.
Гляжу — и что же? Вместо «поздравляю!» —
«Благодарю» выводит мой калям.

513. ОТВЕТ ДРУГУ-ПОЭТУ

Коль верности чашу пригубил,
хоть каплю из полной испил,
Настолько же вспомни о друге,
насколько его позабыл.

Джавхари Истаравшани

Знай, верность моя — как море,
в него погружен я, и мне
Совет твой принять невозможно,
и не по моей вине.
Когда б его принял — о друге
не мог бы вспомнить ни разу, —
Ведь не забывал я ни разу
его наяву и во сне!

514. ЗАПИСКА ДЛЯ ОПОЗДАВШЕЙ

Я долго ждал, поторопись прийти,
Улыбкой ясной день мой освети!
Но если на меня глядеть не хочешь, —
Что ж, я уйду. Хоть дом мой посети!

515. Н. А. ОБУХОВОЙ

Нам розы лепесток не диво
увидеть в клюве соловья,
Но трели соловья от розы,
друзья, впервые слышу я!

516. ОТ РЫБЫ ДО ЛУНЫ

Луг, вечер и она, луна моя, со мной,
Пред нами книга, хлеб да рыба, дар речной.
Чего еще желать? Сбылись былые сны:
Владею ныне всем — от Рыбы до Луны.

517. К. АРСЕНЕВОЙ

Стихами ее восхищен, в них видел я чудо творенья,
Увидев ее, говорю: сама она — стихотворенье.

518. ПОБОРНИКУ ЧАДРЫ

Послушай, если не совсем покинул стыд тебя:
Жену ты прячешь от людей — она, мол, честь твоя.
Но если прятать эту честь — извечный твой закон, —
Откуда знать нам, честен ты иль чести ты лишен?

519. КО ДНЮ РОЖДЕНИЯ

Не ты ли продлила полет жизни моей!
Любовь твоя блеск придает жизни моей.
О, если бы чудом
 к каждому дню любимой
Всегда прибавлялся бы год жизни моей!

520

Твоих причуд сложна стезя,
Порой их примирить нельзя:
«Уйди!» — твои уста велят,
«Останься!» — требуют глаза.

521

Всех девушек, что в мире красою знамениты,
Милее мне подруга, подобная весне.
Влекут неодолимо глаза ее — магниты,
Спасусь ли тем, что сердце железное во мне?

522

Таит твой взор то преданность, то гнев,
Порою он грозит мне, осмелев,
Порой под нож ложится кроткой жертвой...
Так что ж — ягненок он иль ярый лев?

523

Я помню, как учитель мой тетрадку раскрывал, —
Мои ошибки исправлял и горестно вздыхал.
Когда ж я именем твоим заполнил все листы —
· Меня учитель похвалил и улыбаться стал.

304

II

524. ТРИ КАПЛИ

Максиму Горькому

Запомнилась мне притча с давних пор —
Трех разноцветных капель разговор.
Одна сказала: «Ясен облик мой,
И не сравниться никому со мной.
Прозрачна я, во мне и цвета нет,
Но, как звезда, я излучаю свет.
Во всем, что создал в мире человек
И будет создавать из века в век,
Сиянье вы увидите мое,
Мной держится людское бытие.
Я — самый чистый самоцвет, я — пот,
Который в час труда рабочий льет.
С его чела не устаю я течь,
Чтоб мир подлунный в красоту облечь».

Вторая капля, красная, в ответ
Сказала так: «Права ты, спору нет,
Но и мои заслуги не малы,
Достойна я меньшей похвалы.
Не потому ль рубин в такой цене,
Что алым цветом он подобен мне?
Не потому ль так красит мир заря,
Что красным обдаёт его, горя?
Пред алой розой меркнут все цветы,
Цветник не знает большей красоты.
Я — капля, что своим огнем дотла
Сжигает мир насилия и зла.

В волнении всегда, как вал морской,
Рвусь за свою свободу в смертный бой.

Когда я вижу, что рабочий люд
Презренные бездельники гнетут,
Во мне вскипает неумный гнев,
И, пламенем своим сердца согрев,
Зову их в битву с полчищами зла,
Веду вершить великие дела.
Когда б не я, ты до скончанья дней
Страдала бы от злобы палачей,
Смирилась бы перед своей судьбой,
Жизнь прожила бы пленницей, рабой.
В моем кипенье гибнет произвол,
Насилья сокрушается престол.
Я — пламя, я — булат, я — солнца жар,
Я — кровь бойцов, готовящих удар,
Чтобы заставить мир насилья пасть,
Чтобы вручить рабочим людям власть!»

Послушав речи этих капель двух
И подтвердивши правоту подруг,
Им третья, черная, сказала так:
«Вам стал бы возражать лишь правды враг.
Но есть заслуги также у меня,
Я, как и вы, исполнена огня.
Вы черноту не ставьте мне в упрек:
Она — и не изъян, и не порок.
Ее непроницаемая мгла
В себе скрывает тайны без числа.
Булата в мире нет острее меня,
Нет в мире молнии быстрее меня.
Когда пришло восстание к концу,
И передышка надобна бойцу,
И надо силы множить и крепить,
Их для боев решительных копить, —
Тут я, оставшись, продолжаю бой,
Не опускаю меч разящий свой.
Перо — мой меч, страницы белой гладь —
Вот поле, где должна я воевать
За счастье — ведь его так люди ждут!
Ты, капля, воплощающая труд,
Права во всем, что ты сказала нам,
Слова твои подобны жемчугам.
Теперь и ты послушай, будь добра,
Что скажет черная твоя сестра.
Везде, где под ярмом рабочий люд,

Немало пота труженики льют,
Немало их, голодных и нагих,
Что блага добывают для других.
И если я весь мир не облечу,
Воззвав к друзьям, врагов не обличу
И то, что вижу, силой гневных строк
Не превращу в свидетельство, в урок, —
То пролитый трудящимися пот
Свободы, счастья в мир не принесет.
О капля красная, и ты права!
Оспорить не могу твои слова.
Один твой цвет, революционный цвет, —
Порука в том, что в них обмана нет.
Моих похвал не надобно тебе, —
Священна кровь, пролитая в борьбе.
Но выслушай, прошу, и ты меня,
О дочь победоносного огня!
Пускай отряд рабочих и крестьян,
Святой враждой к тиранам обуян,
Восстал отважно против темных сил
И прах своею кровью оросил, —
Но если я борцам не укажу
Пути к решающему рубежу,
Не разнесу волнующую весть
По всем краям, какие только есть,
Не поддержу их подвиг боевой —
Им труден будет их последний бой.
Я делаю острее, чем острый нож,
Сознание тех, в чьих жилах ты течешь,
Я призываю их идти в поход,
Чтоб сокрушить насилия оплот.
Я наставляю трудовую рать,
Как надо бить, как надо побеждать.
Истица я — и вместе с тем судья;
Я обвинитель, и защитник я.
Я — гнева крик, зов боевой трубы,
Я — вдохновитель праведной борьбы!
Чернилами зовут меня, и я,
О пот и кровь, поддержка вам, друзья!
Борьбу с врагами вместе мы ведем,
Дворец коммуны выстроим втроем.
Могучий наш союз нерасторжим —
В грядущих битвах вместе победим!

1932

525. НЕПОБЕДИМАЯ СИЛА

Ты видел ли вихрь, как порывом неожиданным
Уносит он стадо с собой?
В пути если встретится он с караваном,
Тому не вернуться домой.
Гранитную глыбу со свистом и гулом,
Как перышко, кружит в пыли.
И если промчится над горным аулом,
Сотрет о нем память с земли.
То сила жестокая, сила крутая,
По ярости равных ей нет.
Слышал иль видал ты, чтоб сила такая
Не сеяла горя и бед?
Не жди, что оставит она, пролетая,
Хоть раз благодетельный след.
Дика эта сила, глуха и нема,
Путей своих, целей не знает сама.
Бушует бессмысленно, яростно, слепо
И всё на пути сокрушает свирепо.

Видал ты волну, что с угрюмою ночью
Равняет сияние дня,
Когда разъяренное море грохочет,
Людские сердца леденя?
Мгновенно челны, корабли, пароходы
Она посылает на дно,
И всюду, где гребень жестокий проходит,
Царит запустенье одно.
Цветущий оазис под влагою пенной
В пустыню она обратит.
Такая среди сил величавых вселенной
В ряду не последнем стоит.
Но может сказать лишь безумец смятенный,
Что сила та счастье сулит.
Дика эта сила, глуха и нема,
Путей своих, целей не знает сама,
Бушует бессмысленно, яростно, слепо
И всё на пути сокрушает свирепо.

Видал ты, как буйный напор наводненья
Железо и камень крошит,
Деревья столетние, словно поленья,
Качает, и рушит, и мчит?

Пред ним разбегаются люди, бледнея,
Родной покидают свой кров.
Различий не зная, щадить не умея,
Богатых людей, бедняков,
Мужчину и женщину — всех без разбора
Уносит вода на пути;
Когда же затопит прибрежные горы —
И тигру живым не уйти.
Да, сила немалая это, без спора,
Вторую под стать не найти.
 Но сила такая глуха и нема,
 Путей своих, целей не знает сама,
 Бушует бессмысленно, яростно, слепо
 И всё на пути сокрушает свирепо.

Видал ты вулкан, что разносит несчастье,
И стоны, и гибель вокруг?
Вода в той разверзнутой огненной пасти
В пары обращается вдруг.
Овраги — в холмы и вершины — в ущелья
Ему обратиться нипочем,
Струей огневою, в зловещем веселье,
Всё вдруг он затопит кругом.
Взъярен, головою косматою двинет,
Земную распорет он грудь,
Багровый язык до селений закинет,
Огню над селеньем сверкнуть. . .
Пред силой такой небо в ужасе стынет
И море боится дохнуть.
 Дика эта сила, глуха и нема,
 Путей своих, целей не знает сама,
 Бушует бессмысленно, яростно, слепо
 И всё на пути сокрушает свирепо.

Ты молнию видел, усмешкой летучей
На мир наводящую страх?
Пред нею рыдают испуганно тучи
И мечется гром в небесах.
Вопьется слону в исполинское тело —
И свалит, как мышку, слона.
С полночного неба внезапно слетела
На гору — и та сметена.
Боятся ее рокового вторженья
И запад, и знойный восток.

Удар ее всюду несет разрушенье,
Стремителен, меток, жесток!
Неслыханно силы такой напряженье,
Средь прочих стихий — это бог.
Жаль, сила такая глуха и нема,
Путей своих, целей не знает сама,
Бушует бессмысленно, яростно, слепо
И всё на пути сокрушает свирепо.

Но сила еще есть иная на свете,
Владычица всех остальных.
Она несравненна, соперницы нет ей —
О ней мой восторженный стих!
Все силы природы она подчиняет
Всеведущей воле своей,
А те повинуются, те исполняют
Без мыслей, без чувств, без речей.
Захочет — и гром послушанью научит,
Потушит вулкан навсегда.
Послушен ей ветер, и служат ей тучи,
И волн ей покорна гряда.
Ты знаешь ли имя той силы могучей?
То сила людского труда!
И разум, и воля той силе даны,
И слух ее чуток, и мысли ясны,
Глядит она зорко, и действует смело,
И всё, что захочет, свершает умело.

Задать ли загадку тебе? Не однажды
Терялся мудрец перед ней.
Стихии земли, коль присмотришься к каждой,
Себе не сплетают цепей.
Не сыщешь такой, чтобы блага творила
И после стонала от них.
И только людская рабочая сила
В плену у творений своих!
Подумай: высокая слава такая
Кем злобно повержена в прах?
Творящая благо рука трудовая
Должна ль изнывать в кандалах?
Та сила великая, сила святая
Зачем у злодея в тисках?
Ведь ей и сознание, и воля даны,
И слух у ней чуток и мысли ясны;

Глядит она зорко, и действует смело,
И всё, что захочет, свершает умело.

Могучая, гордая сила такая
Становится жалкой рабой,
Затем что, трудиться ее принуждая,
Плоды пожинает другой.
Ее достоянье враги похищают,
Оружье насилья куют
И этим оружием ее ж обращают
В рабу, продающую труд.
На шею наброшен той доблестной силе
Невежества тесный аркан.
Ведет ее труд непосильный к могиле,
Гнетет суеверий дурман.
Стеной отовсюду ее окружили
Нужда, угнетенье, обман.

Хотя и сознание, и ум ей даны,
И слух ее чуток, и мысли ясны,
Не выйдет она из тюрьмы этой черной,
Пока остается насилью покорной,

Но эта же сила, чей облик прекрасный
Неволи завесою скрыт,
Встает на врага и под знаменем красным
На бой за свободу летит.
Сжимая кровавую глотку вампира,
Топча суеверья змею,
Высокое звание владычицы мира
Она добывает в бою.
По воле ее исчезают со света
Насилье, обман и нужда!
А если увидеть воочию всё это
Ты хочешь, товарищ, — тогда
Взгляни, как природа в Союзе Советов
Склонилась пред силой труда!
Там силе той разум и воля даны,
Глаза ее зорки, и мысли ясны,
Свободна, едина она неизменно
И всё, что захочет, творит вдохновенно.

1932

1

В селенье нашем жил старик бывалый,
 Он много видел, странствовал немало.
 Однажды довелось ему в пути
 По джунглям с сыном маленьким идти.
 Неспешными они брели шагами.
 Внезапно побледнел старик и замер:
 Оттуда, где стеной вставал тростник,
 Донесся леденящий сердце рык.
 К отцу прижался мальчик боязливо,
 Опомнился старик и, торопливо
 Ребенка увлекая за собой,
 Бежал иною, дальнею тропой.
 На безопасной очутясь дороге,
 Сын юный у отца спросил в тревоге:
 «Откуда он, ужасный этот звук,
 Что нас обоих в дрожь повергнул вдруг?»
 Сказал старик, переводя дыханье:
 «Мой сын, ты слышал львиное рычанье.
 В тот миг из темной чащи тростников
 Лев разъяренный прыгнуть был готов.
 Вот отчего я сам невольно дрогнул
 И на другую бросился дорогу.
 Недаром потрясает этот рык —
 У льва и рев по-львиному велик!»

2

Всѣ дальше странствуя, попали скоро
 Отец и сын в большой и шумный город,
 И сына в ту же ночь отец с собой
 Повел развлечься цирковой игрой.
 К арене мальчик приковался взглядом,
 Вдруг долгий вопль раздался где-то рядом.
 Спросил он у отца: «Чей это стон?
 Как сердце рвет, как слух терзает он!»
 Сказал старик, уйдя в воспоминанья:
 «Мой сын, ты слышал львиное рычанье,
 Дивишься ты? Мне твой понятен взгляд.
 Сомненья сына разрешить я рад.

Да, это голос льва, но льва в неволе,
Льва-пленника, питомца рабской доли.
Как тот далекий лев, он тоже лев,
Но этого смирили, цепь надел.
Угрюмый узник, жалкой клетки житель —
Не то, что гордый лев, лесов властитель!
Я знаю, вспомнил ты могучий рев,
Раскаты грома в чаще тростников.
Но те раскаты вольностью звучали,
Не пленом, не тоскою, не печалью,
И сильный тот неукротимый зверь
В цепях не рос, как этот лев теперь.
Зато и песнь его, не зная жалоб,
Свободою и мужеством дышала.
А этот лев — как немощный старик,
И рык его — тоски и боли крик.
У льва свободного был зов могучий,
У льва закованного — стон тягучий.
Лев — это лев всегда, но не таков
Свободы сын, как раб в тисках оков!»

Текли века... Томилась в рабстве диком
Страна туркмен, узбеков и таджиков.
В труде, как лев, был трудовой народ,
Но сковывал его тяжелый гнет.
Рожденная в нужде, в неволе горькой,
Под стать была и песня доле горькой.
В веселье, в скорби, ночью, поутру,
Стихом и прозой, в битве, на пиру —
Везде лились рыдающие трели...
Рабами были и по-рабы пели.
Бескрылой песне к солнцу не взлететь,
Напевам пленным мощью не звенеть.
Но Октябрем раскованы великим
Туркмены, и узбеки, и таджики.
Повсюду, волей ленинской крепка,
Сметает гнет рука большевика.
Но всё еще былого рабства годы
Забуть не в силах вольные народы,
И прежний тянет иногда напев
Оживший лев, освобожденный лев.

Под кусты, в черепашую нору,
Заползла как-то раз поутру,
Чуть жива, о спасенье моля,
Потерявшая силы змея.
Встал глава черепашей семьи,
Чтобы мяса отведать змеи,
Но змея зашипела: «Ну что ж,
Ты беду на себя навлечешь!
Если б дал ты мне клятву теперь,
Что меня не загубишь, — поверь,
Я открыла бы тайну свою,
Я спасла бы тебя и семью.
А не то вы погибнете здесь —
Ты, гордец, и твой выводок весь!»
Удивленный, отец черепах
Безотчетный почувствовал страх:
Чтобы смерть от семьи отворотить,
Обещал он змею пощадить.
И змея начала свой рассказ:
«Появилось недавно у нас,
Средь таджикских долин и полей,
Небывалое племя людей.
Им неведомы слабость и страх,
Горы — воск в их могучих руках.
Не страшат их опасность и труд,
Что ни вздумают — всё создадут!
Где лежала пустыня всегда —
Там, посмотришь, бурлят города.
Где мы все, от орлов и до змей,
Даже в снах не видали людей —
Столько шуму людского сейчас,
Что и сон убегает от глаз.
Служат им и огонь, и вода,
В руки просятся нефть и руда.
Быстры в небе они, как орлы,
А в воде — словно рыбы смелы,
И какой-то вожак боевой,
Говорят, их ведет за собой.
Кто таков тот вожак — не пойму,
Но Компартия имя ему.
С той поры, как на свете живу,
Ни во сне, ни, мой друг, наяву,
Ни в таджикском краю, ни в других
Я чудес не видала таких!

Чтобы сам ты уверился в том,
Расскажу я о чуде таком.
Некто славою славится тут
Небывалой. Карамов — зовут.
Был он раньше поденщик простой.
С детства рос на похлебке пустой,
Нищета окружала и мрак,
Да на свет его вывел вожак.
Знание дал горемыке тому,
Чтоб забыл он и бедность, и тьму,
Чтоб упорным и крепким он стал,
Словно в горне рожденный металл,
Чтобы стал человеком другим,
Не простым — ты послушай каким!
Сотворили теперь из него
На железных ногах существо.
Силы много те ноги таят,
Смерть змеиной породе сулят!
Где б ни вздумал Карамов пройти,
Уползаем, чуть живы, с пути.
Не успев еще передохнуть —
Видим гладкий, утопанный путь.
Что ни день, то с дороги одной
На другую ползу я с тоской,
Но покоя нигде не дает
На железных ногах скороход.
Оттого я сегодня к тебе
Приползла, покоряясь судьбе. . .
Только чую, что враг мой вот-вот
И на эту дорогу придет.
Встань, собратья семье помощи
И стрелюю отсюда беги!»

Отвечал ей хозяин: «Змея!
Лживым басням поверю ли я?
Стар я стал, но не слышал вовек,
Чтоб железный тут жил человек.
Правда, помнится, как-то вблизи
Здесь машина завязла в грязи.
Говорили сидевшие в ней,
Что дорог не бывало скверней,
Что какой-то придет удалец
И осушит ту грязь наконец.
Не дорога, мол, будет, а рай,

Станет ею гордиться весь край.
Только я — сыновьями клянусь!
Пусть своей головы я лишусь! —
Не поверю я этим словам,
Не пущусь кочевать по горам!
Скоро месяц уже с той поры,
Всё спокойно вокруг нашей норы.
Сын мой старший жениться успел,
Дочь — родить. А обещанных дел
Мы не видим еще и во снах.
Нет людей на железных ногах!
Обещанье я дать поспешил.
Слово чести нарушить нет сил,
А не то я теперь же, змея,
С наслаждением съел бы тебя!..»

Вдруг дорожной машины мотор
Заглушил разгоревшийся спор.
Грохоча, приближался каток,
Пел веселую песню седок.
«Видно, рушится небо на нас!» —
Черепаша вопит, устрашась.
А змея прошипела: «Осел!
Где там небо! Карамов пришел!»

1933
Душанбе

528. ГОРА И ЗЕРКАЛО

1

В степи, неохватной для глаз человека, —
Гора не простая взметнулась от века.

Прекрасна, величественна и стройна,
Вершиной небес достигает она.

Как хлеб каждоутренний в сумку дехкана,
К ней катится солнце из недр океана.

Ее замыкают пески и снега:
Так наши границы — заслон от врага.

Гора, живоносной землю покрыта,
Стоит непреклонна, как сердце гранита.

Как знамя героя, она взнесена.
Как сердце влюбленного, тайны полна.

Густые на склонах леса и сады,
Как звездная пыль во Вселенной — плоды.

Как Красная Армия наша, грозна,
Как Красный наш Флот, величава она.

И если друзьям ее облик отраден, —
Врагов повергает он в дрожь, беспощаден.

2

Вот с зеркалом, к гордой вершине спиной,
Уселся пришелец средь шири степной.

Всю гору, в величье ее несказанном,
Хотел он увидеть в осколке стеклянном,

Чтоб, в город вернувшись, могучую стать
И дивные свойства горы описать.

Но зеркальце было так тускло и мало,
Что цели добиться ему не давало.

Хоть были глаза у пришельца остры —
В осколке не видел он гордой горы,

Не мог распознать он ни формы, ни цвета:
Поверхность скалистая, мохом одета,

Туманно мелькала в стекле перед ним.
Прибег тут пришелец к уловкам иным:

Он стал от вершины в таком отдаленье,
Что полное видел ее отраженье.

Но много ли выиграл юноша мой?
Себе навредил он уловкой такой!

Едва он от цели ушел в отдаленье,
Как сам же свое уничтожил стремленье:

Не мог он, доверясь отважной мечте,
Исследовать гору во всей полноте.

Лишь очерк свой зыбкий в стекле отражая,
Все признаки стерла вершина живая.

Не видно ни склонов, ни сеней ее,
Ни гордых орлов, ни оленей ее!

Не видно долин, водопадов, расселин,
Лесов, чей покров благодатен и зелен,

Где логово тигра, где барса нора, —
Всего, чем дивит и чарует гора.

Хоть знал, что прекрасна она и сурова,
Не мог бы о ней рассказать он и слова.

«Гора существует!» — лишь это одно
Прочсть ему в зеркале было дано.

Увидев бессилье его молодое,
Промолвил отец ему слово такое:

«Послушай! У юношей пылки сердца.
Последуй благому совету отца!

Рвать финики с ивы — волшебнику впору!
Не легче увидеть и в зеркале гору!

Коль речь о горе ты затеял вести —
На ней исходи все тропинки-пути! . . .»

3

К чему эту притчу я в борозду бросил?
В наш век просвещения, наук и ремесел

Героя той притчи напомнили мне
Все те, кто твердят, не осмыслив вполне:

«Там — новый дворец несравненный построен»,
«Там — новый колхоз похвалы достоин! . . .»

Их разум хоть светел уже, но незрел:
Еще не постиг он величия дел,

Когда, торопливо расставшись со стройкой,
Тетрадь раскрывают для записи бойкой.

Они — будто слышали весть от немых,
Горы не увидите в зеркальце их!

Коль образ еще не внедрился в твой разум,
Поэт, как его расцветишь ты рассказом?

Коль вещь не проникла в сознание твое,
Как можешь другим описать ты ее?

Большой океанский корабль — не для пруда,
Слить пруд в котелок — не по мерке посуда!

Свободная мысль торжествует вокруг,
Блеск техники всюду, цветенье наук!

Бывало, в деревне — земля да скотина,
А нынче и книга там есть, и машина.

Дехкана узнаешь ли? Стал он другим:
Смысл нового века раскрыт перед ним.

Он яблоко знания снял с ветки науки,
И общее благо творят его руки.

В фабричных цехах, на колхозной земле,
Иные — в ученье, а те — в ремесле.

Не только догнать искушенных сумели —
Быстрее просвещенных приблизились к цели.

К тому эта притча, чтоб нашей земли
Певцы молодые на гору взошли,

По склонам ее поднялись к небосводу,
Чтоб лица свои обратили к народу,

Чтоб необозримое зеркало их
Весь мир отразило в пределах своих;

Чтоб гордое званье они оправдали,
Учились бы взором охватывать дали,

Чтоб голос науки взывал к ним: «Иди!»,
Чтоб жизнь не оставила их позади!

1933

Ташкент

529. ПУТЕШЕСТВИЕ В ФРАНГИСТАН

1

Когда из мира мирного труда
На Запад я отправился, туда,
В мир темноты, и, малость подождав,
Границу нашу миновал состав,
Всё продолжал стоять в моих глазах
Советский пограничник на часах,
Всё грели сердце мне черты бойца,
Живой румянец ясного лица,
Его глаза с глубокой синевой
И алый флаг над гордой головой.
Как я взволнован был и удручен,
Что со страной великой разлучен!
Мне флаг казался пламенем, глаза —
Небесная двойная бирюза —
Сняли мне лазоревым огнем,
И взоры сердца утопали в нем.
Но удалялась синих глаз чета
И в памяти их блекла чистота...
Остался позади родной предел:
Я на погоны желтые глядел,
И паспорт мой на чуждом рубеже
Чиновник резко требовал уже.

Мартышку перс в подарок получил
 И вскорости мартышку приручил.
 Был у нее детеныш, и она
 Им занималась, рвения полна.
 И всем повадкам рода своего
 Мать постаралась обучить его —
 Как нападать, как исчезать из глаз,
 Прыжкам и бегу, множеству проказ,
 Учила штукам разным, чтоб сынок
 Себе конфетку заработать мог.
 Сама была на хитрости ловка —
 И весело учила им сынка.
 Когда, бывало, ей перепадет
 Кусочек хлеба или спелый плод, —
 Сама не ест, всё отдает ему,
 Любимому младенцу своему.
 И кто ни крикнет на него со зла,
 Того когтями яростно драла.
 Так образцовой нежностью своей
 Прославилась она среди людей.

Но вот какой-то злобный хулиган
 Завлек однажды в баню обезьян.
 А в бане пол горяч: не тронь — огонь!
 Мартышек же чувствительна ладонь.
 Обжег малыш ладошки рук и ног,
 Стал корчиться и встать уже не мог.
 Его схватила обезьяна-мать,
 Младенца стала к сердцу прижимать,
 И в тот же миг, сама опалена,
 Страдания не вынесла она —
 О стенку стала биться головой.
 Наполнил баню визг ее и вой.
 Исхода для себя не видел зверь:
 Вверх не допрыгнуть, на запоре дверь.
 Конец! . . И в злобу нежность обратя,
 Она швырнула под ноги дитя,
 Она, в ком жар любви был так горяч,
 На грудь его уселась как палач.
 Но раздался такой ужасный стон,
 Так завопил, так заметался он,
 Что матери несчастная душа

Оборвалась от криков малыша.
Стон малыша сводил ее с ума.
А на пол стать — изжаришься сама!
И мать ему закрыла рот рукой,
Заткнула что есть силы рот рукой,
Чтоб только стон мучительный затих,
Чтоб не страдать от выкриков глухих!
Да, прежних материнских чувств тогда
В ее душе уж не было следа.

С Европой старой то же: и она
Не в пекло ли врагом завлечена?
И у нее к спасенью нет пути,
Ясна погибель — но куда идти?
Искусство, слава прошлого и честь
Всё, что в Европе дорогого есть, —
Как тот малыш на жаре кирпича,
И мать на нем в обличье палача!
А зазвучит стенанье, страстный зов,
Призыв к спасенью, к жизни без оков —
Она спешит зажать страдальцу рот,
Фашизма лапу на него кладет.
Но зов его не заглушить ничем.
Нет! Разум жив, не будет разум нем!
Стон муки бранным кличем полетит.
Он — вихрь и смерч, он смерть врагу сулит.
Он в мире всем вооружит народ,
С народных плеч фашистский сбросит гнет.

3

В Париже как-то мужа и жену
Я встретил. Говорили про страну,
Про парижан и современный век,
Про тишь музеев и библиотек,
Про центр Парижа, что на рай похож,
Про грязь окраин, про людскую ложь
И про товары, с роскошью такой
Творимые культурой городской;
Про то, что класс, создавший роскошь ту,
Живет в подвалах, терпит нищету;
Про тот Париж, про пестрый тот базар,
Мир золота, где человек — товар;

Про безработный люд, про голод, хворь,
Про первые лучи мятежных зорь.
Беседа шла о реках, о горах,
Об уллицах, болезнях, докторах...
Когда ж детей коснулся разговор,
Вдруг потускнел жены и мужа взор.
Я пожалел их, думая: у них,
По-видимому, нет детей своих.
Меж тем у матери и у отца
Из-за детей и мучились сердца:
«Уж сыновья не мальчишки у нас,
И дочки подрастают — в добрый час!
Окончат скоро школу — и придет
Для нас пора терзаний и забот.
Покамест в школе — жизнь для них легка,
Цветут себе с беспечностью цветка!
Мечтаний их восторженных не счесть!
Мерещатся работа, слава, честь,
Способные... учились... Но путей
Я всё ж не вижу для своих детей.
Ты знаешь сам — здесь правит капитал:
Остался без работы — трупом стал.
Что может быть ужасней для отца,
Чем в милом сыне видеть мертвеца!»
Замолк, жена вздохнула тяжело.
Какая же здесь низость, ложь и зло!
Погоревал и я о их судьбе...
И гордость вдруг почувствовал в себе;
Я вспомнил пионерскую семью!
Помчалась мысль на родину мою,
Очаг я вспомнил, греющий сердца, —
Там не увидишь скорбного лица.
Припомнилась мне славная страна,
Где мать в чести, где доблестна жена.
И комсомольцы, как большой цветник,
Перед глазами встали в тот же миг.
И заблестел от гордости мой взор, —
Что я не жалок, не убог, не хвор,
Что родина моя — свободы мир,
Что для меня — красы и знанья пир,
Что миллионам женщин и мужчин
Надеждою — моей страны почин,
Что я богатств бесчисленных властелин,
Что я Страны Советской гражданин!

Жил в Исфагане некогда ханжа.
 Однажды, бренной жизнью дорожа,
 На пир к себе он нищих пригласил,
 Есть, пить и яства уносить просил:
 Пускай творят молитву бедняки,
 Чтобы аллах продлил его деньки.
 Разостлан плат на пышные ковры,
 Пестреют вокруг тюрбаны и чадры.
 А мимо шел бродяга под хмельком,
 Остановился и зашел в тот дом.
 Едва к подносу руку протянул,
 Шейх исподлобья на него взглянул
 И говорит: «В день Страшного суда
 Всем грешникам лихая будет мзда.
 А ты, нечистый грешник, предан злу —
 Не прикасайся ж к чистому столу!»
 А гость в ответ: «Виною тут аллах,
 Мы без него не знали б о грехах!
 А если сам он создал в мире грех,
 Так пусть и отвечает сам за всех!»
 Разгневался ханжа на те слова,
 Кричит: «Болван! Пустая голова!
 У каждого аллахова раба
 Свободная, по выбору, судьба!»
 Так, ложку и не запустив в котел,
 Бродяга молча встал и прочь побрел.
 Спустя неделю умер злой богач.
 Несут его к могиле; стон и плач.
 И те, что знали о словах его,
 С другими провожали прах его.
 Вдруг шествие бродяга повстречал,
 На возвышенье влез и закричал
 (Да с эдакой насмешкой!): «Эй, народ!
 Какой вы клад несете из ворот?
 Что тащите, как муллы, на себе?
 Ведь он же волен был в своей судьбе!»

Газетные вральи кричат кругом:
 Народ свободен в выборе своем,
 Все люди в мире — братья меж собой,
 Они равны правами и судьбой.

Поистине правдивые слова!
Там налицо свободы и права!
Свобод и прав купца не перечтешь:
В любое время у купца кутеж.
Но в капиталистическом раю
И труженик имеет честь свою:
За ним есть право, только захоти,
Любое бремя выбрать и нести.

6

Еще из жизни Запада пример:
Я видел, стену красит инженер.
И мне подумалось: «Таких работ
На большее способный не берет!
Когда бы он свободно выбирал,
Работ малярных, верно бы, не брал!..
Здесь подлинно у золота вся власть,
К стопам его здесь должно всем припасть.
Тут золото, я вижу, божество,
И лучший нищим будет без него.
Пока не прибыл я в страну труда,
Со мной была такая же беда.
Позорный гнет! Повсюду он жесток,
Не все ль равно — Европа иль Восток?
Такой была когда-то жизнь моя,
Что я себя не проявлял как «я».
Но со Страной Советов слился я,
И тотчас я стал в самом деле «я».
Могу рабочим быть и сталь ковать,
Стать пахарем и пашню засеять,
Быть доктором и помощь подавать,
Поэтом быть и книги создавать,
Природу знанием одолевая,
Пасти стада иль руды открывать —
В моем свободном, светлом далеке
Желанный труд всегда в моей руке.
Еще скажу: там все — семья моя,
Все люди той страны — мои друзья.
Там я есмь «я», и все — одна семья,
Теперь я — двести миллионов «я»!
Слепцы, не находящие пути,
Который мог бы их, слепцов, спасти,

Лишь к золоту стремятся на земле,
Позабывают о добре и зле
И дьявольскую крутят карусель:
Злодейство путь, а золото — их цель!
Одним, посмотришь, лучший друг сражен,
Другие продают детей и жен,
Все копят, копят золота запас,
Чтоб он их мир от катастрофы спас!
Здесь мысль теряет аромат и цвет,
Искусств, наук едва мерцает свет.
Здесь, кто талантлив, нищего бедней!
Культура в муках — словно лани, ей
Фашистский меч подсек суставы ног.
Здесь вождь-борец в застенках изнемог,
Народная в тисках томится грудь.
Но срок настал. Пора ярмо стряхнуть!

Встань, народ! Насилие гоня,
Кипи, народ, как океан огня!
Рукой, зубами, пулею, мечом
Борись, народ, с фашистским палачом!
Восторжествуешь, трудовой народ, —
Твоя рука победный флаг взвѣет!»

Я сел в вагон, и смутно было мне.
Когда же красный флаг мелькнул в окне,
«Нет, — я подумал, — это сон! О нет,
Из дум моих возник багряный свет!»
Я присмотрелся: это был наш флаг,
Советской родины победный знак!
И на могучем стяге, всем в пример,
Сияло радостно: СССР.
И в жилах вновь горячей стала крови!
Вернулся я! На родине я вновь!

1935

530. КОРОНА И ЗНАМЯ

И Гив многодоблестный так возгласил:
«О храбрые витязи, полные сил!
Повержен наследник Кауса-царя,
Не стало царевича-богатыря.
На славном венце драгоценный сиял,
Весь — золото, жемчуг и пламенный лал,
Корона, что в мире величьем славна,
Туранцев добычею стать не должна.
А если б досталась корона врагам,
Бесславье на долю досталось бы нам».
И яростно вонны ринулась в бой,
Спасая наследный венец золотой.
И с каждым мгновением бой горячей,
И падают тяжело удары мечей.
Могучий Бахрам разъярился, как лев,
Летит, и разит, и, врага одолев,
Венец на копье подымает он вдруг.
Две рати стоят в изумленье вокруг.
Иранская рать ликования полна,
Короною вновь завладела она.

Из «Шах-наме» Фирдоуси

1

Вернулся он ночью, не спал и молчал
И матери так на-вопрос отвечал:
«О мать, не спрашивай, нужды в том нет:
Иль щек этих желтых не видишь ты цвет?
С бригадою я поражение узнал.
Отстав от друзей, огорченье узнал.
Могу ли уснуть, погружен в забытье,
Когда уж не бодрствует счастье мое?
И ночь победителям — день золотой,
И день отстающим — что ночь темной.
Ослабил я натиск в решительный час,
И знамя почета покинуло нас.
А силы довольно найдется во мне,
И сердце советское бьется во мне,
Так я ль уступлю этот стяг трудовой,
Стяг первенства алый — бригаде другой?
Когда-то, о мать, в нашем нищем краю,
Как львица за жизнь ты боролась мою.
Горючие слезы лила ты не раз,
И горькую чашу пила ты не раз.
Себя изнуряла тяжелым трудом,
Чтоб сила кипела во мне, молодом,

В труде и борьбе чтобы ярим я рос,
Могучим и стройным чинаром я рос.
Дни детства прошли, возмужал я теперь,
Широкая в жизнь открывается дверь.
Настали дни славы и доблестных дел,
А слава не слабым дается в удел.
Как в детстве моем, о любимая мать,
Придется тебе эти дни недоспать.
Ты час предрассветный душой угадай,
Встать раньше Орифа ты солнцу не дай.
У сладкого сна ты меня отыми,
Приди и с постели меня подыми.
Вскочу, сновидений отбросивши груз,
И вихрем в родные поля устремлюсь». —
А мать ему: «Полно, ступай отдохни
И думы тревожные прочь отгони.
Лишь кинется сумрак от солнца бежать,
Как воинством правым гонимая рать,
Тебя разбуду я и с вами в ряду
Сама комсомолкой работать пойду.
Дерзання и подвиги днем хороши,
Ночь — отдых для тела, покой для души».
Ориф отвечает: «Иного я ждал,
Горячего, смелого слова я ждал.
Покойную ты восхваляешь постель,
Меня ж призывает высокая цель.
Не сыщет покоя, кто горем сражен,
Ложись хоть на ложе пуховое он.
Я ныне хозяин земли и воды,
Труда своего пожиная плоды,
У нас устают, кто в труде отстает,
И лишь победивший покой обретет.
Здесь, в мире советском, мы зажили так,
Что труд наш покою — отец, а не враг.
Несет нам работа довольство и честь,
И ношу работы нам радостно несть.
Не партия ль к жизни вернула меня,
Великую силу вдохнула в меня?
Трудом ей ответить пришел мой черед, —
Ужель эта честь от меня ускользнет! ..»

Лишь ночь половину пути проплыла,
 И месяца лик занавесила мгла,
 С постели вскочил богатырь молодой.
 Он лоб освежил ледяною водой
 И стал растирать, протянув под струю,
 Могучую правую руку свою
 И так говорил ей: «Друг верный, рука,
 Была бы ты прежде рукой батрака!
 Тогда бы ты слабой и жалкой была,
 Обтянутой кожею палкой была,
 Кровь еле б струилась по жилам твоим,
 Работа была б не по силам твоим.
 Теперь сколько воли могучей в тебе
 И страсти немало кипучей в тебе!
 Как ветвь плодоносная стала теперь,
 Стальнойю назвать тебя мало теперь.
 Но можно ль гордиться могучей рукой,
 Коль подвиг она не свершит трудовой?»
 Так молвил и, двери тихонько открыв,
 Хотел уж отправиться в поле Ориф, —
 Тут мать заграждает дорогу ему,
 Увидя, что сын устремился во тьму,
 Упорно седая твердит об одном,
 Томима заботой о сыне родном,
 Но сын отвечает: «Позволь мне пройти,
 К победе преградой не стой на пути.
 Не ты ль говорила: свистела здесь плеть,
 Дехкана давили дворец и мечеть,
 Земля в старину, говорила ты мне,
 Сидела верхом на дехканской спине, —
 Победно мы землю сумели взнудать,
 Владыками жизни сумели мы стать.
 Сама принесла ты из прошлого весть, —
 Всю тяжесть ярма приходилось нам несть.
 Стояли враги за плечами у нас,
 И черен был мир пред очами у нас.
 Смотри: наша доля светла и нова;
 Как солнце, весь мир озаряет Москва.
 Аллаха, эмира врагам не вернуть,
 Один только путь у нас — ленинский путь.
 Что ж в битве труда поражение терплю?
 Иль милую родину я не люблю?

Печальное сердце иду оживлять,
Отбитое знамя добуду опять!»
Так молвил и молнией ринулся прочь,
И скрыла его непроглядная ночь.

3

Земная поверхность агата черней,
Созвездьями хлопок мерцает на ней.
На поле ночное примчался герой,
Средь моря хлопчатника встал он горой.
Рукав засучил и кушак подвязал,
И — диво — огонь хлопкосборщиком стал.
Вперед, по белеющим смутно рядам,
Несется Ориф, наклоняясь к кустам,
Одну полновесную горсть за другой
Кидает в свой фартук проворной рукой.
Сказал бы ты: с неба ночного чредой
Путь Млечный роняет звезду за звездой.
Дремала земля, всё молчало вокруг —
Вдруг смутный Орифу послышался звук.
Подумал он: «Волк иль иной это зверь?
Кто на поле вздумал забраться теперь?»
Неслышные сзади подкрались шаги...
То две, то четыре ступало ноги.
То хищник свирепый породы людской
Нарушить пришел предрассветный покой.
Мотыгой взмахнул он, готовясь до плеч
Орифову голову ею рассечь.
Мгновенье, и рухнул бы наш пахлаван,
И брызнул бы наземь кровавый фонтан.
Но юноша ловок и бдителен был,
В борьбе не одной победителем был.
И руку злодея Орифа рука
Успела сдавить, как железо крепка.
И в единоборстве два тела сплелись,
И пыли столбы над землей поднялись.
То этот ударом того сокрушал,
То этого тот кулаком оглушал.
То этот противника гнал пред собой,
То этого гнул под собою другой.
То недруга на землю этот кидал,
То в ярости тот на врага наседал.
И вот уже каждый из них изнемог,

Во рту у них кровь, на ресницах песок.
Все в клочьях, одежды повисли у них,
Слабеют, мешаются мысли у них.
Вдруг издали песня в тиши донеслась.
И юноша духом воспрянул тотчас.
На счастье бригада его, подоспев,
Спешила в поля под веселый напев:

«Дружно весна восстала,
Войско зимы бежало,
Вышел отряд колхозный,
Сева пришло начало.

Урун-Биби, мастерица,
Дело у ней спорится,
Би-Ханифа как львица,
Первой ей быть пристало.

Хмурия лоб деловитый,
Черной косой обвитый,
В наши ряды, взгляни ты,
Друг-ударница стала.

Воду вручив достойной,
Мы за полив спокойны:
Тополем гибким, стройным
Яр у арыка встала.

Звал нас Орифа голос,
Дружно звено боролось, —
Грудь земли расколосась,
Нам цветок даровала.

Хлопок — отец одежды,
Белый бутон надежды,
Золотом белоснежным
В наших руках засверкал он!

В поле, товарищ смелый!
Жарче возьми за дело.
В шкуре овечки белой
Бая узнай — шакала.

Встань, рукава засучи ты,
Злого врага проучи ты.
Баи будут разбиты —
Время побед настало».

Всё близилась песня, звучала ясней,
И множились силы Орифовы с ней,
Всё больше отваги вливалось в него,
Всё крепче он верил в свое торжество.
В холодном поту, слыша гибели шаг,
Всё яростней бился неистовый враг.
Напрягся Ориф, львиный рык испустил,
Он поднял убийцу и наземь свалил,
И тотчас, ему не давая вздохнуть,
Как сокол, уселся злодею на грудь.
И вот уж друзья окружают его,
Враг связан, в сердцах у дехкан торжество.
Тут время заре подошло заалеть,
И вражье лицо все смогли разглядеть.
Узнали оскал ненавистный, чужой,
Шакала, что звался Султаном-Ходжой.
Врага перед всеми открылся позор:
Глубокою ночью он крался, как вор,
Он хлопок колхозный пришел погубить,
Во тьме бригадира пытался убить.
Узнали бандита герои труда:
Касым именитый и Улуг-зода,
Урун, Ханифа и Ходжа-Мухаммад,
Отважный Шукур и могучий Пулад,
Сказали они: «Это лютый наш враг,
Он старые дни не забудет никак.
И вы не забыли, Халик и Нияз,
Как он избивал вас плетями не раз.
Батрацкие руки всё помнят, как он
Их труд пожирал, ненасытный дракон.
Не вырвать нам память из наших сердец:
Он волком был, мы же — отарой овец.
Но час долгожданный расплаты настал,
Попался к нам в сети трусливый шакал.
Будь славен, могучий и смелый Ориф!
Тобой обезврежен злокозненный див.
Теперь мы злодея суду предадим,
Пусть носится прах его, ветром гоним».
При этих речах солнце факел зажгло
И знамя багряное ввысь вознесло.
Высоким судом стало небо тогда,
И солнце взошло на трибуну суда.

Молва между тем поспешила разнести
 По всем кишлакам о случившемся весть.
 И символом стало измены и лжи
 Презренное имя Султана-Ходжи.
 Как будто цветок мотыльков хоровод,
 Орифа тотчас окружает народ,
 Все слово привета бросают ему,
 Подруги лицо омывают ему. . .
 Но что там за люди, смотри, в стороне
 Растерянно, молча стоят как во сне?
 Им всё еще смутен в грядущее путь,
 Им змеи сомненья впиваются в грудь.
 Ушедшая жизнь — безнадежна она,
 А новая им до сих пор не ясна.
 В том дружном кипенье и гуле они
 Тяжелым раздумьем объаты одни.
 Насир между ними, в нем чувства бурлят,
 Ты скажешь, два сердца в нем бьются не в лад.
 В одном — суеверий, обычаев лом,
 И Ленина мудрое слово в другом.
 Насира друзья обступили толпой
 И с речью к нему обратились такой:
 «Будь с нами, друзей от себя не гони,
 Настали единства и стойкости дни.
 Врагов и друзей распознать уж пора,
 Уметь отличать шелуху от ядра.
 Ты труженик честный, товарищ нам всем,
 Зачем же стоишь неподвижен и нем?
 Довольно блуждать на распутье, старик!
 Ты с нами иль с ними? Скажи напрямик!»
 Дрогнул Насир и в ответ говорит:
 «Сердце стыдом нестерпимым горит.
 Стыдно и горько мне вспомнить о том,
 Как я обманут был хитрым врагом.
 Словно прозревши, теперь я гляжу
 На негодяя Султана-Ходжу.
 Как вам в глаза посмотрю я, друзья?
 Я и другие невежды, как я,
 Мимо колхоза шагами слепцов
 Шли — не слышали нового зов.
 Спали мы, час пробужденья настал,

Час отмести заблужденья настал.
Волк ненасытный, твой час наступил.
Крови ты нашей довольно испил.
Старое мы похороним с тобой,
Землю распашем для жизни другой». —
Так молвил Насир и, душой закипев,
Метнулся на бая, как яростный лев.
За ним и другие. Толкала их месть
Тотчас на куски лиходея разнести.
Дехкане, спеша удержать земляков,
Сказали: «Обычай у нас не таков.
Не звери же мы, не убийцы, как он.
Его покарает советский закон.
Что проку шуметь и толпиться нам тут!
Пойдем и доставим преступника в суд...»

5

День ясный настал после бури ночной,
Наполнив людские сердца тишиной.
Ряды боевые сомкнуло тогда
Колхозное племя на фронте труда.
К бригаде своей устремился Ориф.
К собратьям-ударникам взгляд обратив,
Промолвил он: «К вам мое слово, друзья,
Отважных, умелых и стойких семья!

Мы с первых шагов большевистской весны
Искусством и силою были славны.
Теперь наше знамя покинуло нас,
И сердце томится, заботой крушась.
С имен наших доблести сорван венец,
Начала такой недостойн конец.
За дело, друзья, перевыполним план!
Пусть, глядя, беснуется вражеский стан.
Доколь отставать нам в боях трудовых?
Все шесть перегоним бригад остальных!
Догнав, мы поможем отставшим друзьям,
Чтоб цвести изобильней колхозным полям.
А кто пробирается исподтишка
Дорогою бая, тропой кулака,
Того беспощадно мы выгоним вон,
И будет изменник навек посрамлен».
Так много в том поле склонилось голов,

Так много алело девичьих платков,
 Что издали не различил бы твой взор:
 То хлопка поля иль тюльпанов ковер?
 Когда ж подойдешь ты и глянешь вокруг
 На эти движенья мелькающих рук,
 Подумаешь: как петухи всё равно,
 Проворно с земли подбирают зерно.
 Коль тополь нагнется к земле и потом
 Расправится, отягощен серебром,
 Он девушке будет подобен в тот час,
 Что хлопок собирает, к кустам наклонясь.
 Немало прелестных живых тополей
 Так низко сгибалось по воле своей.
 Немало там сборщиц трудилось везде,
 Что в пеньё — как птицы, как буря —
в труде.

В передниках хлопок и косы над ним, —
 То мускус смешался со снегом сухим,
 Летит по одетым порошей полям
 Веселая песенка сборщиц «Салам»:
 «Эй, рабочие фабричные, салам!
 Братья дальние, столичные, салам!
 Мы, товарищи, сердцами к вам летим,
 Белым золотом осыпать вас хотим.
 Как отраден хлопок белый, чистый нам.
 Счастье хлопок принесет пушистый нам.
 Наше солнце электрическое — он.
 Наша книга ученическая — он.
 Он и трактором плуги потянет нам,
 Он и пушкой на защиту станет нам.
 В чистом доме новоселье — от него,
 Труд, учење и веселье — от него,
 Так лети ж, лети в мой фартук, хлопок-джан!
 Станешь платьем, обовьешь мой гибкий стан.
 Слышишь песенку призывную гудков?
 Ждут нас братья у машин и у станков.
 Ни на миг того нельзя нам позабыть,
 Что должна бригада наша победить.
 Вместо нормы соберем сегодня три
 Мы, колхозного труда богатыри.
 Под песенку эту быстрее рука
 Мелькала у юноши и старика,
 Кипение в каждом и в каждом порыв.
 Так кто же из всех, утомлен и счастлив,

Здесь мяч трудовых перехватит побед?
Из чаши победы кто выпьет шербет?
С любовью и жаром работали там,
Казалось, и хлопок сверкающий сам
Был жарким дыханьем любви оживлен,
Сам в руки летел из коробочек он.
Веселое время последних трудов!
Последние хлопья собрали с кустов.
И встал, как полярник, снега покорив,
На белой горе победитель — Ориф.

6

Арычной водою земля полита,
И даль, озаренная солнцем, чиста.
На луг у подножия горной гряды
Народ собрался. Комсомольцев ряды,
Ряды пионеров. Ликующий гам.
Веселая песня летит по рядам.
Бригада вокруг вожака собралась,
Мать смотрит на сына, улыбкой светясь.
Гостям городским рукоплещет народ,
Посланец от партии слово берет:

«Вам я принес большевистский салам,
Вам, урожая большим мастерам!
Здесь поработали мал и велик,
Сын — пионер и отец — большевик.
Вел тут задор комсомольских ребят,
Девушек тут отличался отряд.
Женщины в день, не жалея трудов,
Хлопка по шесть собирали пудов.
Не было года обильней, пышней,
Вам за труды и заботы о ней
Щедрая земля приготовила дар —
Сто тридцать центнеров дал вам гектар.
Чтоб не стоять без движенья станкам,
Чтобы не кланялись мы чужакам,
Силы и знания свои соберем —
Хлопок взрастим на просторе родном.
Нашего белого золота всход
Золото желтое нам сбережет.
Много тут славных геройских имен
Гордостью нынешних стали времен.

Каждый здесь долю немалую внес,
Каждый горою стоял за колхоз,
Всё же, друзья, нам признаться не грех —
Опередили орифовцы всех,
Знамя труда выше всех вознесли.
Что же вы скромно стоите вдали?
Вы победили в великой борьбе, —
Славное знамя возьмите себе!»

Крепко он юношу обнял. Тотчас
Громкими криками тишь взорвалась:
«Слава желанному стягу побед!
Краю, счастливей которого нет!»
Вдаль понеслись, серебром зазвенев,
Русская песня, таджикский напев.
В пляске красавицы, взор веселя,
Зыблются, словно в саду тополя.
Юноши, те, что в рабочие дни
В мощном напоре лавине сродни,
Здесь, в этом круге срывающих лиц,
Стали вдруг легче порхающих птиц. . .
Так веселился там каждый герой,
Подвиг уже замышляя другой.

7

Дела, что поведал нам слова титан,
Кем тысячелетье гордится Иран,
Кто миру сберег самоцветы легенд,
Не здесь ли свершились, у гор Хамовенд?
Коль верить поэту, на этих полях
Упала корона царевича в прах.
И тысячи пали бойцов из-за той
Наследной короны его золотой.
Текла здесь дымящейся крови река,
Чтоб поднят был царский венец из песка.
Сегодня ж на месте, где витязь Бахром
Стоял, воздымая корону копьём,
Стоит, торжествуя, колхозник Ориф,
Пурпуровым стягом друзей осенив.
Здесь шли из-за расы, богов, языка
Народы сражаться в былые века,
Иранец туранца, как пса, презирал,
Туранец иранца, как волк, раздирал.

Во имя корысти царей и купцов
Теряла здесь мать сыновей-удальцов.
Тот край угнетенья, насилья и мук
Стал краем цветенья труда и наук,
Стал родиной нежно любимой для нас,
Стал школою братства народов и рас.
Не кровью багряною в эти лета,
Тут золотом белым земля залита.
Так писано миру всему на роду,
Народам на радость, врагам на беду:
Везде обновятся сердца и поля
И станет отечеством счастья земля.

1935

Москва

531. ДВА ОРДЕНА

1

1908—1909

Решт притихший всколыхнулся весь:
От повстанцев о победе весть.
Мост Менджиль под войском не дрожит,
На Казвин пред нами путь открыт.
Счастья ночь сменила горя дни,
Всюду в бубны бьют и жгут огни,
Сельский, городской толпится люд,
Торжествуют, пляшут и поют.
Но недолго ликовал народ,
Снова тяжкий страх сковал народ.
Покатился в бездну ночи див,
С синего коня луну стащив;
В небе волк зари кроваво-ал,
Разлучая звезды, пробежал;
Солнце сотней огненных клинков
Пронизало груди облаков.
В этот час умолк веселья звон,
Ожил грохот боевых колонн.
Но не шаха шли на нас войска—
Нам грозила наша же рука.
Стало у повстанцев с той зари
Вместо армии единой — три.

Словно злой колдун в проклятый час
На три лагеря раскинул нас.

Иноземных много пришлецов
С нами вместе шло в рядах борцов.
Турок, курд, иранец, армянин —
Дружно все сражались как один.
Но клеветы шаха и царя,
На повстанцев злобою горя,
В их удаче видя смерть свою,
Мысля гибель им принести в бою,
Стали втайне против турок там
В уши петь Гиляна сыновьям:
«Турок враг иранцу искони,
Не забыл он Чингисхана дни.
Грабит он народ иранских сел.
Слышали? Теленка турок свел,
Этот в лавке учинил скандал,
Тот за баню ни гроша не дал.
Стерегите турка каждый шаг!
Всех врагов страшней — домашний враг.
Если нам накинёт он аркан,
Распростится с волей наш Иран!»
Про армян они твердили нам:
«Ненавистен им святой ислам.
Что держать в повстанческих полках
Псов неверных с ружьями в руках?»
Те же слуги шаха и царя,
Об иранцах туркам говоря,
Злые распаляли в них мечты
Медом лести, ядом клеветы:
«Постыдись! Тебе ль, Чингиса рать,
Племя это жалкое под стать?
Честь вам надо львиную беречь,
В их руках — перо, но в ваших — меч.
Лишь поддайтесь хитрым ирани,
Вырвут меч из ваших рук они,
Руки ваши свяжут и гуськом
Поведут, как пленников, пешком.
Во главе борьбы иранцу ль быть?
Власть иранцев туркам ли сносить?
Штык теперь вам нужен — не слова.
Пусть узнают, кто из вас глава!»

Средь иранцев, турок и армян
Наущений вражьих полз дурман.
На три армии Гилян разбит,
Три с одним названьем — муджахид.
Клеветник шныряет там и тут,
Слухи, брань и злоба вслед ползут.
Спит базар, лица на людях нет,
Словно в траур город весь одет.

Обезумел я от этих дней,
Позабыл о голове своей.
Что кричал, как звал — не помню я,
Но со мною вспыхнули друзья.

Кинули винтовки, шапки прочь,
Ото дня не отличая ночь,
Стан повстанцев обходили мы,
Обнимали, слезы лили мы,
Говоря:

«Не время враждовать!
За плечами вражеская рать.
Нам не то

закон борьбы велит,
Шаху счастье
наш разлад сулит.

Мы —
борцы за трудовой народ,
Мы —
рабочих и крестьян оплот.

Нам ли тут
сражаться меж собой,
Помогать врагу своей рукой?
Родина от нас
спасенья ждет,

Помощи,
освобожденья ждет.

Мы же длим бессмысленный раздор,
Ей готовим
рабство и позор.

Если против братьев кто-нибудь
Заронил сомненье в вашу грудь —
Знайτε,
это сеть нам стелет так

Гул стоит

на площади большой
Залита Майдан Сафи толпой.
В этот день весь город пустовал:
Собрались на праздник стар и мал.
Пехотинцы, конный наш отряд
Стройно под знаменами стоят.
Посреди Майдана двое нас,
Братьев духом, хоть и разных рас.
Черен друг мой (к нам в Иран судьба
Занесла отца его — раба).
Вздрогнул я, когда услышал вдруг
Издали медный рокот труб.
Показались всадники вдали,
Двое знамя красное несли.
Перс один был, турок был второй.
Их приветом дружным встретил строй.
Звонче конский цокот по камням,
Ближе, ближе командиры к нам.
Подскакали.

Стали в трех шагах.

Ордена блестели в их руках.
И слова среди чуткой тишины
Прозвучали, гулки и ясны:

«Вам,

поднявшим единенья стяг,

Вам —

высокий Саттар-хана знак,
Знак, которого почетней нет, —
Орден Революции.

Привет!»

Наклонились всадники с коней,

Миг —

и орден на груди моей.
Где ты, друг орденоносный мой?
Помнишь ли тот знак, душе родной?
Накрест обнаженных два клинка,
Посреди — с винтовкою рука,
Выше, там, где стяга алый фон,
Смелый Саттар-хан изображен.
Орден тот работы был ручной,
Мог раздавлен быть рукой одной,
Но хоть весь он был картон и жесть —

Воплощал он
 мужество и честь.
Мне кусочек жести с той поры
Стал дороже
 золотой горы.

В черный день, когда победа там
В руки к шахским перешла войскам,
Этот знак, бесценный, как душа,
Снял с груди я, в дальний путь спеша.
В саван из листовок положил
И под дубом старым схоронил.

2

1935—1936

В залах пролетарского дворца
Свет и стройность веселят сердца.
Там сегодня с утренних часов
Полон воздух гула голосов.
Там семи республик,

 ста племен
Люди собрались со всех сторон.
Что за люди? —

 Лучшие борцы.

Что за люди? —

 Славные творцы.

Отдавать вождю отчет туда
Прибыли герои — цвет труда.
Потекла беседа. Сотни лет
Не сотрется той беседы след.

Точно трель, что сыплет соловей
Над весенней розою своей,
Девичьи раздались голоса:
«Край наш

 словно роща и леса,
Буйно он и вширь и ввысь растет.
Как в цвету деревья —

 наш народ.

Этот лес одели мы листвою,
Солнцем нас зовите и весной!

Это мы
в полях и за станком
Службу солнца и весны несем.
Лист весной родится свеж и чист,
И окрашен солнцем каждый лист, —
Так в руках подруги
хлопок мой
Тканью станет
солнечно-цветной!»
— «Я, колхозница,
ткачихе друг,
Мы для родины, как пара рук.
Эти руки быстры и легки,
Им послушны трактор и станки.
Их еще мы сделаем быстрее
Для защиты
родины своей».

Девушек сменил герой другой —
Пролетарского Баку герой.
Молвил он:
«Мы — ленинцев семья,
До глубин подвластна нам земля.
Сердце ей сжимая вновь и вновь,
Черную
наверх мы гоним кровь.
Заливает
эта чернота
Морем света
села, города.
Тело жизнь из алой крови пьет —
Кровью черной
родина живет.
Страстная бурлит во мне мечта,
Ею грудь до края налита,
Чтоб по жилам родины моей
Кровь неслась обильней и быстрее,
Чтобы пламенный,
могучий дух,
В ней горя,
веки не потух».
Третий молвил:
«Чудо я свершил —
Телу родины прибавил жил.

Был и ты.

Открой нам подвиг свой».
 Вот рассказ мой: как-то поутру
 Из Москвы я прибыл в Бухару.
 В те года средь дальних горных сел
 С басмачами

бой упорный шел.
 Край таджиков весь в огне пылал,
 Каждый камень был от крови ал.
 Вижу: Бухары закрыт порог,
 Кроме неба, нет иных дорог.
 Сотня караванов там стоит,
 Рвутся в путь,

но путь для всех закрыт.
 Я добыл стальную пару крыл,
 Стал орлом и в поднебесье взмыл.
 Порываясь к делу и борьбе,
 Прилетел я в город Душанбе.
 Среди гор

звучал победный шаг
 Красных.

Отступал разбитый враг.
 Из басмачьей вырвавшись руки,
 На ноги вставали кишлаки.
 Но еще

преград был полон путь,
 Время не настало отдохнуть.

Был один противник покорен, —
 Враг иной теснил со всех сторон,
 Старый враг, непримиримый враг —
 Суеверье,

фанатизм и мрак.
 Вечно ум бесхитростных дехкан
 Был тоской и страхом обуян.
 Лицемерны, мстительны и злы,
 День и ночь твердили им муллы:
 «В судный день за каждый ваш порок
 Милости испросит вам пророк.
 Не страшны злодейство и разврат, —
 Знайте, лишь неверья страшен яд.
 Грех роптать!

Во всех своих делах
 Мудр аллах, непогрешим аллах.

Здесь и там сидел в засаде враг,
Нас встречая тысячей атак.
Но напрасно лил он злобы яд —
Не вернуло нас ничто назад.
Нам на всем пути суровом том
Партия твоя была щитом.
Помнишь ли
 былой таджикский край?

Пышно зрел там горя урожай,
А теперь, всех лучше знаешь ты,
Счастьем там

 колосья налиты.
Сто примеров рвутся на уста,
Но довольно одного из ста:
Девочка одиннадцати лет,
В чьих глазах я вижу счастья свет,
В чьих устах отважные слова,
Чья полна познаний голова,
Сталинский тебе вручила том —
«Ленинизм» на языке родном.
Хоть двенадцатый всего ей год,
Тысячи таких

 взрастил народ.
Братьями,
 забыв вражду и плен,
Зажили таджик, узбек, туркмен,
И к себе их стран свободный ряд
Приковал
 всего Востока взгляд».

Кончил я.
 На эти речи зал
Громом одобренья отвечал.
Встал Советов избранный глава,
Зазвучали мудрые слова.
Награжден Калинина рукой,
За героем проходил герой.
И меня приветом он почтил,
Орден Ленина

 и мне вручил.
И со мною рядом мастера
Тюркского, армянского пера
Ликовали, как и я, душой,
Осиянные

 наградой той.

И припомнил я далекий Решт,
Дни былых боев, былых надежд.
Друга взгляд и речи вспомнил я,
Знак недолговечный вспомнил я.
«Вот, — сказал я, — несравненный знак,
Революции

нетленный знак!

Будущее мыслью вижу я,
Но дожить хотел бы сам до дня,
Как орлиным осенит крылом
Революция

весь мир кругом.

Верю я: под старый дуб тогда
Приведет меня моя звезда. . .»
Пред глазами орден тот стоял,
Орден этот на груди сиял,
Узнавали всюду славный знак. . .
Тихо до дому дошел я так.
Сын двухлетний дома ждал меня, —
Век того не позабуду дня! —
Сын (по имени Делир — «герой»)
Тут мне словно орден дал второй.
Засмеялся радостно, сказал;
«Ленин!» —

и рукою показал.

Февраль 1936

532. МОЯ ПОВЕСТЬ

ВСТУПЛЕНИЕ

Моим детям

Хотите, дети, слышать мой дастан?
Есть под высоким этим небосводом
Богатый край, несчастный край — Иран.

Он кровью омывался год за годом,
Но не однажды мир дивил своим
Отважным, несгибаемым народом.

С древнейших лет в труде неутомим,
В истории земли блистая славой,
Он седобров, и юноок, и чтим.

Он горд не царской поступью кровавой,
Нет, стяг Ковы; Маздака смелый зов,
Того, кто пал за волю в битве правой,

Меч внукам завещав из тьмы веков;
Огонь Рустама в каждом партизана,
Что грудью заслонял родимый кров;

О храбреце, родившемся в Кермане,
Немеркнущая память, и о нем,
Вожде свободы, храбром Саттар-хане;

Слух о бессмертном мужестве твоём,
Друг Эрани, — вот чем иранец может
Гордиться, что ценить в краю своём.

Там всё многообразно, всё несхоже:
В одном конце замерзнешь без овчин,
В другом от зноя трескается кожа.

Пленяет взоры ширь его долин,
Сердца животворит лугов цветенье,
И мощный взлет седых его вершин,

И рек его стремительных теченье.
Какая мать рождает трижды в год?
А там земля, где земледельца рвенье

Сбирать могло бы трижды тучный плод.
Садов плоды румяны и душисты,
И не уснешь там ночи напролет

От соловьиной трели серебристой. . .
Но такова, увы, не вся страна.
В безмолвие пустыни углубись ты —

Там всё, сгорая, жаждет издавна
Людского вдохновенного дерзанья,
Каким волшебным так воскрешена

Иная степь в стране труда и знанья. . .
О людях что скажу я? С давних дней
Молва бежит по свету об Иране,

Что светел нрав его простых людей.
Верны они, приветливы, радушны;
Ислам зовут религией своей,

А сами, как язычник простодушный,
Поэзии кумир глубоко чтут
И, совести велению послушны,

Другим народам дружбу в дар несут.
Меж розами там скрытых змей немало,
Но я о тех пою, чей славен труд.

Да, знаю, им на долю рабство пало,
Их придавили горы бед и зол,
Их родина чужой добычей стала,

Но палачей заморских произвол
Сметут они. Займетса день свободы
Для тружеников городов и сел. . .

Из края славного того я родом,
Там матерью моей рожден на свет,
Сын благородного того народа,

И гордости для сердца выше нет.

1937

533. СКАЗАНИЕ О МАРДИСТАНЕ

Двадцати восьми гвардейцам-панфиловцам, павшим смертью героев под Москвой в 1941 году.

1

Слышал я, было встарь в одной из стран
Селенье небольшое Мардистан.
Не старясь от годов, еще в расцвете
Там жили женщины и с ними дети.
Любая среди жен того села
Другую мужним именем звала:

С почтением звала женою Сама,
Женой Сангина иль женой Бахрама. . .

Вблизи села, под ясной синевою
Тенистый, стройный лес шумел листвою,
Там подымались кедры и платаны,
И кипарисы — что красавиц станы.
Куда ни глянешь, статуя стоит:
Здесь бронза, дальше мрамор иль гранит.
То были всё мужей изображенья,
Недавних обитателей селенья.
И каждый памятник со всех сторон
Был цветником отрадным окружен.
Там песни соловьиные звучали
И розы в лад головками качали. . .
Обычай был у жен деревни той:
В день всем известный, каждую весной,
У них дымились очаги до света,
Готовились и яства, и шербеты.
Набрав в корзины дичи и приправ
И щедро детям лакомства раздав,
Концы ногтей окрасив хною алой,
Обрызгав косы амброй из фиала,
Сурьмой отметив брови красоту,
Одеты в шелк и нежную тафту,
Со звонким сазом, бубном и свирелью,
Предавшись беззаботному веселью,
Они, с собой нарядных взяв детей,
К заветной роще шли деревней всей.

И каждая там, памятник целуя,
Кудрей склоняла смоляные струи
И с мужем, недвижимым и немым,
Усаживалась рядом, как с живым.
Слова любви твердила, как бывало,
И пела для него, как встарь певала,
И речь неторопливую вела
Про все заботы дома и села.
Припоминала верная подруга
Всю доброту любимого супруга,
И рвался из груди невольный стон,
И взор темнел, слезами увлажнен.
Припоминала подвиг, полный славы,
Плоды его отваги величавой.

«Ты вечно жив, — шептала, — храбрый друг!
Ты гордость наша, сила наших рук! . . .»
И сразу слезы вдовьи высохали,
И щеки алы вновь, и нет печали.

2

В один из дней подобных в Мардистан
Явился путник из далеких стран.
Глядит вокруг: на улицах селенья
Тишь, пустота, ни слова, ни движенья.
Прошел деревню вдоль и поперек,
Живой души нигде найти не смог.
Невольно тем безлюдием встревожен,
«Здесь есть ли кто живой?» — вскричал
прохожий.

На голос этот из одних дверей
Вдруг показалась, мертвеца бледней,
Вся в черном, женщина. Грустна, согбенна,
Как будто всей обижена вселенной,
Как ветвь без листьев, руку подняла,
Путь указала к лесу и ушла.

Дошел до рощи путник изумленный.
Увидев женщин, круг их оживленный,
В недоуменье вопрошает он:
Чему их дружный праздник посвящен?
И кто таков тот призрак одинокий,
Весь в черном, полный горести глубокой?
И Мардистаном отчего зовут
Село, где только женщины живут?

Услышал он рассказ про подвиг славный:
«Наш край подвергся бедствию недавно,
На нас напала чужеземцев рать,
Задумав край цветущий растоптать.
И стали нашего села мужчины
Преградой первой на пути лавины.
Никто склонить колен не пожелал,
Никто отдаться в плен не пожелал,
Принять неравный бой решил каждый,
И ста врагов не устранил каждый.
И дорого мужчины жизнь свою
Все продали в неслыханном бою.

Увидели герои, погибая:
Примчалась грозно армия родная...
Отчизна вскоре в огненных боях
Развеела по ветру вражий прах.
Так малая деревни нашей сила
Ключи победы родине вручила...

Но муж один меча не удержал,
Трусливо с поля битвы он бежал;
То был супруг — загадку я раскрою —
Печальной тени, виденной тобою.
Позорной вестью той удручена,
В глубокий траур облеклась она,
Сказав подругам: «В счастье вы живите,
Меня же с этих пор вдовой зовите».
И трус попал при жизни в мертвецы,
Но вечно живы наши храбрецы.
Поныне имена супругов с нами,
Гордимся мы героев именами.
Из всех безмужних этих жен одна
Вдовеет — малодушного жена.
Лишь у нее отца не знают дети,
И тяжело на белый свет глядеть ей...
Теперь ты знаешь, отчего народ
Селенье наше «Мардистан» зовет».

Едва умолкнуть женщина успела,
Движеньем, шумом роща закипела,
Плескался флаг, бил звонкий барабан...
Отечество прислало караван.
Из городов окрестных и селений
Горячим словом, с грудой приношений,
Сограждане приветствовать пришли
Очаг победы, славу всей земли.
Они, детей отцов неустрашимых
Лаская, говорили: «Мы взрастим их.
Они такими станут, как отцы:
Из них герои вырастут, борцы...»
Запели снова сазы и свирели,
О мужестве, о жизни люди пели...
Потом, когда спустился мрак ночной,
С героями простясь, ушли домой.
А путник тот в Иране и в Туране
О доблестном поведал Мардистане.

Песнь эта — сердца кровь и сок души,
 Я спел ее во славу дел больших,
 Во славу дел богатырей советских,
 Что бились насмерть против орд немецких,
 И что в боях за честь родной земли
 Бессмертие навеки обрели.

1942

Душанбе

534. ПЕРИ СЧАСТЬЯ

ПРОЛОГ

Люди, которым летней порой
 Случалось заехать в город мой,
 Знают обычай сограждан моих
 Ночь проводить на крышах своих.
 На колышках всюду, куда ни глянь,
 Цветная вокруг постелей ткань,
 Лампы сквозь эти завесы блестят,
 Темные крыши светом кропят.
 Небо вверху, где звездный прах,
 И небо внизу, в цветных огнях. . .
 Полные горя тянулись дни,
 Нуждой и страданьем дышали они,
 Зато расцветенный покров блистал,
 Накинутый ночью на нищий квартал.
 И натрудившийся за день люд,
 Вернувшись домой, в свой бедный приют,
 В себе еще достаточно сил,
 Чтоб горькую жизнь забыть, находил.
 Чтоб едко высмеять богачей,
 И петь, и сыпать солью речей. . .
 Еще томительный день прошел,
 Соседей моих по домам развел.
 В дом богача взгляни, — найдешь
 Пьянство, обжорство, кости, картеж,
 А в бедном домишке вся семья
 Хлопочет на ровной кровле жилья:
 Сегодня этому дому черед
 Для вечерней беседы собрать народ.
 Крыша подметена, полита,
 И дружная там идет суета.

Соседи хозяев, стар и мал,
Кучи паласов, ковров, одеял,
Со смехом, со всех сторон волокут
И стелют на крыше там и тут.
Лишь мрак успеет город облечь,
Готово: пылает десяток свеч.
Из ближних домов, с фонарями в руках,
С ужином скудным в узелках,
Сходятся люди, садятся плотней
Вокруг разостланных скатертей.
Ужин окончен, смолкает народ,
И старый сказитель сказку ведет.
У всех, кто внимает ему, гляди:
Дыхание замирает в груди.
Когда пахлаван, той сказки герой,
От дэва удар получает порой,
Гневные вздохи проклятья врагу
Бурей проносятся в том кругу.
Слушают снова, сомкнув уста,
Хоть яростью каждая грудь налита. . .
Когда же любимый народом герой
Дэву наносит удар роковой —
Клик одобренья тогда звенит,
Взлетая, кажется, в самый зенит.
Сказителя благодарят за рассказ,
Вручая гостинцев заветный запас,
Стихает на крыше: гости — домой;
Свечи гаснут одна за другой.
Но долго еще на кровлях не спят,
О пахлаване своем говорят. . .
Года над моей головой протекли,
Пока я достиг Советской земли, —
Единственной в мире, где человек
От Дэва Гнета избавлен навек.
Здесь явью та сила, та слава цветет,
Что видел только в мечтах мой народ.
И вот недавно себе, друзья,
Справедливое слово промолвил я:
Если о сказочных богатырях
Столько твердили в моих краях,
То вы, пахлаваны Советской страны,
Кем полчища гнета впрямь сметены, —
Вы не достойней ли, чтоб о вас
Народы слагали волшебный сказ?

П е р и

Люди уйдут из твоих цепей:
В дружбе они со мною, злодей!
Слышишь? Зовут они: «Пери Счастья!»

Д э в

Да! У лживых надежд во власти!
Тотчас тебя я перехвачу
И в тесную клетку навек заточу!

Прянул на Пери с пеною гнева
Дэв, нападая справа и слева;
Как ни старалась она ускользнуть,
Яростный Дэв преграждал ей путь:
Если взвивалась в небо — над нею
Дэв потолком простирался, рея;
Прямо лететь пыталась она —
Крыльев пред ней вставала стена.
Воздух наполнили в горной сфере
Дэва рычанье и зовы Пери.
Прочие дэвы и пери вмиг
Им помогать слетелись на крик.
Сражались пери, страха не зная, —
Но пересилила вражья стая;
Дэвы разбили и гнали их,
Точно драконы терзали их.
Пери Счастья одна осталась,
Снова с Дэвом Гнета сражалась;
Бой был жесток, и Дэв победил,
Наземь Пери свалив без сил.
В землю жезлом он стукнул, свирепый,
Яма разверзлась — подобье склепа;
Стукнул он вновь, и силою чар
Клетку железную вызвал удар.
Пленницей Пери Счастья повлек он;
В клетку швырнув ее, запер замок он,
Клетку семью цепями обвил
И на весу в провал опустил.

ГЛАВА I

Есть на земле горный пик могучий,
Чья вершина уходит в тучи.
Мнится: земля лежит на спине,
Руку заботливо вздев к вышине:

Твердь подпирая, чтоб не свалилась,
Не придавила, не раздробилась;
Или: небо-гимнаст над землей
На руку встало вниз головой.
Всюду кругом, сколько видят взоры,
Нагромоздились другие горы. . .
Мастер-художник, глядя в упор,
Твереньям строгий ведет отбор;
Лучшее выбрав, ставит повыше
В самой видной на выставке нише, —
Гордо являя взорам людей
Блеск и величье работы своей.
Так и Природа, мастер великий,
В мире ваяя бездны и пики,
Выделила, ты скажешь, Памир,
Им осеняя весь прочий мир,
Чтобы твореньем этим гордиться,
Чтобы в величье властном явиться!
Как больно сердцу от мысли той,
Что средь природы мощной такой
Темные, тесные норы были,
Что в сердце камня люди там жили,
И, вдалеке от светлых жилищ,
Каждый был голоден, наг и нищ! . .
Вдали от поселка, в горном ущелье,
На камне сидел у подобной кельи
С отцом, кого убелили года,
Юноша — именем Шах-Гада,
Стройный, с лицом точно бронза темным,
С умным взором, смелым и скромным.
Был мужем бывалый старый Давлят, —
Чей острый светился улыбкой взгляд.

Шах-Гада

Я — Шах-Гада, «Царь-Бедняк»; что за имя?
Просто бы нищим слыть меж другими!
Всей рвани моей — цена пятак;
Так почему же я «Шах-Бедняк»?
Нет никого меня голоднее;
Есть ли кто в мире меня беднее?
Тутом люди питаются тут,
Мне же как яхонты дорог и тут.
Сердцу нашел я в Сунбуль подругу,
Но, чтоб жениться, где взять лачугу?

Если появятся дети на свет —
Им ни одежды, ни пищи нет:
Только прибудет в жизни суровой
Нищих, как я, — без защиты и крова.
Радостный дом с детьми и женой
Только богатым дан судьбой.
Перл единственный мой — сиротка,
Жадным приманка, ворах находка;
Перл мой, Сунбуль, не в моих руках;
Так не смешно ль, что зовусь я — шах?
Шах я? Зачем же нищ я, во прахе?
Нищий? Над кем же такие шахи?

Д а в л я т

Выростил ус, а умом не дорос!
Просто ответить на твой вопрос:
Самый богатый среди богатых
Будет и шахом у них, проклятых;
Ты же бедней, чем нищий любой;
Значит, «Шах нищих» — титул твой.

Ш а х - Г а д а

Рад я, отец, что в доле тяжелой
Ты не утратил нрав свой веселый;
Как на плечах груз годов ни виси,
Дух твой — сокол, парящий в выси.
В этом дух пепелящем мире
Жизни прошел ты дали и шири,
В памяти много рассказов сберег,
Сотни прохожих послушать мог.
Так средь людей, которых встречал ты,
Хоть от кого-нибудь не слышал ты,
Что должен делать тот человек,
Что хочет горе избыть навек?

Д а в л я т

Слушай, мой сын, правдивое слово:
Сбросит навек любые оковы
Тот, кто на свете Счастье найдет,
С ним лишь прах горя с лица он сотрет.
Старик отец говорил мне (проведав
В детстве об этом от прочих дедов),
Что и луны нежней и светлей
Пери Счастья рабочих людей.

Рубиноустая, с длинной косою,
Реет над сушей она и водою
И низлетает к земле подчас;
Если ее кто-либо из нас
Хоть полувзглядом тогда приметит,
Мглу его солнечный луч осветит,
Байский его не коснется гнет,
Сыщет спасенье он от забот,
Радость его перейдет границы,
Поле — сам-двести родит пшеницы,
Печь будет хлеб каждый день жена,
Дети насытят голод сполна;
Станет открыто им счастье чтенья,
Ум изощрят, узнают счисленье,
Будут зимою, в вечерний час,
Петь поэмы под флейту и саз;
Будет, уже не в беде и невзгодах,
Волен и радостен труд их и отдых.

Ш а х - Г а д а

'Ах, мой отец! От этих речей
Солнце надежды в душе моей!
Ты мне позволишь пойти по свету
Пери Счастья отыскивать эту?

Д а в л я т

~~Что? Что~~ сказал ты? Просишься в путь?
Холодом ты мне наполнил груди!
И без того от старости стынешь! . .
Как ты меня одного покинешь?

Сын отвечать ему был готов,
Но слуха коснулся шорох шагов:
Из-за изгиба горы поднебесной
Вышел вдруг человек неизвестный,
Им поклонился и встречный поклон
Принял; приблизясь, учтиво он
Молвил:

«Я — Мир-Вали, я — странник,
Многих наук почитатель и данник;
В жизни я холод знал и тепло,
А вот теперь — сюда занесло».

Д а в л я т

С нами садись, отдохни немножко:
В доме гостю — первая ложка.

Разговорился с Вали старик,
А Шах-Гада в раздумье поник
И, отвлеченный думами теми,
Старших не слушал. В это время
Кучка дехкан к ним подошла;
Девушка между ними была, —
Смольные кудри, взор точно слово,
Лицо — миниатюра Мани-цветолова;
Она, озираясь, рвалась вперед,
Серной, что выскользнула из тенет.

Первый дехканин
Эй, Шах-Гада, мы теперь понимаем,
Как ты рукой судьбы охраняем! . .
Некой из дюжины байских жен
План его гнусный нам сообщен:
Этой ночью наймиты бая
Выкрасть Сунбуль должны, негодяи!
Мы содрогнулись и вот — сюда,
К тебе ее увели, Шах-Гада.

Второй дехканин
Нет нас несчастней! Горе и голод,
Труд беспросветный — мало! Уколот
Похотью низкой, грязный старик
Девушек юных топчет цветник!
Ловит сирот, защиты лишенных,
Благами жизни сплошь обделенных!

Шах-Гада
О, как дрожит подруга моя, — и розы ушли
со щек!

Сунбуль
Боюсь, как бы мерзкий волк меня добычей
не уволок!
Если б не помощь этих людей, этой же
ночью, знай,
Мой бездыханный, холодный труп в могилу б
свежую лег!

Шах-Гада
Видишь: есть у тебя семья — селенье
Каменный Кряж.
Не говори, что ты сирота и кров от тебя
далек.

За то, что вы защитили, друзья,
беспомощную Сунбуль,
Клянусь ее сердцем, — сердце мое сложил я
у ваших ног!

Д а в л я т

Сильнее любого силача, богаче богача
Тот, кому противиться злу народ помог
сообща. . .

Дочка! Домой ты нашла дорогу;
Так успокойся, забудь тревогу.

Ш а х - Г а д а

Видишь, отец мой, смягчился рок;
Ты уж не будешь тут одинок;
Дочь твоя здесь; чувства в ней не остынут,
И без меня ты не будешь покинут.
Пери нашего Счастья ты
Так описал, что этой мечты
Мне не изгнать! Ухожу я, буду
Счастье искать всегда и повсюду;
Села, столицы, просторы степей,
Горы и доли, и берег морей —
Всё обойду, чтоб на Счастье наткнуться
И для радостной жизни вернуться:
Чтобы Сунбуль не жалела дров,
Чтобы нам есть белый хлеб и плов,
Ждать от своей земли урожаяв,
Освободиться от злобы баев, —
Чтоб радостен труд был и светел досуг
Нам и всем беднякам вокруг,
И в сень любви своей животворной
Приняло Счастье край наш горный!

Первый дехканин

Пери такая в мире таком
Есть ли?

Второй дехканин

Да. Слышал и я о том.

Первый дехканин

Нет! . . В этом мире счастье лишь баям;
Нас же — рабами дала судьба им.
Где — мы, где — Пери? Мы так далеки!

Третий дехканин

Всё же не лгали нам старики:
Есть Пери Счастья на самом деле,
Жаль, мы увидеть ее не сумели.
Быть может, юнец наш именно тот,
Кто средство от наших напастей найдет.
Коль тайну откроет он — честь большая
Будет для горного нашего края.

Второй дехканин

Друг Шах-Гада! Ты для дела рожден
Славного! Смел ты, тверд и силен.
Если б успеха мог ты добиться!
Если б нам с Пери Счастья сдружиться!

Другие дехканы

Если бы так!

Нет предела беде! . .
Сотню веков изнываем в нужде! . .
Дай бог тебе достигнуть удачи! . .
Может, и мы забудем о плаче! . .

Мир - В а л и

Хоть я пришелец в вашей стране,
Можно в беседу вмешаться мне?
Юноша! Слышу твои слова я,
Как горяча голова молодая!
Что это? Детская прихоть (прости!),
Иль вправду решил ты свет обойти?

Ш а х - Г а д а

Если отец мне даст позволение,
В путь я иду без промедленья.

Мир - В а л и

Странствие может быть роковым.

Ш а х - Г а д а

Самоотверженный неустрашим!

Мир - В а л и

Слушай внимательно, сын мой беспечный!
Вот мой совет, серьезный, сердечный!
Множество я городов посетил,

Жала изведаль и меду вкусил
И убедился, что сказка о Счастье
Лишь порожденье бед и напастей.
Тысяча тысяч таких, как ты,
Счастье искали, во власти мечты,
Но и лица его не видали,
И средь лишений все погибали.
Счастье! Оно не спутник бродяг,
Свой груз на него не сложит бедняк.
Лучше смиришься со своею долей,
С роком не спорь, с предвечною волей,
Слушай совет мой: безумцем не будь,
Выбрось и мысль отправиться в путь.

Ш а х - Г а д а

Эй, чужестранец! Зачем пугаешь?
Что меня гибелью ты стращаешь?
Рано иль поздно в темницу — знай! —
Здесь меня бросит бесчестный бай.
Лучше в поисках радостной доли
С жизнью расстаться на вольной воле,
Чем у хакимов злобных в тюрьме
С цепью на шее сгнить во тьме.

М и р - В а л и

Ты не сердись: от твоей затеи
Мне ни теплее, ни холоднее.
Жаль мне отца твоего, старика,
В разлуке умрет он наверняка.

Ш а х - Г а д а

Отец! Я не с ним ведь должен считаться,
Ты мне скажи: идти? остаться?

Д а в л я т

Сын мой, всё трезво обдумал я,
По сердцу мне решимость твоя.
Прав ты! В словах твоих истина веет,
Пусть же и воля твоя не слабеет.
Здесь оставаться — быть вечным рабом,
Но светит надежда в уходе твоём.

Ш а х - Г а д а

В путь! Счастье ухожу искать я
Тебе, подруга, вам, собратья!

Шах - Гада

Твоя любовь!

Сунбуль

Кто твой спутник?

Шах - Гада

Ночью — звезды, днем же — солнце
вновь и вновь.

Сунбуль

Ты неопытен в скитаньях; где твой компас?

Шах - Гада

Мой обет!

Сунбуль

С чем вернешься? Что подаришь?

Шах - Гада

Счастье милой, жизнь и свет!
Больше уста их не говорили,
Дело свое глазам уступили,
И, распростясь, ушел Шах-Гада,
Бедная же Сунбуль туда,
Вслед ему, вдаль глядела в горе,
Пока не исчез он среди нагорий;
Затем, тревоги и грусти полна,
К седому Давляту вернулась она.

Вверх по горе всползала густая
Ночь, ее смолой покрывая.
Когда прободающий небо пик
Теменем снежным в темень поник, —
Клочка белизны не осталось мгновенно
В уснувшей под черным ковром вселенной.
Грустный Давлят и Сунбуль, грустна,
Ищут на каменном ложе сна.
Были тревожны в безмолвье ночи
Мысли Сунбуль и бессонны очи.
Тело ее лихорадка жгла,
Покуда полночь не подошла.

В опочивальне старого мира
Ночник серебряный встал средь эфира:
В матовом свете простор земли
Призрачным царством мерцал вдали.
Месяц поднялся в небесной пустыне;
Сунбуль поднялась — в горной теснине.
Верная девушка, мучась тоской,
С камня вскочила и серной степной
Помчалась к месту вчерашней встречи,
Где Шах-Гада ей нежные речи
Шептал, где впервые была она
Его поцелуем опалена.
Пришла и на том же месте села,
И слезы лила, и тихонько пела
Стихи на горном своем языке,
Пока не зарделась заря вдалеке:
 «Милый мой ушел раздетым и босым.
 Будет мучиться он холодом ночным,
 Если б, если б он вернулся до зимы —
 Не под ливнем, не под вихрем снеговым!

Милый мой! Бальзам недугов и скорбей!
Сердцем жажду вечной тенью быть твоей,
За тобой скользить в долинах и горах,
Помогать тебе незримо для людей».

Солнце, мракоубийца могучий,
Огненный меч занесло над кручей.
Мрак ночи, наплывший от пят до чела,
Заря от чела и до пят сняла.
Глянула грустно Сунбуль: в отдаленье
Горные перед нею олени
Бегают, прыгают здесь и там,
Вольно резвятся по крутизнам,
Глядеть завидно! .. Тут из-за ската
Спугнул ей думы голос Давлята.
Метким охотником был старик:
Тысячи ланей пульей достиг.
К ней подошел он с лаской во взоре:
 «Что ж так сидеть погруженной в горе?
 Мы все недуги лечим трудом,
 Работой сквозь беды идем напролом.
 Будет же плакать! За хворостом лучше
 Сбегай, огонь разложим под кручей.

Серну сейчас я тебе подстрелю,
Зажарю и голод твой утолю».
Сказал — и к оленям, с оленями схожий,
Легкий, помчался среди бездорожий.

Косы вокруг головы обвила
Сунбуль и хворост искать пошла,
Ходила, сбирала и, с сердцем стесненным,
Песенку пела, полную стоном:
«О, когда бы я вольной, как серна, была,
Я бы всюду по прихоти мчаться могла.
И, куда бы стопы ни направил любимый,
Я его провожала б, хранила от зла! . . .»
Вдруг Дэва и Мир-Вали пред собою
Она увидела, дрогнув душою.

Д э в

Думаешь, если от бая ушла,
Так от меня ускользнуть могла?
Ты — в моей власти; всегда и всюду
Тобой, добычей, владеть я буду!
С пути Давлята я колдовством
Серн отогнал. Он с пустым мешком
Вернется домой. Старику обидно,
Да и бахвальства недавнего стыдно.
Жалостлив я! За него скорбя,
Пришел я серной сделать тебя.
В три сердца разом радость вложу я,
Три цели одной стрелой поражу я.
В сердце твоём утолю мечты, —
Ведь серной жаждала сделаться ты.
Гордостью будет Давляту седому
С ценной добычей вернуться к дому.
Я ж безгранично потешусь душой,
Что жарит тебя покровитель твой!
Моим искусством владею я с толком:
Пастырь твой станет тебе же волком!
Дерзнул твой милый тягаться со мной,
Окончит он нынче свой путь земной!
Палкою оземь палач хватил,
Красавицу в серну вмиг превратил.
А Мир-Вали, скиталец хилый,
Стал вдруг охотником, полным силы.
Старческий посох арканом стал,

Шею красавицы серны сжал.
Дэв улетел, а Вали презренный,
Смеясь над обликом жертвы пленной,
Ее на веревке повлек по пути,
Где должен был старый Давлят идти.
Тот, грустен от неуспеха, тащился,
Встретил охотника и поклонился.

Д а в л я т

Завидно глядеть на серну твою.

М и р - В а л и

Купи, если нравится: продаю.
Постой-ка! Что ж уходит без ответа?

Д а в л я т

А что стоять? Денег-то нету!

М и р - В а л и

В горах и чалма за деньги сойдет.

Д а в л я т

Ну, эта цена мне подходит. Вот.

Чалму размотал он рукою ловкой,
Отдал и взял у Вали веревку.
Скрылся злобный Вали за скалой,
А старый Давлят вернулся домой.
«Сунбуль!» — он позвал, и зов, повторенный
Эхом, дробился о горные склоны.
Но девушка не откликнулась на крик.
Долго без отзова звал старик.
Серна ж к его ногам прижималась,
Руки лизала, пугливо ласкалась,
По сторонам глядела с тоской,
Рвалась убежать по тропе крутой.
Стало Давляту на сердце тяжело,
Сжалился он, погладил бедняжку.

«Мне больно, — сказал, — от предсмертной
твоей маеты.

Радуйся ж, радуйся: будешь свободною ты.
Может, как я, ты о сыне тоскуешь далеко,

Мучить сердца — это радость лишь
дэвам жестоким,
Нет ни невестки, ни милого сына со мной,
Только печаль, и тоска, и кручина со мной.
Что же я нож занесу над созданием
слабым?
Да и кого угощу я тобою — кебабом?
Нет! Я тебя от страданий и смерти спасу:
Можешь вернуться к детенышам, скрытым
в лесу!»

Старик, блеснув слезою мгновенной,
Снял петлю с шеи серны пленной.
Вновь руку ему лизнула она
И по дороге помчалась, вольна.

ГЛАВА 3

Милый читатель, теперь пора нам
За Дэвом пойти, за злым великаном.
Глянем: смирился ль этот злодей,
В непримиримой злобе своей
Серну — Сунбуль предав на закланье
(Истинно дьявольское злодеянье!).
Нет, ни на йоту! В злобе упрям,
Он по ущельям, лесам и горам,
Вслед Шах-Гада летел, неустанный,
Настиг наконец и, яростью пьяный,
С ревом напал и в лес утащил,
К дереву юношу прикрутил.
Привязывая, он злобно глумился:

«Ты думал, что от когтей моих скрылся?
Ты обессилел, дорога длинна,
А Пери Счастья — в цепях она.
Я сократил твои муки, нищий:
Ты грифам и коршунам будешь пищей!»

Сказал — и со смехом умчался во мглу.
Поник Шах-Гада, прикручен к стволу,
Поник Шах-Гада, — и солнце затмилось,
А с ним и надежда от юноши скрылась.

И вот моя мысль к Ирану летит,
Где на сто голодных один лишь сыт.
Много в стране той таких Шах-Гада,
Несчастней друг друга, чья доля — беда.
Труд им знаком; создают они,
Заслужены ими лучшие дни.
Но отнят насильем трудов их плод,
Царит произвол над ними и гнет.
Горстка предателей, верных слуг
Заморского Дэва, всей хваткой рук
Столь злобно вцепилась в горло Труда,
Что, кажется, не вздохнуть никогда.
Да! В эти дни торжествует гнет:
Тиранам приволье, в цепях народ.
Но день в Грядущем таится, — верь! —
Когда народ, что придушен теперь,
Сам стиснет горло Дэву тому,
Убьет его, когти вырвав ему!
Я же, кто в радости и в беде
Всю жизнь был с народом, всегда и везде, —
Хотел бы в день грозного мщения стать
Плечом к плечу в народную рать.
Услышь это слово сквозь дали пустынь,
Мой славный народ, и скажи «аминь!»

Когда опять чернота земная
Таяла, факел небесный встречая,
Веки измученного юнца
Стали, как руки, мертвей свинца.
Под ветром, в котором заря пылала,
Свеча его жизни уже угасала.
Из роши серна примчалась вдруг,
Приникла, терлась о плети рук,
В чувство его привела слезами
И путы перервала зубами.
Безмерно счастлив и удивлен,
«О, символ свободы! — воскликнул он. —
Спасительница! Как могла ты явиться?
Нет, ты не серна, клянусь, — ты львица!
Ведь родом ты из-под дальних небес,
Зачем прибежала ты в этот лес?
Зачем ты по трудным дорогам рыщешь?
Как я, быть может, ты Счастье ищешь?»

Давай же мы спутниками, вдвоем,
Навек друзьями, по свету пойдем.
Твой облик отраден душе унылой,
И взор твой — как взор возлюбленной
милой!»

И вместе они устремились вперед,
Два друга, во власти общих забот.

ГЛАВА 4

Древний был лес, густой и тенистый;
Источник в нем крылся, светлый и чистый,
Три дуба могучих на корне одном
Стояли средь леса темным шатром,
Душу покоем и тенью манили, —
И три дороги от них отходили.
Плыл холод ночной с далеких гор;
Там сидел человек и жег костер.
Другой на тропинке вдруг появился,
Увидев, с вопросом к нему обратился:
«— Здесь три дороги. К цели моей
Какая меня приведет верней?»
— «По левой и правой, — был голос
ответный, —
Ты не достигнешь цели заветной.
Лучшая из дорог — посреди,
К цели ты прямо по ней иди».
— «Как твое имя?»
— «Сергей».
— «Значит, встреча —
Здесь. Я не сбился, идя издалече:
Тот, кто сюда меня послал,
Приметы мне точные указал».
— «Твое теперь имя скажи». — «Готов я:
Ладо».
— «Рожденный?»
— «В орлином гнездовье».

Так объяснившись, путник второй
К первому двинулся твердой стопой.
Но, повинувшись знаку Сергея,
Скрылся за дерево поскорее.
Новые тут чередой подошли,
С Сергеем такую же речь вели.

Тот же вопрос ему задавали,
Тот же ответ от него получали.
Пришел Сабит, отважен и юн,
Пришли: Латуге, Эсхель, Тохтасун.
Эсхель был слеп и ходил по равнинам
С поводырем — красавцем сыном.
Тут некто, шагов приглушая звук,
Из чащи темной явился вдруг.
И серна, с ним бежавшая рядом,
Предстала друзей удивленным взглядом.

Сергей

Вижу я — сыном новым, друзья,
Обогатилась наша семья.
Будь нашим братом, садись меж нами,
Слушай и нас порадуй речами.

Рукою коснувшись груди своей,
Сел Шах-Гада близ новых друзей.
Рядом и серна легла ручная,
К его ногам головой приникая.
Юноша снял поясной платок,
Постлал — и лепешки черствый кружок
Над ним разломил, и, сердцу послушный,
Друзей к дастархану позвал радушно:
Сделайте милость, ешьте, друзья!
Всё, чем богат, предлагаю я.
Всем по сердцу были слова такие,
И каждый свои припасы простые
Выложил также на общий стол,
И в шутках веселых ужин прошел.

Сергей

Друзья, настало время беседы.
Быть может, смягчим мы тяжкие беды.
Пусть каждый расскажет: откуда идет,
Кто он, чего он желает и ждет.
Так мы, из сердца изгнав сомненья,
Общие, может быть, сыщем решенья.
Ты, юноша с серной, нам незнаком,
И первый поведай о горе своем.

И Шах-Гада скупыми словами
Горе свое раскрыв пред друзьями,

Добавил:

«Вот я брожу везде,
Счастья ища, — но где оно, где?
Темный мой путь устилают камни,
Звери и дэвы грозят всегда мне.
Но гибель моя меня не страшит, —
Сердце о милой моей болит! .
Боюсь, как бы в когти к врагу не попала,
Рабыней злобного бая не стала.
Я сам озадачен роком своим:
Счастье ищу, — но встречу ли с ним?
Буду ли вместе с подругой прекрасной
Или умру, ожидая напрасно?
Дам ли я радость селу моему,
Иль вечно в рабстве коснетъ ему?
В жизни такой, унылой и темной,
Я, одинокий, нищий, бездомный,
Нашел утешенье лишь в серне моей,
Связанный нежною дружбой с ней,
Чей облик — отрада душе унылой,
Чей взор — как взор возлюбленной милой».

Серна, в слезах от речи такой,
Припала к его груди головой,
Друзья, что рассказу внимали с волненьем,
Переглянулись, полны изумленьем,
Подумав: ужели серне степной
Доступно значенье речи людской? . .
Смолк Шах-Гада, и рассказчик новый
Раскрыл уста для речи суровой.

Э с х е л ь

Судьба его необычна, друзья,
Но нелегка и доля моя. . .
Слушайте, зрячие дорогие,
Повесть мою про терзанья злые.
С рожденья живу я над Волгой-рекой,
Край этот славится красотой.
Но радости нет мне от великолепья;
Как четверть народа нашего, слеп я.
Во тьме надеваю одежду свою,
Светлую воду, не видя, пью.
Горестям нашим нет описанья,
Неисчислимы наши страданья.

Но из всех терзаний и бед
Хуже незрячести нашей — нет!
Она не страшна одним лишь богатым —
Тем, чьи хранилища полны златом.
Злой Дэв у наших живет берегов,
Друг богачей и враг бедняков.
И, нищие, мы без врачей и лекарства
Слепнем — невольники дэвьего царства!
Умер отец мой, не видел меня,
С собою мечту о том схороня.
В мире я только сына имею,
Для него я и жизни не пожалею.
Отец я уже девятнадцать лет
И сына не видел: каков он, мой свет?
Мне говорил отец мой, что, если б
Счастье нашел я — глаза воскресли б.
Вот и брожу я, счастье ищу.
«Счастье!» — взываю, «Счастье!» — кричу.
Быть может, цветок с ветви жизни сорву я,
Быть может, сыну в лицо взгляну я,
Увижу, что он от насилья спасен,
Что Дэвом не будет, как я, ослеплен!

Сын, это слыша, весь взволновался,
Лицом к отцовской руке прижался,
Поцелуем коснулся очей слепых,
В сердце пролил свет через них.

Л а т у г е

О ты, с возлюбленной разлученный,
И ты, столь долго зренья лишенный!
Боль сердца мою ваш рассказ разжег,
Из глаз моих жгучие слезы извлек.
Друзьям благородным и я немного
О жизни своей расскажу убогой.
Узнайте, что Дэв, грозящий мне,
Свирепей тех Дэвов обоих вдвойне.
Я — житель полярной страны суровой,
Где нет зеленеющего покрова.
Однажды в кочевье нашем, весной,
Мать моя свалилась больной.
Жизнь ее угасала, — казалось,
Ни капли надежды не оставалось.
Один путешественник русский, как друг,

Над нашей бедою сжалился вдруг.
Сказал: «Есть лекарство, оно любого
От этой болезни излечит больного.
В трех переходах отсюда есть
Ученый, в чьем сердце кротость и честь,
Мой соплеменник. Лекарство это
Есть у него. Послушай совета:
Сходи и возьми». — «Тот мудрый старик, —
Спросил я, — знает, как ты, наш язык?»
— «Нет», — он ответил. «Тогда нет прока, —
Сказал я, — идти мне так далёко».
— «Ты прав, — он ответил, — но я б тебе мог
Дать спутника; он весь путь без ног
Пройдет, — он просто в карман твой ляжет
И за меня всё, что надо, скажет».
Палочкой с черненьким острием
Он поводит над белым листком,
Знаки чертя, и листок мне подал,
Велев, чтоб его я старцу отдал.
В недоуменье был я: как мог
Сказать о беде моей этот листок?
Но мать я любил и подчинился,
Сразу, немедля в путь пустился.
Отнес я листок, и ученый тотчас
Лекарство мне дал и мать мою спас.
С этой поры точно пьяным стал я,
Целые дни лишь о том размышлял я,
Как можно, не шевельнув языком,
Другому сказать о желанье своем?
Как можно по знакам, не слыша слова,
-Вдруг угадать все мысли другого?
К русскому другу пошел я опять —
О недоуменье моем рассказать.
«Да, — он сказал, — это род талисмана,
Пользу приносит он неустанно:
В Чертоге Ума основанье — он,
Вход в Город Науки и Знанья — он.
Труд человека с ним легче издревле,
Цены товаров с ним дешевле,
С ним тропка — дорога, с ним путь — как
стрела,
Темная ночь от него светла.
Сказать ль, как тот талисман зовется?
«Грамотой»! Каждый народ добьется,

Коль овладеть сумеет им,
Осуществленья мечтам своим.
На нерушимом том основанье
Науки воздвигнет он дивные зданья.
Но ключ от крепости мощной той
Счастье благою держит рукой.
Лишь тот, кому Счастье другом станет,
Ключ от крепости этой достанет».
Расспросами русского друга я
Засыпал и ясно понял, друзья,
Что скрыта грамота от народа
Волею Дэва, злого урода;
Что Дэв, изощреньем черных сил,
От этого блага нас отстранил.
Мы от природы зрячи — и всё же
Пред грамотными на слепых похожи.
В мире народ мой еще не достиг
Азбуки даже — не то что книг.
Его история — хлопя пены:
Их ветерок сдувает мгновенный;
Написано имя его на воде,
При первой же ряби — где оно, где?
Крепко запали в мое разуменье
Мудрого русского объясненья.
Тайну узнав талисмана того,
За Счастьем пошел я — искать его.
Всю жизнь я брожу, попирая просторы,
Но всюду, иду ли в степи иль в горы,
Дэв неустанно гонит меня,
В ночь превращая сиянье дня.
Но, несмотря на страданья злые,
Весь мир огромный готов обойти я,
Готов до последнего вздоха идти,
Погибнуть — иль Счастье найти на пути!

Сказал он и смолк, охваченный думой,
И с нею унесся из рощи угрюмой,
И, как играющее дитя,
Что будто бы пишет, крючки чертя,
Палкой по мху водил он во мраке,
Чертя значенья лишённые знаки.

С а б и т

Прискорбны мне ваши страданья, друзья,
Сердце терзается, кровь струя.

Но муки моей души усталой
Сильнее мук моих братьев, пожалуй...
Из племени кочевого я.
Вся ширь земная — страна моя.
Муравьи забираются на ночь в норы,
Прячутся в гнезда птичьи хоры,
А мне пустыня — мой вечный дом,
Горячий песок мне служит ковром.
Меня молоко верблюжье питает,
Но и верблюд без репья погибает.
Поэтому, точно гонимый лист,
Лечу, — и со мной лишь бури свист.
Раз ночью, в кочевье, в степи безвестной,
С девушкой встретился я прелестной.
Как у женщин всех бродячих племен,
Стан ее ношею был согбен.
Казалось, луна земными тропами
Скользит, отягченная небесами:
Ведь в мире нет тяжелее нош,
Чем те, что ты для хозяев несешь...
Она вдруг под ношей тяжелой упала,
Увидел я, сердце затрепетало,
Я кинулся к ней, снял ношу с плеч,
Шип из ноги поспешил извлечь,
Себе взвалил ее груз на спину,
И молча пошли мы через равнину.
Гнулась под бременем тяжким спина,
Но сама — стала бременем сладким она
Сердцу. Молчали мы, но понемногу
Беседа пошла, продлясь всю дорогу.
Когда ж на распутье пришлось разойтись —
Два наших сердца в одно слились.
Душа с того дня в беду попала,
Ибо любимой со мной не стало.
Где лик ее нежный? Где взоров игра?
Я стал — Муштари, а она — Зухра.
Из рода чужого моя невеста,
Как я, кочует с места на место.
Куда лишь мой не направится род,
Тотчас ее племя оттуда уйдет.
Друг друга встретить никак нельзя нам:
Дэв нас преследует, вечно грозя нам!
В горе не вижу исхода я,
В мире ничтожна цена моя.

Счастье, слышал я, дом дарует,
Блага несметным числом дарует,
Много уж лет я брожу, ищу,
Свой шаг по горам и долам влачу.
Быть может, я встречу всё же
со Счастьем,
И глянет оно на меня с участием,
И даст мне поле, и даст мне дом,
И с милою радость увидим вдвоем!

Тут звезды блеснули в сфере небесной:
Взошел Муштари за Зухрою прелестной,
И, видя, что их не сблизил зенит,
Вздыхнул и горько заплакал Сабит.
Друзья его новые с состраданьем
Внимали тихим его рыданьям.
Но вот на Востоке, из бездн воспаря,
Розовым блеском блеснула заря.
Сказал Сергей:

«Уже рассветает.
Пожалуй, враг нас подстерегает.
По той и по той разбредемся тропе,
Чтоб затеряться на день в толпе,
А с наступлением ночи снова
Сойдемся тут, у костра ночного,
От прочих друзей услышать рассказ;
Но из лесу к людям пойдем сейчас.

Теперь расскажу, как в недрах колодца
Пери Счастья тоскует и бьется.
Сначала повсюду металась она:
Выход найти пыталась она.
Но лишь измучилась в клетке гнусной
И, в угол забившись, запела грустно:

„В клочьях сердце! Жажду видеть человека!
Где он, друг?
С ним — душа я. Без него я — только плоть,
добыча мук:
Я — Свобода, но в оковах я терзаюсь
без него;
Радость я. Но, одинокой, Гнет мне в сердце
влил недуг.

Кучка отважных стояла. Вдруг
Примчалась как буря волчья стая,
Яростно на людей налетая.
Хоть каждый был зверь свиреп и яр,
Встречал он грозный и мощный удар,
Все, наконец, изранены, воя,
В отчаянии бежали из боя.
Лишь волк-вожак опять и опять
Как бешеный продолжал налетать.
Сергей-предводитель быстрым приказом
Двинул людей; окружен был разом
Мерзостный зверь. Устрашась конца,
Поняв, что не вырваться из кольца,
Встал на дыбы он, и в то же мгновенье
Возник из волка Дэв Угнетенья.
Взмыл в воздух с хриплым криком Дэв,
Семь тел застыло, оцепенев.
«Мой Дэв, мой враг!» — семь ртов прокричали,
Но Дэв уже уносился в дали. . .
Пришли в себя они, и до утра
Вновь разговор пылал у костра.

Сергей

Друзья! До этой минуты все вы
Мнили, что травят вас разные дэвы.
Теперь вы узнали: есть общий враг,
Теперь вас никто не обманет никак.
Ведь это — тот самый Дэв, который
Хозяина серны гонит в просторы.
Этот же хищник, зол и свиреп,
Причина тому, что Эсхель — ослеп.
Латуге, тем же мерзким зверем травимый,
Лишен алфавита для речи родимой,
Этот же гнусный Дэв велит,
Чтоб дома и поля лишен был Сабит.
Дэв этот злобный — гнет стовековый,
Кем брошен творящий народ в оковы, —
Единое зло, что в каждом краю
Меняет личину и хватку свою.
Всюду он тот же, с повадкой злодейской,
Будь внешность мекканской иль
европейской.
Алчность его без разбора грызет
Любое племя, любой народ. —

Так наши народы, коль им охота
Накинуть аркан на шею Гнета,
Должны вражду наречий и рас,
Нравов и вер отбросить тотчас
И все свои силы, решимость и разум
На недруга общего бросить разом. . .
Теперь же, послушав рассказ остальных,
Узнаем о горькой жизни их, —
О многообразье терзаний жестоких,
Которым Дэв Гнета злобный обрек их.

Тохтасун

От ваших вчерашних рассказов, друзья,
В смятенье поверглась душа моя.
Коль беды ваши обрушить на гору,
То и гора утратит опору! . .
Рассказ мой тоже слезами омыт
И, сердце рая, дух пепелит.
Повесть моя столь полна печали,
Что не лучше ль прервать ее в начале? . .
Не слеп мой народ и не кочевой,
Но столь же несчастен, как тот и другой.
Не легче бесписьменности исконной
Жар огненной жажды в груди воспаленной!
Страна моя частью — с живою водой,
В другой же части — смертельный зной;
Мои Каракумы безмерно свободны,
Светлы, широки и вечно безводны.
Хорошие земли, где дышит вода,
Баи забрали и господа.
Я же от зноя изнемогаю,
На берег брошенной рыбой сгораю.
Пустырь с колючкою — мне цветник,
И влага моя — лишь слез родник. . .
С арыком безводным сльвешь худородным,
Невольно робеешь в собранье народном!
Когда бы река у нас текла,
То стала бы жизнь, как вода, светла. . .
От этих мыслей печален всегда я,
В мечтах о реке душой изнывая.
Воду всеночнѳ я вижу во сне
С вечною пламенной жаждой во мне.
Снится — водой меха наполняю,
Утром же слезы рекой проливаю.

Вот моя боль, а лекарство — река;
Негу лекарства — и в сердце тоска.
И в путь я пустился в поисках Счастья,
На след его в мире силюсь напасть я.
Скитаюсь, пока не настанет миг
Увидеть его благостный лик.
Тогда перед этою пери стройной
Склонюсь я: пусть край пожалеет знойный,
Рукою благой взмахнет — и туда
Светлая, может быть, хлынет вода.
Покончит с ее лихорадкой палящей,
Избавит народ мой от жажды томящей,
Мой Дэвом Гнета согбенный народ,
В когтях его бьющийся из году в год,
Щедростью и добротою бескрайной,
Трудолюбьем и доблестью необычайной
В мире прославлен, хотя досель
Мертва половина его земель.
Представьте ж успехи его, исполина,
Если воскреснет земли половина,
Если навеки исчезнет Гнет
И новую эру Счастье начнет!

Так говоря, не сводил он взора
С ключа, лепетавшего у косогора, —
Как будто в плесканье и блеске волны
Заветные образы воплощены.

Л а д о

Друзья, уделите и мне вниманье,
Узнайте жизнь мою и страданья.
Мучительна повесть ваших скорбей,
Мои же, быть может, еще тяжелей.
Кавказом зовется край мой горный;
Воздух там чистый и животворный,
Там щедрую землю всюду найдешь,
К труду благосклонную, тучную сплошь.
Труд мой на лоне природы дивной
Блага берет из земли непрерывно.
Хоть грабят плоды моего труда
И без ужина спать я ложусь иногда —
Всё ж, по обычаю нашего края,
Путнику, гостю могу всегда я
Кувшин предложить с молодым вином,

Свежий чурек и шашлык с чесноком.
Но много богаче земли моей недра:
Сокровища в ней залегают щедро, —
Ждут, чтобы миру я их явил,
Искусные руки к ним приложил.
О Тохтасун, мой брат по печали,
Чьи речи мне душу так взволновали, —
Жаждающий взор твой в грезах ночных
Видит стремление струй речных,
А мой — знойной жаждою реки иные
Сжигают: с вечера и до зари я
Огненный вижу во сне поток,
Жидкий металл, что рекою потек.
Только усну — над моими снами
Стелется рокот, рожденный станками,
Видятся печи огромные мне
Со знаменем пламени в вышине.
Сплю я и вижу кипенье, работу,
Бодрствуя, вижу недвижимость, дремоту;
Силы немалые чую в себе,
Новой работы хочу я себе.
Но спят дарованья во мне недвижимы,
Словно металл, рудою таинмый,
И ни к сокровищам доступа нет,
Ни к жизни, в которой для сердца свет:
Один ведь, известно, не воин в поле,
Бесплоден порыв одинокой воли.
Мужей украшенья — дружба одна,
Соль к пиршеству жизни — только она.
Без дружбы жизнь — даже смерти страшней,
Что ветка сухая — лишенный друзей.
Есть у меня два доблестных друга:
Аветик и Джафар — оба с нашего юга,
Оба люди труда, как я,
Обоим, как мне, нужны друзья.
Но только придут они с чистой душою
Краткий досуг разделить со мною,
Посланец Дэва в обличье людском
Приходит и сеет рознь за столом.
Еда недоедена, кубок недопит,
Не пир — панихида; всё ссору торопит.
Уходят друзья, и на сердце — тоска,
И в горе отравой сок шашлыка.
Один я: то Дэва злобного козни,

Ищу я друзей, не знающих розни.
Слышал я: Счастье тот лечит недуг
И с ним человек человеку — друг.
И если Счастье с кем подружится,
В ужасе Дэв убежать стремится.
Брожу я: а вдруг меня озарит
Счастье, что людям друзей дарит.
И соберемся мы за столами
В разных свечах — единое пламя!
Взор засияет при виде друзей,
И будет дом мой полон гостей.
Вместе мы взроем недра земные,
Богатством их долы насытим родные.
Руки я вырву из рабских пут,
Миру явлю свой искусный труд! . .
И я считаю доброй приметой
То, что друзьям рассказал всё это;
Несчастье раскрыв перед всеми мое,
Легче снесу я бремя мое.

И, смолкнув, пожал он братской рукою
Руки друзей одну за другою.

Сергей

Каждый нам горе свое принес;
Ясны причины страданий и слез.
Ваши различны повествованья,
И всё же одно у них содержанье,
Стремленье сердца у всех одно:
К счастью влечется и рвется оно.
И всех вас, терзая со злобой звериной,
Дэв Гнета опутал цепью единой. . .

Шах - Гада

Теперь же и ты, к кому пришли
Сыны всех краев твоей земли,
Нам в свой черед про блага и беды,
Что в мире ты испытал, поведай.

Сергей

Друзья дорогие, клянусь, для меня
Ваши печали жгуче огня.
Эти колосья копною сбились
И тяжко на сердце мне навалились.

Ваши страдания, прибавясь к моим,
Бременем стали сердцу двойным.
Но «лишним» тут было бы лишнее слово:
Не лишнее бремя — бремя родного! . .
Искусен и трудолюбив мой народ;
В рабочей семье я родился — и вот,
Как помню себя, я всю жизнь неустанно
Творил и работал упорно и рьяно.
Но всё, что я тяжким трудом создавал,
Дэв Гнета тотчас у меня отнимал.
Долгие годы гоненья терпел я
За то, что спросить «за что?» не посмел я.
Стремясь на дорогу Счастья ступить,
Я Дэва Насилья хотел сокрушить,
Но Гнет навалился с такою силой,
Что не меня — слона б раздавило.
Хоть не гонец я и не номад,
Но, право, прошел я больше стократ
Пути, чем они, — влачась по проклятым
Ссылкам, этапам и казематам.
Хлеб детям была добывать должна
В безмерных мученьях моя жена.
Крошки безвинные, хоть и на воле,
От черной моей исстрадались доли.
Когда меня в новую гнали тюрьму,
Брели они вслед отцу своему.
Жизнь в непрестанной прошла тревоге —
В вечных побеггах, в подполье, в дороге,
Или же в ссылке, в тюрьме слепой. . .
Кто слышал о жизни тяжкой такой?
Кто слышал, чтобы сиротами дети
При жизни отца томилась на свете,
Чтоб, укрывая его, беглеца,
«Дядею» дети звали отца? . .
О да! В мученьях года проходили —
В борьбе и тревоге всегда проходили.
Усилья мои не пропали всё ж
И верный мне путь указали всё ж.
Сумел я найти одного человека, —
Всесветного гения, солнце века!
Величьем невиданным он одарен,
И Счастьеведом зовется он!
Способен лишь он помочь всем бедам,
Путь к Пери Счастья ему лишь ведом,

Он доблести полон, и прозорлив,
И знает всё в мире, все тайны раскрыв.
По воле его, и этим горжусь я,
С каждым из вас навек подружусь я.
Знайте, что это мне он поручил —
Служить вам насколько хватает сил.
К нему всех народов надежда стремится,
Мой славный народ им недаром гордится,
Я верю, что, если поможет он,
Дэв Гнета будет навек сокрушен!

В с е

— Удачей твое да закончится дело!
— Успех твой — наше счастье всецело!
— Каждый здесь прозвучавший рассказ
Души нам всем взволновал и потряс.
Но средь несчастий, игравших нами,
В твоих — наиболее жгучее пламя!
— Всех больше ты бился с надеждой в груди —
Значит — и место твое впереди!

С е р г е й

Теперь мы с вами, закончив беседу,
Пойдем к всеумудрому Счастьеведу.
Сказал я вам правду: он — такой!
Решимостью он обладает стальной;
Глубь сердца волнует его беседа;
Под знамя его стремится победа;
Он знает, где путь и где западня,
Где сумрак ошибки, где истина дня;
Орлу он подобен средь горных раздолий,
Неколебимой владеет он волей,
Прям, справедлив, благороден он,
От тени страха свободен он.
Где нужен в решение задачи сложной
Ум всесторонний и осторожный —
Смело он держит неспешный шаг,
Враг ему — каждый народный враг.
Кто с чистым сердцем к нему стремится,
Сильнейших врагов не устрашится.
Все его знают, кто угнетен.
Ведет отважных соратников он.
В бой с Дэвом Гнета — делом и словом,
По путям неисследованным и новым,

Не было равных ему никого.
Дэв Гнета боится его одного.
Надежда земли — его мудрость и гений,
Идемте ж к нему! Без промедлений!

В с е

Веди нас! Мы с твердою верой в груди
Пойдем за тобою вперед! Веди!

И двинулись, трепетно веря в победу,
Счастьеискатели к Счастьеведу.

ГЛАВА 6

Слушай, читатель поэмы моей!
Покуда герои, отрядом друзей,
Свершают свой путь, — узнай о судьбе
Сложившего эту поэму тебе. . .
Горька была жизнь, признаюсь я, —
Детство мое и юность моя:
Отец престарелый, больная мать,
Сестры-малютки; работы где взять?
Один мой брат, с благородной душой,
У врача бескорыстного был слугой
(Ученый тот врач, старшина врачей,
Сгублен был злобою темных людей).
Жив и доселе этот мой брат
(Слезы разлуки мой взор темнят);
Стать искусным врачом удалось ему,
Искусством народу служить своему.
Ему благодарен трудящийся люд;
Ему помогать бедняки идут.
В глазах его золото — жалкий прах,
Душа его чище луча в зеркалах.
Он, помня безрукость былой нищеты,
Руку дает сынам бедноты.
Подобно слепцу, в ком пылал костер
Желанья — на сына кинуть взор,
И я в моем сердце таю костры
Желанья — дожить до светлой поры,
Когда в свободном Иране народ
Сломит насилье и сбросит гнет, —
И я, возможно, плод счастья сорву,
Брата с детьми увидав наяву! . .

Был брат мой другой с ремеслом знаком:
Кузнец и медник, чеканщик потом.
После — за родину смелый боец
И — удалой офицер, наконец.
На Симко, наймита английского, он
Шел в наступленье средь первых колонн
И пал, перейти через реку стремясь:
Пуля предателя в спину впилась.
Тело, сверкая, река унесла, —
Темному праху не отдала.
В море он скрылся — жемчуг труда;
Жаль, не увидим его никогда. . .
Как восемь героев моих, пешком
Побрел в Тегеран я; шел босиком,
Без шапки, и вздохи в степной тишине
Да слезы были попутчики мне.
Лицо я влагою глаз умывал,
Под бременем гнулся и счастье искал.
Но счастья не было в том краю:
Дэв Гнета тиранил страну мою.
Когда мы, три брата, ушли искать
Насущного хлеба, скончалась мать,
Разлукой добитая; умер отец,
Голодом сломленный наконец.
Без сыновей, горожанами он,
Мученик вечный, был погребен.
Смерть на дом пришла к одной сестре,
Другую взяла на чужом дворе.
Лишь ветер остался в руках моих,
Голос родных и любимых — стих.
И всё же, сказал я, хоть брат убит,
Хоть семья остальная в могиле спит,
Но славный народ мой есть у меня,
Ему моя жизнь до последнего дня.
Всегда и везде мои думы о том,
Чтоб Счастье делило с ним край и дом.
Вот почему я остался жив,
По тропке истины шаг устремив.
Я к Ленину вышел на путь, к тому,
Кто счастье дарует миру всему,
И ныне горжусь, что в Советской стране
Дан голос поэта мощный мне.
Горжусь: не чужим я в этом саду
Расту и соки даю плоду.

Горжусь: меня таджикский народ
Преданным другом своим зовет.
Горжусь: я с первого дня (лишь он
Для новой жизни был воскрешен)
Доныне (когда он созрел почти)
С ним вместе по светлому шел пути.
Я счастлив, что брат наш русский народ,
Врагов сокрушающий, кров мне дает.
Он добр несказанно, от дружбы его
Спасенье народа я жду моего!
Один, посреди поляны зеленой,
Всесветный мудрец сидит, склоненный,
Высоколоб, коренаст, невысок,
Добрым лукавством лучится зрачок.
Столько благих в нем даров, что мнится,
Не он средь мира, а мир в нем таится,
Тетрадь раскрыл на коленях он,
И на страницы взор устремлен.
В землю вколочена колышков пара,
Над углями чайник, в облаках пара,
Подвешен; лес непроглядный кругом,
С тем мужем схожий в величье своем.
Повсюду струится птичье пенье. . .
К мужу великому в это мгновенье
Сергей отважный с друзьями пришел,
С ним — семеро; младший серну вел.
Мудрец, лишь завидел того издали,
Вскочил, поспешил к нему, радуясь встрече.
Сердечно обняв его, разговор
Повел оживленный, взор во взор.
Потом, обратясь к остальным с приветом,
Тепло расспросил их о том и об этом,
И каждый из них, увидав его,
В нем тотчас признал вождя своего.
В тот миг, раздвинув листву, как завесу,
Сподвижники мужа вышли из лесу.
Соратники, братья, друзья его,
Вся боевая семья его.
Люди, испытанные в сраженьях,
Неколебимые в строгих решеньях,
Бесстрашно встречавшие злую судьбу,
Не раз вызывавшие смерть на борьбу!
Под взором всевидящим на мгновенье
Счастьеискатели впали в смущенье.

Но мысль прояснилась у них через миг,
У каждого развязался язык:
Они к мудрецу как дети подсели
И речь повели о заветном деле.

Сергей

Ты, рвущий путы, и с нас сорви
Советом мудрости и любви.
Все мы из разных краев, но каждый
Годы блуждает всё с той же жаждой:
Мы дали народам своим обет,
Что — хоть бы пришлось обойти весь свет —
Мы обойдем, все стерпим напасти,
Только б народ мог достигнуть счастья.
Шли, друг о друге не зная, мы,
По свету бродили, рыдая, мы.
Но, душу измучив, изранив ноги,
К Счастью никто не нашел дороги.
В скитаньях старыми стали мы,
Жизнь надоела, устали мы.
И вот, исходив бескрайние дали,
Мы вместе сошлись и друг друга узнали.
Ты, чьим глазам всё видеть дано,
Скажи: где Счастье?

Где скрыто оно?

Счастьевед

Я вам отвечу, дети страданья,
Потрясшие мир надрывом рыданья.
Ваш голос давно дошел до меня,
Жду я давно такого дня,
Чтоб разноплеменные люди вместе
Сошлись во имя свободы и чести,
Учиться законам борьбы, постичь,
Как можно у Гнета вырвать бич,
Понять осторожность и смелость —
в их смене —
Чтоб вырвать победу из пекла сражений!
Теперь же скажу — по какому пути
Направиться, чтобы Счастье найти.
Чернеет рядом с Горою Горя
Плита из гранита на косогоре.

Ею глубокий колодец прикрыт,
А путь к нему страшен. В колодце висит
Клетка железная; в каменном склепе
Ее семикратно обвили цепи.
Там Пери Счастья в плену живет,
Колодец темницей Счастья слывет.
Окована клетка силою темной,
Вес камня и глубь колодца огромны,
И сам Дэв Гнета колодец тот
Всегда от взоров людских стережет.

Ш а х - Г а д а

Как же, учитель, мы раны залечим?
Есть чем бороться с бедой иль нечем?

Э с х е л ь

Иль это сказка — спасенье людей
И ночь вековая всё будет мрачней?

С ч а с т ь е в е д

От этого горя одно избавленье:
Братское ваше объединенье.
Вам нужно дружно руки сомкнуть
И, одолев тот опасный путь,
Вместе, согласно с плитой побороться,
Сдвинуть ее с отверстия колодца.
За цепи схватиться все как один
И вытащить клетку из черных глубин.
Дэв Гнета, людьми побежденный, отступит,
И Пери Счастья на землю вступит.
Но если согласия меж вами не станет,
Клетка в колодец камнем канет,
И будет утрачен к радости ключ,
И Дэв пребудет, как прежде, могуч.

С а б и т

Какая же сила могла бы нам
Не дать сплотиться на гибель врагам?

Т о х т а с у н

Ведь ясно: одной мы томимся кручиной,
С единым врагом бьемся в битве единой.

Счастьевед

В каждом народе у Дэва есть
Наймиты, продавшие совесть и честь.
Поберегитесь, чтоб этим пролазам
Не удалось затуманить ваш разум.

Латуге

О наш мудрец, превзошедший всех,
Как различить нам наймитов тех?
Как распознать, что такой-то — заклятый
Враг Счастья и Дэва злой соглядатай?

Счастьевед

Каждый из вас, лишь возьметесь тянуть
Клетку из ямы, — бдителен будь!
Тотчас «советчики добрые» рядом
С вами вотрутся, брызжа ядом
Речей о различье вер, языков,
Нравов, обрядов, племен и родов:
В них вы предателей низких узнайте,
Их беспощадно с пути сметайте. . .

И после долгие-долгие дни
У мудрого мужа учились они;
Когда же настала пора расставанья,
К учителю все пришли для прощанья.

Счастьевед

Да, трудной и страшной будет война,
Но кончится вашей победой она.
Дэв колдовства отражает удары,
Но руки Сергея разгонят чары.
Дэв силой своей кичится подчас,
Но кроме силы — правда у вас.
Друзья! Пусть каждый вернется отсюда
На родину. Там, скитаясь меж люда,
С каждым разумную речь ведет, —
Подготавливает родной народ
В должную пору дружно, согласно
Пери исторгнуть из ямы ужасной.
Вам — Счастья багряное знамя даю,
Оберегайте его в бою,

Знайте: весь мир в некий день заветный
Сберется под сенью его огнецветной!

Сергей

Трудно душе расставаться с тобой,
Но должны мы приказ исполнить твой.
Верь слову чести: мы будем борцами,
Из рук мы твое не выпустим знамя.
Велений твоих не преступим мы,
Козням врага не уступим мы.
Гнев уничтожив дружбой народной,
Сделаем Пери Счастья свободной!

Все

Гнев уничтожив дружбой народной,
Сделаем Пери Счастья свободной!

ГЛАВА 7

И снова вздох на моих устах:
Мне вспомнился город мой — Керманшах,
Проулки в квартале Барза-Дамог,
Где нет фонарей вдоль пыльных дорог.
Кузницу вспомнил, где, в ржавой пыли,
Два года жизни моей прошли.
Вспомнил я детские игры, друзей —
Резвых и смелых бедняцких детей.
Вспомнил, как рвали мы виноград
При «сборе остатков» (праздник ребят!).
Вот Файзабад, «благодатный квартал»,
Хоть бог ему благо влаги не дал;
Вот улицы свежие меж садов
И нежная мякоть сочных плодов.
Вот речка Сароб, где так хорошо,
Вот живописная даль Дилкушо.
Ах, не забыть мне красот Чанони, —
Срослись, ты сказал бы, с сердцем они!
Смеешься, мой друг? «Он безумен чуть-чуть».
Что разум, коль сердце раздвинуло грудь?
А сердце припоминает друзей —
Наборщиков, медников, чеботарей,
Абулькасима — меня самого,
Кто бегал босым, не боясь ничего.

Вот сердцу видны, ясней, чем глазам,
Поэты — Кахраман и Махрам
У водоема; Яр-Мухаммад —
Духом всегдашний бунтарь и номад.
Вот Кулахмаль воскресает — герой,
Лев, не достигший цели святой.
Помнит сердце людей труда,
Скитальцев, счастья искавших всегда.
Помнит оно отважных бойцов,
Стремившихся вырвать народ из оков.
Помнит пути и тропинки мои
И в темную ночь поединки мои.
Столбцы моей дорогой «Бисутун»,
Зубцы горы крутой — Бисутун;
И второй — Так-Бустан, двух древних зеркал,
Где века отразились на глади скал. . .
Взор сердца нередко блуждает там. . .
Я душу тебе, Керманшах, отдам,
Столь много сердцу там отдано,
Столь многое жаждет увидеть оно!
Знаю, что много там зол и бед,
Что процветанья и мощи нет.
Богач там беспечно и сыто живет
И голоден, наг, безработен народ.
Но с сердцем не сладить! Ведь эта страна
Родина мне — и бесценна она!
Что же мне делать? Ведь первый мой взор
Этот земли увидел простор.
В Советской стране на любой народ
Когда мой пристальный взгляд упадет,
Вижу я пленников этих былых,
Сбросивших тяжесть цепей вековых,
Добывших науку и право для всех,
Обретших свободу, здоровье и смех, —
Всем сердцем я жажду, чтоб милый Иран
Забыл тиранию и слово «тиран».
Всем сердцем я жажду — в грядущей борьбе
Соратником стать, народ мой, тебе!
И счастье увидеть в родимом краю,
Увидеть воочью свободу твою,
Все блага, которым и счета нет, —
Науку и технику, воду и свет;
Увидеть широких улиц разбег
И парков приволье над рокотом рек;

Вновь юным тебя увидеть, народ,
Твой труд плодоносный и творчества взлет, —
Чтоб сердцем ты стал с таджикской страной,
Как и речью твоею, «орешек двойной»...
Но, сердце, довольны на этот раз!
О счастье должно продолжить рассказ.

Вокруг колодца Счастья — движенье.
О, радость для сердца и чудо для зренья!
Люди всех стран, и стар, и млад,
От нетерпенья дрожа, стоят.
Грозных событий все ждут, безмолвны,
Решимостью и надеждой полны.
В переднем ряду богатырь Сергей,
С ним — народ его, жаждущий боя скорей;
И во главе той рати несметной
Бесстрашно стоит Мудрец всесветный.
Справа и слева — семья его:
Соратники, братья, друзья его,
Напротив стоит, от бешенства в пене,
К битве готовый, Дэв Угнетенья.
За ним колодец, служивший тюрьмой
Пери Счастья, прикрытый ордой
Демонов злобных, по первому слову
В клочья людей растерзать готовой.
Дэв Гнета, ярости не тая,
Рявкнул:

«Эй вы, человечьи друзья!
Головы ваши — для тела обуза,
Я облегчу вас от этого груза!
Помочь вы дерзнете моим рабам?
Вмиг растопчу я головы вам!
Кто здесь пресытился жизнью своею?
В бой устремился, нищих жалея?
Кто здесь невольников стал защищать?
Кто он? откуда? как его звать?
Чугунным будь череп его — раздавлю я!
Будь плоть носорожьей — в пасти смею я!»

Тут Счастьевед Сергею сказал:
«Пред тобой лишь отступит этот бахвал.
Иди, прерви эти мерзкие крики,
Уйми похвальбу и рев его дикий».

Сергей, богатырь из богатырей,
Защитник правды, друг честных людей,
Ответил голосом, полным металла,
И демонов стая затрепетала.

«Эй, пьяный от крови, —

сказал он в ответ, —

Сейчас я тебя отрезвлю, людоед!
Знай: это я — защитник плененных,
Мститель за нищих и угнетенных.
Это меня человеческий род
Призвал бойцом, сокрушающим Гнет.
Тотчас тебя, кровопийца, сразу я
И Пери Счастья освобожу я.
И ты, презренный, во веки веков
На этот край не наденешь оков.
Меч мой покончит с тобой, злодеем!
Народ мой — русский, зовусь я — Сергеем».

Сказал — и на Дэва ринулся он,
Гром битвы наполнил весь небосклон.
Единоборство их было ужасно.
Рыжею пылью и кровью красной
Покрылись тела. То один, то другой
Противника гнул, подавляя собой.
Но изловчился Сергей умело,
И сила Дэва вдруг ослабела.
Взвыл гнусный Дэв от боли. Тогда
Бешено бросилась в бой орда.
Войско народов двинулось тоже,
Сражение стало на ад похоже.
Отважный Сергей налетел на врага,
И с Дэва мерзкого сбил рога,
Потом, охватив злодея за крылья,
Одно оторвал, удвоив усилия.
У Дэва хлынула кровь из ран,
И бежал он, ужасом обуян.
Другие дэвы за ним умчались,
Лишь рога на земле да крыло остались,
И клики победоносных племен
Во славу Сергея взвились в небосклон!

Вокруг колодца кипит оживленье.
 О, радость для сердца и чудо для зренья!
 Люди всех стран, и стар, и млад,
 Волнуясь, дрожа, в нетерпенье стоят.
 Стоит учитель; с ним семеро (прежде
 Описанных мною) — в светлой надежде.
 Тут же — ученики мудреца,
 Соратники, верные до конца.
 Вздрогнул тут Шах-Гада: до слуха
 Донесся шепот, вползавший в ухо:
 «Лишь вырвется Пери, не дай во власть
 Гяуров красавице этой попасть.
 Послушай совета единовеца —
 Не отдавай чужестранцам сердца.
 Пусть Пери лишь в нашем краю живет:
 Лишь нашим устам достанется мед. . .»

Услыша тот голос, герой обернулся,
 Узнал Мир-Вали и вновь содрогнулся:
 Вспомнил он мудрый тот завет,
 Что дал им великий Счастьевед.
 И так Шах-Гада ударил смутьяна,
 Что вышиб мозги, тот упал бездыханно.
 Тут каждый смутьян, измышлятель обид,
 Лазутчик, предатель, дэвий наймит
 Из разных краев, средь народа любого,
 Увидя, какая гроза им готова,
 Полные ужаса, в бешенстве злом
 Действовать ринулись напролом.
 Народ же, бесстрашным Сергеем возглавлен,
 Пути им пресек, — и враг был раздавлен!
 Волненье, движенье, гомон и гул
 Стояли в степи. Рукою взмахнул
 В тот миг Счастьевед. Затаив дыханье,
 Замерли люди, как изваянье.
 Рука опустилась. Будто вулкан
 Забушевал там, лавою пьян:
 Как море народ закипел, прихлынув,
 И с воинским кличем семь исполинов
 Точно в сраженье рванулись вперед,
 Дружно схватились за камень тот,

Дружно его оттащили от входа
И к Пери воззвали:

«Пери! Свобода!»

Свет из колодца вырвался. «Ах!» —
Вскипело восторгом на всех устах.
Но вдруг, вместе с громом грозы жестокой,
Яростный вой долетел издалека:
Дэв четырнадцать новых стай
Кинул — кольцом обложить тот край.
Мудрец, едва лишь увидел это,
Тотчас Сергея призвал для совета,
Ему наказ и помощников дал
И в битву с врагами немедля послал.
Бой разгорался с невиданной силой.
Смерть оба стана нещадно косила.
Дэвы сражались, осатанев,
Но бился Сергей как яростный лев:
Был он искусен, всё замечал он,
Всюду вернейших людей посылал он,
Дрался весь день, сам ночью напал
И дэвов из тех пределов изгнал.
Меж тем Счастьевед семью друзьями,
Семью всесветными богатырями
Руководил, вливая в них
Мудрость и силу слов своих.
И семеро, единодушно и смело,
Свое продолжали великое дело, —
И Пери предстала у всех на виду.
Тут силы покинули дэвью орду:
Измазаны кровью, бескрылы, безроги,
Враги едва уносили ноги.
И вышла Пери, встречая людей
Восторгом, — и тем же ответили ей!
Не чудо ли? Сотня веков промчалась,
А Пери такой, как была, осталась:
Пленительной, в гиацинтах кудрей,
Юной, прелестной, лилий белей. . .
Вот огляделась и, полным ласки,
Смехом плеснула, запела и в пляске
Вдруг закружилась, восхищена,
И солнцем внезапно стала она,
В мерном круженье с земли воспарила
И светом бессмертным народ озарила.

О Пери! Скорей — чтоб сгинул тиран
Дэв Гнета — и мой посети Иран!
Блага даруя народам земли,
И моему свой дар ниспошли!

Тот блеск животворный привел в упоенье
Народы. Внезапно, в одно мгновенье,
Предстало взорам несчетных людей
Всё то, что создал отважный Сергей.
И тот, кто народы в борьбе их предводит,
Сказал, торжествуя:

«Кто ищет — находит!
Всю жизнь ты о Счастье мечтал, — та
Осуществилась твоя мечта.
Отважно и смело из края родного
Изгнал ты полчища Дэва злого.
Гнет уничтожен, не стало пут,
Свободен и независим Труд.
Отныне всё то, что труд и отвага
Твои создадут, — тебе же на благо;
Теперь и братьям поможешь ты
Желанья их воплотить в мечты.
Ясен твой ум; сердце — чести обитель,
И в битвах, и в труде победитель.
Хвала твоей доблести в этом бою!
Жму я с любовью руку твою!»

К Сергею, старшему брату, объятая
Сердечно простерли другие братья
И славили мощного богатыря,
Грозовым «ура!» его одаря.
Сказали:

«Ты поднял меч правого гнева,
Заставил бежать насильника Дэва.
Рука твоя сбросила гнет вековой,
И славим мы подвиг бессмертный твой.
Любовь к тебе нас воедино сплотила, —
Живи же и здравствуй, великий и милый!»

Полный надежды светлой, тогда
К солнцу руки воздел Шах-Гада
И молвил:

«О дивное Солнце Счастья!

Согрей и меня лучом участия!
Сжался над жизнью унылой моей,
Свидеться дай мне с милой моей.
Чтобы мы счастливо с нею жили,
Чтоб угнетенье в могилу сложили,
Чтоб от горя отец избавился наш,
Чтобы стал Золотым наш Каменный
Кряж!»

Услышала это кроткая серна —
Во всех невзгодах друг его верный, —
Привстала, припала к нему на грудь,
Сияясь к лицу его нежно прильнуть.
И вдруг — в Сунбуль превратилась серна,
И юноша, радостью полон безмерной,
Кружась вокруг милой розы своей,
Песню запел ей, как соловей.
Радостный клик поднялся отовсюду
Приветствием общим такому чуду,
И каждый так ликовал в тот миг,
Как если бы сам всех целей достиг!
Бедный слепец, что с друзьями сроднился
И над камнем с помощью сына трудился,
Узнав от него о радости той,
Сказал, волнуясь:

«О факел святой!
Я изнемог, иссякло терпенье,
Даруй мне, верни мне прежнее зренье,
Дай с ветви жизни сорвать цветок,
Дай, чтоб я сына увидеть мог!»

Только он смолк — и лучом горячим
Солнце прошлось по глазам незрячим.
Веки он поднял — так изумлен,
Так был смущен и испуган он,
Что вновь их смежил над живыми глазами,
И в воздухе шарить стал руками,
И сына, которого видеть мог,
Нашупал, обнял, на грудь привлек,
Стал целовать его исступленно,
Сбывшуюся мечтой опьяненный!
С юности горе влачивший слепец,
Волей Счастья вернувший глаза наконец,
Хлопал в ладоши, пел и смеялся,
И радостью в общую радость вливался.

Внезапно все смолкли. Не веря глазам,
Застыли в немом изумлении: там
Река вдруг возникла, ясней кристалла,
На солнце, радуя взор, заблестала.
Узнав, что поток этот — мощный канал
И край Тохтасуна родной орошал,
Крикнул он, радость вливая в народы:
«Вот они, жемчуг принесшие воды!»
И гимном победы каждый народ
Восторженно вторил рокоту вод.
Тут Счастьевед к Ладо обратился.
Сказал:

«И ты удачи добился.
Ты, за нехваткой двух-трех друзей,
Слезы струивший дождем из очей, —
Восторжествуй: у тебя отныне
Больше друзей, чем песчинок в пустыне,
Преданных, верных; с опорой такой
Можешь ты действовать смелой рукой:
Двинь колесо мастерства и делай,
Что надо отчизне, Ладо умелый!»

Сияя от сказанного мудрецом,
Ладо окружили герои кольцом:
В счастливых слезах, прославляя победу,
Их всех пригласил он в гости, к обеду.

Вдруг вихрь, прилетевший на тысяче крыл,
Юную девушку наземь спустил.

«Наше племя, —

она в изумленье сказала, —

Верблюжьи колючки ища, кочевало.
Вдруг вихря меня подхватило крыло,
Из ада того в этот рай принесло.
Что тут за край, прекраснейший в мире?
А праздник? Иль мы на свадебном пире?»

Сергей-победитель, страшный врагу,
В тот миг наслаждался в семейном кругу
Лепетом детским: «Отец!» Обернулся
К девушке он, слегка улыбнулся
И дал ей шутливо-суровый ответ:
«Да. Никого здесь без пары нет.

Если одна ты, что ж, постарайся:
Пару найди, а не то убирайся».

Слезы у бедненькой брызнули вдруг,
Сказала она:

«Ушел мой друг
Счастье искать, и в этой разлуке
Со мной неразлучными стали муки».

Лицо тут закрыть внушил ей стыд,
Закрыла. Открыла — пред нею Сабит!
Друг другу в объятия они упали,
Высохли слезы, сердца запыхали.

«Радуйся! — молвил

подруге Сабит. —

Гнет уничтожен, Гнет убит!
Теперь мы с тобой счастливыми станем,
Домом владеть и нивами станем».

Радость у всех залила сердца,
Гремели приветствия без конца.

Тут Латуге, волнения полный,
К солнцу руку воздел безмолвно.
Сергей, как будто поняв этот знак,
В тот миг развернул пламецветный стяг.

Там несколько слов на ткани алой

Перо Всемудрого начертало.

Их каждый прочел на своем языке

(О диво!). Зажглась душа Латуге,

И, просветленный внезапным светом,

Громко прочел он: «Вся власть Советам!

Все блага земли и воды всех стран —

Достоянье рабочих и крестьян!»

После такого великого чуда,

Объятый весельем, средь шумного люда,

Подобно слепцу, который прозрел,

Он закричал, заплясал, запел.

И Счастьевед, с улыбкой ясной,

Сказал:

«Исцелен твой недуг ужасный.

Весь мир твоим взорам отныне дан.

Вот он — желанный твой талисман.

Всё это — явь, не мечты, отныне;

Радуйся ж! Грамотен ты отныне.
Раньше бесписьменным был твой язык,
Теперь для него алфавит возник».
Народы вдруг смолкли, остановились,
Всем телом точно в слух обратились,
И так прозорливый сказал Счастьевед:
«Да славится наша победа побед!
Горе отброшено от порога,
Открыта к радости всем дорога.
Независимы каждый в краю своем,
Мы вместе счастливую жизнь поведем.
И труд нам, и отдых будут отрадой;
Но лишь одно забывать не надо:
Дэв Гнета не умер, не искоренен,
Хоть мы победили и ранен он.
Свой мир у него за теми горами;
Богат он приспешниками и войсками.
Немилы ему ни пища, ни сон:
О мести только и думает он.
Змея он, чье холодом сковано тело;
Наша беспечность его б отогрела.
Мы отстоять наше дело должны,
Будем же стражами нашей страны».

У Колодца Счастья — волненье, движенье,
О, радость для сердца и чудо для зренья!
С разных сторон, одна за другой,
Пери слетаются в пляске живой:
Пери Здоровья, Труда, Созиданья,
Пери Искусства, Поэзии, Знания,
Пери Красы, Изобилья, Любви —
Всякие Пери, как ни зови! . .
Видя ту радость, и жизнь, и движенье,
Сказал бы ты: «Мира второе рожденье!»
Под стук молотков, бодрой песней струясь,
Новая в мире жизнь началась! . .

Сказкою кажется повесть эта,
Но истина в ней в платье сказки одета.
Герои сказочные — сыны
Многих народов моей страны.
Вместе счастье освободили,
Гнета не знающий мир сотворили.

Могучая, славная наша страна
Надеждою всем угнетенным дана!
Свет счастья сияет с Кремлевских башен,
Поэтому Кремль кровопийцам и страшен.
Победоносна советская рать, —
Поэтому Дэву нас не достать.
Дружба народов снесла все муки, —
Поэтому связаны дэвы руки.
Народы великой нашей страны
Верностью братской объединены.
Всё жарче трудятся и напряженней,
Не дремлют, готовые к обороне.
В их душах — уверенность! Ибо, как знак
Того, что пред Счастьем повергнется враг,
Над миром отважными их сынами
Вознесено пламецветное знамя —
Стяг Счастьеведа! . . И с ним весь свет
Будет избавлен от гнета и бед.

1947

535. СТРАНИЦА СЛАВЫ

1

Покои падишаха в Тегеране.
Сквозь окна вечер пламенеет ранний.
Шах пьян. За занавеской шепот жен.
Дервиш, держа фигуру восковую,
Бормочет что-то, над ковром склонен,
Размахивает рукавом, колдуя.
Вот он завыл, вой переходит в стон,
И вскоре плут, пресытившись экстазом,
Фигурке рубит голову над тазом.

И завопили все: «Свершилась кара!
С плеч покатилась голова Саттара.
Убит мятежник грозный. Салават!
Сейчас его, проклятого, не стало!»
Ликует двор, счастливой вести рад,
Народ же от велика и до мала
Не хочет верить, мудростью богат.

О колдовстве толкует он с издевкой, —
Провел дервиш барана-шаха ловко. . .

2

На город, исходящий болью жгучей,
Упала ночь, подобна черной туче.
Луна и звезды нынче не взошли,
Оделись в траур сумрачные своды,
Чтоб память тех почтить, что полегли
В борьбе за дело целого народа.
Всё замерло: ни возгласа вдали,
Ни гневных слов, ни сдержанного стоны,
Лишь ветра свист, протяжный, похоронный. . .

Мужчина, хоронясь, как из засады,
В окно, во мрак вонзает стрелы взгляда,
Стремясь прочесть сквозь черный переплет
Из книги жизни светлую страницу.
В углу, вся воплощение забот
И скорби тяжкой, женщина томится.
Что эта ночь еще с собой несет?
А на постели девочка больная
В недуге тяжком мечется, стеная.

Мужчина молча подошел к постели,
Его глаза, как два костра, горели.
Потом окно завесил простыней,
Заставил дверь; достал весь запыленный,
В потеках крови патронташ пустой
И стал в него укладывать патроны.
Жена в испуге крикнула: «Постой!
Безумный, что ты затеваешь снова? —
Ее слова и нежны и суровы: —

Ты удивлен? Не ожидал отпора?
Да, это я, твоя жена, опора,
Тебя сдержать пытаюсь. Подожди,
Не загорайся гневом и досадой,
Припомни, как, прижав меня к груди,
Сказал впервые, что бороться надо,
Что проблеск счастья видишь впереди,

Что лучше смерть, чем наш удел убогий
Век обивать господские пороги.

С тех пор я не затворницей-женою —
Была тебе подругой боевою.
Любовь борьбой умела утверждать
И всё ж сейчас прошу тебя остаться.
Над дочкой сжалиться молю как мать.
Кругом войска, кто будет с ними драться?
Нет помощи, друзьям твоим не встать.
А те бежали, что ушли живыми».
— «Что ж, — муж сказал, — и ты бежишь за ними?

Нет помощи? Ты ж, мой помощник главный,
Что стоит ста бойцов, бежишь бесславно? ..»
И вдрогнула от этих слов жена,
Вскочила и с солдатскою сноровкой
С гвоздя поспешно сорвала она
И на плечо закинула винтовку.
Сказала, и горда и смущена:
«Все сто твоих бойцов готовы к бою,
На смерть пойти готовы за тобою».

И обнял муж жену свою и друга:
«Сейчас у нас не может быть досуга:
Враг кровью, за день пролитой, не сыт,
Он жаждет проливать ее ручьями!
Восстанет, кто поверженный лежит,
Чтоб вновь с врагом схватиться вслед за нами.
Верь, нам добиться счастья предстоит
И наша Хадиче, дочурка наша,
Его хлебнет тогда из полной чаши.

Я вижу день: последнее усилие,
Для новой славы расправляет крылья
Проснувшаяся доблесть древних лет.
Еще земля моя в огне и дыме,
Но вижу ясный, восходящий свет,
И пусть тогда мое не вспомнят имя,
Пусть ковылями зарастет мой след,
Лишь бы могла моих усилий доля
Помочь народу вырваться на волю.

Идем же, друг». И вот растет всё выше
Во мраке заграждение на крыше.

Когда ж, врагам на горе, наступил
Рассвет и шахиншахские бандиты
В разгуле пьяном, не жалея сил,
Тавриз громили брошенный, разбитый,
Внезапно луч тавризцев озарил:
Увидели и молодой и старый —
Поднялся с солнцем алый стяг Саттара.

Раздался клич: «*Озодлик яшасын!*»
И разгорелся смертный бой. Сначала
Их было двое, но пора настала —
Был сразу же подхвачен их почин.
Включаться в битву стали горожане.
Не сговорившись, не сходясь заране,
Рабочий люд поднялся как один.
Послушный сердца пылкому веленью,
Пошел он за Саттаром в наступленье.

3

Лик радости сменил лицо печали,
Вновь голоса прохожих зазвучали.
Расчеты шахиншаха сорвались:
Не выдержав внезапного удара,
Враг отступал. Стан выпрямил Тавриз
Под стягом полыхающим Саттара.
До Керманшаха вихрем донеслись
Известия о совершенном чуде,
И глухо там зашевелились люди.

Припоминаю утро золотое,
Фонтан, кипящий горною водою
На площади базарной Туп-хане.
С окрестной нищетой несообразный,
В дни отрочества он казался мне
Сверкающей колонною алмазной.
И чудилось, как будто в вышине,
Там, где с разлета рушится колонна,
Пчел золотых роятся миллионы.

О, юности далекая пора!
Базарный день. У ветхого шатра
Дервиш расположился, проповедник.
Хлопочет каждый здесь о барыше:

Цирюльник, мелочный торговец, медник.
Всё как обычно, жизни смысл — в гроше.
Но труженик огонь таит в душе.
Повстанцы, смелый план подготавливая,
Сошлись в каморке караван-сарая.

Меж тем не спят и шахские наймиты. . .
За городом пустырь, ветрам открытый.
Привязан к двум пригнутым тополям
Приверженец мятежного Тавриза.
Он должен быть разорван пополам.
Народ теснится, ужасом пронизан,
Отряды войск проходят здесь и там,
Пополнены ряды их разным сбродом.
В ночь выступают на Тавриз походом.

Протяжный, хриплый петушиный крик.
В молочной мгле луны неясный лик.
Войск движется расплывчатая масса,
Чтоб над Тавризом потушить рассвет.
Верблюдов длинный караван вослед
Провизию везет, боеприпасы.
Яр-Мухаммед, погонщиком одет,
Среди врагов бесчисленных затерян,
С собратьями идет, обету верен.

Там, вокруг Тавриза, черных сил лавина
Истаяла — осталась половина.
И та для новой схватки негодна.
Начальники забились в щель со страха,
Но вот сменилась шумом тишина —
Подмога подошла из Керманшаха,
По воле деспота снаряжена.
Погонщики тайком ведут беседу,
Сосед слова передает соседу.
Яр-Мухаммед, лицо от света пряча:
«Пусть нам, друзья, сопутствует удача:
Сегодня ж ночью в славный город мы,
Вьюки с оружием захватив с собою,
Должны пробраться под покровом тьмы,
Должны попасть туда ценой любою.
Здесь не до нас, среди этой кутерьмы.
Друзья ему: «А как нам быть при встрече?
Саттар не понимает нашей речи».

Яр-Мухаммед: «У нас едины цели,
Давно друг друга мы понять сумели,
Хоть говорим на разных языках.
Они за счастье борются, мы тоже,
Тем и другим равно неведом страх.
Когда сердца в согласье, речи схожи
И одинаков замыслов размах.
Когда ж нам чуждо, что другому свято, —
Брат может не понять родного брата».

Еще до света «волею аллаха»
На шахский стан легли снаряды шаха. . .

.
Царь получил посланье из Ирана:
Шах просит войск у русского тирана.
Мол, справиться один не может он —
Бунтовщики тавризцы одолели. . .
Узнав о том, в раздумье погружен,
Так записал в своей тетради Ленин:
«Когда в бессилье деспот принужден
Вымалывать подмогу у соседа,
Хотя б за ним и числилась победа,
Восстаниям конца не положить:
Движение в народе будет жить».

1947

536. ЛИСТОВКИ ДОСТАВЛЕНЫ В СРОК

Уносит подросток бесценную кладь —
Тяжелую связку бумаг.
Скорее! Нельзя ни минуты терять.
Намокла на лбу, закурчавилась прядь,
Всё тверже, быстрее его шаг.

Ему секретарь партячейки сейчас
Доверил листовки. Их в срок
На место доставить дал строгий наказ,
Пожал ему руку. В тени хоронясь,
Спешит вдоль оград паренек.

И сразу — погоня. Недаром давно
Добычу выслеживал шпик.

Бежать! Он исполнит свой долг всё равно!
Ударила в голову кровь, как вино,
И ветер его б не настиг!

Еще переулок, еще поворот,
Уж близок заветный порог.
Осталось немного — вперед же, вперед!
Но силы иссякли, всё кругом идет,
Уходит земля из-под ног.

И вот он лежит на камнях недвижим,
Листовки вокруг размело,
Прохожий старик наклонился над ним,
Сгреб в кучу листовки: «Точь-в-точь мой Селим. . .
Что с ним приключиться могло?»

Но тут полицейский приблизился вдруг.
Нашелся тотчас старина,
Сказал он: «Падучей страдает мой внук,
К врачу его свел, но проклятый недуг
Не вылечит сам сатана!»

С такими словами, натужась, взвалил
Больного на плечи старик,
К себе перенес, выбиваясь из сил,
Привел его в чувство, и сразу спросил
Тот, вновь обретая язык:

«Где связка? Что случилось — о, горе мне! — с ней?»
И он оглянулся вокруг:
Как всё тут знакомо! Жилища бедней
Не сыщешь, — беднее, темней и тесней.
Вся утварь — котел да бурдюк.

«Зачем за такие берешься дела? —
Кивая на связку в углу,
Хозяин сказал. — Или жизнь немила?
И так наша доля, сынок, тяжела,
Лбом хочешь пробить ты скалу.

К чему же ты губишь себя, молодец,
Труда не жалеешь и сил?»
— «Хочу, чтоб тебя не терзали, отец,
Чтоб хан не душил, чтоб не грабил купец,
Чтоб ты припеваючи жил.

Чтоб век в кабале не страдал наш народ,
Чтоб лямку всю жизнь не тянул,
Беду за бедой не терпел что ни год,
Не гнулся к земле от нужды и невзгод,
Как в знойных песках саксаул.

Коль стонет страна под пятой чужаков,
Смертельно опасен покой
И пагубен страх. Знаю, путь мой суров,
Путь смелых, услышавших партии зов,
Но жребий почетен такой.

Пойми, настоящий мертвец — это тот,
Кто, родины видя позор,
Молчит, от небес избавления ждет.
А павший в сражение — тот вечно живет, —
Потомков таков приговор.

Я верю, я знаю: народ победит
В решающей схватке с врагом!
Вчерашний бедняк будет счастлив и сыт.
Стать вновь молодым, друг, тебе предстоит,
И станет твой дом цветником».

Вскочил паренек, вновь мечтой окрылен:
«Скорей! Не дождутся друзья!»
Но с губ его тихий срывается стон,
И снова без сил опускается он
На жалкую грудь тряпья.

Тут с места сорвался старик, распрямясь,
И вот уж стоит он в двери,
Листовки в узле, палка с ним про запас,
Как юноша, смел он и пылок сейчас:
«Куда их снести? Говори! . . .»

1951

537. ПАРТИЗАНСКАЯ АТАКА

1

Развалины древних стен крепостных.
Отряд смельчаков окопался в них.

Пустыня вокруг, свирепствует зной,
Даль знойной завешана пеленой.

Болезни и голод косят бойцов,
Напрасен в пустыне о помощи зов.

Подмоги не будет, порвана связь,
Шатаются кони, от жажды томясь.

Все двинуты силы отряду вдогон,
Враги подступают со всех сторон.

Добычу почуяв, рвется вперед
Предателей, хищников пестрый сброд.

Идут: чужеземцев наймит, блюдолиз —
На тех, кто страну отстоять поклялись;

Душитель свободы, грабитель и кат —
На тех, кто стеной за свободу стоят.

Смыкает кольцо многоглавый удав
Вкруг тех, кто в борьбе добивается прав.

Как быть? Всё острее в патронах нужда,
Кончается хлеб, на исходе вода.

Пойти напролом, пасть в неравном бою?
Ведь их только сорок осталось в строю.

Тревога, растерянность всё растут:
Остаться? Погибнуть бесславно тут?

Ждут воины, что им подскажет «отец»,
Ведь он их главарь — и храбрец, и мудрец.

Отцом называют его молодцы,
Хоть сами ему годятся в отцы.

С тех пор как блеснул ему истины свет,
Народу служить дал священный обет.

Опасность грозит — он всегда впереди,
У юноши пламя, не сердце в груди.

Решение принято им сейчас,
Но рано еще отдавать приказ, —

Бойцов посылать он не хочет вперед,
Пусть сами решат, где лучший исход.

2

Птенца подобрал как-то в поле отряд,
Был каждый о нем позаботиться рад.

Бойцы, вспоминая родимый дом,
Делились скудной едой с птенцом.

Тронутые бедою его,
Поили с пальца водою его.

Птенец окреп, стал совсем ручным,
Привык к бойцам, как к отцам родным.

Взлетал им на плечи, кричал «джиг-джиг»,
И был им понятен его язык.

Бывало, вспорхнет — и обратно к ним,
Как будто зовет: скорее, летим!

Погнался коршун за крошкой раз,
Но в хищника пуля бойца впилась.

Он камнем упал и замер в пыли,
Птенец же со страха засел в щели.

Вдруг видят: схватила его змея —
И снова скворчонка спасли друзья;

Нацелились, бросили палкой в змею —
Изохла, не выпустив жертву свою.

Но, заживо в глотке змеи погребен,
Малютка старается выбраться вон.

И шею, и грудку, и крылья напряг, —
Смотрите, как бьется он, борется как!

И выбился, выпал комочком в бурьян
Отважный питомец лихих партизан.

Бойцы подошли, окружили его,
Омыли водой, освежили его.

Ласкали птенца, хлопотали над ним:
«Мы друга в обиду врагам не дадим!

Знай, крошка, таков партизанский закон». —
Шутя восклицали: «Да сгинет дракон!»

И ну сапогами гадюку топтать.
Птенец отряхнулся, он весел опять.

Раздался тогда в степной тишине
Приказ: «Всем отрядом, ребята, ко мне!»

Собрал вокруг себя осажденных «отец»,
Сказал, улыбаясь: «Нам этот птенец

Пример показал, как бороться с бедой.
Глаза нам открыл этот случай простой.

Надежду терять не пристало бойцам,
Отважный малыш доказал это нам.

И мы точно в глотке змеиной сейчас, —
Настал избавленья решительный час.

Пусть наши сердца безнадежности яд
В мед жизни, надежд и побед претворят!

Довольно сидели мы здесь в западне —
Уж коль умирать, то в огне, на коне!

Мы вылазку сделать должны до утра». —
И сорок воскликнули разом: «Ура!

Долой опротивевший насмерть досуг.
За дело!» И всё закипело вокруг.

Готовится к бою отряд партизан:
Починка уздечек, проверка стремян,

Чистка винтовок, насадка штыков,
Раздача патронов, воды, пайков,
Ковка коней и крепление удил. . .
Скорей, чтобы сердца огонь не остыл!
Весь вечер, всю ночь подготовка идет.
В поход! В поход!

3

Полночь черна, как вражья сердца;
Тьме беспросветной не видно конца.

Ни звездочки-свечки во мраке густом,
Ни месяца-факела в небе пустом.

Кругом тишина, тишина, тишина. . .
Когда же команда будет дана?

Укутаны в войлок копыта коней,
Не кони то — сборище конских теней.

Бойцы как слепые, всё гуще мрак. . .
«В атаку!» — условленный подан знак.

Подобно разящему волны киту,
Ряды удальцов рассекли темноту.

Как молния, вырвались в вольную степь,
Прорвали осады железную цепь.

До гор добрались вместе с первым лучом,
До гор, где вода бьет повсюду ключом.

Из пасти змеиной, из смертных тисков
Пробились на ширь изумрудных лугов

Для новых походов и доблестных дел.
Таков их, повстанцев отважных, удел.

За пазухой в эти края довезен,
Птенец на цветущий был выпущен склон.

Свободу бойцы принесли и ему —
Наставнику славному своему.

III

538. КУЗНЕЦ КОВА

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

К о в а — кузнец.
Б а х р о м — старший сын Ковы.
Ф а р р у х — младший сын Ковы.
П и р у з а — жена Ковы.
К у б о д — повар.
Н у ш о ф а р и н — дочь Кубода.
П а р в и з — дехканин-горец.
С а н г и н — погонщик богатырско-
го сложения.
Х о с р о в — юноша.
З а х х о к — шах-узурпатор.
В и з и р ь двора.
Ш а х р б о н — градоправитель.
С а р д а б и р — главный писец.
Г л а ш а т а н.
Б а р а б а н ш и к и.

Десять сыновей Ковы, городской и сельский люд, военачальники, воины, палачи, придворные, духовенство, богачи, торговцы.

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Кузнечный базар. В харчевне за едой и питьем сидит горец П а р в и з, погонщик С а н г и н и другой городской и приезжий люд. К у б о д с дочерью прислуживают посетителям. Полуденный отдых. Кузнецы, среди них одиннадцать сыновей Ковы, сидят перед своими кузницами, едят, беседуют. Молодежь затягивает песню.

П а р в и з
(*кивая на Кубода*)

Варить мозги второй такой искусник не найдется...

Сангин

И добряка такого, брат, не отыскать, сдается.
Как в город кладь я привезу, люблю среди базара
Мозгами наслаждаться здесь и шуткой мозговара.
Про ум, радушье старика твердит молва людская...

Парвиз

(любуюсь Нушофарин, дочерью Кубода)

Так по заслугам у него жемчужина такая?

Сангин

О да!.. И благородством так он славен среди народа,
Что «Чистым Сердцем» с давних пор прозвали здесь
Кубода.

Спой, Сердце Чистое — Кубод!

Кубод

Дай старику покой!

Посетители

Нет, не отказывай, отец. Спой, непременно спой!

Кубод берет блюдо с вареными бараньими мозгами и, приплясывая,
поет, народ подпевает.

Песня

Мозг этот нежен, и сладок, и свеж.
В мире подобный найдете вы где ж?
Варку мозгов я до тонкостей знаю,
Мозгом я хлеб и почет добываю.

Сладость мозгов нам веселье дает,
Любит мозги весь народ, весь народ.
Варит их знатно Кубод наш, Кубод,
Варит их знатно Кубод наш, Кубод.

Вкусных мозгов не отвергнет и яр
С другом, за чашей, под чанг и дутар.
Кто до мозгов не имеет охоты?
С ними забудешь печаль и заботы.

Сладость мозгов нам веселье дает,
Любит мозги весь народ, весь народ.
Варит их знатно Кубод, наш Кубод.
Варит их знатно Кубод, наш Кубод.

Фаррук и Нушофарин отходят в сторону.

Ф а р р у х

Твой взор вселенной всей, моя родная, стоит.
С тобою вместе миг побыть блаженства рая стоит.

Н у ш о ф а р и н

Я жизнь отдам за счастье быть любимой тобой.
Мала цена! Ее, поверь, судьба такая стоит.

Ф а р р у х

О роза, благовонье лей всегда со мною рядом,
Иди в блистании кудрей всегда со мною рядом.
На что мне сердце, если ты не примешь в дар его?
Что жизнь, коль милой нет моей всегда со мною рядом?
Я в очи кроткие твои гляжу, и мнится мне,
Что пери нежная, газель, звезда со мною рядом.
Будь, милый друг, в часы труда и в мирной неги час
Везде плечом к плечу со мной, всегда со мною рядом.

Появляется К о в а. Все с любовью и почтением здороваются с ним.
Ласково отвечая на приветствия, Кова вместе со всеми сыновьями
проходит в свою кузницу и принимается за работу. Баснословная си-
ла и мастерство видны в его движениях. Во всех других кузницах
тоже начинается работа.

П а р в и з

Так это он, Кова... За ним в работе не угнаться.
Одиннадцать с ним сыновей? А я слышал — двенадцать.

С а н г и н

Двенадцатый, храбрец Бахром, давно расстался с нами,
В рядах отечественных войск сражается с врагом.

Ф а р р у х

(запевает песню, другие подхватывают, поет весь базар)

Разные бывают
Руки у людей,
Но всех рук на свете
Ловче и сильней
Дружные с огнем,
Первые во всем
Руки кузнеца,
Руки кузнеца.

Шлем, броню стальную
Для могучих плеч,
Острый серп крестьянский
И разящий меч —
 Кто их создает,
 Прочно их кует?
 Руки кузнеца,
 Руки кузнеца.

В кузнице проворны,
В натиске грозны,
С честью неразлучны,
С мужеством дружны,
 Победят везде,
 В битве и труде,
 Руки кузнеца,
 Руки кузнеца.

Коль из тучи хлынет
Смертоносный град,
Разорить захочет
Наш весенний сад, —
 Тучу одолеют,
 По ветру развеют
 Руки кузнеца,
 Руки кузнеца.

Парвиз направляется к Кове.

П а р в и з

Приветствую тебя, Кова, кователь-чудодей.

К о в а

Салам. Чего хотел ты, брат?

П а р в и з

Серпок бы поострей.
С утра по городу брожу, ищу — напрасный труд,
Куда ни глянешь — кузнецы мечи одни куют.
Во всем базаре на серпы, на косы недород,
Сгорит от зноя урожай, коль дело так пойдет.

К о в а

Но без оружия, мой друг, теперь не проживешь.
Что войско без мечей? Цена такому войску грош.

Иль ты не слышал: хочет враг наш край завоевать,
У рубежа недавно он рассеял нашу рать.
Пока грозит нам злой Зоухак, нужны нам для борьбы
Стрела и меч, иначе нам злой не избыть судьбы.

Ф а р р у х

Чтоб вражью пробивать броню, нужны нам копыя, друг,
Чтоб грудь бойцов прикрыть, нужны нам тысячи
кольчуг.

П а р в и з

Но и ячмень и хлеб войскам нужны для их удачи,
К тому ж не знаешь ты дехкан, о юноша горячий.
Коль в нас отечество нужду почует в грозном споре,
Дехканской яростью земля запенится, как море.
Тогда не хуже всех мечей послужит серп наш ловкий,
Пойдет он головы врагов косить без остановки!..

К о в а

Хвала и честь!

Ф а р р у х

Возьми же серп, когда тебе так мил он.

К о в а

Да острый выбери, Фаррух, какого заслужил он.

Парвиз получает серп и отходит.

Д е т и и ж е н щ и н ы

Кова! Эй, дедушка Кова!
Твой сын Бахром идет, Кова!
Устал, бредет едва-едва...
В повязке белой голова.
Бахром идет...
Бахром идет...
Идет... идет... идет... идет.

Кова, его сыновья и другие бегут встречать Бахрома; возвращаются, беседуя с ним. Кубод вводит Бахрома в харчевню, усаживает его. Народ собирается перед харчевней.

К у б о д

Он ранен... Стынет кровь моя...

(Нушофарин.)

Вина ему налей!

Пей, друг любезный! Больно, знать, головушке твоей.

К о в а

Высоко голову нести зато его удел.
Боль эта — знак, что он душой за родину болел!

К у б о д

О войске вражьем, о Заххоке злом
Немало бродит слухов тут глухих.
Когда с дороги отдохнешь, Бахром,
Порасскажи, что знаешь ты о них.

Б а х р о м

Минуло десять дней с тех пор, как, ослабев от ран,
С другими ранеными я родной покинул стан.
Душой печален я... Не боль телесная тяжка —
Вдали от воинво-друзей томит меня тоска.
Они сражались точно львы, те храбрые мужи,
Ручьями лили вражью кровь, спасая рубежи.
Но полководцы, нас предав, к Заххоку перешли,
Себя на стыд, на горе нас изменой обрекли.
Заххок... Недаром он везде чудовищем слывет.
Двух алчных змей из плеч своих он вырастил, урод.
Их алчность буйную простой не усмирить едой,
Им нужен человеческий мозг, да свежий, молодой!
Шипя и корчась, каждый день встают они чуть свет,
Торопят насыщенья миг, и если пищи нет —
То к мозгу шаха самого неистово ползут,
Тирана уши с двух сторон терзают и грызут.
И каждый день казнит палач двух молодых людей,
И яства стряпают потом из мозга их для змей.
Все юноши тем старцем злым на смерть обречены...
О горе, горе племенам, что им покорены!
Свободе, чести надо нам сказать навек «прости»
Иль всем подняться, как один, и в бой с врагом идти.
Народ стоит в оцепенении. Появляется П и р у з а, спешит к Бахрому.

П и р у з а

Сын милый!.. Что с тобой! О горе нам!
Дай к ране приложу твоей бальзам.

Бахром с помощью матери и одного из братьев встает и уходит.

Бегущие

Вражьи орды идут...
Вражьи орды уж тут...
Убивают,
И грабят,
И режут,
И жгут...

Врываются воины Заххока.

Военачальник

(подняв обнаженный меч)

Да славится победы грозный бог,
Владыка мира, царь царей Заххок!..

Занавес

КАРТИНА ВТОРАЯ

Площадь перед дворцом. Стража. Бьют в барабаны.

Глашатай

Эй, люди, эй, эй!
Собирайтесь живей!

Одетые в черное, собираются на площадь жители. Среди них Ковач и Пируза с двумя только сыновьями: Бахромом и Фаррухом. Кубод, Нушофарин, Сангин.

Народ

Горе нам, горе нам,
Обездоленным рабам!
Жертвы новые нужны
Ненасытным палачам.
Вновь ручьи кровавых слез
Лить отцам и матерям.
Стали мы поживой змей,
Горе нам, горе нам!..

Бахром

Долго ль нам еще влачить
Ненавистный груз оков?

Хосров

Долго ль нам еще сносить
Иго злобных чужаков?

Появляются Шахрбон и Сардабир с сопровождающими.

Сардабир

(тихо Шахрбону)

Еще мне подсказать ты не успел,
Идти на казнь сегодня чей удел.

Доносчик подходит, озираясь.

Шахрбон

Сейчас скажу.

Доносчик

Хосров и с ним Бахром
Хулили шаха дерзким языком.

Шахрбон

Бахром, сын кузнеца?

Доносчик

Он самый.

Шахрбон

(Сардабиру)

Что ж,

Пал жребий. Имена их назовешь.

Сардабир записывает имена.

Бахрома брать опасно, несомненно...

Зато Заххоку угрожу отменно.

Кова, опять Кова!.. И сыновья...

Когда ж репейник этот вырву я?

Оба направляются на возвышение.

Сардабир

Новостям внимайте, люди!

Знайте, люди! Знайте, люди!

Жребий нынче

Брошен снова.

Выпал жребий
На Хосрова...

Матери, имеющие сыновей по имени Хосров, с ужасом прижимают
юношей к себе.

Родом
Из семьи Руххома...

Мать названного Хосрова с воплем обхватывает сына. Подходят па-
лачи, силой вырывают Хосрова из объятий матери, уводят. Мать па-
дает без чувств, женщины бегут к ней на помощь.

Ж е н щ и н ы

О, бедная мать,
О, мать без детей!
Последнего взял
Проклятый злодей...

Ропот народа, рыдания и вопли женщин.

С а р д а б и р

Выпал жребий на Бахрома...

На этот раз содрогаются и прижимают к себе сыновей матери всех
Бахромов.

Сына
В жертву
Во дворец
Пусть пришет
Кова-кузнец.

Н а р о д

О, горе!.. Наш Бахром, герой Бахром!
Взращенный знаменитым кузнецом,
Второй Кова отвагой и умом,
Родной Бахром, наш доблестный Бахром!

Из задних рядов толпы, перекаtywаясь, доносится:
«Бахром... Наш Бахром...»

П и р у з а

(обхватив Бахрома)

О люди, о народ мой милый, сжался!
Последние иссякли силы, сжался!

Приди на помощь мне, бедой убитой,
Страдалице будь верною защитой!
Подходят палачи, хотят увести Бахрома.
Прочь от меня, нечистые шайтаны!
Проклятье вам, свирепые тираны!
Вы землю кровью нашей затопили,
Десятерых моих детей убили.
Осталось мне двоими любоваться. . .
Доколе кровью сердцу обливаться?
Насилья мир не видывал гнуснее.
Я не отдам вам юношу, злодеи!

Ш а х р б о н
(палачам)

Скорей ведите!

Н а р о д

Не дадим!

Ш а х р б о н
(угрожающе)

Добром дадите?

Н а р о д

Не дадим!

Ш а х р б о н
(палачам)

Берите силой!

Н а р о д

Не дадим!

Ш а х р б о н

Как пса тащите!

Н а р о д

Не дадим!

П и р у з а

Кричите же,
О люди!
Спасите же,
О люди!

Н а р о д

Да покарает небо
Свирепого Заххока!
Доколе землю нашу
Терзать ему жестоко?
Проклятие дракону,
Венцу его и трону,
Приспешникам-злодеям
И ненасытным змеям!

Шахрбон, струсив при виде возрастающей ярости народной, знаком останавливает палачей.

Ш а х р б о н

Это что за своеволие?
Обезумели вы, что ли?
Всем умолкнуть! По местам!
Знайте, худо будет вам.
Вы послушайте совета —
Образумьтесь, бросьте это!
Чья вина, скажите, в том,
Что родился ваш Бахром
Под звездой несчастливой?
Беспристрастный, справедливый
Жребий брошен. Небом он
В жертву змеям обречен...

Ф а р р у х

(выступая вперед)

Меня вы за него казните!

С а н г и н

Меня!

Другие юноши

Меня!

Меня возьмите!

Б а х р о м

О нет, бесстрашные друзья,
Такие ж люди вы, как я.
У каждого — приют родимый,
У каждого — отец любимый,

У каждого родная мать —
Меня ль у смерти отнимать?
О братьях отнятых тоскуя,
Давно без радости живу я.
Погас огонь звезды моей,
И скорбных дней мне смерть милей.
На казнь пойду с душой блаженной. . .

Пируза падает без сознания, ее уносят.

А ты, народ мой несравненный,
Вы, благородные сердца,
Коль вас печалит скорбь отца,
Ему отныне станьте сами
Соратниками и сынами!

К о в а

Зачем не мне, седому, рок судил
Погибнуть вместо тех, кто сердцу мил?
Зачем меня обходит смерти тень,
Чтоб новой пыткой мучить каждый день?
Сияньем дня клянусь, теченьем рек —
Тебя не пережил бы я вовек.
Переживу, чтобы за смерть твою
Врагам жестоко отомстить в бою,
Чтобы мечту твою осуществить,
Чтоб век тебе в сердцах свободных жить!

Целует Бахрома в лоб.

Ф а р р у х

(Бахрому)

От младенческой поры,
От ребяческой игры,
От шагов моих начальных
До меча и наковальни
Всюду любящей рукой
Всл меня ты за собой.
В счастье, горе и в борьбе
Был я спутником тебе.
Что ж теперь меня, родного,
Отстраняешь ты сурово?
В путь последний, роковой,
И меня возьми с собой!

Бахром

Ты — кузнец и воин,
Будь отца достоин.
Помоги отчизне
Возвратиться к жизни!..

(Народу.)

Мой народ, смелее!
Как ни люты змеи,
Как ни тяжки муки,
Ты не сложишь руки!..

Зимний холод пройдет
Навсегда, навсегда!
Пышный сад расцветет
Навсегда, навсегда!
Соловей в том саду
Песню счастья споет...
Ухожу, мой народ,
Навсегда, навсегда!
В золотые года
Долгожданной весной
Алых маков и роз
Наслаждаясь красой,
Нас добром поминай,
О народ мой родной!..
Ухожу я, прощай,
Навсегда, навсегда!

Бахрому уводят.

Н а р о д

Страшный час, горький час...
Не смирясь пред врагом,
Пал ты жертвой за нас,
Храбрый витязь Бахром.
В сердце имя твое
Навсегда сохраним.
И врагам за тебя
Отомстим!

З а н а в е с

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Внутренний дворик в доме Кубода. За стеною сад.
Гушофарин, Пируза, женщины и девушки.

Песня

Без вины рассердился дружок на меня,
И погасло сиянье весеннего дня...
Слезы, стоны и вздохи — так слышала я —
Могут милого сердце смягчить.

Рассказала я грому о горе таком;
Надо мною рокочущий сжалился гром;
Стоном стал он и в сердце стесненном моем
Приютился, чтоб мне послужить.

Мимо тучка плыла в голубой вышине,
Поняла, на каком я сгораю огне,
Пала в очи бессменной спутницей мне,
Чтобы слезы несчетные лить.

Повстречалась я, бедная, с вихрем шальным,
Был он тронут безмерным страданьем моим,
Опустился, и вздохом он стал огненным
В наболевшей груди моей жить.

С той поры непрестанно до этих времен
Над землей раздается мой горестный стон,
Тяжким вздохом моим целый мир потрясен,
Слезы вечно дано мне струить.

Но ни стоны, что рвутся из груди моей,
Ни горячие слезы, что лью из очей,
Ни палящие вздохи до нынешних дней
Сердце друга не могут смягчить.

Из сада прибегают дети с цветами в руках. Подносят их матерям
и Пирузе.

Пируза

(лаская детей)

Много лет и я служила детям ненаглядным,
Много лет гордились руки бременем отрядным.

Много лет среди любимых роз я молодела,
Много лет, склонясь над ними, соловьем я пела.
Налетела злая осень, и увяли розы,
Соловей осиротевший льет, стеная, слезы.
Их, одиннадцать любимых, как пережила я!
Ведь одиннадцать бесценных жизней отдала я.

Ж е н щ и н ы

Кровь их без следа не пропадет,
Горе наше плод возмездья даст.
Черен над тираном небосвод,
Близок, близок мести грозный час.

Женщины, собираясь уходить, прощаются с Нушофарин. С улицы
доносится голос глашатая.

Г л а ш а т а й

Над плечами шаха злые змеи
Алчные вытягивают шеи.
В жажде мозга пасти разевают,
Венценосца день и ночь терзают.
Наши повара не знают дела,
Мозг людской готовят неумело.
Коль нашелся б мозговар искусный,
Усыпил бы змей стряпнею вкусной, —
Удостоен милости владыки,
Стал бы он из малого великим,
Он, визирем став, разбогател бы,
От земли до неба всем владел бы.

(Уходит.)

П и р у з а

Да кто ж возьмется для гадюк
Мозг соплеменников варить?
Не сыщется продажных рук,
Чтобы подобное творить!

Женщины уходят, разговаривая.

Н у ш о ф а р и н

Тревожны мысли... Ни на миг покоя не могу
найти...
Что делать мне? Каким путем Фарруха много
спасти?

Входит Ф а р р у х.

Ф а р р у х

Зачем так печальны твой голос и вид?

Нушофарин

Дыханье разлуки мне сердце мертвит.

Фаррух

Поблекли зачем на щеках твоих розы?

Нушофарин

От тяжелой заботы, от черной угрозы.

Фаррух

Что, если останешься ты без меня?

Нушофарин

Не видеть мне лучше сияния дня!

Фаррух

Достойнейших юношей в мире немало.

Нушофарин

Но сердце тебя, мой желанный, избрало.

Фаррух

Что сделаешь, друг мой, со мной разлучась?

Нушофарин

Одно лишь: расстанусь я с жизнью тотчас.

Фаррух

Друг милый мой, жизнь бесконечно прекрасна!

Нушофарин

Жизнь, милый мой, с другом сердечным прекрасна!

(Выходит в сад.)

Фаррух

Не боюсь ни смерти жадной, ни огня я, ни меча,
Что мне вражеские стрелы, что секира палача?
За себя не трепещу я, горе милой горько мне,
Влагу льют глаза любимой, оттого я весь в огне.
В эту черную годину знает каждый горечь бед,
Но моей беды чернее ни в одном жилище нет.
Гнет неслыханный, что гору раздавить легко бы мог,
На мои обрушил плечи деспот яростный Заххок.

(Задумывается.)

Полно! Сердце злой кручине я не дам завоевать.
Пусть родные братья пали, ты со мной, народа раты!
Не поникну головою под ударами судьбы,
Воспитал меня отец мой, лев бесстрашный, для борьбы.

Нушофарин возвращается с плодами для Фарруха.

Нушофарин

Нет сил, мой милый,
Душа изныла.
Мне жизнь такая,
Как смерть, постыла.
Я каждой ночью
Дрожу, тоскую,
Боюсь услышать
Весть роковую.
Боюсь, что деспот,
Коварный, жадный,
Тебя похитит,
Мой ненаглядный.
Спасти нас может
Одно лишь чудо...
Фаррух любимый,
Беги отсюда!

Фаррух

Видала ль ты, как мотылек, огнем спаленный, умирает?
Сгорая, счастье он познал и, озаренный, умирает. 0
Блажен, кто любит всей душой и в битве за любовь свою
Бестрепетно у милых ног, окровавленный, умирает.
Жилище друга, светлый дом, приют свободы и надежд!
Блажен, кто у твоих дверей, освобожденный, умирает.
При дуновении зимы покинуть розу и гнездо
Не хочет верный соловей и, непреклонный, умирает.
Умершим не зови того, кто за любимую свою
Без страха бьется и в бою, непобежденный, умирает.

Нушофарин

О, если бы в гневе, могуч и суров,
Восстал наш народ на жестоких врагов!

Фаррух

Любуюсь я милой моей... Какова!
Газель моя нынче бесстрашнее льва.
Узнай же, отважная Нушофарин!

Уж скоро, уж скоро средь гор и долин
Поднимется грозно родной наш народ
И в бой с ненавистным тираном пойдет.
В той битве с мечом моим верным в руках
Сражаться я буду в передних рядах.

Нушофарин

Я везде товарищ твой,
Спутник верный, боевой.

Фаррух дарит Нушофарин кинжал.

Пора...

Фаррух

Тебе готов повиноваться я.
Уходит тело прочь, хоть здесь душа моя.

(Простясь, уходит.)

Нушофарин

Ни дум в уме усталом, ни сил в руках уж нет,
Ни крови в сердце бедном, ни слез в очах уж нет.
И бодрствовать при свете полуденном нет мочи,
И сон не посещает меня во мраке ночи...

Как долго нынче нет отца! Домой вернулся бы скорей,
Советом пособил бы мне в беде неслыханной моей.

(Задумывается.)

С улицы снова доносится голос глашатая.

Быть может?.. Ах! Нашла! Но пусть не знает ничего

Фаррух,

Боюсь, не помешал бы мне великодушный пылкий друг.

Во имя жизни друга с тобой сражусь я, смерти!

Тебя тугим арканом поймать решусь я, смерти!

С тобою в поединок невиданный вступая,

От лап твоих Фарруха спасти клянусь я, смерти!

Занавес

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

Заххок на троне, окруженный придворными. Две огромные крылатые змеи, растущие из его плеч, терзают его. Заххок рычит от ярости и боли. Нескольким поваров, китайских, греческих, арабских и других, стоят у трона. Они подносят змеям блюда с мозгом, приготовленным разными способами, но змеи отворачиваются и не едят.

Заххок

Той, что справа, подай!
Весь горю, как в огне...
Левой дай, негодяй!
Так-то служишь ты мне!
Я вам головы с плеч, тунеядцы, срублю!
В назиданье другим всех казнить вас
велю!

При каждом окрике Заххока палач заносит меч, готовый по знаку шаха снести головы провинившимся поварам. Повара, дрожа от страха, стараются накормить змей, но безуспешно.

(Визирю двора.)

Нет, не годна еда!
Не повара — беда!
Скорее колдунов,
Гадальщиков сюда!

Визирь двора посылает за заклинателями.

Девушки

(поют и играют на рубабах)

Не спит уже три ночи падишах,
В сердцах у нас уныние и страх.
Как бледен лик пресветлый падишаха!
За повелителя полны мы страха.
О нем возносим день и ночь моления.
Когда же царь обрящет исцеленье!

Приходят заклинатели.

Заклинатели

(дуя на змей)

Альфалах, альфалоха!
Альфалах, альфалоха!
Пошаракульшурук!
Пошаракульшурук!

Змеи не едят и тянутся к ушам Заххока. Появляется Кубодс двумя блюдами мозгов для змей.

Кубод

Новый мозг, вкусный мозг!

Заххок

Ох, поскорей!

Кубод

Расступайся, народ!

Прочь от дверей!

(Рассталкивая других поваров, подносит мозг одной змее.)

Халвы я принес,
Халвы я принес,
Закуски для змей,
Вот полный поднос.
Над варевом я
Трудился все дни.
Ешь, змейка-змея,
Скорее усни!

Змея с жадностью ест и засыпает. Кубод подносит блюдо другой змее.

Красотка змея,
Прелестный павлин!
Вот пища твоя,
Съешь ломтик один!
Еды и питья
Отведай, глотни!
Ешь, змейка-змея,
Скорее усни!

Вторая змея ест и засыпает. Заххок успокаивается.

Придворные
О, светлый час! О, счастья миг!
Владыки прояснился лик.
Услышан горестный наш стон,
Вернулся к шаху мирный сон.
Входит Шахрбон.

Шахрбон

Да славится земли могучий покоритель!
Дурные вести я несу тебе, властитель.

Вновь смуту в городе стал разжигать Кова,
Для черни яростной — закон его слова.
Поклепы дерзостные взводит он на шаха.
Повсюду к мятежу народ зовет без страха.
На беса этого коль не надеть узды,
Взбунтуется народ, дождемся мы беды.

З а х х о к

Зови мне знать, купцов, всех, чье почтенно званье,
За весь народ они подпишут мне посланье.
В нем пусть превознесут всю доброту мою,
Всю мудрость, праведность и чистоту мою.
Пускай напишут: шах — источник благодати,
Погиб давно бы край без шахской славной рати.
И пусть напишут: злу коль не пришел конец,
Виной тому злодей, смутьян, Кова-кузнец.

Шахрбон кланяется и уходит. Министр двора подзывает Сардабира,
тот принимает писать послание.

З а х х о к

(визирю, указывая на Кубода)

Еще для мастера ягнята есть в запасе?

В и з и р ь

Последний сын Ковы к нам только что попался.

З а х х о к

Последний взят? .. Хвалю!

В и з и р ь

Так повелел нам шах.

З а х х о к

Ну, берегись, Кова: ты у меня в руках!
Последний! .. Кузнеца оплот и утешенье...
Красив он, говорят, умен и смел в сраженье...

В и з и р ь

Достоинств разных в нем действительно не счесть.

З а х х о к

Хочу я на него взглянуть, вели привезь.

Визирь посылает за Фаррухом.

(Заххок указывает на неудачливых поваров и заклинателей.)

С плеч этих псов негодных
Пусть головы слетят!

Палачи уводят их.

Заххок
(Кубоду)

Прими, друг благородный,
В дар лучший мой халат.

Группа придворных надевает на Кубода шитый золотом халат. Стража приводит Фарруха. Фаррух с презрением отворачивается от разглядывающего его Заххока, взгляд его падает на Кубода.

Фаррух
(отступив в негодовании)

Что вижу? От стыда, душа, сгори!
Изменник он, отец моей пери?
Давно ли Чистым Сердцем звал его родной народ?!
Нет в мире никого теперь презренней, чем Кубод.
О, если б мой отец взглянул на вид его позорный!
Скорей бы мстью смыл народ пятно измены черной!
Он омерзительнее мне Заххока самого...
Нет, лучше больше не глядеть мне на лицо его!

Заххок

Последний сын его... Смотри, заносчивый какой!
В глазах его презренье, гнев, не страх передо мной.
Поймаю в сети кузнеца приманкой этой сладкой,
А там смирится весь народ, утихнут беспорядки.
Однако взор такой смутит шайтана самого...
Нет, лучше больше не глядеть мне на лицо его!

Фаррух
(Кубоду)

Предатель, сердце черное, зверь дикий!

Визирь

Молчи, наглец! Ты пред лицом владыки!

Фарруха уводят.

Заххок
(Кубоду)

До нового приказа моего
Скажи, чтоб задержали казнь его.

Кубод бежит за Фаррухом.

Визирь
(Заххоку)

Дозволь теперь дворец наполнить шумом пира
Во славу новых двух побед владыки мира.

Заххок кивает, визирь хлопает в ладоши. Вбегают танцовщицы.
Слуги готовят всё для пира.

Придворные

Все мы здесь ничтожней праха
Под ногами падишаха.
Да живут все други шаха,
Преданные слуги шаха,
Да умрут злодеи шаха,
Да почуют змеи шаха.

Начинается пир, пляски.

Занавес

КАРТИНА ПЯТАЯ

Заххок на троне. Входит визирь.

Визирь

О венценосец, ко дворцу, по твоему желанью,
Сюда сошлись купцы и знать подписывать посланье.
Но, разузнав о том, идет за ними вслед Кова.
Он издавна у нас в краю всем козням голова.

Заххок

Держать в готовности войска, ввести купцов и знать,
Народ с бунтовщиком Ковой к дворцу не подпускать!

Входят приглашенные богачи, знать.

Приглашенные

Привет тебе, о милостивый шах!
Твой меч да повергает землю в страх!
Пришли мы пасть пред шахом на колени,
Исполнить высочайшее веленье.

Заххок жестом дозволяет им сесть.

Заххок

Мое вы милосердие poznали?

Приглашенные

О да, познали.

Заххок

Мой суд и справедливость испытали?

Приглашенные

Да, испытали.

Заххок

Защитою могучей вашей стал я?

Приглашенные

Защитой стал нам.

Заххок

Вам почести и земли даровал я?

Приглашенные

Всё даровал нам.

Заххок

Кова же козней злых не оставляет.

Приглашенные

Не оставляет!

Заххок

Неладное он что-то замышляет.

Приглашенные

Ох, замышляет.

Заххок

Опасны козни эти для страны,
А более всего для вас грозны.
Так от беды спасти себя решитесь,
Все под посланьем этим подпишитесь.

Сардабир передает им послание. Все, не читая, угодливо подписывают, передавая из рук в руки и кланяясь шаху. Шум снаружи всё сильнее.

За х о к

Удерживайте силою народ.
Кова один пусть во дворец войдет.

Гневно врывается К о в а.

К о в а

Когда же окончишь бесстыдный свой пир,
Напьешься когда нашей крови, вампир?
Устал весь народ от твоих истязаний,
Дом радости нашей стал домом рыданий.
Чье сердце тут горестью ты не пронзил?
Какой голове твой топор не грозил?
Чудовище, тьму злодеяний содеяв,
Ты черной душой породил этих змеев.
То черное сердце твое, полужверь,
На плечи легло тебе тяжело теперь!
То детища злобы твоей и гордыни
Из плеч твоих змеями тянутся ныне...
Так вещей судьбою карается тот,
Кто люто гнетет и терзает народ.
Тебя ж истязают теперь эти змеи,
Всё злей твои муки, и сам ты всё злее.
На горе нам змеи — твоя плоть и кровь!
Им только мозги бедняков и готовь.
Как вышло, скажи, пусть постигнет мой разум,
Что жребий на этих не выпал ни разу?

(Указывает на знать и богачей.)

Когда же, когда смертоносный черед
К их детям от наших детей перейдет? ..

Стены дворца сотрясаются от криков, мощно доносится песня «Руки кузнеца» из первой картины.

Прислушайся к грозным напевам народа,
Эй, шах, трепещи перед гневом народа! ..

За х о к

Ты хочешь, видно, чтобы сын любимый
Ушел от нас живой и невредимый?
Послушай: на Фарруха жребий пал.
Лишиться мне его — ущерб немал.
Но... он твое единственное чадо...
Знай, способ есть, чтоб вымолить пощаду.

По его знаку вводят Фарруха и среди обнаженных мечей держат против Ковы. Кова и Фаррух порываются друг к другу, но обнаженные мечи удерживают Фарруха.

Посланье это коль подпишешь ты,
Откажешься от злобной клеветы,
Велю Фарруху руки развязать я,
И сына снова примешь ты в объятья.

Послание передают Кове.

К о в а

(Читает сначала про себя, потом вслух с презрением и возмущением)

«Мы... весь народ...» Какой народ?

(Обращается к знати, богачам.)

Не вы ль, убийцы,

Народ продавшие злодеи, кровопийцы?
Народ коль ищите — вон там он, льющий пот,
(кивает в сторону, откуда доносится гул толпы)

Голодный, страждущий, но доблестный народ!

(Продолжает читать.)

«Шах милосерден... Край цветет... Сердца
ликуют...»

Но чьи сердца? О ком изменники толкуют?
Доколь опутывать коварной ложью нас?
Недолго уж терпеть, расплаты близок час!

По знаку Заххока Фарруха подводят ближе.

Да... правда, что Фаррух — души моей услада,
Одна мне в старости опора и отрада...
Гляжу, и чудятся очам души моей
Одиннадцать других, погибших сыновей...
Мечтал хоть раз его счастливым увидеть бы,
До радости его дожить, до свадьбы...

(Плачет.)

Ф а р р у х

Из мужественных глаз, отец, ты слез не лей,
Мне влагой этой грудь не жги огня сильней.
Ты крепче молота, упорней наковальни,
Ты совести самой вернее и кристальной.
Условье гнусное отвергни же, отец,
И не оплакивай печальный мой конец!
Мне жизнь тобой дана, чтобы служить отчизне,
Свобода родины дороже нашей жизни!

К о в а

Могу ли позабыть, что сын родной страны я,
Что все тут юноши мне сыновья родные?
Нет, подлый замысел ваш не удался вам,
За целый мир земли родной вам не продам!

(Рвет посланье в клочки, идет к выходу.)

В и з и р ь

Шах, наготове палачи... Злодея не щади!..

З а х х о к

(в ужасе, как бы отводя что-то от своей груди)

Ты видишь? Нет?.. Приставил он копьё к моей
груди.

Пошевелиться не могу: вонзится в грудь копьё...

(Придя в себя, видит, что Кова уже исчез.)

Что это? Нет его!.. Кузнец, в чем колдовство твое?

З а н а в е с

КАРТИНА ШЕСТАЯ

Площадь вблизи шахского дворца, окруженного стражей.

Н а р о д

(глухо ропщет)

Не примиримся с жалкою судьбой!

Пора, пора с драконом черным в бой!

Покорности постыдной с нас довольно...

Как долго нет Ковы!.. Дрожим невольно...

Ужели в западню попал кузнец?

Появляется К о в а, потрясая клочками посланья.

Кова! Кова! Вернулся наконец...

К о в а

Друзья, сказать ли, что в посланье том

Написано коварным палачом?

Написано, что правит справедливо

Заххок и что живем при нем счастливо.

Ответьте, кто из вас доволен им?

Н а р о д

Шайтан доволен извергом таким!

К о в а

И будто рать того злодея, вора
Одна для нас надежда и опора.
На правду этот вымысел похож?

Н а р о д

Нет, ложь всё это, ложь всё это, ложь!

Кова разбрасывает по ветру клочки послания. Волнение народа растёт. Появляется Сангин, поспешно подходит к Кове.

С а н г и н

(тихо Кове)

Вскачь коня пустил,
Мчался что есть сил,
Храброму Парвизу
Весточку вручил.
С гор подходит рать —
Не пересчитать,
Будет скоро здесь,
Посылай встречать.

К о в а

(народу)

Слушай, убитый горем народ!
Встань разъяренным морем, народ!
Полно терпеть боль и позор,
Скорбь и нужду, рабство и гнет!

Шахрбон делает знак начальнику отряда стражи, отряд окружает Кову. Кова из-под одежды достаёт тяжёлый молот, сбивает им с ног начальника. Сангин и другие оттесняют отряд. Кова берёт копьё убитого начальника, срывает с себя кожаный фартук и, надев его на копьё, поднимает как знамя.

К о в а

Кто нам товарищ, кто нам враг —
Покажет этот скромный стяг.
Бегите, кто за жизнь дрожит!
Сюда, кто честью дорожит!

Все

Вперед!

На крепость!

Вперед!

Народ, извлекши топоры, пожи, молоты, оружие, неудержимо обрушивается на воинов Заххока, гошит и теснит их. Все устремляются к дворцу. Сражение продолжается за сценой. Новые группы людей, вооруженных чем попало, пробегают в сторону крепости. Появляется Нушофарин с книжалом — подарком Фарруха.

Нушофарин

Весь народ сюда собрался, близок час побед, Фаррух!
Ни отца со мною рядом, ни тебя здесь нет, Фаррух!
Что нейдешь ко мне, усталой от несчетных бед,
Фаррух?

Друг жестокий, свет Фаррух! . .
В бой с клинком твоим пойду я, с думой о тебе пойду,
Подвиги мужей свершу я, понесу врагам беду.
За Фарруха отомщу я либо за него паду,
Коль живого не найду!

(Уходит.)

Стремительным потоком врываются на сцену горцы с Парвизом во главе. Парвиз, выйдя на возвышение, глядит вокруг.

Парвиз

Бой жаркий идет. . .
На крепость! Вперед!
Смелее, друзья!
На шахский оплот!

Горцы бегут к дворцу. Поодиночке и группами пробегают воины Заххока, сражаясь с преследующими их повстанцами. Бежит от дворца народ с криками ликования.

Народ

Победа! Победа!
О, радостный час! . .
Ворота открыты. . .
Крепость сдалась! . .
Входит Сангин с группой повстанцев.

Сангин и другие

Заххока не видно. . .
Исчез он неожиданно. . .

Ищите Заххока!
Держите тирана!

Бегут на поиски. Сангин сталкивается с группой повстанцев, которые с криками гнева тащат Кубоду.

Сангин

Визирь тирана?.. Говори, где шах, без лишних слов!

(Вглядевшись.)

Как! Это повар наш... Кубод... с базара кузнецов?

Старый кузнец

Он самый! Несколько недель не видно там его.

Оплакал горько весь базар любимца своего.

Мы думали, добряк в руках у шахских палачей,

А он — сам нашим палачом задумал стать...

Народ

— Злодей!

— В Заххоков золотой халат предатель нарядился.

— Для шаха мерзкого, видать, немало потрудился.

— Убийца!

— На руках его кровь наших сыновей!

— Ты скольких бросил, говори, в пасть

кровожадных змей?

— Сегодня уж не ты ль помог от нас тирану скрыться?

— Где спрятал шаха? Отвечай, кровавая лисица!

Сангин

Добром не скажешь, старый плут, принудим рассказать.

Народ

Смерть, смерть изменнику! В клочки убийцу растерзать!

Появляется Нушофарин.

Нушофарин

Остановитесь!.. Слушайте, друзья!..

Он невиновен. Всё открою я.

За вас и за меня страдал жестоко мой отец,

Народу предан, не слуга пороку мой отец.

Завесу тайны подыму, узнайте все теперь,

Какою наделен душой высокой мой отец.

Чтоб наших юношей спасти от пасти лютых змей,

Стыд затая, пошел служить Заххоку мой отец.

Печать молчанья на устах, в груди огонь и ад...
Ты всё стерпел, ты верен был зароку, мой отец!

(Плача, падает на грудь Кубода.)

Народ в изумлении.

Жив ли милый? Мне на свете жить иль нет?
Дай ответ мне... Дай ответ мне... Дай ответ!

Кубод

Рассудил я так: если двух гадюк
На Заххоков мозг потянуло вдруг,
Им бараний мозг, значит, по нутру...
Я не я, коль им носа не утру!

Народ смеется.

Шаху я сказал: от нескромных глаз
Кухню надо скрыть, а не то как раз
Чародей чужой проскользнет туда,
Заколдует мозг, будет вам беда.
Шах поверил мне и приказ дает,
Чтоб один лишь знал я в поварню ход.
Сахар, соль я клал, мозг барашка взяв,
Перцу добавлял и других приправ,
Опиума чуть, малость ревеня,
Дуну, мешану... Вот и вся стряпня!
С каждым утром вновь ликовал урод,
Что двоих юнцов потерял народ.
А юнцы меж тем, тишину храня,
В тайном уголке жили у меня...

На балконе дворца появляется Фаррух, сражающийся с Заххоком и его змеями. Неподалеку другие юноши, спасенные Кубодом, бьются с приближенными Заххока. Змен обвиняются вокруг Фарруха и душат его. Народ стоит в оцепенении. Появляется Кова, сражается, могучим ударом отрубает голову одной змее. Фаррух убивает другую. Заххок падает. Подоспевший Парвиз и другие горцы помогают юношам одолеть противников.

Народ

Сияйте, золотые дни побед!
Привет вам, юноши, отчизны цвет!
Тебе привет, наш юный исполин,
Достойного отца достойный сын!

Фаррух

Ты, доблестный Кубод, нам жизни спас!

Все

Ты, хитроумный, осчастливил нас!

Кубод

Один придумать это я б не мог,
Мне разум милой дочери помог.

Народ

Будь весел, Сердце Чистое — Кубод,
Ты сам, Нушофарин и весь твой род!

Кубод, услышав слова «Чистое Сердце», утирает слезы радости. Он срывает с себя шитую золотом одежду. Один из поваров, находящихся среди народа, снимает с себя поварской фартук и колпак и надевает на Кубода. Все приветствуют Кубода и Нушофарин. Кова привешивает к его поясу меч градоправителя.

Фаррух

(Нушофарин)

Я — твой воин верный, здравствуй, полководец милый
мой,

Друг надежный, боевой,
Свет очей, души покой!

Нушофарин

Встречи миг всегда отраден, но отрадней в сотни раз
Видеть свет любимых глаз
В час победы, славный час!

Пируза

Народа мощная рука сломала вражий меч,
И змен вместе с головой упали с шахских плеч.
Фарруха братьев нет, и вы о сыновьях скорбите...

Звучит прощальный напев из второй картины. Народ склоняет головы в память павших.

Теперь на воле мой Фаррух, народ мой — победитель.

Юноши

(Пирузе)

Фарруху все мы братья, все тебе мы сыновья.
Народ свободный — вот семья великая твоя!

Кова

Прославим день победы всенародной!
Цвети наш край прекрасный и свободный!

Народ

Тебя прославит всюду глас молвы,
Простое знамя кузнеца Ковы!

Нушофарин снимает с шеи и прикалывает к знамени красное ожерелье. Вслед за нею и другие принимаются украшать знамя. Кубод бежит во дворец и вскоре возвращается с короной Зоухака. Вооруженные мастера осторожно снимают с нее алмазы и рубины и прикрепляют их к знамени. Общая пляска и песня.

Вот что приключилось!
Время обновилось.
Сердце, скованное льдом,
Растопилось.
Эгей! Эгей!
Вот что приключилось!

Слава храбрым борцам, что из края сумели изгнать
Ненавистную рать!
Под горячим лучом всё, что было мертво, оживилось.
Вот что приключилось!.. (и т. д.)

Грозным вихрем развеян Зоухака нечистого прах,
Будь он проклят в веках!
Наша родина, в прахе лежавшая, вновь распрямилась.
Вот что приключилось!.. (и т. д.)

Поработали славно вы оба, отважный кузнец,
Повар, наш удалец!
Светлый праздник настал, толокно наше в плов
обратилось.

Вот что приключилось...
Время обновилось!
Сердце, скованное льдом,
Растопилось!
Эгей! Эгей!
Вот что приключилось!

Занавес

ПРИМЕЧАНИЯ

Литературная деятельность Абулькасима Лахути охватывает более чем полувековой период. Поэт относит создание своих первых стихотворений к 1903 г.

Апрель 1907 г. — дата первой публикации Лахути. В персидской газете «Хабл ал-Матин» («Крепкие узы»), издававшейся в Калькутте, была напечатана первого апреля касыда Лахути — поздравительное послание депутатам только что открывшегося Первого иранского меджлиса. В десятилетие — двадцатые годы Абулькасим Лахути публикует много стихотворений в периодической печати Ирана — газетах, журналах, литературных листках. Среди них — наиболее влиятельная ежедневная тегеранская газета «Иран-и нав» («Новый Иран»), главный орган демократической партии Ирана; сатирический листок «Чанте-и пабарахне» («Сумка бедняка»), пользовавшийся широкой популярностью в ремесленной и крестьянской среде; керманшахская газета «Бисутун». В 1921 г., в эмиграции, Лахути печатает десятки стихотворений и другие литературные материалы в журнале «Парс», выходившем в Стамбуле на персидском языке.

Первые книги Абулькасима Лахути вышли в свет в 1920—1921 гг., в Стамбуле: эпическая поэма «Послание об Иране, или Послание о Наврузе», сборники стихотворений «Бехарийе» («Весеннее») и «Лаали-и Лахути» («Жемчужины Лахути»).

С 1923 г. в Советском Союзе произведения Лахути публикуются широко, массовыми тиражами, как в оригинале, так и в художественных переводах.

Первые публикации в оригинале были осуществлены в СССР уже в 1923—1925 гг.: поэма «Кремль» (М., 1923) на персидском языке (в арабской графике) и в турецком переводе (Баку, 1923) с предисловием Назыма Хикмета. В апреле 1924 г. в Москве вышел в свет первый сборник стихов «Рубайят», включивший девяносто девять четверостиший и три газели, — он был набран в типографии руками самого поэта.

В 1925 г. публикуется книга стихов Лахути «Красная литература», выпущенная в свет в Душанбе только что организованным Таджикским издательством. Этот сборник (в латинской графике), для которого Лахути отобрал около сотни своих стихотворений прошлых лет и стихи, написанные в Таджикистане, был встречен таджикской общественностью как радостное литературное событие. Садриддин Айни, выступив в печати (газета «Голос Таджикистана», 1926, № 90), высоко оценил поэтическое мастерство и высокую гражданственность автора, назвав Лахути «Красным литератором». Книга «Красная литература» спустя два года вышла в Душанбе вторым, вдвое расширенным изданием. В том же 1927 г. в Душанбе

был опубликован еще один сборник Лахути, названный по его содержанию «Кремль и рубайят».

В тридцатых — пятидесятых годах в СССР было издано в оригинале более тридцати книг Абулькасима Лахути как отдельные крупные произведения: «Тадж ва байрак» («Корона и знамя», Душанбе, 1936), «Ду нишон» («Два ордена», Душанбе, 1936), «Кова ахангер» («Кузнец Кова», Душанбе, 1940), «Пари-и бахт» («Пери Счастья», М., 1947), так и сборники стихотворений: «Ма зафар коним» («Мы победим», М., 1931), «Хезар мисра» («Тысяча строк», М., 1935), «Шерхон таджикистони» («Таджикские стихи», Душанбе, 1940), «Асархон мунтахаб» («Избранные произведения», Душанбе, 1949), «Сурудхон озоди ва сулх» («Песни свободы и мира», М., 1954).

С середины тридцатых годов в Москве и в Таджикистане предпринимается издание собрания стихотворений Абулькасима Лахути. Таджикское издательство выпустило двухтомный диван — крупноформатные тома в красивом красном переплете — «Devoni Lohuti» (Душанбе, 1938, том 1; 1940, том 2; латинским шрифтом, всего около 700 страниц). Диван включил избранные произведения 1909—1939 гг. В Москве в 1939 г. был выпущен однотомник «Диван Лахути», на персидском языке (арабским шрифтом). В подготовке последнего принял участие известный ориенталист, литературовед и филолог Е. Э. Бертельс, написавший предисловие «Лахути», в котором дал характеристику общественно-политической обстановки в Иране, состояния его современной литературы; предисловие содержало также краткий анализ творчества Лахути, его роли как поэта-новатора. Е. Э. Бертельс составил также примечания к отдельным стихотворениям. Диван открывался небольшим вступлением «От автора», написанным самим Лахути. Московское издание дивана включает стихотворения и поэмы 1909—1936 гг., свыше десяти тысяч строк. В 1946 г. опубликован «Диван избранных произведений» (на персидском языке), где были представлены в основном стихи малых форм 1909—1944 гг. — газели, четверостишия, экспромты и бейты (453 строки). Все три издания дивана включали лишь избранные произведения, в них мало был представлен ранний период творчества Лахути.

Публикация куллиета (полного собрания сочинений) была осуществлена в начале шестидесятых годов. Большую подготовительную работу — отбор стихотворений, их редактирование — провел сам поэт, хотя вышел из печати куллиет уже после кончины Абулькасима Лахути. Он издан на таджикском языке (славянской графикой) в шести томах. Том 1 (Душанбе, 1960) включает стихотворения 1909—1929 гг.; том 2 (Душанбе, 1961) — стихотворения 1930—1956 гг. и раздел «Стихи разных лет» (61 стихотворение); том 3 (Душанбе, 1961) состоит из трех разделов: 1 — Поэмы, 2 — Сказания, 3 — «Кузнец Кова»; том 4 (Душанбе, 1962) — художественные переводы Лахути (в соавторстве с Ц. Б. Бану) на таджикский язык русской поэзии — Пушкина, Грибоедова, Горького, Маяковского, в этом же томе перевод «Овечьего источника» Лопе де Вега; том 5 (Душанбе, 1962) — перевод трех трагедий Шекспира: «Отелло», «Ромео и Джульетта», «Король Лир»; том 6, заключительный (Душанбе, 1963), составлен из двух частей. Первая часть — «Поэзия» — включает следующие разделы: «Из архива поэта» (15 стихотворений), «Стихи разных лет» (20 стихотворений), «Из сборников» (10 стихотворений), небольшая поэма «Хозяева судьбы».

Вторая часть — «Проза» — делится на разделы: «Произведения, написанные по-таджикски», «Предисловия», «Заметки и поздравления», «Письма», «Произведения, написанные по-русски» (в куллиете даны в переводе на таджикский). Завершается том общим указателем к куллиету.

Этим изданием была решена важная задача собирания литературного наследия Абулькасима Лахути. Успех предпринятого издания обеспечило участие в работе в качестве основного составителя вдовы поэта Цецилии Бенциановны Бану-Лахути; как составители работали также специалисты по таджикской литературе Б. Сирус (тт. 1—3), Р. Ибрахим-заде (т. 5), А. З. Розенфельд (т. 6).

Первым переведенным на русский язык произведением, которое познакомило советских читателей с творчеством Абулькасима Лахути, был «Кремль». В 1929 г. в Москве «Кремль» был издан в поэтическом переводе Ирандуста (настоящая фамилия — Осетров, другой псевдоним — С. Варварин) отдельной яркой книжечкой небольшого формата, через три года вышло повторное издание этой книги (М., 1932).

К тридцатилетнему юбилею литературной деятельности Лахути, который страна отмечала в 1933 г., были изданы два крупных сборника его стихотворений в русских художественных переводах: «Мы победим» (М. — Ташкент, 1932) и «Избранные стихотворения» (М., 1933). Сборники удачно дополняли друг друга: в первый из них вошли в основном крупные стихотворения и поэмы 1923—1931 гг., второй состоял преимущественно из коротких лирических стихотворений. Оба сборника открывались содержательными вступительными статьями. Авторы их — Д. Дьяков и Л. Пинхасик (к сборнику «Мы победим») и С. Варварин (к «Избранным стихотворениям») давали широкому советскому читателю значительное представление о жизни и творчестве Абулькасима Лахути, о его многогранной общественно-литературной деятельности в Таджикистане.

На протяжении тридцатых — пятидесятих годов книги Лахути, в русских стихотворных переводах, печатаются часто, общее их число превышает тридцать. Отдельными изданиями выходят самые крупные вещи Лахути: «Два ордена» (1936), «Кузнец Кова» (1939) и «Пери Счастья» (М., 1948). Только с 1946 по 1959 г. вышло из печати около десяти представительных сборников стихотворений Лахути. Упомянем самые главные из них.

Лахути, Избранное. В новых переводах. Под редакцией К. Липскерова, М., 1946. Сборник построен по хронологическому и жанровому принципу, содержит четыре раздела: стихи об Иране и других странах Востока; стихи 1922—1941 гг.; стихи военных лет; поэмы. Сборник включает около 120 стихотворений. Издание дополнено портретом поэта и краткой биографической справкой «Абулькасим Лахути».

Абулькасим Лахути, Избранное. Авторизованный перевод с таджикского, М., 1949. Под редакцией А. Адалис и Ц. Бану. Сборник включает 115 стихотворений малых форм, состоит из двух частей. В первой части — стихи 1925—1946 гг., во второй — стихи об Иране и других странах Востока. Открывается сборник кратким предисловием А. Адалис и биографической справкой о поэте.

Лахути, Избранное, М., 1949. Включает всего 78 хронологически расположенных произведений, включенных в три раздела: стихи 1918—1930 гг. (22 стихотворения); стихи и поэмы 1922—1941 гг.

(38 стихотворений); стихи 1941—1947 гг. (19 стихотворений). Сборник без предисловия, с краткой биографической справкой об авторе.

Лахути, Стихи и поэмы, М., 1951. Включает 65 стихотворений и поэм, распределенных по трем тематическим разделам: стихи 1923—1950 гг. о Таджикистане, о Советской стране (28 стихотворений); стихотворения, написанные в 1909—1947 гг. об Иране (28 стихотворений); стихотворения, посвященные борьбе за мир и национальную независимость народов Востока (9 стихотворений).

Лахути, Избранное, М., 1954. Под редакцией С. Шервинского. Сборник построен по жанрово-тематическому принципу с восемью озаглавленными разделами: «Жизнь победит» — стихи об Иране и странах Востока, о борьбе за мир (47 стихотворений 1909—1954 гг.); «Родина радости» — стихи о Таджикистане (15 стихотворений 1932—1953 гг.); «Сердце поэта» — газели (31 стихотворение 1918—1951 гг.); «Рубай» (48 стихотворений); «Баллады» (10 произведений); «Притчи» (9 стихотворений); «Поэмы» (5 произведений); «Кузнец Кова». Сборник открывается коротким предисловием Е. Э. Бертельса и портретом Лахути работы художника И. Кравченко.

Абулькасим Лахути. Избранное. Перевод с персидского, М., 1959. В сборнике представлены стихотворения 1909—1956 гг., в хронологическом порядке (155 стихотворений), цикл четверостиший (52 стихотворения), восемь поэм и драма в стихах «Кузнец Кова». Сборник 1959 г. можно выделить как наиболее удачный из всех предшествующих массовых изданий — он пополнен пятнадцатью новыми переводами, в прежние переводы внесены редакторские поправки, стихотворения последовательно датированы, примечания расширены. Сборнику предпослано обстоятельное предисловие, написанное специалистом по современной таджикской и персидской литературе З. Г. Османовой.

Переводы произведений Лахути осуществлены известными советскими поэтами-переводчиками А. Адалис, Т. Спендиаровой, К. Липскеровым, О. Румером, Г. Шенгели, С. Шервинским, В. Левиком, А. Арсеновой, Т. Стрешневой, Н. Подгоричани, Л. Пеньковским, А. Сендыком и др. Самая большая доля работы по переводу стихов Лахути была выполнена Ц. Б. Бану, переведившей, благодаря свободному владению таджикским языком, без подстрочников, с оригинального текста.

Необходимо отметить, что стихи Лахути — особенно его газели, рубай, двустишия, достигающие вершин национального литературного искусства — с их монорифмами, сквозными повторами, сдвоенными поэтическими смыслами, — чрезвычайно трудны для перевода. Особенно сложно добиться песенной непринужденности и легкой грациозности газелей, литой афористичности рубай и фардов.

Произведения Лахути были переведены и на другие языки народов СССР: на украинский (в 1932 г. в Киеве была издана книга переводов с серьезным предисловием Б. Никитина «Лахути в революционной поэзии Персии»), грузинский, узбекский, киргизский. Стихи Лахути известны за рубежом, они переведены на французский, английский, немецкий, польский, испанский, чешский языки. В оригинале произведения Абулькасима Лахути издаются в Турции, Ливане, Афганистане, Пакистане, Индии.

С начала сороковых годов стихотворения Лахути стали снова появляться в печати Ирана. В годы войны в периодических изданиях была опубликована поэма «Сказание о Мардистане»; в 1944 г. в Тавризе она была пересказана отдельной книгой с иллюстрациями.

В 1946 г. в Тегеране вышла из печати драма в стихах «Кузнец Кова».

Диван Лахути, первый в Иране, был опубликован в конце 1941 г. в Тавризе. Книга открывается стихотворением «Эй, труженик с черной судьбой!» (1909 г.) и включает 193 произведения. Среди них — все лучшие ранние стихотворения (59 произведений) и 134 стихотворения, написанные в Советском Союзе. Тавризский диван познакомил иранского читателя не только со стихами, которые Лахути посвятил Ирану, — в нем широко представлены стихи о жизни Таджикистана и Советской страны в целом. Тавризский диван, распространенный в читательской среде Ирана, стал значительным фактом литературной и общественной жизни страны. Стихотворения Лахути — с их яркими образами борющегося пролетария и бесстрашного революционера, с прославлением свободного от эксплуатации труда — стали школой молодых демократических писателей Ирана. Дважды диван Абулькасима Лахути опубликован в самые последние годы в Иране, после свержения шахского режима.

Монографическое исследование о поэте — его жизни и творчестве — еще не написано. Литературная деятельность Лахути охарактеризована лишь в кратких и общих очерках в трудах по истории таджикской и персидской литературы, в многочисленных предисловиях к публикациям его произведений.

Первые печатные высказывания о литературной деятельности Абулькасима Лахути принадлежат Садриддину Айни, основоположнику советской таджикской литературы, в его антологии «Образцы таджикской поэзии» (М., 1926) и в газете «Голос Таджикистана» (1926, № 90), на таджикском языке. Позже, в 1940 г., Садриддин Айни написал предисловие к сборнику Лахути «Таджикские стихи», содержащее литературоведческий анализ его таджикских стихотворений, и отметил в них удачное сочетание новаторства и классических традиций. В таджикских журналах и газетах 1933 г., во время празднования тридцатилетнего юбилея литературной деятельности Лахути, было помещено много материалов, посвященных поэту: большая статья Ш. Хусейн-заде «Достойный художник эпохи» была опубликована в журнале «За социалистическую литературу» — органе Союза писателей Таджикистана (1933, № 5—6); статьи, стихи Лахути и стихи, посвященные поэту, печатались также в периодических изданиях «Красный Таджикистан», «По Ленинскому пути», «Коммунист Таджикистана», «Комсомол Таджикистана» и др. Послесловие к шеститомному куллиету, с серьезной характеристикой новаторской роли Лахути в становлении современной таджикской поэзии, написал Х. М. Мирзо-заде.

Первый обстоятельный очерк жизни и творчества Лахути — первый не только на русском языке, но и вообще в мировой печати — был написан К. И. Чайкиным, известным советским иранистом, работавшим в двадцатые годы в Иране, в его «Кратком очерке новейшей персидской литературы» (М., 1928, с. 110—112, 115 и др.).

В изданиях, рассчитанных на массового русского читателя, самыми ранними работами, характеризующими творчество Лахути, были упомянутые выше содержательные предисловия к сборникам его переводов: Д. Дьякова и Л. Пинхасика — «Жизнь и творчество Лахути» (1932) и С. Варварина «Жизнь и творчество Лахути» (1933). В 1935 г. в «Правде» (от 4 сентября) была помещена большая статья Б. Лапина и З. Хацревина «Абулькасим Лахути». Новые материалы о жизни и деятельности Лахути, на основе изучения лич-

ного архива поэта, ценные замечания о художественном мастерстве Лахути содержат работы З. Г. Османовой (предисловие к сборнику «Избранное», М., 1959, с. 5—12, статья «Абулькасим Лахути» («Советское востоковедение», 1957, № 6, с. 74—86) в год семидесятилетия поэта, а также статья Г. Лейн «А. М. Горький и А. Лахути» («Памир», 1977, № 12, с. 81—84).

Насыщены конкретным материалом работы Я. Г. Исаева, посвятившего Лахути кандидатскую диссертацию, при работе над которой автор пользовался советами и разъяснениями поэта. Диссертация частично опубликована в виде двух крупных статей в «Ученых записках Сталинабадского педагогического института им. Т. Г. Шевченко»: «Лахути — поэт революционного движения в Иране» (т. 17, 1956. Серия филологических наук, вып. 7, с. 115—196) и «Тавризский диван Лахути» (т. 18, 1957. Серия филологических наук, вып. 8).

Обобщающее научное исследование поэзии Абулькасима Лахути остается одной из настоятельных задач современного литературоведения. Ждут своего решения и такие задачи, как историко-литературное комментирование произведений Лахути, полная библиография изданий Лахути в оригинале и в переводах и учет всего, что написано о поэте.

Предлагаемое читателям издание Лахути значительно расширено по сравнению с предшествующими. В него вошли лучшие из произведений Лахути, публиковавшиеся ранее. Они заново просмотрены и во многих случаях отредактированы. Некоторые стихотворения печатаются в новых переводах. В издание включены также стихотворения, впервые переведенные на русский язык: газели раннего периода; литературные послания; большое количество четверостиший, в частности цикл рубаи, отразивший эпоху культурного строительства в Таджикистане; новые двустишия (фарды, экспромты и шутки, представленные в прежних изданиях мало; цикл загадок. Новые переводы для настоящего издания выполнены Ц. Бану, Т. Стрешневой, В. Берзневым, Д. Виноградовым. В основу подготовки текстов положены куллиет 1960—1963 гг. и диван 1939 г.

Книга состоит из трех разделов: I — стихотворения, II — поэмы, III — драма в стихах «Кузнец Кова». Первый раздел в свою очередь делится на три подраздела, которые включают стихотворения 1909—1922 гг., написанные в Иране, стихотворения 1922—1956 гг., созданные в период его жизни в СССР, а также миниатюры, экспромты, шутки разных лет. В каждом из подразделов произведения расположены в хронологическом порядке (даты во многих случаях уточнены). В виде жанровых циклов выделены рубаи, объединявшиеся самим автором в циклы под соответствующими заглавиями, фарды и загадки.

Четверостишия разбиты на несколько групп. Отдельно помещены рубаи 1909—1922 гг., в конце цикла стихотворений иранского периода. Четверостишия последующих лет даны такими тематическими группами: стихи о Таджикистане, любовные, четверостишия об Иране. Группы выделены и озаглавлены по их содержанию, расположены в соответствии с датировкой.

Во вступительной статье использованы те немногие автобиографические заметки, которые оставил после себя поэт: «О себе самом» (Abulkassim Lahuti, Über mich selber, «Sowjet Literatur», 1954, № 9, S. 150) и «Мой творческий опыт рабочим авторам» («Беседа с рабочими авторами г. Ташкента», Ташкент, 1935), а также существую-

шая литература о Лахути на русском, таджикском и персидском языках. В этом издании впервые дан расширенный комментарий к русским переводам Лахути: книга снабжена примечаниями историко-литературного характера, а также Словарем, в котором поясняются встречающиеся в тексте стихов и во вступительной статье имена собственные, географические названия и понятия, относящиеся к культуре и быту Таджикистана и Ирана. Слова, отмеченные в этих разделах разрядкой, поясняются в соответствующих местах Словаря.

Большую работу в подготовке настоящего издания взяла на себя Цецилия Бенциановна Бану — на основе личного архива Лахути с ее помощью были восстановлены последние авторские редакции некоторых произведений, уточнены даты и обстоятельства создания отдельных стихотворений, ею также предоставлен иллюстративный материал — малозвестные фотографии и автографы поэта. Составитель считает своим приятным долгом поблагодарить Ц. Б. Бану за безотказную помощь в работе. Составитель выражает также свою сердечную признательность профессору А. Н. Болдыреву за ценные советы и консультации.

I

СТИХОТВОРЕНИЯ

1909—1922

1. В этом раннем стихотворении поэт под муслимом подразумевает правителей Ирана, а под гяуром — чужеземных империалистических поработителей. *Но крест ли на петле, иль там низан четок ряд?* Согласно традиционному в персидской поэзии иносказанию, четки символизируют мусульманство, наряду с крестом, символизирующим христианство.

3. Посвящено историческим дням обороны Тавриза революционными отрядами в 1909—1911 гг.

7. В стих-нии использована традиционная литературная аллегория безрассудной влюбленности: мотылек, летящий на огонь свечи. Поэт трактует ее как беспредельную любовь к родине, мечты о ее культурном и экономическом процветании.

8. В русском переводе печаталось также под загл. «Опять в плену». Написано тотчас же после вступления на землю Ирана при возвращении Лахути из первой эмиграции.

10. *Есть закон — под покрывалом прятать глаз сиянье? Нет!* Текст Корана не содержит предписания для женщин закрывать лицо и скрываться под покрывалом.

18. Политическая газель с привычной для иранского читателя системой иносказаний. *Охотник злобный* — силы империализма, хозяйничающие в Иране. *Гнездо, мне дорогое* — родина. *Роза* — родной народ. *В союзе с пастухом узрел я волка злого* — сговор иранских реакционеров с английским правительством.

35. Речь идет о тяжелом пешем переходе через Аравийскую пустыню во время возвращения поэта из турецкой эмиграции в Иран в 1921 г.

41—42. 2. Адресовано одному из участников повстанческого движения. Четверостишие написано в один из критических моментов тавризского восстания и оставлено на столе как записка.

СТИХОТВОРЕНИЯ

1922—1956

106. В двадцатые годы это стих-ние было текстом торжественного обещания пионеров Таджикистана.

116. Написано под впечатлением злодеяний английских колонизаторов в Египте.

117. Посвящено эпизоду гиланской революции 1920—1921 гг. В сентябре 1920 г. в результате контрреволюционного переворота, возглавляемого Кучик-ханом, были убиты многие крупные работники компартии Ирана, в том числе — Хайдархан.

148. Лахути посвятил Горькому несколько стих-ний. Личная встреча их произошла в 1934 г. на Первом съезде советских писателей. Впоследствии они переписывались и не раз встречались. Сохранилась их переписка: в архиве Лахути — адресованное ему письмо Горького; в личном архиве Горького при Институте мировой литературы им. М. Горького АН СССР — письмо Лахути к Горькому от 15 ноября 1935 г. и письмо М. Горького к Лахути от 17 ноября 1935 г.

152. В русском переводе печаталось также под загл. «Надпись на урне».

154. В стих-нии отразились воспоминания поэта о жизни в политической эмиграции в Турции.

163. В *могучем Союзе советских стран, Который семиедин*. В составе СССР находились в 1932 г. семь Советских Социалистических республик: Российская Федеративная, Украинская, Белорусская, Закавказская Федеративная, Узбекская, Туркменская и Таджикская. *Таджикистан — Седьмой советский сын*. Написано в 1932 г., спустя три года после того, как Таджикистан в качестве седьмой Советской Социалистической республики вошел в состав СССР (с 1924 по 1929 г. Таджикистан был автономной республикой в составе Узб. ССР).

164. В русском переводе печаталось также под загл. «Знаменитый Султанов». Песня Лахути о *Мукуне Султанове*, герою борьбы с басмачами, была чрезвычайно популярной в Таджикистане.

167. Написано в традиционной для персидско-таджикской поэзии форме «ответа», воспроизводящего метрику, порядок рифмовки

и образный строй прототипа, в данном случае *«Завещания»* Тараса Шевченко, к творчеству которого Лахути обращался неоднократно (см. примеч. 182).

174. В русском переводе печаталось под загл. «Октябрь и певец». Данное загл. восстановлено по архиву поэта. Написано в форме «ответа» (см. примеч. 167) на стих-ние белорусского поэта Янки Купалы (1882—1942) «Я не поэт...».

175. Обращено к Манаф-заде Мамед Али (1888—1940), деятелю просвещения в первые годы становления социалистической культуры в Таджикистане, Азербайджане и Туркмении, автору первых учебников на таджикском языке.

176. Посвящено *пятнадцатилетию* создания Азербайджанской Советской Социалистической Республики. *Показал нам богатырь того, Чья рука вперед вела его.* Речь идет о С. М. Кирове, который с 1921-го по 1926 г. был секретарем ЦК компартии Азербайджана, куда после подавления тавризского восстания эмигрировал Абулькасим Лахути.

181. Ответ на письмо Ромена Роллана к Лахути. Их переписка началась в январе 1936 г., когда Лахути отправил французскому писателю по случаю его семидесятилетнего юбилея письмо, кончающееся словами: «Приветствую вечную жизнь твою в сердцах трудящихся, которых ты так пламенно зовешь бороться и побеждать». Ромен Роллан ответил Лахути следующим письмом, датированным 28 февраля 1936 г.: «Дорогой товарищ Лахути! Песнь иранского соловья украсила праздник моего семидесятилетия, и сердце мое так радо. Я горячо благодарю Вас за нее и хочу, чтобы Ваш голос донес мой горячий привет до прославленного народа Ирана, которому дыхание Советской революции влило новую жизнь. Братски Ваш — Ромен Роллан». Под впечатлением этого письма и написал «Ответ Ромену Роллану». Переписка Лахути с Ролланом опубликована в журнале «Памир», 1974, № 2, с. 56—58.

182. Летом 1936 г. Лахути вместе с группой украинских писателей посетил могилу Тараса Шевченко. Стих-ние было написано и прочитано им во время этого посещения. К творчеству Шевченко Лахути не раз обращался в своих произведениях (см. примеч. 167).

186. Посвящено казахскому народному поэту Джамбулу Жабаяву (1846—1945), с которым Лахути познакомился в 1934 г. на Первом съезде советских писателей. Узнав, что перед ним соотечественник Фирдоуси, Джамбул прочел на память большой отрывок из «Шах-наме» в казахском переводе.

195. Знакомство Лахути с мастером украинской советской поэзии Павлом Тычиной (1891—1967) состоялось в 1934 г. на Первом съезде советских писателей и продолжилось в 1936 г. во время совместных поездок по Украине с группой советских писателей, затем в составе советской делегации в Париж на Международный конгресс по защите культуры. В дальнейшем оба поэта были связаны многолетними дружескими и творческими отношениями. *Если б жил я в Каневе чудесном.* См. примеч. 167. *Соловья ирпеньского нежней.* На реке Ирпень (приток Днепра) расположен Дом творчества Союза пи-

сателей Украинской ССР. «*Не дивися так привітно, Яблуновоцвітно...*» — первая строка одного из ранних лирических стих-ний Тычины. «*Партия веде!*» — загл. стих-ния П. Тычины (1934 г.).

204. Посвящено слепому сказителю Ахмету Нучаеву, народному поэту Чечено-Ингушетии.

215. Каждая из четырех строф этого стих-ния посвящена одному из народных музыкальных инструментов — ч а н г у , т а р у , с а з у и д у т а р у .

226. Прочитано автором 22 июня 1941 г. на митинге трудящихся Таджикистана.

232. Посвящено Х. Бакалейщику, экономисту, погибшему в 1941 г. на фронте Великой Отечественной войны.

234. *Пахлаван Ошти* — имя, в основе которого лежит противоречивое сочетание двух понятий: пахлаван и ошти, то есть «Воин, защищающий мир».

235. В 1942 г. Лахути позировал для портрета художнику В. Казмичеву и на первом сеансе написал это стих-ние.

237. *Большой Гиссарский канал* был проведен в 1940—1942 гг. по территории Узбекистана и Таджикистана совместными усилиями трудящихся обеих республик между реками Вахш и Кафирниган. Гиссарская долина — центр экономической жизни Таджикской республики.

246. *Чтоб впредь бесчестной своре чужаков* и т. д. Реминисценция латышской народной песни, рассказывающей о глумлении фашистских захватчиков над дочерьми Латвии.

256. *Кровь Камол в ваших жилах*. Имеется в виду крупнейший лирик XIV в. Камол (Камал) Худжанди, уроженец Ходжента (ныне — Ленинабад).

262. *Назым Хикмет* Ран (1902—1963) — турецкий писатель, общественный деятель, основоположник турецкой революционной поэзии, с 1932 по 1950 г. на родине его приговаривали к тюремному заключению после выхода каждой книги стихов, провел в турецких тюрьмах в общей сложности 17 лет. В 1950 г. под воздействием мирового общественного мнения турецкое правительство было вынуждено освободить Хикмета, с 1951 г. до конца жизни он жил в СССР, ставшем его второй родиной. *Да, Хикмет он, — под стать это слово. Впрямь он — мудрость народа родного.* «Хикмет» буквально означает «мудрость».

287. Последнее стих-ние Лахути, опубликовано уже после кончины поэта, прочитано на его гражданской панихиде.

МИНИАТЮРЫ, ЭКСПРОМТЫ, ШУТКИ РАЗНЫХ ЛЕТ, ФРАГМЕНТЫ

497—500. Экспромт из четырех рубаи написан Лахути в поезде после того, как поэт преподнес своей спутнице брелок в виде сердца, но подарок не был принят.

503. Надпись на фотографии жены Лахути, переводчицы его произведений на русский язык, Ц. Б. Бану.

504. Четверостишие было помещено над входом в колхозную чайную в Ленинабаде.

505. Написано в подмосковном Доме творчества писателей Барвиха, где Лахути отдыхал одновременно с С. Я. Маршаком.

507. Написано под впечатлением встречи с азербайджанскими певцами и музыкантами в Ташкенте в 1941 г.

508. Надпись на книге стихотворений Рудаки, которая была передана через Лахути Александру Николаевичу Болдыреву (род. в 1909), доктору филологических наук, профессору восточного факультета Ленинградского университета, специалисту по классической персидско-таджикской литературе и таджикскому фольклору.

513. Написано в форме «ответа» (см. примеч. 167) на стихи старейшего поэта советского Таджикистана Джавхари Истаравшани, посвященные Лахути и напечатанные в газете «Красный Таджикистан» 28 февраля 1933 г.

516. *От Рыбы до Луны* — распространенное у ираноязычных народов фразеологическое выражение, означающее «весь мир», «вся вселенная». В оригинале выражение построено на омонимах: Рыба — махи, Луна — мах.

517. Посвящено поэтессе Кларе Арсеновой (1890—1972), близкому другу семьи поэта, переведшей ряд стихотворений Лахути.

II

524. Об отношениях Лахути с Максимом Горьким см. примеч. 148.

527. В русском переводе печаталось также под загл. «Спор на дороге» и «Железные ноги». Посвящено дорожному строительству, которым руководил Карамов Вагаршак Джавадович (ум. в 1956), депутат Верховного Совета Таджикской ССР, крупный организатор строительства в Таджикистане.

529. Поэма была впервые прочитана в русском переводе (Ц. Бану) весной 1936 г. на даче у М. Горького в Форосе. В архиве Лахути хранится машинописный экземпляр поэмы с пометами Горького и

рскою рекомендацией к публикации поэмы. Об отношениях Лахути и Горького см. примеч. 148.

530. *Коль верить поэту, на этих полях и т. д.* Имеется в виду известный эпизод из знаменитой эпопеи «Шах-наме» Фирдоуси — о битве за корону, обретенную в бою и бесстрашно спасенную воинами Ирана; по преданию, это сражение происходило на таджикской земле, в районе Ходжента (ныне Ленинабад).

531. Первая часть поэмы — повествование об одном из эпизодов революционного похода Лахути и его соратников на Тегеран в 1909 г.

532. Автобиографическое произведение «Моя повесть», задуманное в стихах и прозе, осталось незавершенным. В него должны были войти составными частями стихотворения «Пятнадцатилетие» (№ 176), «Друг» (№ 269) и др. *Храбрец, родившийся в Кермане.* Речь идет о Мирза Реза Кермани, иранском революционере, казненном в 1896 г.

534. *Жив и доселе этот мой брат.* Речь идет о втором брате поэта, Абульхусейне Ильхами (ум. в 1969), враче по профессии, который жил в Иране, в Керманшахе. *После за родину смелый боец и — удалой офицер, наконец.* Имеется в виду брат поэта Абульхасан Ильхами, убитый реакционерами в Иране в 1919 г.

535. *Так записал в своей тетради Ленин и т. д.* Имеется в виду высказывание В. И. Ленина в статье «Горючий материал в мировой политике» (август 1908), в которой высоко оценено Тавризское восстание: «... Упорная борьба в Тавризе, неоднократный переход военного счастья в руки революционеров, совсем уже — казалось — разбитых наголову, показывает, что башибузуки шаха, даже при помощи русских Ляховых и английских дипломатов, встречают самое сильное сопротивление снизу. Такое революционное движение, которое умеет дать военный отпор попыткам реставрации, которое заставляет героев таких попыток обращаться за помощью к иноземникам, — не может быть уничтожено, и самый полный триумф персидской реакции оказался бы при таких условиях лишь преддверием новых народных возмущений» (В. И. Ленин, т. 17, с. 177).

III

538. Предположения о происхождении легенды о кузнеце Кове — предводителе народного освободительного движения — Лахути высказал в своем примечании к драме: «В детстве и много лет спустя я не раз слышал легенду о кузнеце Кове и Заххоке, слышал ее в различных вариантах. Заххок, это олицетворение алчности, насилия, деспотизма, в устах народных сказителей становился то чужеземным царем со змеями, растущими из плеч, то чудовищем с драконами вместо рук, то самим драконом, изрыгающим пламя изо рта. Одно лишь оставалось неизменным во всех вариантах: это победа искусного, храброго кузнеца Ковы над тираном Заххоком.

Я нередко задумывался над происхождением этой легенды. Более двадцати лет назад, узнав, что змея у древних греков почиталась как символ мудрости, я остановился на предположении, что изобра-

жения змей могли носить на плечах греческие завоеватели Востока и что именно этот или подобный факт мог претвориться в сознании поработанных народов легендой о змеесплечем чудовище.

Глубочайший социальный смысл заложен в этом ярком создании народной фантазии — вот в чем тайна его необыкновенной живучести. . . Тема Ковы на Востоке является странствующей (пожалуй, в гораздо большей степени, чем европейский Фауст или Дон Жуан). Упоминание о Заххоке и Кове, ставшее одним из традиционных приемов восточной поэзии, встречается почти у любого таджикско-фарсидского классика. Более тысячи лет назад Абулькасим Фирдоуси огненными строками запечатлел это предание на страницах своей «Шах-наме». . . Кто не распознал бы в этом бесстрашном протестанте несокрушимый и доблестный дух самого народа! Кого не взволновал бы этот удивительный, по-фирдоусиевски простой и мудрый возглас Ковы, поднявшего свой кожаный фартук как знамя восстания:

Мы этим ничтожным, худым лоскутом
Друзей и врагов голоса разберем.

Вот этих-то друзей, сплотившихся вокруг знамени Ковы, этих поваров, погонщиков, кузнецов, под чьим дружным натиском впоследствии рухнул трон Заххока, я и поставил в центре своего внимания при работе над драмой. Я попытался вообразить их себе живыми, вызвать из многовековой давности эти столь далеко ушедшие и в то же время столь родные нам образы. Так появились в моей драме хитроумный повар из народа Кубод, его дочь и советчица Нушофарин, любимцы народа сыновья Ковы — Бахром и Фаррух, их многострадальная мать Пируза и другие. Я позволил себе вольно импровизировать на эту популярнейшую на Востоке тему, по примеру тех народных рассказчиков, которые в детстве впервые познакомили меня с ней».

СЛОВАРЬ

- Ака** — старший брат; вежливое обращение к собеседнику.
- Али Навруз** (Хасан-хан Мукаддам, ум. в 1926 г.) — прогрессивный литератор Ирана; издавал в Стамбуле, совместно с Лахути, журнал «Парс» в 1921 г.; перевел на французский язык несколько стихотворений Лахути.
- Алишер Навои** (1441—1501) — крупнейший поэт XV в., просветитель и государственный деятель, основоположник узбекской литературы, автор лирических стихотворений и «Пятерницы» — цикла из пяти поэм.
- Алла акбар** (арабск.) — букв. «Аллах велик», восклицание, выражающее удивление или восхищение.
- Альфалах, альфалоха** — лишённые смысла звукосочетания, пародия на арабские заклинания.
- Амалдар** — чиновник.
- Амбра** — высокоценное на Востоке благовоние, воскообразное ароматическое вещество, добываемое из кишечника кашалота.
- Аму** — Амударья, река в Средней Азии.
- Амуглы** — см. *Хайдар-хан*.
- Ангур** — виноград.
- Ануширван, Хосров** (531—579) — царь из династии Сасанидов, прозванный Справедливым.
- Аракс** — река в Закавказье, правый приток Куры, протекает на границе СССР с Турцией и Ираном.
- Ареф Казвини, Абулькасим** (1882—1933) — популярный поэт-певец, сочинитель таснифов, пропагандировал в двадцатые годы революционные настроения, выступая на митингах и публичных концертах с политическими требованиями положить конец эксплуатации трудящихся, предательству правительства и засилению империалистов в Иране. *Диван Арефа*, включающий таснифы и поэмы, издан в Тегеране в 1948 г.
- Аруз** — система стихосложения, характерная для таджикской и персидской поэзии; аруз основан на чередовании долгих и кратких слогов, образующих трехсложные и четырехсложные стопы, их комбинации составляют свыше шестидесяти стихотворных размеров.
- Аскер** — турецкий солдат.
- Ассало!** (арабск.) — «вставай!», призывное восклицание.
- Ахриман** — в иранской мифологии злой дух, бог зла, дьявол.
- Ашраф** — представитель иранской знати; знать.

- Бадахшан** — горная область на Памире, издавна славившаяся как месторождение прекрасных рубинов; в иранской литературной традиции бадахшанский рубин (лал) символизирует уста красавицы.
- Бай** — сельский богатей в дореволюционной Средней Азии; мироед.
- Барза-Дамог** — квартал в Керманшахе, в котором жил Лахути.
- Басмач** — участник вооруженного контрреволюционного националистического движения феодально-байских элементов, ставящего своей целью свержение Советской власти в Средней Азии.
- Басра** — город в Ираке, порт на реке Шатт-эль-Араб.
- Бахром** (Бахрам) — имя иранского богатыря, одного из героев эпосеи Фирдоуси «Шах-наме».
- Бехар**, Муххамед Таги Малик аш-шуара (1886—1951) — крупнейший поэт Ирана XX в., ученый-филолог. В годы революционного подъема издавал газеты, выступал против империалистического засилия и внутренней реакции. Литературное наследие составляют диван стихов, поэма «Совы войны», трехтомный научный труд «Стилистика».
- Бижен** — герой иранского эпоса, один из легендарных иранских богатырей. Бижен был брошен туранцами в подземную тюрьму, откуда его спас богатырь Рустем. История любви Бижена к туранской царевне Менижэ составила один из эпизодов эпосеи Фирдоуси «Шах-наме».
- Бисутун** — букв.: «Без колонн»; название скалистой горы в Северо-западном Иране, между Керманшахом и Хамаданом. На скале сохранилась клинописная надпись, высеченная в V в. до н. э., и барельефные изображения, повествующие о победах Дария I (522—486 до н. э.), царя Ирана из династии Ахеменидов. Скала Бисутун — символ прочности, нерушимости и славы. В 1917 г. Лахути был основателем и редактором газеты «Бисутун», которая издавалась в Керманшахе вплоть до семидесятых годов.
- Богдыхан** — русское наименование императора Китая.
- Бозорг Алеви** (род. в 1904) — иранский прогрессивный писатель и литературовед-филолог, автор романа «Ее глаза», сборников рассказов «Тюремные записки» и «Письма». Награжден Золотой медалью Мира.
- Вахи** — название бурной реки в южном Таджикистане, крупнейшего притока Амударьи.
- Визирь** — первый советник, министр.
- Викиль** — букв.: «представитель»; титул члена парламента в современном Иране; депутат.
- Восе** — батрак-горец, возглавивший в 1884—1885 гг. восстание таджикской бедноты, популярный исторический герой таджикского народа.
- Газель** — классический жанр короткого любовно-лирического стихотворения. Газель строится на основе монорифмы: все четные строки рифмуются с первой строкой стихотворения.
- Гарм** — город в Таджикистане, место последних ожесточенных боев с бандами басмачей.
- Гив** — легендарный богатырь, персонаж иранских эпических сказаний, подвиги его описаны в «Шах-наме» Фирдоуси.

- Гиле* — дешевая матерчатая обувь на веревочной подошве.
- Гилян* — одна из северных прикаспийских провинций Ирана, граничащая с Кавказом. В истории революционных движений иранского народа XX в. Гилян не раз становился активным центром борьбы.
- Гиссар* — название горного хребта и долины в Средней Азии.
- Гурия* — согласно мусульманским религиозным представлениям, одна из прекрасных обитательниц рая, райская непорочная дева.
- Гяур* (кафир) — в представлении мусульман иноверец, немусульманин.
- Давлят* — букв.: «власть», «могущество»; персонаж поэмы «Пери Счастья».
- Дастан* — крупное произведение эпического жанра, основанное на героических и романтических народных легендах и преданиях; сказ, повесть.
- Дастархан* — поднос или скатерть с угощением.
- Дервиш* — букв.: «бедняк»; нищий странствующий мусульманский монах, аскет, состоящий в одном из религиозных орденов. Дервиши жили нищенством, продажей чудодейственных талисманов, публичными представлениями.
- Дехкан, дехканин* — крестьянин.
- Джаллад* — палач.
- Джан* — букв.: «душа»; присоединяется при обращении к имени собеседника в значении «дорогой», «милый», «любезный».
- Джинн* — в иранском и арабском фольклоре дух, обитающий в пустыне, злой или добрый, способный прийти на помощь и выполнить любую работу.
- Джихад* — религиозная война у мусульман.
- Джурабы* — шерстяные тканые чулки.
- Диван* — сборник стихотворений малых форм.
- Дилкушо* — живописная окрестность города Керманшаха.
- Дутар* — двухструнный музыкальный инструмент.
- Дэв* (див) — злой дух в фольклорной иранской традиции, демон, чудовище громадных размеров.
- Захак* (Заххак) — мифический царь, иноземец-поработитель, завоевавший Иран. После долгого тиранического правления был побежден иранцами. Легенда о Заххакре и борьбе с ним составила один из наиболее известных эпизодов «Шах-наме» Фирдоуси.
- Зеравшан* — река в Средней Азии.
- Зиндан* — тюрьма, темница.
- Зороастр* (Заратуштра) — пророк и реформатор древнеиранской религии, основатель зороастризма, в основе которого лежит культ вечного огня.
- Зухра* — восточное название планеты Венеры; появляется на небе в большом удалении от планеты Меркури; в поэзии — символ непреодолимой разлуки.
- Зюлейха* — распространенное на мусульманском Востоке имя жены Пентефрия, героини библейского сказания, страстно полюбившей Иосифа Прекрасного (Юсуфа).
- Ибрагим* (Ибрагим-бек) — последний главарь басмачей.
- Ирани* — иранец.
- Иран-и нав* («Новый Иран») — ежедневная тегеранская газета, изда-

валась с августа 1909 по декабрь 1911 г., главный орган демократической партии Ирана. Публиковала много литературного материала. В ней принимали участие Х а й д а р А м у - О г л ы и Б е х а р.

Иредж-Мирза, Джелал-эль-Мамалек (1874—1926) — зачинатель демократического направления в персидской поэзии. Лирические и сатирические стихотворения Иредж-Мирзы, с требованием социальных и культурных реформ и изгнания иностранных поработителей, пользовались чрезвычайной популярностью в Иране двадцатых годов. Острый общественный резонанс имели стихи Иредж-Мирзы в защиту прав иранской женщины, за снятие чадры. Литературное наследие поэта составляет небольшой д и в а н стихотворений и поэм.

Исаи — *разносчик хвороста* — типизированная фигура горемыки, живущего за счет самого неприбыльного труда, олицетворение безземельной и бездомной деревенской бедноты Ирана.

Искандер — мусульманский вариант имени Александра Македонского (356—323 гг. до н. э.), завоевавшего Иран; в средневековой поэзии — образ могущественного, мудрого и справедливого правителя.

Ислам — букв.: «покорность»; мусульманская (магометанская) религия, основанная Мухаммедом (ок. 570—632), арабским религиозным и государственным деятелем, почитаемым мусульманами как пророк.

Исфахан — город в центральной части Ирана, в XVI—XVII вв. — столица страны, один из самых крупных промышленных и культурных центров Ирана.

Йошарак, ульшурук — пародия на арабские заклинания.

Казвин — город на северо-западе Ирана.

Каланд — мотыга.

Калям — тростниковое перо, особым образом заточенное, употреблялось для письма в мусульманских странах.

Камол (Камал Ходженди, ум. 1400—1401) — крупнейший поэт-лирик, мастер газели, оказал большое влияние на развитие поэзии в XIV в.

Каратаг — район Таджикистана.

Карун — река в юго-западном Иране.

Карун (Корун) — легендарный богач, согласно мусульманским сказаниям, был поглощен землей со всеми своими дворцами и богатством; упоминается в Коране и Библии.

Касри Ширин — букв.: «Замок Ширин»; город в Западном Иране; на границе с Ираком; знаменит руинами дворца царицы Ширин.

Касыда — крупное (до двухсот двустийши) монорифмическое стихотворение, ода.

Каус — один из древних царей Ирана, упоминается в «Шах-наме» Фирдоуси.

Кафир — см. *гяур*.

Кахрман — литературный деятель Ирана, жил одновременно с Лахути в Керманшахе.

Керман — юго-восточная область Ирана и город того же названия.

Керманшах — область и город в западной части Ирана.

Кетмень — мотыга.

Кишлак — поселок.

Кавч (Каве) — легендарный древнеиранский герой, кузнец, подпавший победоносное всенародное восстание против чужеземного тирана Заххока. Имя кузнеца Каве стало символом национально-освободительного движения в Иране в XX в. Подвиги кузнеца Каве описаны в «Шах-наме» Фирдоуси.

Коран — главная священная книга мусульман; собрание проповедей, обрядовых и юридических установлений, молитв, назидательных рассказов и притч, произнесенных пророком, основателем ислама Мухаммедом, в форме пророческих откровений в Мекке и Медине между 610 и 632 гг. и записанных его учениками и последователями.

Краснопалочники — название партизан, сражавшихся против басмачей в Таджикистане.

Ктесифон — см. *Медаин*.

Кулахмаль Хусанн — один из соратников Лахути по Тавризскому восстанию.

Куляб — город (с 1934 г.) в Таджикистане, центр горной промышленной Кулябской области.

Кухкан — см. *Фархад*.

Кучик-хан — руководитель буржуазно-националистического движения в период гиланской революции в Иране в 1920—1921 гг.

Кыта — букв.: «отрывок», «фрагмент»; стихотворная форма лирического и сатирического жанров, короткое монорифмическое стихотворение.

Лал — рубин; в классической поэзии символизирует уста возлюбленной.

Лачплесис — герой латышского эпоса, бесстрашно и победоносно сражался с «черным рыцарем», олицетворяющим в современной литературе фашистских захватчиков.

Лейли — героиня древнеаравской легенды о любви Лейли и Меджнуна, чрезвычайно распространенной в литературах Востока; олицетворение возлюбленной.

Маздак (VI в.) — основатель религиозно-философского движения, распространенного в Иране и сопредельных странах в раннем средневековье. В основе его учения лежит манихейская дуалистическая концепция борьбы добра и зла. Маздакиты поднимали народные крестьянские восстания, призывали к установлению социального равенства.

Мазендеран — область на севере Ирана, на побережье Каспийского моря, один из районов демократического движения в 1920—1921 гг.

Майдан-и Тупхане — Пушечная площадь в Тегеране.

Майдан Сафи (Сэфи) — название городской площади в Реште.

Мальком-хан (1833—1909) — известный иранский просветитель, писатель-драматург, публицист, дипломат; издавал в 1890—1892 гг. в Лондоне влиятельную персидскую газету «Канун» («Закон»). Политические статьи и памфлеты Мальком-хана обличали монархический деспотизм и захватническую политику английских империалистов, требовали установления конституции и созыва парламента. В историю персидской литературы Мальком-хан вошел как один из первых иранских драматургов, содействовавший

развитию нового, более демократического стиля в персидской художественной прозе.

Мани (218—276) — основатель религии манихеев, основанной на дуалистических представлениях борьбы добра и зла. Манихейство, своеобразно соединившее христианство, зороастризм и гностические верования, было распространено в Средней Азии, Иране и Индии. Мусульманский мир видел в Мани прежде всего поразительно искусного художника. Священная книга манихеев («Эр-тенг») была, по преданию, расписана изумительными по красоте миниатюрами; храмы манихеев украшены высокохудожественной живописью.

Мардистан — букв.: «Место, где живут мужи, мужественные люди»; вымышленное название селения.

Маснави — букв.: «сдвоенный»; классическая стихотворная форма, в основе которой лежит двустишие с парной рифмой. В форме маснави создавались длинные стихотворные произведения, поэмы. Здесь «Маснави» употреблено как сокращенное название поэмы «М а с н а в и - и м а а н а в и».

Маснави-и маанави — «Маснави, обращенное к внутреннему смыслу всего сущего», известное произведение крупнейшего поэта XIII в. Джалал ад-Дина Руми (1207—1273).

Маулави — букв.: «ученый муж»; одно из литературных прозваний Джалал ад-Дина Руми, автора «М а с н а в и - и м а а н а в и».

Махалля — квартал.

Махрам — литературный деятель, живший в одно время с Лахути в Керманшахе.

Медаин — арабское название города Ктесифона, столицы С а с а н и д о в. Руины Ктесифона находятся неподалеку от современного Багдада.

Междуни — букв.: «безумный», «одержимый»; герой популярной легенды о трагической любви, получившей на Востоке множество литературных обработок. Возникновение легенды связано с реальной личностью арабского поэта Кайса (630—749), воспевшего в стихах свою любовь к Лейли. Имя Междуна стало нарицательным для обозначения страстной трагической любви.

Меджлис — букв.: «собрание», название парламента в современном Иране.

Медресе — мусульманская школа, дающая как среднее, так и высшее образование.

Мекка — город в Саудовской Аравии, где находится святилище мусульман Кааба. Главный священный центр исповедующих ислам, место паломничества.

Менджильский мост — расположен в селении Менджиль, на полпути из Гиляна в Тегеран.

Мехрган — праздник урожая, падает приблизительно на 8—12 октября, с древнейших времен отмечался в Иране.

Мосул — город в Ираке, на реке Тигр.

Муджахид — повстанец, революционер; член левой революционно-демократической организации во время иранской буржуазной революции 1905—1911 гг.

Мулла — духовное лицо в мусульманстве, проповедник в мечети или учитель начальной школы; звание муллы присваивалось окончившим медресе — мусульманскую духовную школу.

Муршид — духовный наставник, глава ордена д е р в и ш е й.

Муслим — исповедующий ислам, мусульманин.

Мутакарриб — один из распространенных стихотворных размеров в системе а р у з а, в основе мутакарриба лежит трехсложная стопа, образованная из одного краткого и двух долгих слогов; одиннадцатисложным мутакаррибом написана эпопея «Шахнаме» Ф и р д о у с и.

Муфтий — мусульманское духовное лицо высокого ранга, толкователь права, составляющий по каждому отдельному случаю юридическое заключение на основе К о р а н а и религиозных преданий, имеющее силу закона.

Мухаммед Али-шах — правитель Ирана из династии Каджаров (1905—1908).

Муштари — восточное название планеты Юпитер, появляется на небе в большом отдалении от планеты З у х р а; в поэзии — символ непреодолимой разлуки.

Навои — см. *Алишер Навои*.

Наврӯз — иранский Новый год, приходится на 22 марта, день весеннего равноденствия.

Най — древний восточный музыкальный инструмент, род флейты.

Нуширван — см. *Ануширван*.

Озодлик яшасын! (азерб.) — Да здравствует свобода!

Омар Хайям (ок. 1048 — ок. 1123) — математик и философ, астроном, поэт, автор всемирно известных философских и лирических четверостиший — р у б а и; здесь: поэт — провозвестник освободительных идей.

Омач — соха.

Ошти — мир.

Паранджа — верхняя женская одежда, состоит из халата с ложными рукавами, накидывающегося на голову, и волосной сетки, закрывающей лицо.

Парвин Эттесами (1907—1941) — одна из самых известных поэтесс Ирана XX в.; ее сентиментально-лирические и дидактические стихотворения и поэмы написаны в простой манере, проникнуты передовым гуманистическим общественным содержанием.

Пахлаван — богатырь, герой.

Пахта — хлопок.

Пери — в иранской мифологии сверхъестественные существа, чаще всего принимающие образ красивых женщин; феи, оберегающие от злых духов; в поэзии традиционное олицетворение женской красоты.

Пур-и Давуд (род. ок. 1886) — поэт и филолог, сотрудничал в иранских журналах «Каве» и «Ираншахр», издававшихся в Берлине; поэт романтического направления, для его стихов характерны националистические настроения, восхваление древней иранской культуры.

Рафик — товарищ.

Регар (ныне Турсун-заде) — районный центр в Таджикистане.

Редиф — рефрен, слово или группа слов, повторяющиеся в конце каждого двустишия (бейта) после рифмы.

Решт — древний город в Иране, главный центр провинции Г и л я н.

Рубаб — струнный музыкальный инструмент с коротким грифом и круглым кузовом; играют на нем и рукой и смычком.

Рубаи — четверостишие, заключающее в себе законченную мысль; схема рифмовки аааа или ааба.

Рудаки Абу Абдалла Джафар ибн Мухаммад (858—941) — основоположник классической персидско-таджикской поэзии, родился в Панджруде (ныне — Таджикская ССР), творческое наследие Рудаки сохранилось лишь в малой части и составляет диван общим объемом около тысячи бейтов (двустуший).

Рустем (Ростем, Рустам) — легендарный народный иранский герой, богатырь, наделенный могучей силой и благородством. Описание жизни и подвигов Рустама включено в «Шах-наме» Фирдоуси.

Рушан — район горного Бадахшана (Памир).

Саади Муслихаддин Абу Мухаммад Абдулла ибн Мушриф (1203—1292) — один из самых знаменитых персоязычных поэтов, автор газелей и двух чрезвычайно популярных до настоящего времени дидактических произведений — «Гулистан» («Розовый сад») и «Бустан» («Плодовый сад»).

Саз — старинный струнный музыкальный инструмент.

Салават — хвалебный возглас, приветственное восклицание.

Салам — привет.

Сантур — струнный музыкальный инструмент.

Сароб — река в живописной окрестности города Керманшаха.

Сасаниды — последняя доисламская иранская династия (III—VIII вв.), при которой Иран достиг высокого уровня материальной и духовной культуры.

Саттар-хан (1870—1914) — герой иранского революционного движения, руководитель восстания в Иранском Азербайджане в 1907—1908 гг. против самодержавного шахского правительства.

Сафи (Сэфи) — см. *Майдан Сафи*.

Сенендедж — город в Западном Иране.

Симко (Смитко) — руководитель восстания курдских племен в Западном Иране, выступавших в 1922—1924 гг. за создание независимого Курдистана. Это национально-освободительное движение англичане стремились использовать в своих интересах в целях усиления давления на Иран, Турцию и Советскую Россию.

Симург — согласно древним верованиям персов, огромная чудесная птица, наделенная даром речи и обитающая на мифической Каф-горе, окружающей плоский диск земли.

Сулеймания — город в Ираке.

Сунбуле — созвездие Девы.

Сунбуль — букв.: «гиацинт». В персидско-таджикской стихотворной традиции гиацинт — символ локонов красавицы; персонаж поэмы «Пери Счастья».

Сурьма — растительная краска, широко применяется на Востоке для окрашивания волос; согласно поверью, сурьма, наложенная на веки, усиливает ясность зрения.

Суфизм — религиозно-мистическое учение, возникшее в странах ислама в VIII—IX вв. Его последователи призывали к приближению через мистическую любовь к познанию бога и слиянию с ним. Суфизм оказал большое влияние на развитие персидской поэзии.

Сюзане — вышитый цветными узорами шелковый ковер, настенное украшение у таджиков и узбеков.

Тавриз (Тебриз) — город в Иране, один из крупнейших древних культурных центров.

Так-Бустан (Так-и Бустан) — гора в Западном Иране, недалеко от

города Керманшаха, на которой сохранились древние наскальные изображения.

Тар — восточный многострунный музыкальный инструмент.

Тасниф — персидский городской романс с повторяющимся припевом, любовного или злободневно-политического содержания.

Туман — основная денежная единица в Иране.

Туп-хане — Пушечная площадь в Тегеране.

Туран — древнее иранское название территорий к северу от Ирана, населенных тюркоязычными народами; в иранском эпосе — мифические страны, враждебные Ирану.

Тут — ягоды шелковицы, тутового дерева.

Узум — виноград.

Устод — учитель, наставник, мастер своего дела; профессор.

Файзабад — квартал в городе Керманшахе.

Фард — особый жанр в системе персоязычного стихосложения, один бейт, составляющий законченное поэтическое высказывание.

Фарс (Парс) — одна из крупных южных областей Ирана на берегу Персидского залива с главным городом Шираз.

Фарс — перс.

Фархад — герой иранских эпических сказаний, мастер-созидатель, могучий богатырь, олицетворяющий народную мудрость, волю и силу. Получил прозвище Кухкан (сокрушающий горы) за совершенный им трудовой подвиг: он прорыл в горе Бисутун тоннель, по которому текло молоко для армянской царевны Ширин, которую Фархад самоотверженно и безответно любил.

Фатва (фетва) — юридическое заключение, религиозный закон, составляемый муфтиями на основе шариата.

Фирдоуси Абул-Касим (ок. 934 или 941—1020) — классик персидско-таджикской литературы, автор всемирно известной эпопеи «Шахнаме» — «Книги о царях», основанной на древнеиранских сказаниях.

Франгистан — Европа.

«*Хабл ал-Матин*» («Крепкие узы») — иранская общественно-политическая газета, издавалась в 1893 г. в Калькутте (Индия); с марта 1907 г. газета того же названия стала выходить в Иране, в Тегеране. За независимые суждения газета преследовалась правительством и вскоре была закрыта.

Хайдар-хан (Хайдар Аму-оглы, Амуглы) — руководитель иранских коммунистов в период гиланской революции в 1920—1921 гг., был секретарем ЦК Компартии Ирана.

Хайям — см. *Омар Хайям*.

Хаким — мудрец, ученый, врач.

Халифат — государство, образовавшееся в результате арабских завоеваний VII—IX вв., во главе с халифом, верховным правителем, соединившим в своих руках и светскую и духовную власть.

Хамовенд — древнее название гор в Средней Азии.

Хан — феодал, дворянин.

Ханикин — город в Западном Иране.

Хатем ибн Абдаллах Атгаи (конец VI — начало VII в.) — легендарный донсламский вождь племени Тай, отличавшийся неограниченной щедростью; персонаж многочисленных сказаний.

- Хауз* — искусственный бассейн для хранения воды, часто устраиваемый во внутренних двориках при иранских домах.
- Хашар* — всеобщая совместная работа.
- Хеджази Муртаза* — один из иранских рабочих-революционеров, заключенный в шахскую тюрьму в 1928 г.
- Хиабани Мухаммед* (1880—1920) — руководитель народного восстания в Тавризе в 1920 г., активный участник иранской революции 1905—1911 гг.
- Хикаят* — рассказ, повесть.
- Ходжент* — город в Таджикистане, ныне — Ленинабад.
- Хорог* — город (с 1932 г.) Горно-Бадахшанской автономной области Таджикистана.
- Хосров* — см. *Ануширван*.
- Хурджин* — переметная сума.
- Хуш келибсиз!* (узб.) — добро пожаловать!
- Чадра* — головное женское покрывало, закрывающее лицо и окутывающее всю фигуру.
- Чанг* — струнный ударный музыкальный инструмент, распространенный в странах Востока, род арфы.
- Чанони* — одна из живописных окрестностей города Керманшаха.
- «Чанте-и Пабарахне»* — «Сумка бедняка», сатирический листок, издание демократической партии Ирана, стал выходить в Тегеране с 1911 г. Журнал, имевший характерный народный стиль, пользовался большим успехом в среде крестьян и ремесленников.
- Чингисхан* (Тэмуджин, Темучин, 1155—1227) — основатель Монгольской империи, организатор завоевательных походов, которые привели к установлению жестокого татаро-монгольского ига в Азии и Восточной Европе.
- Шамсе Кесмаи* (род. 1883) — иранская поэтесса. Ее сын, Карим Арабаб-заде, технический секретарь ЦК иранской Коммунистической партии, погиб в период гиланской революции 1920—1921 гг. от рук контрреволюционеров.
- Шариат* — свод всех религиозно-правовых и обрядовых норм ислама, основанный на Коране, мусульманских преданиях и высказываниях видных муфтиев.
- Шах-Гада* — букв.: «Царь-Нищий» или «Царь Нищих»; персонаж поэмы «Пери Счастья».
- Шейх* — букв.: «старец»; мусульманское духовное звание; почетное наименование наставника.
- Шербет* — сладкий прохладительный напиток, готовится из фруктового сока и сахара.
- Шериф-хане* — населенный пункт в Иранском Азербайджане, на берегу озера Урмийа, неподалеку от Тебриза.
- Шираз* — город в юго-западном Иране, центр провинции Фарс, родина крупнейших средневековых лириков Саади и Хафиза.
- Ширин* — армянская царевна, затем жена Хосрова Парвиза, царя из династии Сасанидов. Легенда о любви Хосрова и Ширин положена в основу многих романтических поэм.
- Шуштер* — город в восточном Иране.

Эмир — букв.: «повелитель»; титул правителя в Иране и Средней Азии.

Энаб — виноград.

Эрани — руководитель иранской Коммунистической партии, погибший в шахском застенке в 1940 г.

Эшки Мир-заде (1894—1924) — прогрессивный иранский поэт-патриот, стихи которого пользовались широкой популярностью в Иране в двадцатые годы, издавал журнал. Перу его принадлежит поэма «Идеал», проникнутая революционными идеями, и сатирическая «Книга о республике», обличающая шахское самодержавие. Эшки призывал к активной борьбе за национальную независимость, культурные и социальные преобразования в Иране.

Юсуф — мусульманский вариант имени библейского Иосифа Прекрасного, проданного братьями в рабство в Египет. Отношения Юсуфа и Зюлейхи стали сюжетом многих восточных сказаний.

Яр — подруга, любимая.

Яр-Мухаммед Керманшахи — участник иранского революционного движения в 1907—1909 гг.

К ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

1. *Фронтиспис*. Лахути. 1938.
2. С. 87. Перевод трагедии Шекспира «Король Лир», черновая рукопись.
3. *Между с. 144 и 145*. Лахути. 1937. Кисловодск.
4. *На обороте*. Садриддин Айни и Лахути. 1940.
5. *Между с. 176 и 177*. Лахути с женой Ц. Б. Бану и детьми Атей (р. 1931), Гивом (р. 1937) и Делиром (р. 1934). 1941.
6. *На обороте*. Лахути на митинге в таджикском колхозе. 1942.
7. С. 300. Автограф стих. «А. Н. Болдыреву» (Немало у меня со-кровищ побывало. . .»).
8. С. 301. Автограф стих. «Чего еще ты хочешь. . .» и «Записка для опоздавшей».

СОДЕРЖАНИЕ

Абулькасим Лахути. Вступительная статья З. Н. Ворожейкиной 5

I

СТИХОТВОРЕНИЯ¹

1909—1922

1. «Иран мой разорен. . .» Перевод О. Румера 43
2. «Дом толстосума, как цветник. . .» Перевод Т. Спендиаровой 44
3. Исполненное обещание. Перевод Г. Шенгели 44
4. Что есть человек? Перевод Т. Спендиаровой 45
5. «Когда от верховой езды. . .» Перевод С. Шервинского . 45
6. Восток. Перевод Ц. Бану 46
7. Свеча и мотылек. Перевод Т. Спендиаровой 46
- * 8. Возвращение на родину. Перевод Д. Виноградова 48
9. «Один богам Эллады, Рима служит. . .» Перевод Ц. Бану 48
- * 10. «Есть закон — под покрывалом. . .» Перевод Д. Виноградова 49
11. Дочери Ирана. Перевод В. Левика 49
12. «Взял я душу, сердце, всру. . .» Перевод И. Гуровой . . 51
13. «Лишь мотылек, свечой палимый. . .» Перевод В. Левика 52
14. «Слабым я — щит! — говоришь ты. . .» Перевод И. Гуровой 53
- * 15. Сердце. Перевод Т. Стрешневой 53
16. «Верно милой, не лукаво сердце. . .» Перевод Ц. Бану . . 54
17. «Мой грех — любовь. . .» Перевод Т. Спендиаровой . . . 55
18. «Охотник злобный, устыдись. . .» Перевод Ц. Бану . . . 55
19. Рубаи («Заботы нежных матерей. . .»). Перевод Ц. Бану 56
20. «Красавица, сиянем ты. . .» Перевод В. Любина 56
21. «Отраженье ль милой в чашу. . .» Перевод К. Липскерова 57
22. «Всю ночь до рассвета. . .» Перевод Ц. Бану 57
23. «Соловей глядит из клетки. . .» Перевод К. Липскерова . . 58
24. «Поласковой взгляни — душа томится. . .» Перевод К. Арсеновой 59
- * 25. «Книгу мудрости, страницы. . .» Перевод Ц. Бану 59

¹ Звездочкой обозначены стихотворения, впервые переведенные на русский язык, двумя звездочками — стихотворения, перевод которых выполнен заново для этого издания.

26.	«Гонит рок меня за правду...»	Перевод К. Липскерова	60
* 27.	Моя печаль.	Перевод Т. Стрешневой	61
* 28.	«Нет такой души на свете...»	Перевод Т. Стрешневой	61
** 29.	«Я влюблен в твой лик прекрасный...»	Перевод Т. Стрешневой	62
** 30.	Опять в плену.	Перевод Д. Виноградова	63
31.	«Я пламя горькое печали...»	Перевод В. Левика	64
* 32.	«Нет розы со мной...»	Перевод Ц. Бану	65
33.	«Меня смертельно ранят...»	Перевод К. Арсеновой	66
** 34.	«Только тот, кто властен сделать...»	Перевод Т. Стрешневой	66
35.	«Я не ропщу, хоть жребий мой жесток...»	Перевод А. Шпирта	67
36.	«Даны нам две руки могучие...»	Перевод Ц. Бану	68
37.	Шамсе Кесман.	Перевод Л. Пеньковского	68
38.	«О, как мне хочется скорей...»	Перевод Ц. Бану	69
* 39.	«С немилостью подруги непреклонной как быть?»	Перевод Ц. Бану	69
* 40.	«О ты, чей мимолетный взор...»	Перевод Т. Стрешневой	70
41—42.	Рубаи		
1.	Перевод Т. Спендиаровой		71
* 2.	Перевод Ц. Бану		71
43.	«Коль серп свой над шахскою ты занесешь головой...»	Перевод Ц. Бану	72
44.	Ассало!	Перевод Ц. Бану	72

РУБАИ

45—59.	О, мой Иран!		
* 1—2.	Перевод Т. Стрешневой		73
* 3.	Перевод Ц. Бану		74
4.	Перевод А. Сендыка		74
* 5—8.	Перевод Т. Стрешневой		74
9.	Перевод Ц. Бану		75
* 10.	Перевод Т. Стрешневой		75
11.	Перевод С. Шервинского		75
12.	Перевод А. Сендыка		75
* 13—14.	Перевод Т. Стрешневой		75
15.	Перевод С. Шервинского		76
60—74.	Рабочих руки		
* 1—6.	Перевод Т. Стрешневой		76
7.	Перевод С. Шервинского		77
* 8—10.	Перевод Т. Стрешневой		77
11.	Перевод С. Шервинского		78
* 12—15.	Перевод Т. Стрешневой		78
75—105.	Вам, человечества сыны		
* 1—4.	Перевод Т. Стрешневой		79
5.	Перевод С. Шервинского		79
6.	Перевод Т. Стрешневой		80
7.	Перевод С. Шервинского		80
* 8—26.	Перевод Т. Стрешневой		80
* 27—30.	Перевод Т. Стрешневой		83
31.	Перевод С. Шервинского		84

СТИХОТВОРЕНИЯ

1922—1956

106. Рабочая клятва. <i>Перевод Ц. Бану</i>	85
107. Иранскому крестьянину. <i>Перевод Ц. Бану</i>	85
108. «От любви к ней погибаю. . .» <i>Перевод И. Гуровой</i>	86
109. Красная революция. <i>Перевод Т. Спендиаровой</i>	88
110. «Ханжи, молитвы ни к чему. . .» <i>Перевод А. Сендыка</i>	88
* 111. «Так слаб я стал. . .» <i>Перевод Ц. Бану</i>	89
112. «Угнетатель бездушен. . .» <i>Перевод А. Сендыка</i>	89
113. В Калькутте. <i>Перевод А. Шпирта</i>	90
114. «Врач, в лицо мое взглянув. . .» <i>Перевод К. Липскерова</i>	91
115. «Ты, празднующий свадьбу с милой. . .» <i>Перевод В. Левика</i>	91
116. «Этот холм с повалившимся кедром. . .» <i>Перевод Б. Лапина и З. Хацревина</i>	92
117. Смерть революционера. <i>Перевод Г. Шенгели</i>	93
118. Единение. <i>Перевод В. Левика</i>	95
119. «Я не из робких! . .» <i>Перевод О. Румера</i>	96
120. «Скажите всем, чье ремесло — разбой. . .» <i>Перевод Г. Шенгели</i>	97
* 121. «Я не только владеющий словом поэт. . .» <i>Перевод В. Берзнева</i>	98
122. «Цели желанной без друга добиться трудно. . .» <i>Перевод И. Гуровой</i>	99
* 123. «Стал чужим я для любимой. . .» <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	100
124. «Мой труд — наставник мой. . .» <i>Перевод Т. Спендиаровой</i>	100
* 125. «Не встретил бы красавицы таджикской. . .» <i>Перевод Ц. Бану</i>	101
126. Ленин жив. <i>Перевод А. Ойслендера</i>	102
127. «Шейх сказал. . .» <i>Перевод Б. Лапина и З. Хацревина</i>	104
128. Чего же лучше! <i>Перевод Ц. Бану</i>	104
129. «Сними чадру! Доколе длить. . .» <i>Перевод Ц. Бану</i>	105
130. «По сводам трещины раскинули узоры. . .» <i>Перевод Л. Пенковского</i>	106
131. Песня («Пойми, дорогая, изныло сердце мое. . .») <i>Перевод Ц. Бану</i>	107
* 132. «Шейх-трезвенник, твои обеты. . .» <i>Перевод Ц. Бану</i>	107
133. Рабочий и дехкан. <i>Перевод Ц. Бану</i>	108
134. Правду poznали. <i>Перевод Ц. Бану</i>	109
135. Таджикской девушке. <i>Перевод Ц. Бану</i>	110
* 136. «О сердце, стой, угомонись. . .» <i>Перевод Т. Спендиаровой</i>	110
* 137. Горянка-красота (Песня). <i>Перевод Ц. Бану</i>	111
138. «Скажи мне, божество мое. . .» <i>Перевод В. Левика</i>	112
139. «Спроси, что чувствую. . .» <i>Перевод Н. Подгоричани</i>	112
140. В самолете. <i>Перевод В. Любина</i>	113
141. «Ты, красавица Ходжента. . .» <i>Перевод К. Липскерова</i>	114
142. «О, пожалей, спасенье. . .» <i>Перевод К. Арсеновой</i>	114
* 143. «Мне сердце мотылек тоской сжигает. . .» <i>Перевод Ц. Бану</i>	115
144. На смерть Хеджази. <i>Перевод Ц. Бану</i>	115
145. «Нет, не позорны кандалы. . .» <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	116

146.	«В рабстве жить, чтобы продлилась жизни нить, не надо...»	Перевод Ц. Бану	117
147.	Венок на могилу Ленина.	Перевод А. Сендыка	117
148.	Максиму Горькому.	Перевод Ирандуста	118
149.	Исаи, разносчик хвороста.	Перевод В. Левика	120
150.	Осел и седло.	Перевод К. Липскерова	121
151.	Мы победим!	Перевод Ц. Бану	121
* 152.	Эпитафия.	Перевод В. Берзнева	123
153.	«Смотри, как гордо мотылек...»	Перевод О. Румера	123
154.	Сироты войны.	Перевод Ц. Бану	124
155.	Налет басмачей на Гарм.	Перевод Ц. Бану	126
156.	Шахтерам Донбасса.	Перевод Г. Шенгели	127
157.	«Любимая мне письмо, свой дар золотой прислала...»	Перевод К. Арсеновой	129
158.	«Пой, свирель, — издалека я любимой пенье слышу...»	Перевод К. Арсеновой	129
159.	Рубаи («Тебя вскормившей я целую нежно руки...»).	Перевод Л. Озерова	130
160.	«Кто создал себе кумир...»	Перевод Т. Спендиаровой	130
161.	«Не в Иран лмчишься, ветерок?»	Перевод Ц. Бану	130
162.	Корреспонденция.	Перевод Ц. Бану	131
163.	За грамоту.	Перевод Л. Пеньковского	135
164.	Песня о Султанове.	Перевод Ц. Бану	138
165.	«О мое сердце и разум украшая...»	Перевод Ц. Бану	139
166.	Письмо с дороги.	Перевод Ц. Бану	140
167.	Тарасу Шевченко.	Перевод Ц. Бану	140
** 168.	«Обидчица безжалостно глумится...»	Перевод В. Берзнева	142
169.	Орден Трудового Красного Знамени.	Перевод Г. Шенгели	143
* 170.	«Горе хотел я залить...»	Перевод А. Васильевой	143
171.	«Если бы этот простор...»	Перевод Ц. Бану	144
172.	Мост через Вахш.	Перевод Ц. Бану	145
173.	«Чела коснись ладонью...»	Перевод К. Арсеновой	146
174.	Янке Купале.	Перевод Ц. Бану	147
175.	Ответ на письмо.	Перевод Ц. Бану	148
176.	Пятнадцатилетие.	Перевод Ц. Бану	149
177.	«Верное одно сердце мне дано...»	Перевод Ц. Бану	152
178.	Об осле и тракторе.	Перевод Ц. Бану	152
179.	«На сердце, милая, взгляни...»	Перевод Н. Подгоричани	155
180.	Слово о руках.	Перевод В. Левика	156
181.	Ответ Ромену Роллану.	Перевод В. Левика	157
182.	На берегу Днепра.	Перевод Ц. Бану	158
183.	Песня о воде.	Перевод Т. Стрешневой	158
184.	Бадахшан.	Перевод Ц. Бану	159
185.	«Я сердце бедное свое безумьем опалил...»	Перевод Ц. Бану	159
186.	Джамбулу.	Перевод Ц. Бану	160
187.	«О сладкая боль, отрада моя!»	Перевод Ц. Бану	160
188.	«Расстались мы, но образ твой...»	Перевод А. Сендыка	161
189.	«Я, стяг любви вздымая над собой...»	Перевод Т. Спендиаровой	161
190.	«Сердце влюбленного — милой подруги жилье...»	Перевод Т. Спендиаровой	162
191.	Праздник урожая.	Перевод Ц. Бану	162

192.	Таджичка. <i>Перевод Т. Спендиаровой</i>	163
** 193.	«Сердце бьется песне в лад. . .» <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	164
** 194.	«За что я с милой разлучен? . .» <i>Перевод В. Берзнева</i>	164
195.	Павлу Тычине. <i>Перевод Ц. Бану</i>	165
196.	«Вином любви наполнил я. . .» <i>Перевод Ц. Бану</i>	166
197.	«К возлюбленной сегодня в дом я шел. . .» <i>Перевод Н. Подгоричани</i>	166
198.	«Твой светлый лик запечатлело сердце. . .» <i>Перевод К. Арсеновой</i>	167
199.	«Ты с душой своею верной. . .» <i>Перевод К. Липскерова</i>	168
** 200.	Стране Советов. <i>Перевод Д. Виноградова</i>	168
* 201.	«О возвратись, без тебя. . .» <i>Перевод Ц. Бану</i>	169
202.	Песня («Ночь настала. . .»). <i>Перевод И. Гуровой</i>	170
203.	«Прощались мы, и ты лила печали слезы. . .» <i>Перевод К. Арсеновой</i>	171
** 204.	Незрячему поэту. <i>Перевод Ц. Бану</i>	171
205.	Таджикистану. <i>Перевод Ц. Бану</i>	173
206.	«Я горю. . .» <i>Перевод К. Липскерова</i>	174
207.	«Иль, кроме страсти, в мире иного нет. . .» <i>Перевод К. Липскерова</i>	174
* 208.	«Верности птица, в небо лети. . .» <i>Перевод Ц. Бану</i>	175
209.	Соловьиное гнездо. <i>Перевод Т. Спендиаровой</i>	175
210.	Узбекистан. <i>Перевод В. Левика</i>	176
211.	«Когда ж, когда ж твой светлый лик. . .» <i>Перевод В. Любина</i>	177
212.	«В милой недруга любви. . .» <i>Перевод К. Арсеновой</i>	177
** 213.	«Слово с этих уст. . .» <i>Перевод А. Васильевой</i>	178
214.	Песня («Разлука — словно ветер для огня. . .»). <i>Перевод Н. Подгоричани</i>	178
215.	Таджикским музыкантам. <i>Перевод С. Шервинского</i>	179
216.	«Терпенья моего запас. . .» <i>Перевод С. Шервинского</i>	180
217.	Ветер утра. <i>Перевод Н. Подгоричани</i>	181
218.	Пляска. <i>Перевод Ц. Бану</i>	181
219.	Песня («Очи газели, уста что цветы. . .»). <i>Перевод Ц. Бану</i>	182
220.	Колыбельная. <i>Перевод Т. Спендиаровой</i>	183
221.	«Сердце мое, что близ милой. . .» <i>Перевод Ц. Бану</i>	184
222.	«Ты мне дорога. . .» <i>Перевод К. Арсеновой</i>	184
223.	Дары золотые. <i>Перевод Т. Спендиаровой</i>	185
224.	Памирский детский ансамбль. <i>Перевод Т. Спендиаровой</i>	188
225.	Неугасимое пламя. <i>Перевод В. Левика</i>	188
226.	Муравей и солнце. <i>Перевод Ц. Бану</i>	189
227.	Рубан («Тебе лишь мужество поможет — час настал! . .») <i>Перевод С. Шервинского</i>	191
228.	«Любимая, настало время. . .» <i>Перевод В. Левика</i>	191
229.	«Вперед, к оружию, друзья. . .» <i>Перевод В. Левика</i>	192
230.	Песня («Покидая вдали дорогую. . .»). <i>Перевод Ц. Бану</i>	192
231.	Наказ узбекской матери. <i>Перевод Ц. Бану</i>	193
232.	Любовь без меры, без числа. <i>Перевод Ц. Бану</i>	194
233.	Городу Ленина. <i>Перевод Ц. Бану</i>	194
234.	Пахлаван Ошти. <i>Перевод С. Шервинского</i>	195
235.	Живописец и поэт. <i>Перевод Ц. Бану</i>	198
236.	Моему Ирану — Ирану трудящихся. <i>Перевод Ц. Бану</i>	198
237.	Открытие Большого Гиссарского канала. <i>Перевод Ц. Бану</i>	200
238.	С нами Ленина имя. <i>Перевод Т. Спендиаровой</i>	202
239.	«Бежит, гонима бурей гнева. . .» <i>Перевод В. Левика</i>	203

240.	«Таджикский воин, размахнись...»	Перевод Т. Спендиаровой	203
241.	Послание фронту с дарами народа.	Перевод В. Левика	204
242.	Спутники.	Перевод С. Шервинского	204
243.	«Моя судьба в твоих очах...»	Перевод Н. Подгоричани	207
244.	«Идет победно сквозь года...»	Перевод Т. Стрешневой	207
245.	Недуг сердца.	Перевод В. Любина	207
246.	Латышскому народу.	Перевод Ц. Бану	209
247.	Отец и дети.	Перевод Ц. Бану	210
248.	«В Иране торжествует зло...»	Перевод Т. Стрешневой	211
249.	«Иран истерзанный, мы верим, оживет...»	Перевод Ц. Бану	212
250.	Слово депутата.	Перевод Ц. Бану	212
251.	Песня («Не будь жестокой...»).	Перевод Н. Подгоричани	213
252.	«Ты ушла — и разлука лишила покоя сердце!...»	Перевод А. Сендыка	213
* 253.	Памяти Алишера Навои.	Перевод Ц. Бану	214
254.	Город городов.	Перевод Ц. Бану	214
255.	Иранским узникам.	Перевод Ц. Бану	215
256.	Старики ленинабадцы.	Перевод Т. Стрешневой	216
257.	«Я вижу тебя, я вижу тебя...»	Перевод Т. Спендиаровой	217
258.	Юному певцу иранского народа.	Перевод Т. Спендиаровой	218
259.	Иранской интеллигенции.	Перевод Ц. Бану	219
260.	Иранскому народу.	Перевод Ц. Бану	222
261.	Иранской певице.	Перевод К. Арсеневой	224
262.	Назым Хикмет будет свободен!	Перевод Ц. Бану	224
263.	Подпись под Стокгольмским воззванием.	Перевод И. Грушецкой	225
264.	Вести с Востока	Перевод Ц. Бану	226
265.	Сказка о тетушке Сакине, о мудром соседе и дэвс-колдуне.	Перевод С. Аксеновой	229
266.	Две славы.	Перевод Т. Спендиаровой	230
267.	Мехрган.	Перевод Т. Спендиаровой	231
268.	Пробуждение.	Перевод Т. Спендиаровой	235
269.	Друг.	Перевод Т. Спендиаровой	236
270.	Весенний поток.	Перевод И. Грушецкой	238
271.	Песня борцов за мир.	Перевод Ц. Бану	240
272.	Жизнь победит.	Перевод Ц. Бану	241
273.	Родина зовет.	Перевод Т. Спендиаровой	243
274.	Маленькие ковровщики Ирана.	Перевод В. Кухтина	244
275.	Партии, ведущей нас.	Перевод Т. Спендиаровой	245
* 276.	«Бежало сердце от меня...»	Перевод Т. Спендиаровой	246
277.	«Темноволосая моя...»	Перевод К. Арсеневой	246
278.	Ответ провокаторам.	Перевод Т. Спендиаровой	247
279.	Десять героев.	Перевод А. Сендыка	249
280.	«Сегодня в моем жилище...»	Перевод Т. Спендиаровой	250
281.	«В чем вина моя, друг милый?..»	Перевод Ц. Бану	251
282.	«Как воинственно эта красавица...»	Перевод А. Васильевой	251
* 283.	«Краса афганок, отзовись...»	Перевод Ц. Бану	252
284.	«Ах, в чаще локонов густых...»	Перевод Н. Подгоричани	253
285.	Желания.	Перевод Ц. Бану	253
* 286.	«Радуйся, о сердце!..»	Перевод И. Гуровой	254
287.	Родине.	Перевод Ц. Бану	255

РУБАН

288—295.	Живи свободно!	
	* 1—8. Перевод Т. Стрешневой	256
296—301.	В колхозе	
	1—6. Перевод Ц. Бану	258
302—305.	Герой не сгибает	
	1. Перевод А. Сендыка	259
	2. Перевод И. Грушецкой	259
	3—4. Перевод А. Сендыка	259
306—316.	* 1—2. Перевод Т. Стрешневой	260
	3. Перевод Ц. Бану	260
	4. Перевод Т. Стрешневой	260
	5. Перевод Ц. Бану	260
	6—11. Перевод Т. Стрешневой	261

СКАЗАНИЕ О СЕРДЦЕ

317—323.	Весна сердца	
	* 1. Перевод Т. Кобзаревой	262
	* 2. Перевод Т. Стрешневой	262
	* 3. Перевод Ц. Бану	262
	* 4. Перевод Т. Спендиаровой	262
	* 5—6. Перевод Т. Стрешневой	262
	* 7. Перевод Т. Спендиаровой	263
324—330.	Пламя сердца	
	1. Перевод К. Арсеновой	263
	* 2. Перевод В. Берзнева	263
	* 3—4. Перевод Т. Стрешневой	263
	* 5. Перевод К. Арсеновой	264
	* 6. Перевод Т. Спендиаровой	264
	* 7. Перевод Т. Кобзаревой	264
331—356.	Сердце уязвленное	
	1. Перевод С. Шервинского	264
	* 2—11. Перевод Т. Стрешневой	265
	* 12—15. Перевод Д. Виноградова	266
	* 16—18. Перевод Т. Стрешневой	267
	* 19—20. Перевод Ц. Бану	268
	* 21—25. Перевод Т. Стрешневой	268
	* 26. Перевод Д. Виноградова	269
357—362.	Мольбы сердца	
	* 1. Перевод Т. Стрешневой	269
	* 2—3. Перевод Т. Спендиаровой	269
	* 4. Перевод Т. Стрешневой	270
	* 5—6. Перевод Т. Спендиаровой	270
363—371.	Торжество сердца	
	* 1. Перевод Т. Стрешневой	270
	* 2. Перевод Т. Кобзаревой	270
	3. Перевод Т. Спендиаровой	271
	* 4. Перевод Л. Озерова	271
	* 5—7. Перевод Т. Стрешневой	271
	* 8—9. Перевод Д. Виноградова	271
372—392.	Сердце в разлуке	
	1—3. Перевод Т. Спендиаровой	272

4. Перевод Ц. Бану	272
5—6. Перевод Т. Спендиаровой	273
7—8. Перевод Т. Кобзаревой	273
* 9—11. Перевод Ц. Бану	273
12. Перевод К. Арсеновой	274
13. Перевод Т. Спендиаровой	274
* 14—15. Перевод Т. Стрешневой	274
* 16—21. Перевод Д. Виноградова	274
393—445. Песни любви	
1. Перевод Т. Спендиаровой	276
* 2. Перевод Ц. Бану	276
3. Перевод С. Шервинского	276
4. Перевод К. Арсеновой	276
5—7. Перевод Т. Спендиаровой	276
* 8—9. Перевод Л. Озерова	277
10. Перевод Ц. Бану	277
11—12. Перевод С. Шервинского	277
13. Перевод Ц. Бану	278
* 14—31. Перевод Т. Стрешневой	278
* 32—51. Перевод Д. Виноградова	281
* 52. Перевод Т. Стрешневой	285
* 53. Перевод Т. Спендиаровой	285

ФАРДЫ

446—487.	
1—37. Перевод Т. Стрешневой	285
38. Перевод Ц. Бану	290
39—41. Перевод В. Берзнева	290
42. Перевод Ц. Бану	290

ФАГАДКИ

* 488—495. Перевод Д. Виноградова	291
---	-----

МНИАТЮРЫ, ШУТКИ, ЭКСПРОМТЫ, ФРАГМЕНТЫ РАЗНЫХ ЛЕТ

496. Фотослучай. Перевод Ц. Бану	295
497—500. Рубаи. Перевод К. Арсеновой	
1. «С тех пор как повстречался с тобою по весне...»	295
2. «Разгадана загадка, повержены мечты...»	295
3. «Еще никто доныне не отвергал меня...»	296
4. «Жемчужины дороже певучая строка...»	296
501. Советским скрипачам — победителям Международного конкурса. Перевод Ц. Бану	296
502. Огонь и лезвие. Перевод Ц. Бану	296
* 503. «Очам лучистым, кудрям душистым...» Перевод Ц. Бану	297
504. «В Таджикистане будешь в наши дни...» Перевод Т. Стрешневой	297

505.	Случай с палкой друга. <i>Перевод Ц. Бану</i>	297
506.	Ожидание. <i>Перевод Ц. Бану</i>	298
507.	Встреча с артистами Азербайджана. <i>Перевод К. Липскерова</i>	293
* 508.	А. Н. Болдыреву («Немало у меня чужих сокровищ побывало...») <i>Перевод Ц. Бану</i>	299
* 509.	Павлу Тычине к его шестидесятилетию. <i>Перевод Ц. Бану</i>	299
* 510.	Девушке, остригшей косы. <i>Перевод В. Берзнева</i>	302
* 511.	«Тебе от сердца и души...» <i>Перевод Ц. Бану</i>	302
* 512.	Награжденному другу. <i>Перевод Ц. Бану</i>	302
* 513.	Ответ другу-поэту. <i>Перевод Т. Спендиаровой</i>	303
514.	Записка для опоздавшей. <i>Перевод Ц. Бану</i>	303
515.	Н. А. Обуховой. <i>Перевод Ц. Бану</i>	303
516.	От Рыбы до Луны. <i>Перевод Ц. Бану</i>	303
* 517.	К. Арсеновой. <i>Перевод Ц. Бану</i>	303
518.	Поборнику чадры. <i>Перевод Ц. Бану</i>	304
* 519.	Ко дню рождения. <i>Перевод В. Берзнева</i>	304
520.	«Твоих причуд сложна стезя...» <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	304
* 521.	«Всех девушек, что в мире...» <i>Перевод Ц. Бану</i>	304
522.	«Таит твой взор то преданность, то гнев...» <i>Перевод Т. Спендиаровой</i>	304
* 523.	«Я помню, как учитель мой...» <i>Перевод Т. Стрешневой</i>	304

II

524.	Три капли. <i>Перевод О. Румера</i>	307
525.	Непобедимая сила. <i>Перевод Ц. Бану</i>	310
526.	Свободный лев. <i>Перевод Ц. Бану</i>	314
527.	Карамов пришел. <i>Перевод Ц. Бану</i>	316
528.	Гора и зеркало. <i>Перевод А. Кочеткова</i>	319
529.	Путешествие в Франгистан. <i>Перевод С. Шервинского</i>	323
530.	Корона и знамя. <i>Перевод Ц. Бану</i>	330
531.	Два ордена. <i>Перевод Ц. Бану</i>	341
532.	Моя повесть. <i>Вступление. Перевод Ц. Бану</i>	353
533.	Сказание о Мардистане. <i>Перевод Ц. Бану</i>	355
534.	Пери Счастья. <i>Перевод Г. Шенгели</i>	359
535.	Страница славы. <i>Перевод Т. Спендиаровой</i>	411
536.	Листовки доставлены в срок. <i>Перевод Т. Спендиаровой</i>	416
537.	Партизанская атака. <i>Перевод Т. Спендиаровой</i>	419

III

538.	Кузнец Кова. <i>Перевод Ц. Бану</i>	425
	Примечания	459
	Словарь	474

АБУЛЬКАСИМ ЛАХУТИ
СТИХОТВОРЕНИЯ И ПОЭМЫ

Л. О. изд-ва «Советский писатель», 1981. 496 стр.

План выпуска 1981 г. № 432.

Художник *И. С. Серов*

Редактор *Д. М. Климова*

Худож. редактор *А. С. Орлов*

Техн. редакторы *М. А. Ульянова* и *Л. П. Полякова*

Корректоры *И. Г. Клейнер* и *Е. Я. Лапине*

ИБ № 2596

Сдано в набор 10.07.81. Подписано к печати 12.11.81.
М 44755. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага тип. № 1. Литературная
гарнитура. Высокая печать. Усл. печ. л. 26,35.
Уч.-изд. л. 23,99. Тираж 25 000 экз. Заказ № 577. Цена
2 р. 50 к. Издательство «Советский писатель». Ленинградское
отделение. 191186. Ленинград. Невский пр., 28.
Ордена Трудового Красного Знамени Ленинградская типография
№ 5 Союзполиграфпрома при Государственном комитете
СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.
190000, Ленинград, центр, Красная ул., 1/3.

ГОТОВЯТСЯ К ПЕЧАТИ

Большая серия

Второе издание

ПАВЕЛ АНТОКОЛЬСКИЙ

Стихотворения и поэмы

НИКОЛАЙ РЫЛЕНКОВ

Стихотворения и поэмы

КОНСТАНТИН СИМОНОВ

Стихотворения и поэмы

СИМОН ЧИКОВАНИ

Стихотворения и поэмы

САЯТ-НОВА

Стихотворения

Малая серия

Третье издание

НИКОЛАЙ АСЕЕВ

Стихотворения и поэмы

